

Полное собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Баратынский Евгений Абрамович. Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://baratynsky.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский

#### ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящим томом открывается полное собрание сочинений и писем Е. А. Боратынского – первое за полтора века изучения его творчества. Единственное предыдущее издание подобного типа, выпуск которого начался в 1914 г. («Полное собрание сочинений Е. А. Боратынского» под редакцией М. Л. Гофмана. СПб., 1914. Т. I; 1915. Т. II), не было доведено до конца – вышли только два тома со стихотворениями и поэмами. Хотелось бы верить, что новому полному собранию сочинений Боратынского уготована лучшая судьба.

Предполагается напечатать все известные стихотворения, поэмы, прозаические сочинения, литературно-критические статьи, переводы и письма Боратынского, а также исправленный и дополненный текст «Летописи жизни и творчества Е. А. Боратынского» (1-е изд.: М., 1998).

Тексты произведений Боратынского проверены по печатным и доступным рукописным источникам. Помимо автографов и прижизненных публикаций, учитывались также авторитетные копии и посмертные публикации, в которых тексты Боратынского напечатаны по утраченным рукописным источникам. Проведенная работа позволила значительно уточнить тексты и датировки произведений Боратынского, выявить ряд автографов, считавшихся утраченными, установить, что некоторые рукописные тексты, считавшиеся автографами, являются копиями – и наоборот, обнаружить неучтенные ранее прижизненные публикации, и проч.

Все произведения прокомментированы заново и более подробно, нежели в предшествующих собраниях сочинений Боратынского.

Порядок публикации стихотворений

Большинство стихотворений Боратынский опубликовал несколько раз: сначала в периодическом издании (некоторые тексты напечатаны в журналах дважды), затем – в собраниях сочинений. Таких собраний было три: Стихотворения Евгения Боратынского. М., 1821; Стихотворения Евгения Боратынского. М., 1835. Ч. /; Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского. М., 1842 – далее именуется сокращенно: Изд. 1827; Изд. 1835; Сумерки (полный список сокращений см. в конце настоящего тома).

5

Обычно, готовя стихотворение для новой публикации, Боратынский редактировал его – иногда весьма основательно: так, переделывая в 1823–1826 гг. элегию «На краткий миг пленяет в жизни радость...» (написана в 1819 – начале 1820 г.), он оставил четыре строки из шестнадцати и дописал еще четыре строки; перерабатывая в конце 1832–1833 г. «Признание» («Притворной нежности не требуй от меня...» – написано в 1823 г.), заменил тридцать строк из сорока двух.

Это обстоятельство порождает проблему эдичионной иерархии разных редакций стихотворений.

Не вызывает сомнений необходимость печатать в основном корпусе тексты поздних редакций, отражающих последние авторские решения. Но ранние редакции многих стихотворений имеют самостоятельную эстетическую и историко-литературную ценность, что позволяет сомневаться в правомерности их размещения вне основного корпуса текстов – в разделе «Другие редакции и варианты», как это принято в тех собраниях сочинений, где ранние редакции опубликованы.

Кроме того, возникает вопрос: в какой последовательности располагать тексты?

Логично было бы печатать стихотворения Боратынского в той последовательности, в какой они расположены в итоговых сборниках – в Изд. 1835 (сюда вошли почти все стихотворения, опубликованные прежде в Изд. 1827) и в «Сумерках», ибо здесь представлены поздние редакции большей части стихотворений Боратынского. Но тогда многие стихотворения, не включенные в эти сборники или вовсе не публиковавшиеся при его жизни, окажутся в дополнительных разделах, что автоматически принизит их статус: например, «Размолвка», «Она», «Леда», «Вот верный список впечатлений...», «Опять весна, опять смеется луг...» <“На посев леса”>, «Когда, дитя и страсти и сомненья...», «Пироскаф», «Дядьке Итальянцу» попадут в число «дополнительных» по отношению к тем, что помещены в основных разделах.

Расположение стихотворений Боратынского в хронологическом порядке создает иную проблему: хронологический порядок порождает существенные искажения – под годом сочинения ранней редакции публикуется текст поздней редакции, сочиненный на несколько лет позже соответствующей даты (например, среди стихотворений, написанных в 1823 г., печатается текст «Признания» в редакции конца 1832–1833 года).

В предшествующих изданиях стихотворений Баратынского, где они были представлены наиболее полно и подготовлены с критической проверкой по рукописным и печатным источникам, опробованы следующие способы расположения текстов:

а) Стихотворения печатаются в хронологическом порядке в ранних редакциях; тексты и варианты поздних редакций помещены в комментариях и в разделе «Другие редакции». Такой порядок принят с некоторыми исключениями М. Л. Гофманом в упомянутом выше «Полном собрании сочинений Е. А. Баратынского» 1914–1915 гг.

б) Стихотворения печатаются в хронологическом порядке в поздних редакциях; тексты и варианты ранних редакций или не публикуются (см.: Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений / Тексты подготовила Е. Н. Купреянова. Л., 1957. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е) или выборочно выносятся в раздел

б «Другие редакции и варианты» (см.: Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений / Тексты подготовил В. М. Сергеев; редактор В. С. Киселев. Л., 1989. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3-е).

в) Основной корпус издания составляют стихотворения, распределенные в той же последовательности, что и в прижизненных сборниках Баратынского, а в дополнительных разделах в хронологическом порядке напечатаны тексты, не вошедшие в прижизненные издания; ранние редакции помещены в разделе «Другие редакции и варианты».

Впервые такой способ расположения текстов избран Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой в первом советском издании произведений Баратынского (Баратынский. Полное собрание стихотворений. Т. I–II. Л., 1936. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 1-е). Тексты здесь опубликованы в таком порядке: 1) стихотворения из Изд. 1827; 2) стихотворения из Изд. 1835 (только те, что написаны после выхода Изд. 1827, но в той последовательности, в какой они напечатаны в Изд. 1835); 3) «Сумерки»; 4) стихотворения 1842–1844 гг. и стихотворения, не включавшиеся в прижизненные сборники, – в хронологическом порядке.

Л. Г. Фришман в двух изданиях, подготовленных им в «Литературных памятниках» (Е. А. Баратынский. Стихотворения. Поэмы. М., 1982) и в «Новой библиотеке поэта» (Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений. СПб., 2000), распределил тексты следующим образом: 1) стихотворения из Изд. 1835; 2) «Сумерки»; 3) стихотворения, не вошедшие в прижизненные сборники – в хронологическом порядке (этот раздел состоит из двух частей: опубликованное и неопубликованное при жизни Баратынского).

Во всех названных изданиях имеются также разделы «Коллективное» и «Dubia», а в изданиях 1914, 1989 и 2000 гг. – раздел, включающий прозаические автопереводы стихотворений на французский язык.

В настоящем издании принят следующий порядок распределения текстов по разделам: Стихотворения 1818 – первой половины 1834 г.

«Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского».

Стихотворения 1835–1844 гг., не включенные в книгу «Сумерки» и написанные после ее выхода.

Детское и юношеское стихотворения.

Коллективное.

Dubia.

Прозаические автопереводы стихотворений на французский язык.

В первом разделе помещены стихотворения 1818 – первой половины 1834 г. Эти хронологические рамки определяются временем сочинения первых стихотворений (1818), опубликованных в журналах, и временем сочинения стихотворения «Вот

7  
верный список впечатлений...», которым Баратынский собирался открыть Изд. 1835. Среди стихотворений, написанных до выхода в свет Изд. 1835 (как вошедших в это издание, так и не вошедших), только одно – «Как взоры томные свои...» – в переработанном виде (под заглавием «Новинское. А. С. Пушкину») было опубликовано Баратынским после 1835 года в книге «Сумерки».

Во всех разделах, кроме раздела «Сумерки», стихотворения печатаются в хронологическом порядке, соответствующем последовательности создания ранних редакций стихотворений. В разделе «Сумерки» сохраняется композиция этого сборника, ибо сам Баратынский определил его как самостоятельный цикл, дав ему подзаголовок Сочинение (а не Сочинения).

Сделана сплошная нумерация стихотворений.

Под каждым номером печатаются все редакции данного стихотворения в следующем порядке: сначала помещается текст, отражающий позднюю редакцию (последнюю законченную авторскую редакцию стихотворения), затем – полный текст ранней редакции. При наличии нескольких ранних редакций печатаются их полные тексты. Если известна хронология создания или публикации ранних редакций, то хронологически вторая помещается под рубрикой Промежуточная редакция. Если

собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вариант поздней редакции, не был опубликован самим Баратынским и история его создания неизвестна, он помещается под рубрикой «Вариант поздней редакции или Позднейшая редакция». В особую редакцию выделен фрагмент стихотворения «Пора покинуть, милый друг...» (см. № 30), представленный в автографе как самостоятельный текст.

Значительная часть стихотворений, написанных до середины 1834 г., вошла в Изд. 1835, которое готовил к печати сам Баратынский. Немногие сохранившиеся автографы поздних редакций стихотворений, вошедших в Изд. 1835, датируются временем, предшествовавшим подготовке Изд. 1835. Поэтому поздние редакции стихотворений, вошедших в Изд. 1835, печатаются в настоящем издании не по автографам, а по этому изданию – как отражающему последние авторские решения.

Раздел «Другие редакции и варианты» упразднен.

Если правка, сделанная Баратынским при позднейшей переработке стихотворения, незначительна (изменены только отдельные слова), полный текст ранней редакции не печатается, а варианты ранних редакций приводятся в текстологических примечаниях.

Текстологические примечания

Под каждым стихотворением помещены текстологические примечания, включающие:

– сведения об источниках публикации стихотворений в настоящем издании, об автографах и авторитетных копиях (в основном это копии из бывших домашних архивов Баратынских, хранящиеся ныне в Пушкинском Доме и РГАЛИ);

– пояснения к датировкам стихотворений;

8

– ссылки на те издания и исследования, где впервые были приняты те или иные эдичионные решения, а также даны библиографические и хронологические уточнения (при упоминании таких изданий и исследований учтены только те из них, где соответствующие сведения были сообщены впервые);

– справки об истории публикации стихотворения в авторитетных посмертных собраниях сочинений.

Среди посмертных собраний сочинений Баратынского, помимо названных (полное собрание сочинений 1914–1915 гг. и полные собрания стихотворений 1936, 1957, 1982, 1989, 2000 гг.), учитывалось первое посмертное издание произведений Баратынского, подготовленное сыном поэта Львом Евгеньевичем: «Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского». М., 1869. Многие тексты в этом издании напечатаны по рукописным источникам из домашнего архива, не всегда ясно идентифицируемым (издание, подготовленное другим сыном – Николаем Евгеньевичем: «Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского». Казань, 1884, – является вторым, исправленным изданием вышедшего в 1869 г.).

При необходимости учитывались и другие издания, в которых произведения Баратынского публиковались по названным собраниям (до 1914 г. тексты перепечатывались преимущественно по изданиям 1869 и 1884 гг.; в советское время – по изданиям «Библиотеки поэта» и «Литературных памятников»).

Сведения, касающиеся интерпретации текстов, помещены в разделе Комментарий.

Датировки

Под текстами поздних и промежуточных редакций в ломаных скобках указаны, как минимум, две даты, указывающие, во-первых, на предполагаемое время сочинения стихотворения, во-вторых, на предполагаемое время переработки стихотворения. Если стихотворение перерабатывалось Баратынским несколько раз – указывается несколько дат; если стихотворение не перерабатывалось – указывается одна дата. Под текстами ранних редакций отмечено только предполагаемое время сочинения стихотворения – как правило, это время, предшествовавшее первой публикации: так, если стихотворение было впервые напечатано в номере журнала, цензурное разрешение которому было дано, например, 1 апреля 1825 г., – под текстом ранней редакции ставится дата: <До апреля 1825>; если стихотворение было впервые напечатано в журнале, цензурное разрешение которому было дано 15 апреля 1825 г. – ставится дата: <До середины апреля 1825> и т.п. Датировки, основанные на других фактах (дата чтения стихотворения в вольном обществе любителей российской словесности; дата, проставленная в автографе, и проч.), оформлены подобным же образом. Поскольку, из-за отсутствия документальных сведений, установить точное время сочинения большей части стихотворений Баратынского невозможно, настаивать на более строгих датировках в большинстве случаев не имеет смысла.

9

даты <1823–1826>, <1824–1826>, <1825–1826>, <конец ш2–

1833>у стоящие под текстами поздних редакций, в текстологических примечаниях не оговариваются, поскольку отсылают к одним и тем же фактам:

<1823–1826> – предполагаемое время переработки стихотворений, написанных до середины 1823 г., – для издания их К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым (издание не состоялось) и вошедших затем в Изд. 1827;

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский 1818–1826», <1825–1826> – предполагаемое время переработки стихотворений, написанных в 1824 и 1823 гг. – для изд. 1827; <Конец 1832–1833> – время подготовки Изд. 1835.

О времени работы над стихотворениями, предназначенными для их публикации в издании Рылеева и Бестужева, в Изд. 1827 и в Изд. 1835 см. в конце настоящего тома «Историю подготовки стихотворений Боратынского для изданий 1827, 1835 и 1842 гг.».

\* \* \*

Тексты печатаются с сохранением орфографии и пунктуации источников. Исправления сделаны только в тех случаях, когда правописание слов, расстановка или отсутствие знаков препинания в источниках могут быть квалифицированы как опечатки (что определяется либо немногочисленными устойчивыми орфографическими и пунктуационными нормами 1810–х – начала 1840–х гг., либо текстами других авторитетных источников данного стихотворения). Исправления оговорены в текстологических примечаниях. Цитаты, как на русском, так и на других языках, в комментариях и в текстологических примечаниях даны с сохранением орфографии и пунктуации цитируемых источников.

На начальном этапе подготовки настоящего издания важную работу провели В. В. Байда, М. М. Брыкина, Л. Вишневецкая, О. О. Волкова, Е. А. Турская, А. М. Долгополова, Л. В. Ерастова, О. М. Кауфман, Н. В. Крыжко, Н. С. Латышева, М. А. Летарова, Д. И. Митин, А. А. Петрова, Н. В. Сарафанова, М. А. Тимохина, Е. Н. Хворикова, А. В. Чеканова.

При подготовке настоящего тома значительную помощь своими практическими советами и услугами оказали: М. В. Акимов (Москва, «Philologica»), Т. Д. Акишина (Москва, РГБ), А. К. Бегина (Москва), А. Бобосов (Москва, ГАМ), К. Г. Боленко (Москва, Музей-усадьба «Архангельское»), С. Г. Бочаров (Москва, ИМЛИ), В. В. Варганова (Москва), М. Н. Виролайнен (Петербург, Пушкинский Дом), Н. Б. Волкова (Москва, РГАЛИ), Л. Я. Воронова (Казань, Казанский университет), М. Л. Гаспаров (Москва, Институт русского языка РАН), Т. П. Гончарова (Москва, Музей-усадьба «Мураново»), З. В. Гронская (Моск

10

ва, ГЛМ), А. Л. Доброхотов (Москва, МГУ), С. А. Долгополова (Москва, Музей-усадьба «Мураново»), Т. И. Жигунова (Москва, РГНФ), А. И. Журавлева (Москва, МГУ), П. Р. Заборов (Петербург, Пушкинский Дом), И. В. Завьялова (Казань, Музей Е. А. Боратынского), Т. Г. Иванова (Петербург, Пушкинский Дом), Л. Н. Иванова (Петербург, Пушкинский Дом), Д. П. Ивинский (Москва, МГУ), А. А. Илюшин (Москва, МГУ), М. А. Климкова и А. В. Климков (Тамбов), Н. Н. Колесова (Петербург, Пушкинский Дом), Т. И. Краснобородько (Петербург, Пушкинский Дом), О. В. Маринин (Москва, ГАРФ), Г. А. Марущак (Москва, РГБ), В. А. Мильчина (Москва), Н. И. Михайлова (Москва, Гос. музей А.С.Пушкина), Н. Н. Невзорова (Петербург, РНБ), А. Я. Невский (Москва, ГЛМ), И. А. Новицкая (Казань, Научная библиотека Казанского университета), Е. Р. Обатнина (Петербург, Пушкинский Дом), Л. Д. Опульская-Громова (Москва, ИМЛИ), М. М. Павлова (Петербург, Пушкинский Дом), С. И. Панов (Москва), Н. С. Прохоренко (Петербург, филиал Архива Академии наук), В. А. Расстригин (Москва, Гос. музей А.С.Пушкина), Ф. Ш. Рысина (Москва, Гос. музей А. С. Пушкина), Е. В. Семенов (Москва, РГНФ), М. М. Сидорова (Казань, Казанский университет), Е. В. Скворцова (Казань, Музей Е. А. Боратынского), Н. И. Соболев (Петрозаводск, Петрозаводский университет), М. В. Строганов (Тверь, Тверской университет), А. Н. Судобина (Москва, МГУ), О. Сурова (Москва, МГУ), С. А. Фомичев (Петербург, Пушкинский Дом), Л. Г. Фризман (Харьков, Харьковский университет), Г. Хетсо (G. Kjetsaa; Oslo, Slavisk-Baltisk Institutt), Е. А. Усова (Москва, Гос. музей А. С. Пушкина), М. И. Шапир (Москва, «Philologica»), Н. И. Шлёнская (Москва, НБ МГУ), В. Г. Шпильчин (Тамбов). Отдельно следует вспомнить вадима Эразмовича Вацуру (1935–2000). Подготовка собрания сочинений Боратынского началась еще при его жизни. Многие принципы нашего издания противоречат принципам, которые отстаивал он. Но если бы в течение 1980–1990–х гг. В. Э. Вацуру не поддерживал своими сочувственными советами и полемическими замечаниями наше изучение Боратынского, это издание не могло бы состояться.

\* –к –к

Расположение стихотворений Боратынского в настоящем издании Стихотворения 1818 – первой половины 1834 г.

1.1. «Взгляните: свежестью молодой...»

1.2. Мадригал. Пожилой женщине и все еще прекрасной («И в осень лет – красы молодой...») Ранняя редакция

11

2. К Алине («Тебя я некогда любил...»)

3.1. «Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?...»

- брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский
- 3.2. Портрет В... («Как описать тебя? я право сам не знаю!..») Ранняя редакция
4. Любовь и Дружба (в альбомъ) («Любовь и Дружбу различают...»)
5. «Мы будем пить вино по гроб...»
6. «Здесь погребен армейской Капитан...»
7. «В пустых разчетах, в грубом сне...»
8. <Эпиграмма> («Дамон! ты начал – продолжай...»)
9. К Креницыну («Товарищ радостей младых...» )
- 10.1. Дельвигу («Так, любезный мой Гораций...»)
- 10.2. К Дельвигу («Так, любезный мой Гораций...») Ранняя редакция
11. Прощанье («Простите, милые досуги...»)
- 12.1. «Тебе на память, в книге сей...»
- 12.2. Ш-му (в Альбомъ) («Пускай измаранный листок...») Ранняя редакция
- 12.3. «Земляк! в стране чужой, суровой...» Вариант поздней редакции
13. Отрывки из Поэмы: Воспоминания («Посланица небес, безсмертных дар счастливый...»)
- 14.1. «И так, мой милый, не шутя...»
- 14.2. Б-му (при отъезде его в армию) («И так, безпечногo досуга...») Ранняя редакция
- 14.3. К \*\*\*\* при отъезде в армию («И так, мой милый, не шутя...»)
- Промежуточная редакция
- 15.1. «Он близок, близок день свиданья...»
- 15.2. Элегия («Уже ли близок час свиданья!..») Ранняя редакция
- 16.1. «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...»
- 16.2. Эпиграмма («Хоть глуповат под час Дамон...») Ранняя редакция
17. К Кюхельбекеру («Прости, Поэт! судьбина вновь...»)
- 18.1. «Где ты, безпечный другъ? где ты, о Дельвиг мой...»
- 18.2. Послание к Б... Дельвигу («Где ты, безпечный другъ? где ты, о Дельвиг мой...») Ранняя редакция
19. К-ву («Любви веселой проповедник...» )
- 20.1. «Разстались мы; на миг очарованьем...»
- 20.2. Элегия («На краткий миг пленяет в жизни радость...») Ранняя редакция
- 21.1. «Незнаю? милая, незнаю!..»
- 21.2. <Мадригалъ>. К девушке, которая – на вопрос, как ее зовут – отвечала: не знаю («Не знаю! милое не знаю...») Ранняя редакция
- 22.1. «Твой детский вызов мне приятен...»
- 22.2. Лиде («Твой детской вызов мне приятен...») Ранняя редакция
- 23.1. Подражание Лафару («Свободу дав тоске моей...»)
- 12
- 23.2. <Элегия> («Заснули рощи над потоком...») Ранняя редакция
- 23.3. Элегия («Дремала роща над потоком...») Промежуточная редакция
24. Весна (Элегия) («Мечты волшебныя, вы скрылись от очей!..»)
- 23.1. Финляндия («В свои расселины вы приняли певца...»)
- 25.2. Финляндия («Громады вечных скал, гранитныя пустыни...») Ранняя редакция
26. Финским красавицам (Мадригалъ) («Так – ваш язык еще мне нов...»)
- 27.1. «Живи смелей, товарищ мой...»
- 27.2. К-ну («Живи смелей, товарищ мой...») Ранняя редакция
- 28.1. «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...»
- 28.2. «Поверь, мой милой друг, страданье нужно нам...» Ранняя редакция
- 29.1. «Разсеивает грусть веселый шум пиров...»
- 29.2. Уныние («Разсеивает грусть веселый шум пиров...») Ранняя редакция
- 29.3. Лагерь («Разсеивает грусть пиров веселый шум...») Позднейшая редакция
- 30.1. «Пора покинуть, милый друг...»
- 30.2. <Элегия> (Н. М. К.) («Пора покинуть, милый друг...») Ранняя редакция
- 30.3. «Нельзя ль найти любви надежной...» Особая редакция
- 31.1. «Чувствительны мне дружеския пени...»
- 31.2. Эпилог («Чувствительны мне дружеския пени...») Ранняя редакция
32. «Младья Г рации сплели тебе венок...»
33. «Мила как Грация, скромна...»
34. «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...»
- 35.1. «Прощай, отчизна непогоды...»
- 35.2. <Элегия> («Прощай, отчизна непогоды...») Ранняя редакция
36. «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найдти...»
- 37.1. Елизийския поля («Бежит неверное здоровье...»)
- 37.2. Елисейския поля («Бежит неверное здоровье...») Ранняя редакция
38. «Так! оставного шалуна...»
39. Больной («Други! радость изменила...» )
- 40.1. Песня («Страшно воет, завывает...»)

- 40.2. Русская песня («Страшно воет, завывает...») Ранняя редакция  
41.1. «Один, и пасмурный душою...»  
41.2. Бдение («Один с любимой мечтою...») Ранняя редакция  
41.3. Тоска («Один за чашей пуншевою...») Ранняя редакция  
42.1. В Альбом («Вы слишком многими любимы...»)  
42.2. В Альбом («Вы слишком многими любимы...») Ранняя редакция  
42.3. «Вы слишком многими любимы...» Ранняя редакция 43. «Приманкой ласковых речей...»  
13  
44.1. «Шуми, шуми с крутой вершины...»  
44.2. Водопад («Шуми, шуми с крутой вершины...») Ранняя редакция  
45.1. «Чтоб очаровывать сердца...»  
45.2. К \*\*\* («Кто жаждет славы, милый мой!...») Ранняя редакция  
46.1. «Приятель строгой, ты не прав...»  
46.2. Булгарину («Нет, нет, Булгарин! ты не прав...») Ранняя редакция  
46.3. К .... («Нет, нет! мой Ментор, ты неправ...») Промежуточная редакция  
47.1. Цветок («С восходом солнечным Людмила...»)  
47.2. Цветок («Порою утренней Людмила...») Ранняя редакция 48. «Ты был-ли, гордый Рим, земли самовластитель...»  
49.1. « В своих стихах он скукой дышет...»  
49.2. Эпиграмма («Его творенье скукой дышет...») Ранняя редакция  
50. «Вчера ненастливая ночь...»  
51. «Полуразрушенный я сам себе не нужен...»  
52. Моя жизнь («Люблю за дружеским столом...»)  
53. <Элегия> («Нет, не бывать тому, что было прежде!...»)  
54. Разуверение («Не искушай меня без нужды...»)  
55. «Дало две доли Провидение...»  
56. «Когдаб вы менее прекрасной...»  
57.1. « Когда неопытен я был...»  
57.2. «Слепой поклонник красоты...» Ранняя редакция  
57.3. Л-ой («Слепой поклонник красоты...») Промежуточная редакция  
58.1. «О своенравная Аглая!...»  
58.2. «О своенравная София!...» Ранняя редакция  
59.1. «Мне с упоением заметным...»  
59.2. К – («Зачем живыя выраженья...») Ранняя редакция  
60. «Неизвинительной ошибкой...»  
61. «Я безразсуден – и не диво!...»  
62.1. «Любви приметы...»  
62.2. Догадка («Любви приметы...») Ранняя редакция 63. «На кровы ближнего селенья...»  
64.1. «Сей поцелуй, дарованный тобой...»  
64.2. Поцелуй (Дориде) («Сей поцелуй дарованный тобой...») Ранняя редакция  
65.1. «Зачем, о Делия! сердца младыя, ты...»  
65.2. Дориде («За чем нескромностью двусмысленных речей...») Ранняя редакция  
66. « На звук цевницы голосистой...»  
67. Сестре («И ты покинула семейный, мирный круг...»)  
68.1. Дельвигу («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»)  
14  
68.2. К Дельвигу («Дай руку мне, товарищ добрый мой...») Ранняя редакция  
69.1. Г-чу ( « Враг суетных утех и враг утех позорных...» )  
69.2. <Гнедичу от Баратынского> («Души признательной всегдашний властелин...») Ранняя редакция  
69.3. Г-чу, который советовал Сочинителю писать Сатиры («Враг суетных утех и враг утех позорных...») Промежуточная редакция  
70. «Ты ропщешь, важный журналист...»  
71. Эпиграмма ( «Везде бранит поэт Клеон...» )  
72. «Идиллик новый на искус...»  
73.1. Паденье листьев («Желтел печально злак полей...»)  
73.2. Паденье листьев («Поблекнули ковры полей...») Ранняя редакция  
73.3. Падение листьев («Поблекнули ковры полей...») Ранняя редакция 74. лета («Душь холодных упованье...» )  
75.1. Размолвка ( «Мне о любви твердила ты шутя...» )  
75.2. Размолвка («Прости сказать ты поспешаешь мне...») Ранняя редакция  
76.1. «Желанье счастья в меня вдохнули боги...»  
76.2. Безнадежность («Желанье счастья в меня вдохнули боги...») Ранняя редакция  
ПА. Н. И. Гнедичу («Так! для отрадных чувств еще я не погиб...»)  
77.2. Н. И. Гнедичу («Нет! в одиночестве душой изнемогаю...») Ранняя редакция

- 77.3. Н. И. Гнедичу («Столицей шумною в изгнаныи позабыт...») Ранняя редакция  
78.1. Лутковскому («Влюбился я, полковник мой...»)  
78.2. К \*\* («Влюбился я, Полковник мой...») Ранняя редакция 19. «О счастьяи с младенчества тоскую...»  
80.1. «Притворной нежности не требуй от меня...»  
80.2. Признание («Притворной нежности не требуй от меня...») Ранняя редакция  
81. «Когда взойдет денница золотая...»  
82. «Когда придется как нибудь...»  
83.1. Богдановичу («В садах Элизия, у вод счастливой Леты...»)  
83.2. Богдановичу («В садах Элизия, у вод счастливой Леты...») Ранняя редакция  
84. «Очарованье красоты...»  
85. Она («Есть что-то в ней, что красоты прекрасней...»)  
86. «Мы пьем в любви отраву сладкую...»  
87.1. «Взгляни на звезды: много звезд...»  
87.2. Звезда («Взгляни на звезды: много звезд...») Ранняя редакция  
88.1. «Поверь, мой милый! твой Поэт...»  
15  
88.2. Л. С. П-ну («Поверь, мой милый, твой поэт...») Ранняя редакция  
89.1. «Решительно, печальных строк моих...»  
89.2. Оправдание («Я силится – счастливой старины...») Ранняя редакция  
90.1. Череп («Усопший брат! кто сон твой возмутить?...»)  
90.2. Череп («Усопший брат, кто сон твой возмутить?...») Ранняя редакция  
90.3. Могила («Усопший брат, кто сон твой возмутить?...») Промежуточная редакция  
91. Невесте (А. Я. В.) («Не раз Гимена клеветали...»)  
92. «Завыла буря; хлябь морская...»  
93. Леда («В стране роскошной, благодатной...»)  
94.1. «Рука с рукой Веселье, Горе...»  
94.2. Веселье и Горе («Рука с рукой Веселье, Горе...») Ранняя редакция  
95.1. Авроре Ш («Выдь, дохни нам упоеньем...»)  
95.2. Девушке, имя которой было: Аврора («Соименница Авроры...»)  
95.3. «Oh qitil te sied ce nom стAurore...»  
96. Запрос М-ву («Что скажет другу своему...»)  
97. «Отчизны враг, слуга Царя...»  
98. «Как много ты в немного дней...»  
99. «Взгляни на лик холодный сей...»  
100. Эпиграмма («Свои стишки Тощев пиит...»)  
101.1. «В глуши лесов счастлив один...»  
101.2. Стансы («О чем ни молимся богам...») Ранняя редакция  
102. Ода («Ни горы злата и серебра...»)  
103. «Войной журнальною безчестит без причины...»  
104. «В дорогу жизни снаряжая...»  
105.1. «В борьбе с тяжелою судьбой...»  
105.2. Посылая тетрадь стихов («В борьбе с тяжелою судьбой...») Ранняя редакция  
106. «Она придет! к ея устам...»  
107. В альбом Н. Н. на другой день его свадьбы («Ты распрощался с братством шумным...» )  
108. К Аннете («Когда Климена подарила...»)  
109.1. Д. Давыдову («Пока с восторгом я внимаю...»)  
109.2. Денису Васильевичу Давыдову («Пока с восторгом я умею...») Ранняя редакция  
ПО. «Я был любим, твердила ты...»  
111. «Простите, спорю не впад...»  
112.1. Эпиграмма («И ты поэт и он поэт...»)  
112.2. Эпиграмма («И ты поэт и он поэт...») Ранняя редакция ИЗ. «Не трогайте Парнасского пера...»  
16  
114. «В своих листах душонкой ты кривишь...»  
115. Эпиграмма («Что ни болтай, а я великой муж!...»)  
116. «Тебе я младость шаловливу...»  
117. «Есть грот: Наяда там в полдневные часы...»  
118.1. «Когда-б избрать возможно было мне...»  
118.2. В Альбом («Когда-б избрать возможно было мне...») Ранняя редакция  
119.1. «Есть милая страна, есть угол на земле...»  
119.2. «Есть вожденный край, есть угол на земле...» Ранняя редакция  
120. «Откуда взял Василий непотешный...»  
121. «Хотите-ль знать все таинства любви?...»  
122. «Окогченна летунья...»

123. «Перелетай к веселью от веселья...»  
 124. «Не бойся едких осуждений...»  
 125. «Убог умом, но не убог задором...»  
 126. «Грузинской князь, газетчик русской...»  
 127. «Как сладить с глупостью глупца?...»  
 128. Последняя смерть («Есть бытие; но именем каким...»)  
 129.1. «Судьбой наложенныя цепи...»  
 129.2. Мара («Самовластительныя цепи...») Ранняя редакция  
 129.3. Стансы («Обременительныя цепи...») Ранняя редакция  
 130. «Прости, мой милый, так создать...»  
 131. «Мой старый пёс! Ты псом окончил век!..»  
 132. Из А. Шенье («Под бурею судеб, унылый, часто я...»)  
 133. «Либблю деревню я и лето...»  
 134. Старик («Венчали розы, розы Леля...»)  
 135.1. «Как ревностно ты сам себя дурачишь!..»  
 135.2. Эпиграмма («Как ревностно ты сам себя дурачишь!..») Ранняя редакция  
 136. «Старательно мы наблюдаем свет...»  
 137. «Мой дар убог и голос мой не громок...»  
 138. «Г лупцы не чужды вдохновенья...»  
 139. «Не подражай: своеобразен гений...»  
 140. «Сердечным нежным языком...»  
 141. «Слышал я, добрые друзья...»  
 142.1. «Тебя из тьмы не изведу я...»  
 142.2. Смерть («О смерть! твое именованье...») Ранняя редакция  
 142.3. Смерть («Смерть дщерью тьмы не назову я...») Вариант поздней редакции  
 143. При посылке Бала С. Э. («Тебе ль, невинной и спокойной...»)  
 144.1. «По замечанью моему...»  
 144.2. «Когда заметить не грешно...» Ранняя редакция 145. К. З. А. Волконской («Из царства виста и зимы...»)  
 2. Боратынский. Том 1  
 17  
 146. «Нет, обманула вас молва...»  
 147.1. «Хвала, маститый наш Зоил!..»  
 147.2. Историческая эпиграмма («Хвала, маститый наш Зоил!..») Ранняя редакция  
 147.3. Историческая Эпиграмма («Хвала, маститый наш Зоил!..») Вариант поздней редакции  
 148. Эпиграмма («Поверьте мне – Фиглярин моралист...»)  
 149. Эпиграмма («В восторженном невежестве своем...»)  
 150. «Что пользы вам от шумных ваших прений?...»  
 151.1. К. А. Сербеевой («В небе нашем исчезает...»)  
 151.2. В Альбом отъезжающей («В небе нашем исчезает...») Ранняя редакция  
 151.3. «Я слышал: звезда иная...» Промежуточная редакция  
 152. «Порою ласковую фею...»  
 153. Отрывок («Он. Под этой липою густою...»)  
 154.1 «Не ослеплен я музою моею...»  
 154.2. Муза («Не ослеплен я Музою моею...») Ранняя редакция 155. «Чудный град порой сольется...»  
 156.1. «Когда печалью вдохновенный...»  
 156.2. Подражателям («Когда печаль свою поёт...») Ранняя редакция  
 157. «Так, он ленивец, он негодник...»  
 158. Эпиграмма («Он вам знаком. Скажите, кстати...»)  
 159. Эпиграмма («Писачка в фёбов двор явился...»)  
 160. «Хотя ты малой молодой...»  
 161. «Люблю я красавицу...»  
 162. «Бывало, отрок, звонким кликом...»  
 163. «Не славь, обманутый Орфей...»  
 164. «В дни безграничных увлечений...»  
 165. Н. М. Языкову («Языков, буйства молодого...»)  
 166.1. Языкову («Бывало, свет позабывая...»)  
 166.2. «Плющем и гроздием венчая...» Ранняя редакция  
 167. «Кто неприменный мой ругатель?...»  
 168. Мадона («Близь Пизы, в Италии, в поле пустом...»)  
 169. На смерть Гете («Предстала, и старец великой смежил...»)  
 170. А. А. Ф...ой («Вы дочь Евы как другая...»)  
 171. Н. Е. Б («Двойною прелестью опасна...»)  
 172. «Храни свое неопасенье...»  
 173. «О, верь: ты нежная дороже славы мне...»  
 174. «Где сладкой шопот...»



175. «Своенравное прозвание...»  
 176. «Нежданное родство с тобой дарюя...»  
 18  
 177. «Дитя мое, она сказала...»  
 178. «Наслаждайтесь: все проходить!..»  
 179. «К чему невольнику мечтания свободы?..»  
 180.1. «Я посетил тебя, пленительная сень...»  
 180.2. «Я посетил тебя, задумчивая сень...» Ранняя редакция  
 181. «Когда исчезнет омраченье...»  
 182.1. «Я не любил ее, я знал...»  
 182.2. «Я не любил ее, я ведал, что другая...» Ранняя редакция  
 183. «Болящий дух врачует песнопенье...»  
 184. «О мысль! тебе удел цветка...»  
 185.1. «Мой неискусный карандаш...»  
 185.2. «Мой неискусный карандаш...» Ранняя редакция  
 186. К. А. Тимашевой («Вам все дано с щедротою пристрастной...»)  
 187. «Весна, весна! как воздух чист!..»  
 188. «Не разтравляй моей души...»  
 189. «Вот верный список впечатлений...»  
 «Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского»  
 190. Князю Петру Андреевичу Вяземскому («Как жизни общие призывы...»)  
 191. Последний Поэт («Век шествует путем своим железным...»)  
 192.1. «Предразсудок! он обломок...»  
 192.2. Предразсудок («Предразсудок! Он обломок...») Ранняя редакция  
 193.1. Новинское. А. С. Пушкину («Она, улыбкою своей...»)  
 193.2. «Кад взоры томные свои...» Ранняя редакция  
 193.3. А. С. П у («Когда поэта красота...») Промежуточная редакция  
 194.1. Приметы («Пока человек естества не пытал...»)  
 194.2. Приметы («Пока человек естества не пытал...») Ранняя редакция  
 195. «Всегда и в пурпуре и злате...»  
 196. «Увы! Творец непервых сил!..»  
 197.1. Недоносок («Я из племени духов...»)  
 197.2. Недоносок («Я из племени духов...») Ранняя редакция  
 198. Алкивиад («Облокотясь перед медью образ его отражавшей...»)  
 199. Ропот («Красного лета отравы, муха досадная, что ты...»)  
 200. Мудрецу («Тщетно, меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...»)  
 201. «Филида, с каждою зимою...»  
 202. Бокал («Полный влагой искрометной...»)  
 203. «Были бури, непогоды...»  
 204. «На что вы дни! Юдольный мир явленья...»  
 205. Ахилл («Влага Стикса закалила...»)  
 206. «Сначала, мысль, воплощена...»  
 207. «Еще как Патриарх не древен я; моей...»  
 2\*  
 19  
 208.1. «Толпе тревожный день приветен, но страшна...»  
 208.2. «Толпе стогласный день приветен, но страшна...» Ранняя редакция  
 209. «Здравствуй, отрок сладкогласной!..»  
 210. «Что за звуки? мимоходом...»  
 211. «Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!..»  
 212.1. Скульптор («Глубокой взор вперив на камень...»)  
 212.2. Скульптор («Глубокой взор вперив на камень...») Ранняя редакция  
 213.1. Осень («И вот Сентябрь! замедля свой восход...»)  
 213.2. Осень («И вот Сентябрь! замедля свой восход...») Ранняя редакция 214.  
 «Благословен святое возвестивший!..»  
 215.1. Рифма («Когда на играх Олимпийских...»)  
 215.2. Рифма («Когда на играх Олимпийских...») Ранняя редакция  
 Стихотворения 1835–1844 гг., не включенные в книгу «Сумерки» и написанные после ее выхода  
 216. Звезды («Мую звезду я знаю, знаю...»)  
 217.1. «Братайтесь, к взаимной обороне...»  
 217.2. «Братайтесь, к заботливой защите...» Ранняя редакция  
 218. Обеды («Я не люблю хвастливые обеды...»)  
 219. На \*\*\* («В руках у этого педанта...»)  
 220. «На все свой ход, на все свои законы...»  
 221. «Спасибо злобе хлопотливой...»  
 222. С книгою: Сумерки С. Н. К. («Сближеньем с вами на мгновенье...»)  
 223.1. «Люблю я вас, Богини пенья...»

- 223.2. «Над дерзновенной головою...» Ранняя редакция  
224. «Опять весна, опять смеется луг...»  
225. «Когда твой голос, о Поэт...»  
226. «Небо Италии, небо Торквата...»  
227. «Когда, дитя и страсти и сомненья...»  
228. «Царь небес! успокой...»  
229. Пироскаф («Дикою, грозною ласкою полны...»)  
230. Дядьке итальянцу («Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой...»)  
Детское и юношеское стихотворения  
231. «Je voudrais bien ta mere...»  
232. Хор, петый в день именин дяденьки Б<огдана> Андр<еевича> его ма ленькими племянницами Панчулидзевыми («Родства приязни нежной...»)  
Коллективное  
233. «Там, где Семеновский полк...»  
234. <Куплеты на мотив «La bonne aventure»>  
20  
235. Певцы 15 класса  
236. Застольная песня: «Es kann schon nicht immer so bleiben!..»  
237.1. Быль («Встарь, жиль-был Петух Индейский...»)  
237.2. Цапли («Жил да был петух индейской...»)  
238. «Князь Шаликов, газетчик наш печальный...»  
239. Журналист Фиглярин и Истина («Он точно, он безспорно...»)  
240. Куплеты на день рождения княгини Зинаиды Волконской, в понедельник 3го декабря 1828 года, сочиненные в Москве Кн. П. А. Вяземским, Е. А. Боратынским, С. П. Шевыревым, Н. Ф. Павловым и И. В. Киреевским («Друзья! Теперь виденья в моде...»)  
Dubia  
241. «Я унтер, други! – точно так...»  
242. «С неба чистая, золотистая...»  
243. «Приют, отъ светских посещений...»  
244. «Там, где парил Орел Двуглавый...»

Прозаические автопереводы стихотворений на французский язык

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ. ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Боратынский родился 19 февраля 1800 г. в имении Вяжля Кирсановского уезда Тамбовской губернии\*. Его родители – генерал-лейтенант в отставке Абрам Андреевич и Александра Федоровна – переехали в свое степное поместье за год до появления у них первенца, после того, как А. А. Боратынский оказался в немилости у Павла I.

В 1804 г. Абрам Андреевич поставил новый дом в нескольких верстах от прежнего – в урочище, называемом Мара, и отныне Мара стала центром всей вяжлинской усадьбы.

Семейство росло. К 1810 г. у Боратынских было семь детей: кроме Евгения сыновья Иракий, Лев, Сергей и дочери София, Наталия, Варвара. Их воспитанием и обучением ведала Александра Федоровна, получившая несравненно более обширное образование, нежели ее муж. С 1805 г. вести уроки с детьми помогал гувернер-итальянец Жьячинто Боргезе, ставший вскоре почти членом семьи.

В четыре года Евгений Боратынский умел читать, а в 6 лет писать по-русски и по-французски. Первое известное сведение о его характере и поведении относится к началу 1804 г. – в одном из писем к сестре Абрам Андреевич, упоминая сына, говорит, что «это такой ребенок, что в жизни моей не видывал такого добронравного и хорошего дитя» (Летопись. С. 50).

Аналогичные сведения, почерпнутые из семейной переписки старших родственников Боратынского, и его собственные детские письма показывают, что он хорошо усвоил письменные формулы вежливого обращения к старшим родственникам («Любезные мои папинька, маминька и тиотинька»; «Ma chere maman»; «Желаю вам всякаго здоровья и благополучия...»; «пакорнейше вас благодарю...»; «цалую вашу ручку...»; «ваш покорный и послушный сын...» и т. п. – см.: Летопись. С. 52–53). Но эти формулы не передают, кажется, никаких иных оттенков чувств, кроме одного – желания соответствовать своему внутрисемейному статусу послушного сына и племянника. Все упоминания о фактах жизни Боратынского основаны на сведениях, содержащихся в «Летописи жизни и творчества Е. А. Боратынского» (М., 1998); ссылки на «Летопись» сделаны только в случаях цитирования текстов по этому изданию.

22

Если реконструировать детское самосознание Боратынского по его позднейшим письмам 1812–1816 гг. к маменьке из Петербурга (такая реконструкция приемлема, ибо после отъезда из Мары внутрисемейный статус Боратынского как бы законсервировался), стоит добавить, что роль послушного сына предполагала одну особенность его поведения перед лицом матери (отношения с отцом не оставили

Братские сочинения и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский (в дальнейшем – см.: «Мне память образа его не сохранила» – № 180 ): установку на душевную искренность – установку, видимо, воспитанную и, может быть, даже требующую Александру Федоровну. Можно думать, что именно детское общение с мамочкой послужило для Баратынского прообразом той идеальной формы душевного общения, мысль о котором будет впоследствии определять смысл его повседневного существования.

В 1808 г., спасаясь от эпидемии чумы, Баратынские переехали в смоленские имения отца Абрама Андреевича – Голощапово и Подвойское, а через год обосновались в Москве. Здесь 24 марта 1810 г. Абрам Андреевич скоропостижно умер. Попечение о его сыновьях взяли на себя его братья: 7 сентября 1810 г. Евгений и Ираклий Баратынские были зачислены в Пажеский корпус с правом оставаться до времени в семье. Александра Федоровна, пробыв с детьми в Москве еще год после смерти мужа, в мае 1811 г. вернулась в Мару. В 20-х числах апреля 1812 г. Евгения отправили в Петербург.

Проведя пять месяцев в пансионе, он был определен 9 октября 1812 г. в младший, 4-й класс Пажеского корпуса. Видимо, на протяжении первого и большей части второго года пребывания в корпусе Баратынский сохранял установку на послушание и исполнительность – осенью 1813 г. он был переведен в следующий, 3-й класс, 18 октября награжден свидетельством об успехах, а губернеры оценивали его поведение только похвально: «нрава хорошего» (Летопись. С. 60–64).

Но во второй половине 1814 г. наступил перелом. В сентябре Баратынский был оставлен на второй год в 3-м классе, а в кондуитных записях губернаторов стали регулярно появляться отрицательные оценки: «поведения и нрава дурного; был под штрафом» (Максимов 1870. С. 203). Письма к мамочке за вторую половину 1814 – первую половину 1815 г. свидетельствуют о его уязвленном самолюбии и остром желании противопоставить повседневному корпусному существованию иной образ жизни: в сентябре – начале октября 1814 г. он пишет о любви к поэзии и намерении стать автором; в ноябре просит у мамочки разрешения вступить в морскую службу; в апреле–июне 1815 г. рассуждает о науке любви к матери как высшей ценности бытия, ради которой он готов пожертвовать всеми прочими науками:

«Наш экзамен закончен. Я остался в том же классе. <...> Нынче же, в минуты отдохновения, я перевожу и сочиняю небольшие пиесы и, по правде говоря, ничто я

\*

\* В настоящем очерке все тексты цитируются, независимо от источника цитаты, в современной орфографии и пунктуации. При цитировании стихотворений Баратынского указывается номер, под которым текст напечатан в настоящем издании.

23

не люблю так, как поэзию. Я очень желал бы стать автором. В следующий раз пришлю вам нечто вроде маленького романа, который я сейчас завершаю. Мне очень важно знать, что вы о нем скажете. Если вам покажется, что у меня есть хоть немного таланта, тогда я буду стремиться к совершенству, изучая правила».

«Осмелюсь ли вновь повторить свою просьбу, до мореплавания относящуюся? Умоляю вас, любезная мамочка, согласиться на эту милость. Мои блага, вам столь дорогие, как вы сами говорите, требуют этого неотменно. Я знаю, что должно выдержать вашему сердцу, видя меня на службе столь опасной. Но скажите мне, знаете ли вы место во вселенной, вне царства Океана, где жизнь человека не была бы подвержена тысяче опасностей, где смерть не похищала бы сына у матери, отца, сестру? всюду ничтожное дуновение способно сломать хрупкую пружину, которую мы называем бытием. Что бы вы ни говорили, любезная мамочка, есть вещи, подвластные нам, а управление другими поручено Провидению. Наши действия, наши мысли зависят от нас самих, но я не могу поверить, что наша смерть зависит от выбора службы на земле или на море. Как? возможно ли, чтобы судьба, определившая исход моему поприщу, исполнила свой приговор на Каспийском море и не сумела бы настичь меня в Петербурге? Умоляю вас, любезная мамочка, не приневоливать мою страсть. Я не мог бы служить в гвардейцах: их слишком щадят. Когда бывает война, они ничего не делают и пребывают в постыдной праздности. И вы называете это жизнью! Нет, ничем не смущаемый покой – это не жизнь. Поверьте, любезная мамочка, можно привыкнуть ко всему, кроме покоя и скуки. Я бы избрал лучше полное несчастье, чем полный покой; по крайней мере, живое и глубокое чувство обняло бы целиком душу, по крайней мере, переживание бедствий напоминало бы о том, что я существую. И в самом деле, я чувствую, мне всегда требуется что-то опасное, всего меня захватывающее; без этого мне скучно. Вообразите, любезная мамочка, неистовую бурю и меня, на верхней палубе, словно повелевающего разгневанным морем, доску между мною и смертью, чудищ морских, пораженных дивным орудием, созданием человеческого гения, властвующего над стихиями. А после... я буду писать к вам сколь возможно часто обо всем, что увижу прекрасного».

«Вот уже весна, уже все улицы в Петербурге сухи, и можно июлять сколько угодно. Право, великая радость – наблюдать, как весна неспешно украшает природу.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *bagatelle*.  
Наслаждаешься с великой радостью, когда замечаешь несколько пробившихся травинки. Как бы мне хотелось сейчас быть с вами в деревне! О! как ваше присутствие приумножило бы мое счастье! Природа показала бы мне милее, день – ярче. Ах! когда же настанет это благословенное мгновение? Неужели тщетно я ускоряю его своими желаниями? Зачем, любезная маменька, люди вымыслили законы приличия, нас разлучающие? Не лучше ли быть счастливым невеждою, чем ученым несчастливцем? Не ведая того благого, что есть в науках, я ведь не ведал бы и утонченностей порока? Я ничего бы не знал, любезная маменька, но зато до какой высокой степени я дошел бы в науке любви к вам? И не прекраснее ли эта наука всех прочих? Ах, мое сердце твердит мне: да, ибо это наука счастья».

24

«Ах! когда же я буду иметь счастье обнять вас! Зачем человек, созданный Предвечным для того, чтобы наслаждаться прелестями дружбы – этого небесного признака божественной сущности человека, единственного счастья, средоточия желаний и надежд, единственного блаженства нашей преисполненной скорбей жизни; зачем человек против воли своей удаляется от всего этого, движимый чувством противуположным? Почему жалкий разум, или скорее варварское предубеждение, рожденное развращенностью века, требует от нас жертвы, противной сердцу и священному закону природы? Я чувствую, что заблуждаюсь, но как сладостно это заблуждение... оно рождается из моей любви к вам. Кто же способен устоять против его чарующего голоса? Ах, любезная маменька, если расстояния разделяют нас, то, как бы безмерны они ни были, сердце умеет их преодолевать; иллюзии, без сомнений, обманчивые, но драгоценные, всюду являют ему предмет его нежных чувств. Как сладок такой обман! Философы осуждают эти иллюзии, но чем был бы человек без этих благодетельных обманов? Как смог бы он усладить нынешние тяготы, если бы не утешался ожиданием счастья в будущем? Если мечтания так сладостны, какова-то окажется сущность? Будем надеяться, любезная маменька, что однажды мы соединимся, и да приблизит Господь этот счастливый день» (Летопись. С. 67–71; все фрагменты процитированы в переводе с французского).

По этим письмам можно понять, во-первых, то, насколько Боратынский тяготился жизнью в корпусе, во-вторых, то, что уже в 14-летнем возрасте у него обнаружилась особая душевная склонность, которую позднее он сам назовет *la passion de raison* – пег – страстью к рассуждению (Материалы. С. 28). Страсть к рассуждению помогала блокировать негативные переживания (стыд, ощущение одиночества и безысходности), доказывать себе и маменьке, что он не погиб нравственно и умственно, возводить конкретную жизненную ситуацию на уровень философических обобщений.

Конфликт с учителями и гувернерами трансформировался в письмах Боратынского в философский диспут о сущности счастья и цели жизни: речь шла о ценностном соотношении «истин разума» и «заблуждений сердца» (применительно к конкретной ситуации Боратынского – об общепринятом понятии насчет необходимости получить образование в учебном заведении и о влечении души за пределы Пажеского корпуса). «Люди вымыслили законы приличия»; «философы осуждают иллюзии», – пишет Боратынский и противопоставляет мнению «людей» и «философов» свое собственное чувство, ставящее опорой убеждений «голос сердца».

В повседневном быту пажа Боратынского диспут об истинах и заблуждениях выразился противодействием корпусным порядкам. Согласно его собственному рассказу в исповедальном письме к Жуковскому (написано в конце декабря 1823), под влиянием «Разбойников» Шиллера, он образовал вместе с друзьями-пажами «общество мстителей»: «Описание нашего общества может быть забавно и занимательно после главной мысли, взятой из Шиллера, и остальным, совершенно детским его подробностям. Нас было пятеро. Мы сбились каждый вечер на чердак после ужина

25

на. По общему условию ничего не ели за общим столом, а уносили оттуда все съестные припасы, которые возможно было унести в карманах, и потом свободно пировали в нашем убежище. Тут-то оплакивали мы вместе судьбу свою, тут выдумывали разного рода проказы, которые после решительно приводили в действие. Иногда наши учителя находили свои шляпы прибитыми к окнам, на которые их клали, иногда офицеры наши приходили домой с обрезанными шарфами. Нашему инспектору мы однажды всыпали толченых шпанских мух в табакерку, отчего у него раздулся нос; всего пересказать невозможно» (Летопись. С. 130).

Все кончилось тем, что, задумав отпраздновать с друзьями свое шестнадцатилетие, около 19 февраля 1816 г., Боратынский вместе с друзьями похитил у отца одного из мстителей-пажей – камергера Приклонского – 500 рублей и табакерку. Ввиду экстраординарности проступка решение о наказании принимал Александр I: Боратынский был исключен из Пажеского корпуса без права вступить в какую-либо службу, кроме солдатской.

Решение императора вышло достаточно мягким: за подобные проступки обычно сначала наказывали розгами, затем принудительно отдавали в солдаты, и даже могли лишить дворянства. Боратынский не был унижен телесным наказанием, и ему была предоставлена свобода действий – конечно, относительная свобода: формально он не был лишен дворянства, но получить документ о своем дворянстве – дворянское свидетельство – не имел права до тех пор, пока не выслужится в солдатах до первого офицерского чина.

Старшие родственники поначалу надеялись добиться императорского прощения, минуя солдатство, и в июле 1816 г. решено было на время отправить Боратынского в смоленские имения Голощапово и Подвойское под присмотр живших там дядюшек и тетюшек. Те окружили племянника заботой и вниманием. Однако, несмотря на видимое рассеяние, Боратынский продолжал тяжело переживать происшедшее и, как сам вспоминал впоследствии, «впал в жесточайшую нервическую горячку», так что его «едва успели призвать к жизни» (Летопись. С. 131–132). По выздоровлении, в январе 1817 г., его отправили к маменьке в Мару. Вернувшись оттуда в сентябре в Голощапово и Подвойское, он еще год прожил на попечении дядюшек и тетюшек в надежде на то, что ему будет исходатайствовано прощение, и только когда к осени 1818 г. стало окончательно ясно, что миновать вступления в солдаты не удастся, ему было выхлопотано место рядового гвардии, и он уехал в Петербург.

В эти два с лишним года, проведенных в деревне, произошли новые душевные перемены: «Мы проводим здесь время очень приятно: танцы, пение, смех, – все так и дышит счастьем и радостью. Единственное, от чего в моих глазах тускнеет все великолепие удовольствий, – это мысль об их мимолетности <...>. Я чувствую, у меня совершенно несносный нрав, приносящий мне самому несчастье: я заранее предвижу все неприятности, которые могут выпасть на мою долю <...>. Иной человек, посреди всего, что, казалось бы, делает его счастливым, носит в себе утаенный яд,

26

снимающий его и отнимающий способность чувствовать наслаждение. Болящий дух, полный тоски и печали *<esprit chagrin, un fond tennui et de tristesse>*, – вот что он носит в себе среди шумного веселья <...>. Отчего душа бывает предрасположена к счастью? – оттого, что Предвечный Творец всего сущего, желая воздать кому-то из крошечных атомов, позволяет им выдернуть несколько цветков из персти земной, нашей общей матери? <...> Замечали ли вы когда-нибудь эту руку, направляющую нас в муравейнике рода человеческого?» (Летопись. С. 77; письмо из Подвойского к маменьке от августа–октября 1816; перевод с франц.).

Эти рефлексии продолжают прежние эпистолярные рассуждения о заблуждениях и истине: речь снова идет о главной цели частного человека – его счастья. И в 1815 и в 1816 гг. возможность испытать счастье ставилась в зависимость от душевной предрасположенности человека к тому, чтобы счастье испытывать. Но до катастрофы Боратынский отстаивал мысль о силе сердечных влечений, позволяющих человеку, невзирая на «истины разума», верить в счастливые иллюзии. Теперь он обнаруживает в самом себе неодолимое препятствие для такой веры – теперь на пути к счастью не одни только внешние преграды (принудительные условия повседневной жизни или истины «людей» и «философов»), но еще и внутренний барьер – болящий дух, отнимающий способность ощущать наслаждение и располагающий к предчувствию разочарования в собственной вере. Причем, по логике Боратынского, получается так, что и внешние и внутренние препятствия воздвигнуты Предвечным Творцом всего сущего.

Перед нами конспект элегической поэзии Боратынского. Только в элегиях он редко будет именовать верховную силу, управляющую «муравейником рода человеческого», – Предвечным или Провидением (см. №№ 55 и 153: «Дало две доли Провидение...» и «Отрывок»). В лирике Боратынского верховные регулирующие функции станут исполнять поэтический двойник этой силы – судьба.

Приехав в октябре 1818 г. в Петербург, Боратынский поселился в Семеновских ротах на одной квартире с прапорщиком лейб-гв. Егерского полка Андреем Шляхтинским, который, видимо, и познакомил его с Дельвигом и Кюхельбекером, а те познакомили с Пушкиным.

В феврале 1819 г. произошло два события, равно важных для дальнейшей судьбы Боратынского: 8 февраля он был зачислен рядовым лейб-гвардии в Егерский полк, а 28 февраля впервые было напечатано его стихотворение – «Мадригал пожилой женщине и все еще прекрасной» (см. № 1.2) – опыт, демонстрировавший скорее литературные интенции автора, нежели действительные таланты. В эту пору Боратынскому очень помог Дельвиг: несмотря на явную слабость первых стихотворных опытов нового друга, он поддержал его, сам отдавал его стихи в печать, и у Боратынского появилась уверенность в себе.

Год, проведенный Боратынским в кругу ровесников-поэтов, многое изменил в его самосознании: к концу 1819 г. он уже не сомневался в своих дарованиях. Между

тем для восстановления в правах – получения дворянского свидетельства – Боратынскому необходимо было выслужить младший офицерский чин прапорщика. Время выслуги для дворян, разжалованных в солдаты, зависело от многих факторов – от аттестации командиров, от влиятельности родственников, но в конечном счете от воли императора. В 1819–1820 гг. Боратынский и его родственники явно недооценивали роль последнего фактора: они надеялись прежде всего на аттестацию непосредственного полкового начальства.

Именно поэтому 3 января 1820 г. Боратынский был переведен из гвардии в армию (с положенным повышением в чине: из рядовых в унтер-офицеры) – в Нейшлотский пехотный полк, которым командовал родственник Боратынских Е. А. Лутковский. Нейшлотский полк квартировал в 240 верстах от Петербурга – во Фридрихсгаме. Около 1 января Боратынский выехал к новому месту службы. Впрочем, называть его жизнь в Финляндии службой нельзя. За исключением немногих смотров и караулов, когда надо было показаться командующему корпусом или императору, он был освобожден от каких-либо обязанностей: ходил в партикулярном платье и был предоставлен самому себе. Скоро он познакомился с офицерами полков, входивших в состав Отдельного Финляндского корпуса, и нашел среди них много литературно образованных людей. Короче других он сошелся с командиром своей роты – Н. М. Коншиным, тоже поэтом. Боратынский и все его окружавшие были уверены, что он не пробудет в Финляндии более года. В начале декабря 1820 г. он отправился в трехмесячный отпуск в Мару. Лутковский тем временем подал рапорт о его производстве в прапорщичество.

\* \* \*

За год финляндской жизни к Боратынскому пришла слава: было напечатано и написано более 20 стихотворений (см. №№ 13–33) и поэма «Пир»; 26 января 1820 г. он был в ободрение принят членом-корреспондентом в Вольное общество любителей российской словесности, и как минимум 9 его произведений были читаны в обществе и одобрены к публикации. Именно в этот год сформировалась устойчивая система его понятий о жизни, в основе которой – сознание своей отчужденности от общей жизни, сознание своей избранности, сознание относительности всех истин.

Сознание отчужденности было воспитано как повседневной жизнью (разлука с семьей в 1812 г.; конфликты в Пажеском корпусе; катастрофа 1816 г.; жизнь в Финляндии), так и литературой (разбойничьи сюжеты; элегические стереотипы – о романтической отчужденности как «выпадении из принятых норм, обычаев и традиций» см.: Манн 1976. С. 13 и след.). Ситуация отчуждения, впервые описанная Боратынским в письмах из Пажеского корпуса к маме, а затем – в стихотворных посланиях второй половины 1819 г. (см. №№ 9, 10.2, 12.2: «к Креницыну», «к Дельвигу», «Шляхтинскому»), после переезда в Финляндию стала лейтмотивом жизни. В Финляндии он чувствует себя отлученным от родины, от друзей, от

28

любви, от счастья – ото всего, что есть у других людей и что когда-то было у него самого. Отсюда – ощущение утраты, покинутости, забытости, одиночества: <...> Где ты, о Дельвиг мой! ужель минувших дней лишь мне чувствительна утрата <...>

И где же дом утех? где чаш веселой стук?

Забыт друзьями друг заочной,  
Исчезли радости, как в вихре слабой звук <...>

И я, певец утех, теперь утрату их

Пою в тоске уединенной <...>

(Послание к Б... Дельвигу // № 182)

<...> Где вы, где вы, любви очарованья? <...>

Я все имел, лишился вдруг всего <...>

(Элегия: «На краткий миг пленяет в жизни радость...» // № 20.2)

<...> Забытый от людей, забытый от молвы <...>

(Финляндия // №252)

Причина такого состояния – немилостивость высшей надличной силы – судьбы:

Прости, Поэт! Судьбина вновь Мне посох странника вручила <...>

(К Кюхельбекеру // № 17)

<...> Ужель не ищешь ты в кругу своих друзей Судьбой отторженного брата? <...>

(Послание к Б... Дельвигу // № 182)

<...> Но кто постигнут роком гневным <...>

(К Коншину // № 28.2)

<...> отлученный от отчизны Враждебною судьбой,

Изнемогал без укоризны

Изгнанник молодой <...>

(«Прощай, отчизна непогоды...» // № 35.2)

Судьба определяет не только путь человека: вручает посох странника, или

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *barata* отторгает от круга друзей, или отлучает от отчизны, – но (и здесь повторяется та же коллизия, что в письме 1816 г. из Подвойского) не позволяет человеку быть внутренне свободным от той жизненной ситуации, в которую сама же его ставит. Судьба предопределяет как пространственную отторженность от друзей, любви, наслаждений и проч., так и отторженность душевную:

<...> Но я безрадостно с друзьями радость пел:  
Восторги их мне чужды были.

29

Того не приобрести, что сердцем не дано;  
Не вспыхнет жизнь в крови остылой;  
Одну печаль свою, уныние одно способен чувствовать унылой!  
(«Уныние» // №292)

В результате состояние отчужденности определяется уже не событиями жизни, а сугубо внутренними факторами – чувства утраты, забытости, одиночества (и т. п.) зависят от самого сознания своей отчужденности, преодолеть которое не представляется возможным из-за «мучительного недуга» души, насланного судьбой:

<...> Но кто постигнут роком гневным,  
Чью душу тяготит мучительный недуг <...>

(К Коншину // № 282)

<...> Что ж ясный день не веселит

Души для счастья пробужденной?

С тоской на радость я гляжу:

Не для меня ее сиянье! <...>

Мечтою мрачной болен дух <...>

Я наслаждаюсь не вполне <...>

Все мнится, счастлив я ошибкой,

И не к лицу веселье мне!

(Элегия: «Ужели близок час свиданья...» // № 15.2)

<...> В дыхании весны все жизнь младую пьет И негу тайного желанья!

Все дышит радостью и, мнится, с кем-то ждет Обетованного свиданья!

Лишь я как будто чужд Природе и Весне:

Часы крылатые мелькают;

Но радости принести они не могут мне И, мнится, мимо пролетают.

(Весна // №24)

Поэтически оформленное сознание отчужденности сублимировало житейскую ситуацию, создавая специфический эффект ее восприятия: переживание отчуждения способствовало тому, чтобы все частное, чтобы могло быть оценено в понятиях повседневного быта, приобретало статус событий поэтических. Необходимость выслуживать офицерский чин преображалась из события частной жизни проштрафившегося дворянина в факт иного смыслового порядка – в жизненную драму поэта-изгнанника.

В результате происходила поэтизация самого повседневного облика Баратынского – в некоторых воспоминаниях его внешний вид обрисован по модели его унылых элегий – например, в записках «Для немногих» Н. М. Коншина: «<...>я не видал человека, менее убитого своим положением.<...> Глаза его, кажется, говорили судьбе слова бессмертного безумца: *Gettate mi ove volete voi... che m'importa*»

30

(Бросьте меня куда угодно... мне все равно) (Изд. 1987. С. 334); в некрологе Баратынскому, написанном О. И. Сенковским: «Мы помним Баратынского с 1821 г., когда изредка являлся он среди дружеского круга, гнетомый своим несчастьем, мрачный и грустный, с бледным лицом, где ранняя скорбь провела уже глубокие следы испытанного им. Казалось, среди самой веселой дружеской беседы, увлекаемый примером других, Баратынский говорил сам себе, как говорил в стихах своих: Мне мнится, счастливя ошибкой, и не к лицу веселье мне» (БдЧ. 1844. Т. 66. Отд. V. С. 7–8).

Независимо от степени похожести или непохожести этих мемуарных портретов на оригинал, они фиксируют на его лице уныние и скорбь не частного человека, не унтер-офицера Нейшлотского полка, но уныние и скорбь поэта. Недаром Коншин читает в его глазах цитату из Тассо, а Сенковский – строки из его элегии. В результате отчужденность преобразуется в избранность.

Сознание избранности: замкнутость на процессе творчества. Если сознание отчужденности стимулирует только угнетенное душевное состояние, то сознание избранности, напротив, возвышает над повседневностью и дает возможность пережить угнетенность как состояние, имеющее особую ценность. Поэтому даже страдание при таком повороте мысли будет понято как харизма:

Поверь, мой милой друг, страданье нужно нам;

Не испытав его, нельзя понять и счастья:

Живой источник сладострастья Дарован в нем его сынам <...>

Хвала всевидящим богам!

Пусть мнимым счастьем для света мы убоги,  
Счастливы нас бедней, и праведные боги Им дали чувственность, а чувство дали нам.

(К Коншину // № 28.2)

Если уж страдание частного человека сознается как божественный дар, отличающий его от толпы счастливых, то тем более дар поэтический является знаком отмеченности, хотя и отъединяющей его от людей, но зато дающей сверхценные перспективы:

<...> Не многим избранным понятен язык Поэтов и богов<...>

Питомец Муз равно безгласен В толпе вертушек молодых <...>

Одно высокое любя,

Он воздаянья ждет от Феба И дар святой благого неба Хранит для Муз и для себя.

(Лиде// Е 222)

В «Финляндии» (№ 25.2) Боратынский сознает себя отторженным от общей жизни странником, нашедшим приют вне общей жизни – на чужбине, вдали от родины:

31

Громады вечных скал, гранитныя пустыни,

Вы дали страннику убежище и кров <...>

Забытый от людей, забытый от молвы <...>

Но состояние отчужденности становится здесь, в отличие от иных элегий Боратынского, не предметом горестной рефлексии, а способом противодействия судьбе и материалом для возвышенного творчества, предоставляя особенного рода счастье, не обусловленное ни дружбой, ни любовью, ни жизнью на родине (а именно так обусловлено счастье в других элегиях), – счастье сосредоточенности уединенного певца на самом процессе творчества.

<...> Забытый от людей, забытый от молвы,

Доволен будет он углом уединенным.

Он счастье в нем найдет <...>

Что нужды до былых, иль будущих племен!

Я не для них бренчу незвонкими струнами –

Я, невнимаемый, довольно награжден:

За звуки звуками, а за мечты – мечтами.

Творчество становится заместителем всех других возможных вариантов счастья, а сознание поэтической харизмы ставит преграду той деструктивной силе болящего духа, которая не позволяла чувствовать ничего, кроме отчужденности.

Таким образом, уже в 1820 г. вполне определились две взаимоотрицающие истины – два конца той оси, на которой, как на качелях, будет балансировать самосознание Боратынского до конца его жизни: одна истина – это истина болящего духа, разрушающего любые перспективы и уничтожающего своего носителя; другая истина – истина творчества, дающего поэту власть над своим болящим духом и позволяющего ощутить полноту счастья. Ни та, ни другая истина не может быть ни отвергнута в пользу другой, ни принята как единственно возможная – так же, как и любая истина в жизненной философии Боратынского.

Вообще «философия» Боратынского ускользает от однозначных определений, ибо ее опорные категории могут быть адекватно поняты только при условии их преднамеренно противоречивой интерпретации. В произведениях, написанных одно вслед другому (и это касается не только 1820 года, но и всех других творческих лет Боратынского), обнаруживается диаметрально противоположное осмысление одних и тех же ситуаций и переживаний. «Певец утех» одновременно является «певцом утрат» («Послание к Б. .. Дельвигу», № 18.2); тщетность каких бы то ни было желаний и готовность к разочарованию в «Элегии» («На краткий миг пленяет в жизни радость...», № 20.2) и в «Унынии» («Рассеивает грусть...», № 29.2) резко контрастируют с пробуждением любовных чувств и готовностью очаровываться в мадригале «Финским красавицам» (№ 26) и в «Элегии» («Заснули рожи над потоком...», № 23.2); в одном послании к Коншину («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...», № 28.2) Боратынский пишет апологию страдания и отвергает привычные понятия о счастье:

32

<...> Бездейственность души счастливых тяготит,

Им силы жизни неизвестны.

Не нам завидовать ленивым чувствам их:

Что в дружбе ветреной, в любви однообразной И в ощущениях слепых Души рассеянной и праздной? <...>

(К Коншину // № 28.2)

В другом послании к Коншину («Живи смелей, товарищ мой...», № 27.2), напротив, именно такой образец счастья назван идеалом:

<...> Познай же цену срочных дней:



Лови пролетные мгновенья,  
Исчезнет жизни сновиденье:

Кто был счастливей, был умней! <...>

Признание относительности любых истин отдельно аргументировано Боратынским в его рассуждении «О заблуждениях и истине» (Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. Ч. XIII. № IV), подводившем итоги юношеских философствований на эту тему.

Вновь, как и в отроческих письмах, Боратынский ставит понятие истины в зависимость от личных впечатлений человека. Но теперь в разборе соотношения истины и заблуждений появляется новый критерий – возрастной.

Истинность или ложность суждений зависят от впечатлений и опыта человека в разные годы жизни, и эти впечатления равноправны: нельзя считать, что мнения и впечатления человека в зрелом или старческом возрасте более истинны, нежели таковые же в детстве или в молодости. То, что с точки зрения человека одного возраста и одного опыта является истинным, может считаться заблуждением с точки зрения человека другого возраста и с другим опытом: «<...> положим, что вы имели одни только горестные опыты, что в детстве вы зависели от своенравного наставника; что в юности вам изменила любовница, изменил друг, изменила надежда; что в старости вы остались одиноким и печальным. – Как вы опишете жизнь? Детство для вас будет временем рабства и бессилия; юность – временем мятежных снов и безумных желаний; старость – торжественным сроком, когда является истина и с насмешкой погашает свечу в китайском фонаре воображения. – Относительно к себе, вы совершенно правы; напротив, в детстве я ничего не знал, кроме радостей: добрая мать мне была снисходительною наставницею. Теперь имею веселых, любезных друзей, всю душу мне преданных; быть может, буду еще иметь подругу милую и верную; надеюсь, что старость моя согреется воспоминаниями о прежней разнообразной, полной жизни; что и в преклонных летах сохраню еще любовь к прекрасному, хотя не так живо его буду чувствовать; что сквозь очки еще с наслаждением буду смотреть на румяную молодость, а подчас и сам буду забавлять ее рассказами про старое время. – Положим, что такова будет жизнь моя; не правда ли, что,

3 Боратынский. Том 1

33

подобно вам, руководствуясь рассудком и опытом, я сделаю заключение совершенно противное вашему? и не будем ли мы здраво судить каждый в свою очередь?» В итоге истина оказывается «вещью до крайности относительной»: «Каждый возраст, каждая минута нашей жизни не имеет ли собственные, ей одной свойственные истины?») (Цит. по: Изд. 1983. С. 157–159).

\*к к \*

К концу февраля 1821 г. Боратынский вернулся из отпуска. Видимо, он уже знал, что Александр I отказал ему в производстве, и был сильно поражен таким поворотом событий. Вместе с тем отказ императора имел особенное значение для репутации Боратынского в литературных кругах Петербурга: теперь уже никто не сомневался, что его пребывание в Финляндии – род ссылки, и специфическим ответом литературной республики царю стало новое ободрение Боратынского – его избрание в действительные члены Вольного общества любителей российской словесности (28 марта 1821 г.).

Впрочем, в этот раз он пробыл в Финляндии недолго: Нейшлотский полк был вызван в Петербург для караульной службы, и благодаря этому Боратынский прожил в столице более года – с мая 1821 по июль 1822 г. Это время – период самого интенсивного в его жизни литературного общения: в Вольном обществе любителей российской словесности он побывал 18 раз, и здесь было прочитано и его новых произведений. Кроме ближайших друзей – Дельвига (с ним Боратынский живет на одной квартире) и Коншина – он часто видится с Плетневым, Гнедичем, Ф. Глинкой, Гречем, Булгариным, А. Бестужевым, Рылеевым.

Значительная часть петербургского времени Боратынского оказалась поглощена сильным любовным увлечением. Видимо, еще во второй половине февраля Боратынский познакомился с одной особой.

«Это была та самая, со множеством странностей и проказ, но очаровательная Софья Дмитриевна Пономарева <...> всякий, кто только знал ее, был к ней неравнодушен более или менее. В ней, с добротой сердца и веселым характером, соединялась бездна самого милого, природного кокетства, перемешанного с каким-то ей только свойственным детским проказничеством. Она не любила женского общества, даже не умела в нем держать себя, и предпочитала мужское, особенно общество молодых блестящих людей и литераторов» (В. И. Панаев // Цит. по: Летопись. С. 20; историю салона Пономаревой см.: Вацура. СДП).

Очевидно, Пономарева при первом же появлении Боратынского в ее доме сразу продемонстрировала особенное внимание к нему, и вскоре Боратынский отвечал ей

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
тремя посланиями, послужившими началом его самого обширного любовного цикла, –  
«Вы слышком многими любимы...», «Приманкой ласковых речей...» и «Когда б вы  
менее прекрасной...» (см. №№ 42.2, 43, 56) – в этих стихах он отказывался от  
перспективы любовных отношений с Пономаревой:

34

<...> С толпой соперников моих Я состязаться не дерзаю И превосходной силе их  
Без битвы поле уступаю.

<...> Предаться нежному участию Мне тайный голос не велит...

И удивление, по счастью,  
От стрел любви меня хранит.

В мае 1821 г. в Петербург из служебной поездки вернулся П. Л. Яковлев и  
способствовал тому, чтобы его приятели – Дельвиг, Боратынский и Кюхельбекер –  
стали частыми посетителями дома Пономаревых. По справедливому предположению В.  
Э. Вацура, инициатором сближения с «союзом поэтов» была сама Пономарева, сразу  
отличившая новых знакомцев от завсегдатаев ее вечеров – литераторов круга  
«Благонамеренного»: А. Е. Измайлова, братьев Княжевичей, Остолопова, Сомова и  
др. Помимо естественного для нее стремления найти новых поклонников, она,  
безусловно, могла желать сближения с людьми, для которых «творчество было их  
организмической жизнью, а не занятием в свободные от службы часы, и поле  
интеллектуального напряжения, созданное ими, было неизмеримо выше прежнего.

<...> В августе 1821 года листы альбома <Пономаревой> начинают заполняться  
записями не вполне обычного содержания. Они сохраняют следы бесед –  
непринужденных, иногда шуточных, чаще серьезных; всплеск неподдельного остроумия  
или мгновенных характерологических наблюдений.<...> Дух анализа, философского  
размышления, скептического неприятия вторгнулся в привычную игру. <...> Эпоха  
неуклюжих полушуточных, по- луканцелярских протоколов, надуманных прозвищ,  
архаических мадригалов оканчивалась для дома Пономаревых» (Вацура. СДП. С.  
180,179,182).

Осенью 1821 г. Боратынский вписывает в альбом Пономаревой стихотворение «Слепой  
поклонник красоты...» (см. № 57.2), явно примыкающее к элегиям «Нет, не бывать  
тому, что было прежде!..» и «Разуверение» (см. №№ 53, 54), – так же, как в тех  
элегиях, здесь говорится о разочаровании в надеждах на любовное счастье и о  
невозможности этого счастья в будущем. Легко предположить, как было разжено  
признаниями Боратынского в разочарованности желание Пономаревой приобрести  
нового поклонника.

И он и она понимали, что строят свое отношение друг к другу в рамках любовной  
игры, принятой в ее доме. Своими первыми стихотворениями, обращенными к ней,  
Боратынский, безусловно, провоцировал ее на дальнейшее развитие любовного  
сюжета, предпочитая, чтобы инициатором сближения была она, и только увидев с ее  
стороны явную предрасположенность к сближению, сам стал способствовать развитию  
сюжета. Разность их положений заключалась в том, что для Пономаревой этот сюжет  
так и остался сюжетом любовно-поэтического спектакля, а Боратынский, несмотря на  
то что сам же и при знакомстве, и на ранних стадиях

3\*

35

развития их отношений сознавал, что Пономаревой нужен спектакль, тем не менее в  
какой-то момент действительно увлекся и всерьез поверил в ответную любовь.

Первый успех Пономаревой отражен в новой альбомной записи «О своенравная  
София!..» (см. № 58.2). Здесь Боратынский почти отбрасывает прежнюю  
осторожность, признаваясь в том, что теряет рассудок («Я в нем теперь едва ли  
волен»). А скоро он прямо пишет о своем любовном желании («Зачем живые  
выраженья...» и «Неизвинительной ошибкой...» – см. №№ 59.2 и 60). Видимо, в ту  
же пору, осенью – в начале зимы 1821 г. между ними началась любовная переписка  
(ни одного письма не сохранилось; о самой переписке известно по строкам  
Боратынского в послании к Дельвигу («Я безрассуден – и не диво!..» – см. № 61):  
<...> Я перечысываю строки,

Где, увлечения полна,

В любви счастливые уроки Мне самому дает она <...>

А дальше события развивались по сценарию, уже испытанному Пономаревой на других  
поклонниках (см. историю ее романа с Сомовым: Вацура. СДП. С. 73– 136).

Боратынский начинает верить в то, что любим:

Любви приметы Я не забыл <...>

О! я знаком С сим языком Любви тайной.

Ты вся в огне,

Бедняжка Скромность!

Сих взоров томность Понятна мне <...>

(Догадка // № 62.2)

Начинаются мечтания о любовном счастье:

На кровы ближнего селенья Находит вечер; день погас.  
Покинем рошу, где для нас Часы летели как мгновенья! <...>  
(Возвращение: «На кровы ближнего селенья...» // №63)

И наконец наступает кульминация:  
Сей поцелуй, дарованный тобой,  
Преследует мое воображенье <...>  
(Поцелуй // № 64.2)

Эти три стихотворения – «Догадка», «Возвращение» и «Поцелуй» – были прочитаны А. Е. Измайловым 9 марта 1822 г. в Обществе словесности, наук и художеств

36  
и через неделю, 16 марта, напечатаны в «Благонамеренном» – очевидно, Пономарева сама отдала их Измайлову для чтения и публикации без ведома Боратынского. После таких признаний продолжать любовную игру Пономаревой уже было не нужно – она получила публичные уверения в любви, доказав себе и всем в очередной раз, что, какова бы ни была сила разочарования у ее избранника, ее чары сильнее. Развязкой романа стало послание «Дориде» (№65.2) – уникальный случай в поэзии Боратынского, когда он обращается с обвинительными упреками к бывшей возлюбленной:

Зачем нескромностью двусмысленных речей,  
Руки всечасным пожиманьем,  
Притворным пламенем коварных сих очей,  
Для всех увлажненных желаньем,  
Знакомить юношей с волнением любви,  
Их обольщать надеждой счастья И разжигать, шутя, в смятенной их крови Бесплодный  
пламень сладострастья?

Он не знаком тебе, мятежный пламень сей <...>  
(Дориде // №65.2)

История отношений Боратынского с Пономаревой – единственная любовная история, оставившая в его творчестве такой автобиографический сюжетный след: по меньшей мере двенадцать стихотворений плюс еще ряд текстов, являвшихся существенными дополнительными факторами для развития сюжета («Разуверение»; «Нет, не бывать тому, что было прежде!..»; послания к Дельвигу: «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...» и «Я безрассуден – и не диво!..»). Казалось бы, какой материал для сборника элегий! Но Боратынский никогда не собрал стихи, посвященные Пономаревой, в том порядке, в каком они были написаны. Причиной тому было, видимо, не только обиженное самолюбие (самолюбие скоро утешилось новыми любовными увлечениями и флиртами). Другая, может быть, существеннейшая причина в том, что пономаревский цикл сложился как бы помимо авторской воли – под диктовку героини стихов: не поэт властвовал здесь над материалом, а материал – над поэтом. Такой способ творчества прямо противоречил понятиям Боратынского о творчестве.

Между тем ко времени развязки романа с Пономаревой прошло уже более года после отказа Александра I в производстве. Видимо, зимой Лутковский вновь представлял Боратынского к повышению в чине, а император снова отказал.

\* \* \*

В августе 1822 г. Боратынский вместе со своим полком вернулся в Финляндию. Незадолго до отъезда, в июле 1822 г. вместе с кем-то из друзей (Дельвигом и Коншиным?) он сочинил куплеты «Певцы 15-го класса», направленные в основном

37  
против сочинителей круга «Благонамеренного». Куплеты эти вызвали бурное негодование со стороны Измайлова и его сотрудников (см. комментарии к №№ 69– 72, 235, 241).

Сатирические выпады против Боратынского и «союза поэтов» стали частью более широкой полемики начала 1820-х гг. – классиков и романтиков. Боратынский никогда не называл себя романтиком и не выступал с критическими опровержениями «старой школы словесности»: сам спор должен был казаться ему необоснованным и диковатым, о чем свидетельствует послание 1824 года «Богдановичу» (см. № 83), иронически препарирующее стиль полемики классиков и романтиков. Если судить по этому посланию, можно сказать, что главные критерии оценки текста для Боратынского – это степень творческой оригинальности автора (Жуковский противопоставлен своим эпигонам) и исторически изменчивый вкус публики («веселость», «бодрый ум» и «вкус неразвращенный» словесности времен Екатерины противопоставлены «хандре», «унынию» и «жизнехуленьям» новейших поэтов). В конечном же счете все зависит от таланта сочинителя, независимо от принадлежности к той или иной «школе». Овидий, Богданович, Батюшков, Жуковский, Пушкин и сам Боратынский, названные в послании «Богдановичу», уравниваются тем, что все они принадлежат к числу людей с дарованиями. Хороший писатель – тот, кому его природные данные позволяют создавать впечатляющие произведения в том роде,

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
какой соответствует его душевному складу. Такой взгляд может быть в равной мере  
назван и классическим и романтическим: классическим потому, что требование  
соответствия таланта автора избранному им жанру – это императив всей  
традиционной эстетики от Горация до графа Хвостова; романтическим потому, что  
талант автора является единственным критерием оценки достоинств текста.

Еще в 1821 г. Баратынский писал:

<...> Путей к Парнасу много есть:

Зевоту можно произвести Равно и Притчею и Одой;

Но ввек того не приобрести,

что не даровано Природой <...>

Приятно петь желаешь ты?

Когда влюблен – бери цевницу!

Воспой победы красоты,

Воспой души твоей царицу.

Когда же любишь стук мечей,

С бессмертной Музой Омира Пускай поет вражды Царей Твоя возвышенная лира!

Равны все Музы красотой;

Несходство их в одной одежде.

Старайся нравиться любой;

Но помолися Фебу прежде.

(К \*\*\*: «Кто жаждет славы, милый мой!..» // № 45.2)

38

В неопубликованных воспоминаниях А. А. Иовского приведено одно высказывание  
Баратынского, судя по которому легко предполагать, что классическое для него  
было синонимично традиционному, прошедшему, архаическому, а романтическое  
приравнивалось к новому, модному, новаторскому:

«Однажды обедало у И. И. Дмитриева довольно пишущей братии <...>. После обеда,  
который был довольно занимателен по разнообразию лиц, понятий, поколений, – по  
причине довольно холодного времени, – перешли в Библиотеку его, которая внизу, к  
камину. Помню эти жаркие состязания о романтизме и классицизме – тогда предмете  
еще новом на Руси; а в этом собрании были и классики и романтики. Спор  
продолжался, а развязки не было. Не знаю кто, помнится Баратынский, обращаясь к  
И. И. <Дмитриеву> сказал: Позвольте предложить мне мое мнение; и по получении  
согласия продолжал: Всякое общество иначе не должно начинаться, как подражанием.  
Но у людей с дарованием самые подражания проявляются в особенных образцах,  
свойственных их понятиям, их гениальным воззрениям на предмет. – То же да иначе.  
Отселе происходят новые формы для изображения мыслей, для представления их в  
образах и оборотах речи. То же да иначе, и любо, как читаешь. А это увлекает к  
подражанию новости, и отселе новая литература. Назовите ее романтической, все  
равно; главное она новая, не похожая на предшествовавшую. Вы явились у нас с  
Карамзиным с новым словом, с новыми оборотами и с новыми формами речи; вы  
открыли нам совсем новый путь к изложению наших мыслей; поэтому вы наш романтик  
прежде, нежели начали у нас спорить о романтизме и классицизме» (Летопись. С.  
23–24).

\* \* \*

Проведя октябрь 1822 – январь 1823 г. в отпуске, Баратынский вернулся в  
Финляндию – в Роченсальм, и весь 1823 год и половину 1824-го провел здесь. В  
конце лета 1823 г. Рылеев и Бестужев предложили ему издать его стихотворения  
отдельной книгой. Осенью 1823 г. Баратынский отредактировал тексты,  
предназначенные для книги, и, вероятно, в конце года отправил своим будущим  
издателям рукопись.

Но издание не состоялось – из-за очередных хлопот о производстве в офицеры.

На сей раз хлопоты начал Жуковский: он попросил Баратынского изложить историю  
его злоключений. В своем исповедальном письме, написанном в конце декабря 1823  
г. (далее оно цитируется по «Летописи»: С. 129–132), Баратынский рассказал об  
основных событиях, предшествовавших исключению из Пажеского корпуса, и о  
подробностях самой катастрофы.

Письмо является документом, важным не только своим фактическим, но и  
литературно-психологическим содержанием, – оно построено как исповедь  
романтического преступника, и одним из вероятных его литературных источников  
была по

39

весть Шиллера «Verbrecher aus verlorener Ehre», переведенная в свое время  
Жуковским под заглавием «Ожесточенный» (Вестник Европы. 1808. ч. 38. № 6–7).

В «Ожесточенном» речь идет о разбойнике Христиане Блемере, которого  
обстоятельства жизни превратили в злодея: «<...>он кончил жизнь на эшафоте! Но  
тонкое, внимательное раздробление поступков его, вероятно, послужит уроком для  
человечества, а может быть, и для самого правосудия» (цит. по: Жуковский. Изд.

Братия сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский (Москва, 1995. С. 71). Смысл повести Шиллера–Жуковского в том, чтобы проследить психологические мотивы поведения человека, заклеянного правосудием и общественным мнением: «<...> мы, с своей стороны, должны быть не только свидетелями поступков его, но вместе и тайными поверенными его желаний; мысли его важнее для нас, нежели действия; источники мыслей важнее, нежели следствия поступков» (Там же. С. 70).

Тем же путем идет в своей исповеди Боратынский. Ему важно объяснить психологическую подоплеку своих поступков – поэту, писавшему о «человеколюбивой терпимости» и «снисхождении», которые необходимо проявлять к заблудшим.

В письме разворачивается история человека, с детства отчужденного обществом. Боратынский покидает родной дом «очень добрым мальчиком» в твердом намерении «служить примером прилежания и доброго поведения». Но, едва вступив в Пажеский корпус, сталкивается с грубостью и неласковостью своего первого наставника. «Несправедливость его меня ожесточила: дети самолюбивы не менее взрослых, обиженное самолюбие требует мщения, и я решился отомстить ему». За это мщение он отправлен под арест: «Первая моя шалость не сделала меня шалуном в самом деле, но я был уже негодяем в мнении моих начальников» (ср. в «Ожесточенном» об аресте и осуждении Христиана Блемера: «Судьи, читая в книге законов, не могли читать во внутренности его сердца» – Жуковский. Изд. 1995. С. 73).

«Между тем, – пишет далее Боратынский, – сердце мое влекло к некоторым из моих товарищей, бывшим не на лучшем счету у начальства; но оно влекло меня к ним не потому, что они были шалунами, но потому, что я в них чувствовал <...> лучшие душевные качества, нежели в других» – это были сверстники, обладавшие «большею живостью нрава, большим беспокойством воображения, вообще большею пылкостью чувств, нежели другие дети». Но, поскольку начальники пажей были равнодушны к внутренней жизни своих воспитанников, все эти качества, ценные для наблюдателя души человеческой, для них являлись признаками дурного нрава, который следует исправлять наказаниями: «Я не сделал еще ни одной особенной шалости, а через год по вступлении моем в корпус они <начальники> почитали меня почти чудовищем». В итоге происходит действительное превращение «очень доброго мальчика» в настоящего шалуна (характерно постоянное противопоставление Боратынским двух точек зрения: точки зрения людей, судящих о поступках по их видимым последствиям – для них Боратынский «совершенный негодяй» и «чудовище», и точки зрения человека, готового с терпимостью и снисхождением выслушивать «повесть беспутной жиз

40

ни»; для такого человека Боратынский – «природно-беспокойный» мальчик с «живым нравом», «беспокойством воображения» и «пылкостью чувств»).

Далее следует рассказ об увлечении Боратынского и его друзей Карлом Моором и игре в разбойников, и только после этого Боратынский приступает к кульминационному моменту своей исповеди – рассказу о приключении в доме камергера При- клонского.

Завершалось письмо сообщением о том, что Боратынский вступил в солдаты по собственному желанию (важное уточнение – многие думали, он принудительно отдан), что, несмотря на ежегодные представления к производству в офицеры, до сих пор не был произведен и что теперь он, потеряв надежду, приходит в отчаяние и готов раскаяться, что «добровольно наложил на себя слишком тяжелые цепи». «Должно сносить терпеливо заслуженное несчастье – не спорю; но оно превосходит мои силы, и я начинаю чувствовать, что продолжительность его не только убила мою душу, но даже ослабила разум».

Таким образом, Боратынский подводил своего адресата к мысли о том, что он находится на пороге нового ожесточения и его единственной надеждой остается участие, которое проявит к его судьбе Жуковский.

Психологическая исповедь имела продолжением психологическое ходатайство – Жуковский надеялся пробудить у Александра I сострадание. К хлопотам подключились А. И. Тургенев, Денис Давыдов, дядюшка Боратынского Петр Андреевич (в ту пору сенатор). Они ходатайствовали перед министром просвещения Голицыным, командиром Отдельного Финляндского корпуса Закревским, великой княгиней Еленой Павловной, начальником Главного штаба Дибичем, а те в свою очередь – перед императором. Наверное, такое количество ходатаев насторожило Александра I – создавалась видимость общественного мнения, и он отказал с убийственной резолюцией: «Не представлять впредь до повеления» (Летопись. С. 137) – что фактически означало запрет на новые ходатайства.

Во время хлопот сложилось убеждение (степень его основательности не ясна) в том, что публикация произведений Боратынского вредит его освобождению. Поэтому в первую половину 1824 г. ни одно его стихотворение в печати не появилось, а те, что были опубликованы во второй половине 1824 – первой половине 1825 г., помещались обычно с подписью f.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
думать об отдельной книге стихов под угрозой бесконечного солдатства в это время  
не приходилось. А к той поре, когда Боратынский наконец получит офицерский чин,  
его литературные отношения с Рылеевым и Бестужевым разладятся, и издание так и  
не состоится.

к к \*

Пребывание Боратынского в Финляндии в течение 1823 – первой половины 1825 г.  
было тяжело своей вынужденностью, неопределенностью будущего И ОТО-  
41

рванностью от петербургской литературной жизни. Новая стоянка нейшлотцев в  
Петербурге летом 1824 г. могла только обострить сознание отчужденности от  
нормального существования. Боратынский должен был жить в местах дислокации  
своего полка, не мог строить никаких практических планов на будущее, и наиболее  
доступной ему формой свободы была свобода творчества. Творчество становилось  
способом спасения от невзгод повседневногo существования.

Именно в этот период жизни он начинает думать о выборе своего особенного пути в  
литературе, с чем связана начатая зимой–весной 1823 г. работа над «Эдой»:  
вступая в поэтическое соревнование с Байроном, Жуковским и Пушкиным, Боратынский  
пытался создать свою версию стихотворной повести, отказываясь от «лирического  
тона» и экзотического сюжета для поэтизации «мелочных подробностей» (так он  
объяснял свой замысел в предисловии 1826 г. к «Эде»). И хотя фактически  
Боратынский уходил в «Эде» с собственного пути, который проложил в своих  
элегиях, существенно, что сам этот зигзаг творчества сознавался им как поиск  
авторской самобытности – свидетельство стремления явить свою творческую  
оригинальность в противопоставлении своих произведений существующим литературным  
образцам (такими же зигзагами станут впоследствии опыт романа в стихах  
«Наложница» и прозаическая повесть «Перстень»).

Едва довершив «Эду», в феврале 1825 г. Боратынский принялся за новую  
стихотворную повесть – «Бал», значительно более «лирическую» по «тону»,  
поскольку в основе произведения лежало острое впечатление от знакомства зимой  
1824–1825 гг. в Гельсингфорсе с А. Ф. Закревской. Начало отношений Боратынского  
с ней отчасти повторяло начало отношений с Пономаревой: его страсть была  
сублимирована на уровень поэтического острания, но, в отличие от предыдущего  
романа, ни сначала, ни впоследствии о сближении между ними речи не было – и  
страсть Боратынского осталась преимущественно эстетической, преобразовав  
впечатление от личности Закревской в характер главной героини «Бала».  
Начало работы над «Балом» пришлось на период новых хлопот о производстве  
Боратынского. Теперь уже сделано было все, чтобы не создавать видимости  
общественного мнения: ходатайствовал один человек – командующий Отдельным  
Финляндским корпусом Закревский. И наконец, 21 апреля 1825 г., Александр I  
подписал указ о присвоении Боратынскому чина прапорщика. Однако освобождение  
обременило новой заботой: теперь Боратынский должен был наряду с другими  
офицерами участвовать в ежедневных учениях Нейшлотского полка. Он стал думать об  
отставке.

Скоро представился повод: 19 ноября умер Александр I, других противников своему  
освобождению Боратынский не видел, и 27 декабря 1825 г. он послал прошение об  
увольнении от службы.

К этому времени он уже три месяца находился в Москве – в отпуске. Сюда же  
приехала из Мары маменька Александра Федоровна. Она уже была отягощена нерви-  
42

ческим расстройством, и Боратынский решил остаться при ней – облегчать ее  
существование, хотя сам сознавал, что помочь ничем не может и лишь отягчит  
собственную жизнь. Мрачные раздумья о собственном будущем были усугублены в  
конце декабря известием о мятеже на Сенатской площади, об арестах петербургских  
друзей и начавшимися арестами в Москве. «Стихи у меня что-то не пишутся», –  
признавался Боратынский в начале января в письме к Н. В. Путяте (Летопись. С.  
172).

В первую половину 1826 г. произошло три важных события: в середине февраля  
Боратынский почти одновременно узнал о том, что его прошение об отставке  
удовлетворено Николаем I, и о выходе отдельным изданием «Эды» и «Пиров»; 9 июня  
женился.

Началась новая эпоха его жизни: отпали два тягостных варианта будущего – военная  
служба и пребывание в обществе больной маменьки, и началось погружение в  
семейную идиллию (см. в письмах к Путяте, А. Муханову, Коншину: «Я живу  
потихохоньку, как следует женатому человеку, и очень рад, что променял  
беспокойные сны страстей на тихий сон тихого счастья»; «я счастлив дома»; «я  
женат и счастлив» – Летопись. С. 183–184).

Он почти никогда не разлучался с Настасьей Львовной, и когда вынужден был  
покидать семью на несколько дней, чувствовал себя очень неуютно – см., например,

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
признания в его записке к жене из Москвы в Мураново: «<...> На сердце у меня  
тяжело, потому что мы разделены: это испытание разлукой – истинное наказание. Я  
чувствую себя совершенно потерянным»; см. в письме Настасьи Львовны к мужу:  
«Обожаемый мой, жизнь моя, сокровище бесценное, дорогой мой, душа моя<...>»  
(Летопись. С. 226, 368; перевод с французского).  
Любовь, забота и преданность Настасьи Львовны были высшей наградой – спасением  
от собственного болящего духа. Отсюда естественное для Боратынского  
противопоставление утаенного семейного быта – буквально всему мирозданию,  
находящемуся за границами замкнутого домашнего пространства:  
Других урочищ вселенной не буду помнить бытия.  
(Стансы // №1293)

Образ любящей женщины-друга создан еще в детские годы из отношений с  
маменькой; с течением времени привязанность к маменьке и желание вернуться в уют  
родительского крова, с одной стороны, были отравлены болезнью Александры  
Федоровны, с другой – преобразовались в мечту о кроткой и любящей «подруге  
нежной» – «враче душевном»:

<...> Но кто постигнут роком гневным,  
Чью душу тяготит мучительный недуг,  
Тот дорожит врачом душевным <... >  
Как будет сладко, милый мой,  
43

Поверить нежности чувствительной подруги,  
Все нужды, всю тоску, все раны, все недуги,  
Все расслабление души твоей больной!

Забыв и век, и рок суровой,  
Желанья смутные в одно желанье слить,  
И с жаждою любви в ее дыханье пить Целебный воздух жизни новой! <...>  
(К Коншину // 7v? 28.2)

Нельзя ль найти любви надежной?

Нельзя ль найти подруги нежной,

С кем мог бы в счастливой глуши Предаться неге безмятежной И чистым радостям  
души,

В чье неизменное участие Беспечно веровал бы я –  
Случится ль ведро иль ненастье на перепутьи бытия?

Где ж обреченная судьбою,

На чьей груди я успокою мою усталую главу? <...>

(«Пора покинут, милый друг...» // № 30.2; характерно, что именно эти строки  
Боратынский вписал Настасье Львовне в альбом вскоре после знакомства – см. №  
30.3)

До встречи с Настасьей Львовной этот образ был исключительно мечтательным (по  
крайней мере, в стихах) – наличными героями стихов Боратынского были либо  
минутные прелестницы (см. «Прощанье» – №11; «К-ву» – № 19; «Послание к Б...  
Дельвигу» – № 18.2; «Вчера ненастная ночь...» – № 50; «Моя жизнь» – № 52),  
либо коварная обманщица (см.: «Дориде» – № 65.2; «Размолвка» – № 75), либо  
отвергнутая им самим возлюбленная («Разуверение» – № 54; «Признание» – № 80.2),  
либо юная неискушенная дева («Не знаю! милое не знаю...» – № 21.2; «Лиде» – №  
22.2).

После 1824 г. – времени знакомства с А. А. Воейковой и А. Ф. Закревской – в его  
творчестве появляются два резко противопоставленных типа красоты: красоты  
умиротворяющей («Очарованье красоты...» – № 84; «Она» – № 85; «Звезда» – № 87.2)  
и красоты мятежной, страшной, опасной («Как много ты в немного дней...» – № 98;  
«Бал»), соответствующие переживанию отношений с той и с другой. Эти два облика  
прямо противопоставлены в стихотворении, написанном уже после женитьбы:

Люблю я красавицу С очами лазурными: О! в них не обманчиво Душа ее светится!  
И если прекрасная

Страшна мне, друзья мои, Краса черноокая;

За темной завесою Душа ее кроется, Любовник пылает к ней

44

С любовью томною На милом покоит их,

Он мирно блаженствует, Вовек не смутит его Сомненье мятежное.

И кто не доверится Сиянью их чистому, Эфирной их прелести, Небесной души ее  
Небесному знаменью?

Любовью тревожною И взорам двусмысленным Не смеет довериться. Какой-то недобрый  
дух Качал колыбель ее: Оделася тьмой она, Вспылила причудою, Закралось в сердце  
к ней лукавство лукавого.

(№9 161)

Увлечение Воейковой имело такой же сублимированную-поэтический характер, что и  
увлечение Закревской, т. е. выражалось не в развитии отношений с ними, а

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага исключительно в стихах. Оба увлечения непосредственно предвеляли встречу с Настасьей Львовной, и можно сказать, что выбор Боратынского в феврале–марте 1826 г. был подготовлен его поэзией. В стихах, посвященных позднее Настасье Львовне, будут варьироваться мотивы воейковского цикла – умиротворение, тишина, безмятежность, прямо или косвенно противопоставленные «Закревской» бурности, беспокойности, тревоге:

<...> Явилась ты, мой друг бесценный,

И прояснилась жизнь моя:  
Веселой музой вдохновенный,  
Веселый вздор болтаю я.

Прими мой труд непринужденный!

Счастливым светом озаренный Души, свободной от забот <...>

(Эпилог поэмы «Переселение душ»; ок. 1827–1828 гг.)

<...> Склонюсь главою На сердце к ней И под мятежной Метелью бед,  
Любовью нежной Ее согрет,  
Забуду вскоре Крутое горе <...>

(«Где сладкой топот...» // № 174)

О, верь: ты, нежная, дороже славы мне.

Скажу ль? мне иногда докучно вдохновенье:

Мешает мне его волненье Дышать любовью в тишине!

Я сердце предаю сердечному союзу:

Приди, мечты мои рассей,

Ласкай, ласкай меня, о друг души моей!

И покори себе бунтующую музу.

(Кв 173)

45

<...> О, сколько раз к тебе, святой и нежной,

Я приникал главою моею мятежной,

С тобой себе и небу веря вновь.

(«Когда, дитя и страсти и сомненья...» // № 221)

Семейная идиллия до поры до времени не мешала Боратынскому выходить в литературный свет, но из московских писателей он сблизился только с П. А. Вяземским, а в сентябре 1826 г. снова, после почти семилетней разлуки, сошелся с Пушкиным, возвращенным из ссылки. С Пушкиным Боратынского соединяли память о «союзе поэтов» и сознание принадлежности к одной литературной плеяде, но очное общение между ними не очень ладилось из-за различия темпераментов; зато в Вяземском Боратынский нашел почти идеального собеседника. Впоследствии Вяземский оставил одно из самых емких воспоминаний о Боратынском, воссоздающее атмосферу их бесед: «Баратынский никогда не бывал пропагандистом слова. Он, может быть, был слишком ленив для подобной деятельности, а во всяком случае слишком скромно и сосредоточен в себе. Едва ли можно было встретить человека умнее его, но ум его не выбивался наружу с шумом и обилием. Нужно было допрашивать, так сказать, буровить этот подспудный родник, чтобы добыть из него чистую и светлую струю. Но за то попытка и труд бывали богато вознаграждаемы. Ум его был преимущественно способен к разбору и анализу. Он не любил возбуждать вопросы и выкликать прения и словесные состязания; но зато, когда случалось, никто лучше его не умел верным и метким словом порешать суждения и выражать окончательный приговор и по вопросам, которые более или менее казались ему чужды, как, например, вопросы внешней политики или новой немецкой философии, бывшей тогда русским коньком некоторых из московских коноводов. Во всяком случае, как был он сочувственный, мыслящий поэт, так равно был он мыслящий и приятный собеседник. Аттическая вежливость с некоторыми приемами французской остроты и любезности, отличавших прежде французское общество, пленительная мягкость в обращении и в сношениях, некоторая застенчивость при уме самобытном, твердо и резко определенном, все эти качества, все эти прелести придавали его личности особенную физиономию и утверждали за ним особенное место среди блестящих современников и совместников его» (цит. по: Вяземский. Изд. 1984. С. 346). Между Боратынским и Вяземским не было той душевной распахнутости, какая была у Боратынского с Дельвигом, с Путятой, позднее с И. Киреевским. Это был род дружбы литературной, основанной не на общности душевных движений, а на общности литературных вкусов и пристрастий. Оба называли друг друга на вы и по имени-отчеству.

Благодаря Вяземскому и Пушкину Боратынский стал во второй половине 1826 – первой половине 1827 г. поддерживать регулярные отношения с кругом авторов «Московского Телеграфа» и «Московского Вестника» (характерно, что впоследствии, в 1828–1829 гг., едва Пушкин и Вяземский уезжали из Москвы, обще

46

ние Боратынского с московскими писателями и журналистами резко сокращалось).



Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вероятно, в 1827 г. Пушкин смотрел рукопись стихотворений Баратынского, подготовленных к изданию, и начал писать рецензию («Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского...»); эта рецензия, как и две другие статьи Пушкина о Баратынском, не завершена).

«Стихотворения Евгения Баратынского» (Изд. 1827) собирался издать еще в 1826 г. Дельвиг. Но сначала Баратынский не торопился прислать рукопись другу в Петербург, а затем Дельвиг медлил с отдачей ее в цензуру. В конце концов, весной–летом 1827 г. рукопись была переправлена обратно в Москву, и изданием ведал Н. А. Полевой.

Традиционно считается, что основную работу над подготовкой Изд. 1827 Баратынский совершал в 1826 г. Однако сравнение редакций стихотворений, вошедших в книгу, с их ранними редакциями, опубликованными в свое время в журналах, позволяет утверждать, что особенной правке подверглись стихотворения, написанные до середины 1824 г. Так, почти полностью были переделаны «Элегия» («Ужели близок час свиданья...» – № 15.2), «Элегия» («На краткий миг пленяет в жизни радость...» – № 20.2; в Изд. 1827 опубл. под загл. «Разлука»: «Расстались мы; на миг очарованьем...»), «Финляндия» (№ 25.2; в Изд. 1827 то же заглавие, но 45 строк изменены), «К –» («Зачем живые выраженья...» – № 59.2; в Изд. 1827: «Мне с упоением заметным...»), «Дориде» («Зачем нескромностью двусмысленных речей...» – № 65.2; в Изд. 1827 под загл. «Делии»: «Зачем, о Делия! сердца младые ты...»), «Размолвка» («Прости, – сказать ты поспешаешь мне...» – № 75.2; в Изд. 1827: «Мнеолюбови твердила ты шутя...»), «Оправдание» («Я силился – счастливой старины...» – № 89.2; в Изд. 1827: «Решительно печальных строк моих...»), «Стансы» («О чем ни молимся богам...» – № 101.2; в Изд. 1827 текст сокращен в половину).

Много существенных изменений сделано в посланиях к Дельвигу «Так, любезный мой Гораций...» (№ 10.2), «Где ты, беспечный друг? где ты, о Дельвиг мой...» (№ 18.2) и «Дай руку мне, товарищ добрый мой...» (№ 68.2), в элегии «Заснули рощи над потоком...» (№ 23.2; в Изд. 1827 опубл. под загл. «Утешение»: «Свободу дав тоске моей...»), в стихотворениях «Лиде» (№ 22.2), «Прощай, отчизна непогоды...» – № 35.2), «Водопад» (№ 44.2), «Булгарину» («Нет, нет, Булгарин! ты не прав...» – № 46.2; в Изд. 1827 опубл. под загл. «К ...»: «Нет, нет! мой Ментор, ты неправ...»), в послании к А. А. Крылову («Кто жаждет славы, милый мой...» – № 45.2; в Изд. 1827: «Чтоб очаровывать сердца...»), в «Падении листьев» (№ 73.2), в сатире «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» (№ 69), в послании «Н. И. Гнедичу» (№ 77), в послании «Богдановичу» (№ 83). Зато стихотворения, написанные во второй половине 1824 г. и в 1825 г., либо подверглись минимальной правке (изменение отдельных строк и слов), либо вовсе не редактировались. Это позволяет предполагать, что большая часть текстов, во-

шедших в Изд. 1827, была подготовлена не в 1826 г. в Москве, а в Роченсальме – в основном осенью – в начале зимы 1823 г., перед отправкой рукописей Рылееву и Бестужеву, а также, может быть, в сентябре – начале октября 1824 г., после того как Баратынский забрал рукопись назад под предлогом необходимых поправок. Вероятно, он возвращался к работе над стихотворениями и после осени 1823 г., но вряд ли с той же интенсивностью, какая должна была проявиться в названное время – наиболее свободное в его жизни для такого рода занятий (со второй половины октября 1824 г. он переехал из тихого Роченсальма в Гельсингфорс, где ему явно было не до обработки своих ранних стихов, а после Гельсингфорса с февраля 1823 г. был поглощен работой над «Балом»).

Однако композиция «Стихотворений Евгения Баратынского» 1827 г. – конечно, результат раскладки рукописей, произведенной в 1826 г. (в конце 1823 г., отправляя свои тетради Бестужеву и Рылееву, Баратынский просил их самих позаботиться о композиции книги: «Возьмите на себя, любезные братья, классифицировать мои пьесы» – Летопись. С. 127). Стихотворения в сборнике распределены по трем разделам: «Элегии», «Смесь», «Послания». «Смесь» и «Послания» не имеют тематической связи: каждый новый текст являет иное, нежели предыдущий, душевное состояние, а все они в совокупности должны создавать впечатление сплошного потока жизни в ее непрерывной изменчивости. Главная жизненная проблема в книге – проблема счастья – полноценного бытия:

<...> О счастье с младенчества тоскую <...>  
(Истина // № 79; здесь и далее стихотворения упомянуты под заглавиями Изд. 1827)  
<...> Не призрак счастья, но счастье нужно мне <...>  
(Родина // № 34)  
<...> Желанье счастья в меня вдохнули боги <...>  
(Безнадежность // № 76.1)  
<...> Не упоения, а счастья  
Искать для сердца должно нам <...>

(«К...ну: «Пора покинут, милый друг...» // №30)

В большей части тех стихотворений, где речь идет о душевных волнениях, счастье связано с осуществлением любовных желаний. Но любовное счастье быстротечно и призрачно («<...> На краткий миг была мне жизнь моя, // <...> Одно теперь унылое смущенье // Осталось мне от счастья моего» – Разлука // № 20), в настоящий момент надежд на его обретение нет. В настоящий момент душевное состояние поэта – это состояние сознания своих заблуждений:

<...> Обман исчез, нет счастья! <...>

(Поцелуй // № 64.1)

48

Что красоты, почти всегда лукавой Мне долгий взор?

Обманчив он! его живая сладость Душе моей

Страшна теперь <...>

(Песня: «Когда взойдет денница золотая...» // № 81)

Это состояние на пороге («Буря» – № 92) или на «полдороге» («Безнадежность» – № 76). Мечта о счастье остается, но само счастье ускользает, путь к нему не виден:

О счастии с младенчества тоскуя,

Все счастьем беден я,

Или вовек его не обрету я в пустыне бытия? <...>

(Истина // №79)

Настоящий момент – это момент неполноценной, болезненной жизни:

Напрасно мы, делий, мечтаем найти в сей жизни блаженство прямое <...>

Наш тягостный жребий: положенный срок Питаться болезненной жизнью <...>

(Делию // №36)

Жизнь слишком мало вознаграждает или вовсе не вознаграждает за те душевные усилия, которые прилагаются для достижения счастья:

Тебе я младость шаловливу,

О сын Венеры! посвятил;

Меня ты плохо наградил,

Дал мало сердцу на разживу!

Подобно мне любил ли кто?

И что ж я вспомню, не тоскуя?

Два, три, четыре поцелуя!..

Быть так, спасибо и за то.

(К Амуру // № 116)

<...> И что я приобрел, красавиц воспевая?

Одно: моим стихом Харита молодая,

Быть может, выразит любовь свою к тебе! <...>

(Л.П-ну // №88.1)

Когда неопытен я был,

У красоты самолюбивой, мечтатель слишком прихотливой, я за любовь любви молил;

я трепетал в тоске желанья

4. Баратынский. Том 1

49

У ног волшебниц молодых:

Но тщетно взор во взорах их Искал ответа и узнанья!

Огонь утих в моей крови;

Покинув службу Купидона,

я променял сады любви на верх бесплодный Геликона.

Но светлый мир уныл и пуст,

Когда душе ничто не мило:

Руки пожатье заменило Мне поцелуй прекрасных уст.

(Л-ой // №57л)

Последние строки требуют особенного внимания – речь идет о замене мечтательного

идеала его реальным подобием. Это подобие имеет сходство с мечтой (в данном

случае речь идет о замене одного соприкосновения другим), но это именно

сходство: в нем сохранены общие контуры идеала, память о нем, его след, но сам

идеал остается таким же маняще недостижимым, каким был. Это состояние псевдо –

счастья, псевдожизни. Как и в «Родине» (№ 34), где говорится о поиске счастья в

родном углу («О дом отеческий! о край всегда любимой! // Родные небеса! <...> //

Вы мне повеете спокойствием и счастьем»), оно наполнено покоем, но это покой

душевного бездействия – усыпления:

<...> Лелеемый счастливым усыплением,

я не хочу притворным исступлением Обманывать ни юных дев, ни Муз.

(Эпилог // № 31.1)

<...> Счастливым отдыхом, на счастье похожим,

Отныне с рубежа на поприще гляжу –

и скромно кланяюсь прохожим.

(Безнадежность // № 76.1)

<...> Я сплю, мне сладко усыпленье <...>

(Разуверение // №54)

«Счастлирое усыпленье», «сладкое усыпленье», «отдых, на счастье похожий» – все это варианты душевного охлаждения, замены настоящего счастья, замены вынужденные, но спасительные – они заглушают тоску, уныние, печаль, боль, страдания (и т. п.), порожденные обманом надежд на счастье:

<...> Светильник мой укажет путь ко счастью!

(Вещала) захочу

И страстного отрадному бесстрастью Тебя я научу.

50

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,

Пускай, узнав людей,

Ты, может быть, испуганный разлюбишь И ближних и друзей.

Я бытия все прелести разрушу,

Но ум наставлю твой;

Я оболью суровым хладом душу,

Но дам душе покой <...>

(Истина // №79)

<...> Верь тот надежде обольщающей,

Кто, бодр неопытным умом,

Лишь по молве разновещающей С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!

Летите: крылья вам даны;

Для вас и замыслы блестящие И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испытавшие,

Тщету утех, печали власть,

Вы, знанье бытия приявшие Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный;

Так! доживайте жизнь в тиши

И берегите хлад спасительный

Своей бездейственной души <...>

(Две доли // № 55)

Если судить по «Эпилогу», «Безнадежности» и «Разуверению», то покой, приобретенный к настоящему моменту, – это замена счастья, сохраняющая подобие счастья, замена полноценного бытия, псевдожизнь, но все-таки – жизнь. Если судить по «Истине» и «Двум долям», то покой – это прообраз смерти:

<...> Светильник твой – светильник погребальный Последних благ моих!

Твой мир, увы! могилы мир печальный И страшен для живых <...>

(Истина )

<...> Своим бесчувствием блаженные, как трупы мертвых из гробов, Волхва словами пробужденные, встают со скрежетом зубов,

Так вы, согрев в душе желанья, Безумно вдавшись в их обман,

4\*

51

Проснетесь только для страдания,

Для боли новой прежних ран.

(Две доли)

Получается, что состояние замены – это состояние, промежуточное между жизнью и смертью: неполнота как бытия, так и небытия. Почему так получается? У Баратынского можно найти три взаимодополняющих ответа на этот вопрос.

1) Причина болезненного состояния души – обман мечтаний о разделенной любви (традиционная мотивировка элегических страданий). Любовь отравляет и опустошает жизнь:

<...> Огонь любви, огонь живительный!

Все говорят; но что мы зрим?

Опустошает, разрушительный,

Он душу, объятую им!

(Любовь: «Мы пьем в любви отраву сладкую...» // № \$6).

Любовные отношения порождают только «бесплодный огонь» (послание к Л. С. Пушкину), «унылое смущенье» («Разлука»), «изнеможенье» («Поцелуй»).

2) Причина – ход жизни, взросление, искушенность, «знанье бытия», опытность сердца и т. п.

<...> Уж отлетает век молодой,

Уж сердце опытнее стало <...>

(К...ну: «Пора покинут, милый друг...» // № 30 А)

<...> В душе, больной от пищи mnogой,

В душе усталой пламень гас,

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
И за стаканом, в добрый час застал нас как-то опыт строгой.

Наперсниц наших, страстных дев Мы поцелуи позабыли И, пред суровым оробев,  
Утехи крылья опустили <...>

Теперь вопрос я отдаю Тебе на суд. Подумай, мы ли Переменили жизнь свою,  
Иль годы нас переменяли?

(К... .: «Нет, нет! мой ментор, ты неправ...» // № 46.3)

<...> Переменяют годы нас

И с ними вместе наши нравы <...>

В пылу начальном дней младых Неодолимы наши страсти:

52

Проказим мы, но мы у них,

Не у себя тогда во власти <...>

(Товарищам: «Так! отставного шалуна...» // №38)

3) Причина – судьба (рок, жребий). В известной мере судьба у Боратынского совпадает с опытом, ибо означает течение жизни. Вместе с тем судьба – это надличная субстанция, предопределяющая течение жизни и все жизненные невзгоды. Это сила – «тяжелая», «тягостная», «жестокая», «суровая», «строгая», «гневная», «враждебная», «самовластная» – см., например, в послании Дельвигу («Дай руку мне...»): «судьбины злоба», «судьба тяжелая», «судьба суровая»; в «Падении листьев»: «суровый рок», «судьбины гнев», «судьбе противиться бессильный»; в послании Коншину («Поверь, мой милый друг...»): «рок суровый»; в «Унынии»: «рок злобный»; в послании Дельвигу («Напрасно мы, Делий...»): «самовластный рок», «тягостный жребий»; в «Истине»: «тяжкий жребий»). Эта сила отторгает от круга друзей (см. послания Дельвигу «Где ты, беспечный друг...» и «Н. И. Гнедичу»), отлучает от родины («Отъезд» – № 35; «Русская песня» – № 40), лишает надежд, мечтаний, целей («Истина», «Две доли»), истребляет радость и младость («К...»): «Нет, нет! мой ментор, ты неправ...», обрекает на рабское, подневольное состояние («Буря»; «Напрасно, мы, Делий, мечтаем найти...»; «Падение листьев»), демонстрирует наличие абсолютного закона, оспаривать который личной волей бессмысленно, – закона уничтожения жизни («Финляндия», «Рим» – № 48, «Могила» – № 90.3).

Во всех трех причинах душевного недуга есть одно общее свойство – то, что все они свидетельствуют о невластности человека в самом себе: душа больна, разуверена, опустошена, охлаждена, усыплена, бездейственна, а воскресить ее для веры в возможность обретения полноценной жизни – выше человеческих сил. Это отчетливо фиксирует текст, являющийся сердцевинной Изд. 1827 – «Эпилог» (№ 31). «Эпилог», замыкая три книги элегий, стоит в центре сборника и, подводя итог элегиям, задает угол зрения для чтения стихотворений в двух следующих разделах. Но тут пора вспомнить об относительности истин: то, что находится «в сердце-вине», отнюдь не совпадает у Боратынского с тем, что находится «по краям». «По краям» «Эпилога» – другие опорные тексты Изд. 1827: «Финляндия» (зачин 1-й книги «Элегий» и всей книги), «Буря» (финал 1-й книги «Элегий»), «Отъезд» (финал 2-й книги), «Стансы»: «В глуши лесов счастлив один...» (финальное стихотворение «Смеси») и послание «Н. И. Гнедичу» (финал «Посланий» и всего сборника). Эти тексты наряду с «Эпилогом» служат ориентирами, помогающими обнаружить ту смысловую перспективу, в рамках которой можно воспринимать остальные стихи. В них, в противовес сердцевинному стихотворению, определен выход из неполноценного, подвластного состояния, а следовательно, и способ победы над мучительным недугом. В «Буре» это выход в мятежную смерть, в «Финляндии», «Отъезде»,

53

«Стансах» и послании «Н. И. Гнедичу» – спасение в творчестве. Именно творчество дает то вознаграждение, которое тщетно искать на любовном пути и которое уравновешивает все невзгоды, навязываемые судьбой:

<...> Вострепещу ль перед судьбою? <...>

Я, не внимаемый, довольно награжден За звуки звуками, а за мечты мечтами.

(Финляндия // № 25.т)

<...> Наперекор судьбе,

Не изменил питомец Феба Ни Музам, ни себе.

(Отъезд: «Прощай, отчизна непогоды...» // № 35.1)

<...> Меня тягчил печалей груз;

Но не упал я перед роком,

Нашел отраду в песнях муз И в равнодушии высоком,

И светом презренный удел Облагородить я умел.

Хвала вам, боги! предо мной Вы оправдались отныне!

Готов я с бодрю душой На все угодное судьбине,

И никогда сей лиры глас Не оскорбит роптаньем вас!

(Стансы // № 101.1)

<...> Природа, каждого даря особой страстью,  
Нам разные пути прокладывает к счастью:  
Кто блеском почестей пленен в душе своей;  
Кто создан для войны и любит стук мечей;  
Любезны песни мне. Когда-то для забавы Я, праздный, посетил Парнасские дубравы И  
воды светлые Кастальского ручья;  
Там к хорам чистых дев прислушивался я,  
Там, очарованный, влюбился я в искусство Другим передавать в согласных звуках  
чувство,  
И, не страшась толпы взыскательных судей,  
Я умереть хочу с любовью моей <...>

(Н. И. Гнедичу // М> 77.1)

В «Финляндии», «Стансах» и послании «Н. И. Гнедичу» речь идет об особом рода  
отношениях с судьбой. Это не противоборство, как в «Буре» и «Отъезде», а как бы  
согласие с ней: «Учусь покорствоваться судьбине я моей», – сказано в послании «Н.  
И. Гнедичу». Речь идет, разумеется, не о «раболепном покое» (см. «Бурю»), а о  
том, чтобы жить полноценной душевной жизнью в границах, определенных свыше:

54  
Всех благ возможных тот достиг,  
Кто дух судьбы своей постиг.

(Стансы // № 100.1)

«Дух судьбы своей» определяется в изд. 1827 как дух творчества, и именно  
творчеством обуславливает Боратынский смысл и высшие ценности своей жизни в  
первом сборнике стихов.

к к к

1827–1832 годы – кульминационная эпоха творчества Боратынского, время его  
уверенности в значении своего творческого духа и своей литературной деятельности  
– см. стихотворения этого периода: «Муза» («Не ослеплен я музою моею...» – №  
154); «Слышала, добрые друзья...» (№ 141); «В дни безграничных увлечений...» (№  
164); «Болящий дух врачует песнопенье...» (№183).

Вместе с тем с каждым годом жизни в Москве Боратынский оказывается во все  
большем литературном вакууме. При внешне дружественных отношениях он отчужден от  
круга писателей «Московского Вестника» и равнодушен к главным действующим лицам  
журнала – М. П. Погодину и С. П. Шевыреву; те, в свою очередь, холодны к нему и  
скептически оценивают его дарование (характерно, что в «Московском Вестнике» не  
появилось рецензий ни на изд. 1827 г., ни на «Бал»). С середины лета 1829 г.  
Боратынский вслед за Вяземским прерывает отношения с «Московским Телеграфом», и  
Н. А. Полевой из литературного сочувственника превращается в дерзкого неприятеля  
(см. комментарий к № 149: «В восторженном невежестве своем...»). С «Вестником  
Европы» Каченовского и «Дамским Журналом» Шаликова изначально не могло быть  
никаких отношений ввиду непримиримо враждебного отношения их издателей к поэзии  
Боратынского – самые грубые из всех критических отзывов о его стихах напечатали  
именно они (см.: Дамский Журнал. Ч. 22. № 8 – рецензия на стихотворение  
«Стансы»: «Обременительные цепи...» // № 129.3; Вестник Европы. 1829. Январь –  
рецензия Н. И. Надеждина на «Бал»). Иметь контакты с «Телескопом» Надеждина,  
особенно после его рецензии на «Наложницу» (см.: Телескоп. 1831. Ч. 3. № 10),  
естественно, тоже было невозможно.

Но до тех пор, пока в Петербурге был Дельвиг с ежегодными «Северными Цветами», а  
в Москве – Вяземский и временами наезжавший сюда Пушкин, Боратынский не  
испытывал пустоты вокруг себя. К тому же в конце 1828 – начале 1829 г. он  
сблизился с И. В. Киреевским, чья дружба стала для него такой же насущной частью  
жизни, как любовь Настасьи Львовны. Тесный семейно-дружеский круг являлся  
одновременно и источником поэзии, и ближайшим его адресатом.

Киреевский и Вяземский способствовали новым литературным проектам Боратынского:  
он собирался приняться за историософский труд, написал драму (текст неизвестен),  
пытался сочинить роман в прозе (см.: Летопись. С. 229–230, 279,

55

303). С замыслом романа связана и работа над «Наложницей» в октябре 1829 –  
феврале 1831 г. В майских письмах 1831 г. Киреевскому Боратынский объяснял свою  
мысль об идеальном «эклектическом» романе, который синтезировал бы две романские  
крайности: «спиритуальность» и «материализм» (см.: Летопись. С. 256). В основе  
деления романов на «спиритуальные» и «материальные» – давние понятия  
Боратынского о дуализме «чувствительного» и «чувственного» (см. послание 1820 г.  
к Коншину «Поверь, мой милый друг...»: «Счастливы нас бедней, и праведные боги  
// Им дали чувственность, а чувства дали нам»). Идея «эклектического» романа  
соотносится с рассуждениями в предисловии к «Наложнице» о «смешанных характерах»  
как условия «полноты», «естественности» и «правды» литературного произведения;  
сама же «Наложница» в таком контексте выглядит как опыт «эклектического» романа.

Боратынский очень гордился своим новым сочинением: «<...> автор «Эды» сделал большие успехи в своей последней поэме. Не говоря уже о победенных трудностях, о самом роде поэмы, исполненной движения, как роман в прозе, сравни беспристрастно драматическую часть и описательную: ты увидишь, что разговор в «Наложнице» непринужденнее, естественнее, описания точнее, проще» (письмо к Путяте от конца июня – начала июля 1831 // Летопись. С. 262) – это единственный случай, когда обычно умалявший достоинства своих произведений Боратынский оценивает собственный труд столь высоко. Однако\* его усилия оценили немногие – большая часть печатных рецензий была резко отрицательна, свидетельствуя о том, что только в доме Киреевских – Елагиных и в кругу «Северных Цветов» Боратынскому можно искать себе сочувствия.

Скоро все переменится, и он останется совсем один.

14 января 1831 г. умер Дельвиг. В течение первой половины 1831 г. Боратынский собирался по уговору с Пушкиным и Плетневым написать и прислать для «Северных Цветов» на 1832 г., выпускаемых в память Дельвига, биографию покойного друга. Но в июне он вынужден был уехать с семьей из Москвы в казанское имение тестя – Каймары: там долго привыкал к новой обстановке, а осенью, узнав, что Киреевский собирается издавать собственный журнал («Европеец»), оживился и стал деятельно трудиться, причем в порыве дружбы готов был даже биографию Дельвига отдать в «Европеец», а от участия в «Северных Цветах» вовсе отказаться. В итоге большую часть написанного в Каймарах Боратынский отправил Киреевскому, а Пушкину для «Северных Цветов» – только два стихотворения: «Мой Элизий» и «Бывало, отрок, звонким кликом...», и то с оговоркой, что «больше нет ничего за душой» (Летопись. С. 276). Пушкин напечатал первое из них, а второе без объяснений отклонил. Разрыва с Пушкиным не произошло, но началось взаимное охлаждение. Впрочем, память о былом литературном братстве оставалась и у того и у другого. В конце 1832 г. Пушкин помог Боратынскому договориться со Смирдиным об издании его нового собрания стихотворений, а в начале сентября 1833 г., случайно встретившись в Казани, оба искренне обрадовались. Но скоро, кажется, тотчас и

забыли друг о друге – во всяком случае, когда спустя еще три года, в мае 1836 г., они увиделись в Москве, то встретились вполне равнодушно. «Баратынский <...> очень мил. Но мы как-то холодны друг к другу», – писал Пушкин жене (Пушкин. Ак. Т. 16. С. 116).

Переноса после смерти Дельвига все свои душевные и литературные интересы на Киреевского, Боратынский отсекал старые дружеские связи без оглядки. Он сосредоточился на регулярной работе для «Европейца». Однако в феврале 1832 г. «Европеец» был запрещен, и рухнули надежды на постоянный литературный труд. Энергия Боратынского угасла не сразу. Он продолжал писать, и едва ли не первым произведением, написанным после получения известия о закрытии журнала Киреевского, стало стихотворение «На смерть Гете», исполненное мощной уверенности во всеобъемлющей силе творческого духа. Бодрость духа сохранялась у Боратынского еще довольно долго. Так, получив в начале апреля 1832 г., письмо Киреевского, в котором тот писал о бессмысленности и бесперспективности жизни в его опальном положении, Боратынский отвечал другу уникальным признанием: «Много минут жизни, в которых нас поражает ее бессмыслица: одни почерпают в них заключения, подобные твоим, другие – надежду другого, лучшего бытия. Я принадлежу к последним» (Летопись. С. 293). Разумеется, эту истину нельзя понимать как выражение нового жизненного кредо Боратынского, ибо его истины истинны лишь по отношению к данному душевному состоянию. Скоро начнется душевный кризис, и идея «лучшего бытия» окажется под сомнением.

В конце 1832 г. Боратынский договорился с петербургским книгопродавцем Смирдиным об издании нового собрания своих произведений. Однако книга вышла в свет через два с половиной года. Рукопись была представлена в петербургскую цензуру 7 марта 1833 г., но затем Смирдин перепродал право издания московскому книгопродавцу Ширяеву. Тем временем Боратынский с семейством уехал в Мару и надолго там остался. Ширяев посылал корректурные листы по почте, и к началу 1834 г. была набрана только 1-я часть книги, содержащая стихотворения; 2- часть, с поэмами, Боратынский вычитывал на протяжении всего 1834 г., и она была набрана только к январю 1835 г., а поступило издание в продажу лишь в 20-х числах апреля 1835 г. Новым собранием сочинений Боратынский осознанно подводил черту под своим прошлым. Еще лишь обдумывая композицию книги, он был настроен на то, чтобы подчеркнуть ее итоговый характер. «Я не пишу ничего нового и вожусь со старым, – писал он Вяземскому во второй половине декабря 1832 – январе 1833 г. – я продал Смирдину полное собрание моих стихотворений. Кажется, оно в самом деле будет последним, и я к нему ничего не прибавлю. Время поэзии индивидуальной прошло, другой еще не созрело» (Летопись. С. 303).

Если в издании 1827 г. Боратынский поставил в начало сборника философические

собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Вагнер, 2008. 57 тексты, задвинув «индивидуальную», исповедально-субъективную лирику вглубь

книги, и подчеркнул системой обрамлений значение творчества в его жизни, то в первой части нового издания, содержащей лирические произведения, был избран иной принцип – тот, согласно которому в издании 1827 г. располагались тексты в разделах «Смесь» и «Послания».

Это принцип относительности истин в зависимости от душевного состояния автора: чередование стихотворений, выражающих разные душевные состояния и различно (часто диаметрально противоположно) интерпретирующих одно и то же.

Усиливая имитацию сплошного жизненного потока, Баратынский снял заглавия у 103 стихотворений (из 131 помещенного в книгу), и перед читателем предстала вереница фрагментов, фиксирующих изменчивые мгновения жизни колеблющейся души. Но внутренняя изменчивость представлена в подчеркнуто временных пределах: открывает 1- часть издания «Финляндия» (№ 25.1) – элегия, служащая знаком начала поэтической славы Баратынского; замыкает 1- часть книги стихотворение, манифестирующее отказ от творчества, – «Бывало, отрок, звонким кликом...» (№ 162). Благодаря такому финалу новое собрание сочинений стало прощанием с «индивидуальной» поэзией.

«Другая» поэзия начнется со стихотворения, написанного под конец работы над корректурой издания 1835 г., – «Последнего поэта». Общий смысл этой «другой» поэзии прекрасно выразил в 1838 г. один из московских знакомых Баратынского – Н. А. Мельгунов: «Баратынский по преимуществу поэт элегический, но в своем втором периоде возвел личную грусть до общего, философского значения, сделался элегическим поэтом современного человечества. «Последний поэт», «Осень» и пр. это очевидно доказывают» (Цит. по: Летопись. С. 344).

Вместе с тем «Последний поэт», «Осень» и пр. очевидно доказывают состояние глубокой депрессии, охватившей Баратынского с середины 1830-х гг. Надежда на «другое, лучшее бытие», дающая силы в минуты жизни, когда «нас поражает ее бессмыслица», – та надежда, о которой еще в 1832 г. Баратынский писал как о духовной опоре своей жизни, – вовсе исчезнет из его «другой» поэзии второй половины 1830-х гг.

Одной из главных причин депрессии, вероятно, стало то, что составляло вместе с тем его счастье, – семейная идиллия. Мирный, размеренный семейный быт был для Баратынского необходим, как воздух. Однако в реальности тесный домашний круг являлся оплотом полноценного бытия лишь постольку, поскольку был возможен периодический выход за его пределы. Для Баратынского такими выходами служили, во-первых, общения с Киреевским, во-вторых, участие в литературе. Когда он писал Киреевскому после закрытия «Европейца» о том, что теперь, несмотря ни на что, надо продолжать трудиться, как на необитаемом острове (Летопись. С. 297), он не лукавил.

Но одно дело – убежденность человека в том, как следует действовать в экстремальной ситуации, другое – его действительное психическое состояние в такой

58

ситуации. И, как выяснилось впоследствии, писать как на необитаемом острове, без повседневного общения с мыслящим другом и в отрыве от близкой литературной среды, Баратынский мог преимущественно об одном: фигурально выражаясь, о том, что он на необитаемом острове – об одиночестве художника, о бессмысленности и бесплодности жизни, об отчаянии человека, не находящего нигде отклика своему слову (см. «Последний поэт», «Недоносок», «Бокал», «Осень», «Были бури, непогоды...», «На что вы дни! Юдольный мир явленья...», «Рифма» и проч.).

Со второй половины 1834 г. в жизни Баратынского происходит перелом, причиной которому стал разрыв отношений с Киреевским из-за каких-то слухов, дошедших до Баратынских в таком виде, что они сочли их распространителями Киреевского и А. П. Елагину. Содержание слухов неизвестно. Скорее всего это был обычный светский вздор, который распространяют малознакомые или неприязненно относящиеся к нам люди. Только при болезненном состоянии духа можно было заподозрить Киреевского и его мать в причастности к такого рода вздору. Баратынский и Настасья Львовна заподозрили и отвергли былую привязанность навсегда, отравив тем самым и собственную жизнь – памятью о предательстве друзей, и жизнь бывших конфидентов. Одиночество после разрыва с Киреевским выражает послание к Вяземскому, написанное осенью 1834 г. (№ 190). Здесь снова, как когда-то в финляндских стихах, идет речь об отчужденности и впервые после Финляндии звучит тоска по другу:

<...> Счастливей сын уединенья,

Где сердца ветреные сны и мысли праздные стремленья  
Разумно мной усыплены;

Где, другу мира и свободы,

Ни до фортуны, ни до моды,

Ни до молвы мне нужды нет;  
Где я простил безумству, злобе и позабыл, как бы во гробе,  
Но добровольно, шумный свет,  
Еще, порою, покидаю я Лету, созданную мной,  
И степи мира облетаю С тоскою жаркой и живой:  
Ищу я вас; гляжу: что с вами?  
Куда вы брошены судьбами,  
Вы, озарявшие меня И дружбы кроткими лучами,  
И светом высшего огня? <...>

Речь идет о счастливом уединении, но это счастье особого сорта – «как бы во гробе»; душа облетает мир («И степи мира облетаю»), как в юные годы (см. «Две доли»: «Надейтесь, юноши кипящие! // Летите: крылья вам даны») или как может

59  
это делать мысль всеобъемлющего гения (см. «На смерть Гете» – № 169: «Крылатую мыслью он мир облетел»), но облетает в тоске невидения, слепо (как потом в «Недоноске» – № 197: «Мир я вижу, как во мгле»), не зная, где искать утраченное («Ищу я вас, гляжу: что с вами? // Куда вы брошены судьбами»); поэт свободен и властвует над своим духом – он «друг свободы», «шумный свет» оставил «добровольно», «праздные стремленья» «разумно усыплены», но ведь это не что иное, как новая замена мечты о полноценном счастье – «счастливым усыплением» («Разуверение» – № 54), «отдыхом, на счастье похожим» («Желанье счастья в меня вдохнули боги...» – № 76.1).

В послании к Вяземскому Боратынский возвращается в состояние былой элегической безысходности. Только теперь это состояние осложнено тем, что прежний идеал, о котором он грезил когда-то, – домашняя идиллия: любовь и забота подруги нежной (см.: «Пора покинуть, милый друг...» – № 30) и уединенная жизнь в родном углу (см.: «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...» – № 34) – достигнут в его повседневном быту. Но теперь и это полноценное бытие становится лишь относительно полноценным. Вместо полного довольства утаенным бытом наступает тоска по другим «урочищам вселенной», от которых когда-то, в начале своего семейного счастья, он отрекался.

Следующие после разрыва с Киреевским девять лет будут временем все большего отъединения от Москвы и московских знакомых и все большего замыкания жизни в пределах семейного быта. С 1835–1836 гг. Боратынский перестает действовать как писатель: он не строит никаких литературных планов, не задумывает новых поэм, не вмешивается в полемики. Последней известной попыткой участия Боратынского в публичном споре было намерение написать в ноябре 1836 г. ответ на философическое письмо Чаадаева. Кажется, он даже действительно сел за сочинение опровержения (см. письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 11 ноября 1836 // ОА. Т. III. С. 356–357), но дописывать начатое не стал или просто не смог привести свои мысли в порядок.

Ни о каком постоянном литературном труде теперь нет и речи. Он продолжает писать стихи, но делает это от случая к случаю, пишет в год два-три стихотворения и, поскольку больше не сотрудничает с московскими писателями, посылает свои тексты в Петербург – в «Современник» Плетнева или в «Отечественные записки» Краевского. Большая часть его жизни наполнена теперь обустройством домашнего быта.

Семья его росла год от года – в 1839 г. у Боратынского было семь детей – дочери Александра, Мария, Юлия и Зинаида и сыновья Лев, Дмитрий и Николай (кроме того, две дочери – Екатерина и София – умерли: соответственно в 1829 и 1838 гг.).

Необходимо было заниматься со старшими, подыскивать гувернеров и учителей и проч. После смерти любимого тестя – Л. Н. Энгельгардта (4 ноября 1836 г.) на Боратынского легли все заботы по управлению имениями Настасьи Львов

60  
ны и ее сестры Сонички (Мураново, Каймары, Скуратово). Правда, скоро (в ноябре 1837 г.) Соничка вышла замуж за старинного друга Боратынского – Путятю, и отчасти попечение об имениях было поделено между двумя семьями. Но лишь отчасти – основную долю хозяйственных проблем решал Боратынский, имевший более свободного времени, нежели Путятя, продолжавший служить в Петербурге. В 1838 г. Боратынский стал перестраивать свой московский дом (в 1833 г. он купил двухэтажный особняк на Большой Спиридоновке) – решено было нижний этаж сдавать, а для этого требовался капитальный ремонт. Строительные работы начались весной 1838 г. и, кажется, растянулись на год с лишним. Первое известие о том, что Боратынские наконец перебрались из флигеля, где они жили во время ремонта, на второй этаж, датируется началом зимы 1839 г.

Хозяйственная деятельность пришлась ему по вкусу. По его письмам этого периода видно, что даже отчеты в Опекунский совет он составлял с удовольствием. Вместе с тем очевидно и то, что его не оставляет мысль о необходимости выхода за пределы тесного домашнего круга. Осенью 1838 г. он собирался отправиться в заграничное



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага путешествие (Германия – Италия), но из-за ремонта дома на Спиридоновке вояж был отложен. В 1839 г. решено было ехать всей семьей в Крым. «Хочется солнца и досуга, ничем не прерываемого уединения и тишины, если возможно, беспредельной», – писал Баратынский Плетневу в феврале 1839 г. (Летопись. С. 331).

Уединения и тишины Боратынскому хватало и во время жизни в подмосковной – Крым, так же как Италия, которую Боратынский ставил целью путешествия в 1838 г., является в данном случае идеальным краем поэтической свободы. Не случайно сразу после слов об уединении и тишине Боратынский пишет Плетневу о творчестве: «Думаю опять приняться за перо» (Там же). Но из-за очередных родов Настасьи Львовны и путешествие в Крым было отложено.

В начале 1840 г. Боратынские решили ехать за границу всей семьей. Не удалось и это. В конце концов жажда странствий была удовлетворена поездкой в Петербург в первой половине 1840 г.

Эта поездка многое переменяла в планах Боратынских. Сам он отвлекся от однообразного повседневного быта, оживил старые дружеские связи и завел новые. Настасья Львовна была очень довольна впечатлением, произведенным ее мужем в петербургском обществе. Теперь именно с Петербургом Боратынские связывают свои лучшие мечты: они собираются переехать туда на постоянное жительство. Но лето 1840 г. выдалось неурожайным, в поместьях Боратынских и Энгельгардтов начался голод, и Боратынский как заехал с семейством в августе 1840 г. в Мару, так и остался там до весны 1841 г. Из-за недостатка в деньгах переезд в Петербург был отложен, а Боратынский по возвращении из Мары занялся сводом леса в окрестностях Муранова, строительством лесопильной мельницы, продажей досок и бревен и, наконец, строительством нового мурановского дома.

61

В Москву он приезжал теперь лишь изредка и только по хозяйственным делам. Встреч с бывшими московскими знакомыми, и прежде всего из круга Киреевских– Елагиных, он избегал, видя в них личных недоброжелателей, строящих ему тайные козни:

<...> Велик Господь! Он милосерд, но прав:

Нет на земле ничтожного мгновенья;

Прощает он безумию забав,

Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,

Тот вызвать мог меня на бой кровавой;

Но, подо мной сокрытый ров изрыв,

Свои рога венчал он падшей славой! <...>

(«Опять весна, опять смеется луг...» // № 224)

Какие «пиры злоумышленья»? какой «сокрытый ров»? чьи «рога»? Смысл последнего четверостишия комментировал Плетнев – уже после смерти Боратынского, очевидно, со слов Настасьи Львовны: «Свои рога есть живописное изображение глупца в виде рогатой скотины <...> сокрытый ров означает намек на разные пакости, которые в Москве делали ему юные литераторы, злобствуя, что он не делит их дурачества» (цит. по: Летопись. С. 42). – Перед нами картина литературной травли.

Между тем ни о какой травле говорить не приходится – ничто не свидетельствует о враждебном отношении к Боратынскому московских писателей. Они не забывают о нем, несмотря на его уединение, и продолжают числить действующим автором. Так, в начале мая 1840 г. Погодин зовет его на именной обед Гоголя, по обыкновению устраиваемый в саду погодинского дома на Девичьем поле, а помещая в

«Москвитяине» справку о настоящем местопребывании российских писателей, Погодин не забывает в ней упомянуть и о Боратынском (Москвитянин. 1841. 4.1. № 1. С. 325). Никаких публичных выпадов против Боратынского в «Москвитяине» не было. Напротив, здесь был помещен доброжелательный отзыв о «Сумерках» (Москвитянин. 1843. ч. 1. № 1. С. 280). Неизвестны нам и какие-либо неприязненные отзывы о Боратынском в сохранившихся эпистолярных и дневниковых материалах писателей круга «Москвитянина». Тем более не приходится говорить о вражде со стороны И. В. Киреевского и А. П. Елагиной.

Дело было прежде всего в болезненном самоощущении – в воспоминаниях об обидах и в страхе новых душевных ран. В результате незначущие мелочи превращались в знаки вражды. Характерный эпизод: Боратынский встречается во время своей поездки в Петербург с Вяземским и пишет об этой встрече жене в Москву. «Разговорились, не знаю как, о здоровьях. – Вы несколько похожи на мнимого больного, – сказал мне Вяземский. Я засмеялся и спросил, почему он это знает? – Говорили это во время холеры. – Видишь, – делает вывод Боратынский, – что наш друг

62

Киреевский еще тогда, в полном жару нашей связи, он или мать его были к обоим нам неприязненны» (Летопись. С. 360).

Когда в конце апреля – начале мая 1842 г. к Боратынским в Мураново приезжала ненадолго Софья Львовна Путята, она, видимо, была несколько испугана душевным

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в состоянии Боратынских. «Не расстраивайтесь, – утешала Путят Настасья Львовна через две недели после отъезда сестры. – Мы во всем доходим до крайностей: то, что в хорошую минуту вызовет прилив чрезвычайной веселости, в минуту уныния будет преувеличено противоположным образом <...>, если бы вы услышали, насколько различно мы говорим об одном и том же в зависимости от состояния духа, вы посчитали бы нас в некотором роде сумасшедшими» (Хетсо 1973. С. 197–198; фрагмент цитируется в переводе с французского). В сущности, Настасья Львовна на свой лад объясняла доминантный принцип поэзии ее мужа – относительность истин.

к к к

Поэтическим итогом уединенной жизни Боратынского в Москве и в Муранове стала книга «Сумерки».

В «Сумерках» представлена «другая» поэзия, «созревшая» во время кризиса: элегическая исповедальность сублимирована здесь на уровень глобальных обобщений. В предыдущих собраниях стихотворений 1827 и 1835 гг. доминировала «индивидуальная» поэзия: система обрамлений и чередование текстов, выражающих разные душевные состояния, превращали оба сборника в книги о судьбе самого Боратынского: Боратынского – поэта, Боратынского – мыслящего человека. Главное в «Сумерках» – судьба поэта и мыслящего человека вообще.

Последняя книга Боратынского выражает те же взаимоотрицающие духовные искания и душевные состояния, которые составляли основу его прешествовавшего творчества: желание полноты бытия и понимание бесплодности ее поисков; сознание невластности над болезненным духом и творческое упоение художника, властвующего над материалом; усыпление разуверенной души и бодрость поэтического вдохновения. И так далее.

Но если в Изд. 1827 и Изд. 1835 Боратынский акцентировал индивидуальный смысл этих душевных состояний и духовных исканий, то в «Сумерках» эти состояния и искания «укрупнены» (Бочаров 1985. С. 99) и предстают как общие свойства бытия и мышления. «Сумерки» – книга философических ответов, данных с позиции сверхзнания – знания, выходящего «за грань чувственного», «страстного земного»:

<...> Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком К ним чувственным, за грань их не ступая! Есть хмель ему на празднике мирском!

63

Но пред тобой, как пред нагим мечом,  
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

(«Все мысль да мысль!..» // №211)

<...> Но не найдет отзыва тот глагол,

что страстное земное перешел <...>

(Осень // № 213.1)

В философических стихах 1820-х – начала 1830-х гг. ответы на запредельные вопросы регулярно чередовались с глубоким недоумением насчет возможности их разрешения. Так, в послании к Дельвигу «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...» (№ 36), в стихотворениях «Дало две доли Провидение...» (№ 55), «Последняя смерть» (№ 128), «Смерть» (№ 142) вопросы о сущности жизни, о смысле смерти, о последней судьбе всего живущего решаются однозначно и твердо, а в «Финляндии» (№ 25), «Риме» (№ 48), «Черепе» (№ 90), в стихотворении «К чему невольнику мечтания свободы?..» (№ 179) вопросы так и остаются вопросами: каков был смысл бурной жизни древних народов? какие истины известны гробам? если все предопределено вышней волей, зачем страсти? – ответов нет. В стихотворениях же эпохи «Сумерек» вопросительные интонации почти отсутствуют, а сомнений нет вовсе. Если вопросы и ставятся – то лишь затем, чтобы сформулировать безапелляционный вывод (см. «Ахилл», «Осень», «Рифма»).

«Сумерки» – это книга ответов, данных с позиции знания, не доступного в пределах чувственного и земного. Такая позиция обозначена Боратынским еще на исходе его «индивидуальной поэзии»:

<...> Крылатою мыслью он мир облетел,

В одном беспредельном нашел ей предел <...>

Была ему звездная книга ясна,

И с ним говорила морская волна.

Изведен, испытан им весь человек! <...>

(На смерть Гете // № 169)

Подобный же выход за грань чувственного – в область пророческого всезнания определяет и точку зрения Боратынского в «Сумерках». Здесь есть свои эквиваленты поиска предела в беспредельном:

<...> Коснися облака нетрепетной рукою –

исчезнет; а за ним опять перед тобою Обители духов откроются врата.

(«Толпе тревожный день приветен, но страшна...» // № 208.1), –

свои соотвествия «морской волне» (см. «Последний поэт» – № 191: «Человеку непокорно / / Море синее одно, //И свободно, и просторно, / / И приветливо оно»)

64

<...> Пускай, приняв неправильный полет и вспять стези не обретая,  
Звезда небес в бездонность утечет;  
Пусть заменит ее другая <...>

(Осень // №213.1), –

свои параллели к «изведанности» человека:

<...> Испытана тобою глубина  
Людских безумств и лицемерий <...>  
(Осень )

Одно решительно отличает всезнание Боратынского от всезнания Гете – его  
деструктивность. У Боратынского в границах «страстного земного» – нет поэзии  
(«Последний поэт», «Рифма»), нет прорицаний («Приметы»), нет пророческих  
откровений («Бокал»), нет «радостей души», «отзыва», «грядущей жатвы» (X, XIV,  
XVI строфы «Осени»). Все это возможно только «за гранью чувственного».

<...> О сын фантазии! ты благодатных Фей  
Счастливым баловень, и там, в заочном мире Веселый семьянин, привычный гость на  
пире Неосязаемых властей:

Мужайся, не слабей душою Перед заботою земною:

Ей исполинской вид дает твоя мечта;

Коснися облака нетрепетной рукою –

Исчезнет; а за ним опять перед тобою Обитатели духов откроются врата.

(«Толпе тревожный день приветен, но страшна...»)

<...> Опрокинь же свой треножник!

Ты избранник, не художник!

Попеченья Гений твой Да отложит в здешнем мире:

Там, быть может, в горнем клире,

Звучен будет голос твой!

(«Что за звуки? мимоходом...» // № 210)

Но и там, за гранью – «в заочном мире», не обнаруживается ни смысла, ни отзыва,  
ни награды горней гармонией; там – только бессмысленная вечность глухой  
безответной вселенной:

<...> Изнывающий тоской,

я мечусь в полях небесных надо мной и подо мной

5. Боратынский Том 1

65

Беспредельных – скорби тесных!

В тучу прячусь я, и в ней Мчуся чужд земного края,

Страшный глас людских скорбей Гласом бури заглушая.

Мир я вижу как во мгле;

Арф небесных отголосок Слабо слышу <...>

В тягость роскошь мне твоя,

О бессмысленная вечность!

(Недоносок // № 197.1)

Пускай, приняв неправильный полет и вспять стези не обретая,

Звезда небес в бездонность утечет;

Пусть заменит ее другая:

Не явствует земле ущерб одной,

Не поражает ухо мира Падения ее далекой вой,

Равно как в высотах эфира Ее сестры новорожденный свет и небесам восторженный  
привет!

(Осень. XV строфа)

Творческий гений в стихотворении «На смерть Гете» открыт миру – он сам разделит  
себя с миром:

<...> С природой одною он жизнью дышал Ручья разумел лепетанье,

И говор древесных листов понимал,

И чувствовал трав прозябанье <...>

И мир отозвался ему:

<...> И с ним говорила морская волна <...>

В «Сумерках» творческий гений не может разделить себя ни с предельным, ни с  
запредельным миром – пророческое всезнание и творческое вдохновение замкнуты на  
самых себе:

<...> О бокал уединенья!

Не усилены тобой Пошлой жизни впечатленья, словно чашей круговой: Плодородней,  
благородней, Дивной силой будишь ты

66

Откровенья преисподней Иль небесные мечты.

И один я пью отныне!

Не в людском шуме, пророк в немотствующей пустыне обретает свет высок!

Не в бесплодном развлечении общежительных страстей,

В одиноком упоении Мгла падет с его очей!

(Бокал // № 202)

<...> Среди безжизненного сна,

Средь гробового хлада света,

Своею ласкою поэта Ты, рифма! радуешь одна.

Подобно голубю ковчега,

Одна ему, с родного берега,

Живую ветвь приносишь ты;

Одна с божественным порывом Миришь его твоим отзывом И признаешь его мечты!

(Рифма // №215.1)

Благодаря тому, что «Рифма» является последним текстом «Сумерек», можно считать, что истина, утверждаемая в этом стихотворении, служит выводом всей книги. Это старая истина Боратынского, которую он доказывал себе еще не вполне осознанно в годы пажеского кризиса (см. письмо 1814 г. к маменьке о желании стать автором), а начиная с 1820 г. – совершенно сознательно: только поэтическое творчество может дать «награду» и «ответ» и спасти от преследований судьбы и собственного болящего духа. Однако абсолютных истин у Боратынского не бывает, и через несколько месяцев после выхода «Сумерек», осенью 1842 г., он мучительно, судя по объему черновиков, пишет стихотворение «Опять весна, опять смеется луг...» (№ 224; традиционное редакторское заглавие: На посев леса) – новый отказ от поэзии:

<...> Уж та зима главу мою сребрит.

Что греет сев для будущего мира,

Но праг земли не перешел пиит,

К ее сынам еще взывает лира <...>

Летел душой я к новым племенам,

Любил, ласкал их пустоцветный колос:

Я дни извел, стучась к людским сердцам,

Всех чувств благих я подавал им голос.

5\*

67

Ответа нет! отвергнул струны я,

Да кряж другой мне будет плодоносен,

И вот ему несет рука моя Зародыши елей, дубов и сосен.

Пусть! жду, простясь я с лирою моей,

Что некогда ее заменят эти,

Поэзии таинственных скорбей Могучие и сумрачные дети.

Новое отречение от поэзии качественно отличается от прежних. Теперь речь идет не о самопроизвольном угасании вдохновения в душе поэта (ср. «Чувствительны мне дружеские пени...» и «Бывало, отрок, звонким кликом...» – №№ 31 и 162), а о сознательном отказе от поэзии и выборе иного пути жизни; точнее даже, не пути, а финала, исхода жизни (в начале стихотворения говорится о старении и скорой смерти: «Уж дольний мир уходит от очей, / / Пред вечным днем я опускаю вежды»). Поэзия осознается как причина душевной травмы (лира «взывает», но «ответа нет!»), и не поэтическая гармония оправдывает теперь смысл бытия, а гармония иного рода – гармония природы. Отказа от идеи творчества – нет: речь о направлении творчества в иное русло, на иной путь. Природа в стихотворении «Опять весна...» не стихийная сила, существующая вне и помимо человека (ср. «Водопад» – № 44; «Буря» – № 92; «Приметы» – № 194), а – новый материал для деятельности, материал, организованный волей художника и вознаграждающий его за творческие усилия. Несмотря на скорбный тон стихотворения, можно сказать, что оно выражает ощущение вовсе не скорбное – желание выйти за пределы той жизни, средоточием которой была «поэзия таинственных скорбей», – и вместе с написанным через полтора года «Пироскафом» образует поражающую своим экзистенциальным эффектом развязку всей жизни Боратынского.

к к \*

В сентябре 1843 г. сбылась давняя мечта: прямо из Муранова Боратынские отправились в заграничное путешествие. Около 7 сентября они прибыли всей семьей в Петербург и, остановившись на несколько дней у Путят, в конце 10-х чисел сентября отправились в путь – через Кенигсберг на Берлин. Из Берлина они съездили в Потсдам, а далее отправились в Лейпциг и из Лейпцига по железной дороге в Дрезден. Вернувшись в Лейпциг после осмотра Дрезденской галереи, Боратынские поехали, видимо, на дилижансе во Франкфурт, а оттуда по Рейну доплыли до Кельна, из Кельна – по железной дороге в Брюссель, из Брюсселя – в Париж.

О жизни Боратынских во время путешествия мы можем судить в основном по его

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский барата  
письмам к Путятям и к маменьке Александре Федоровне (см.: Летопись. С. 399–406)  
– они полны новыми впечатлениями: посещение европейски зна

68

менитых культурных памятников (дом Вольтера в Потсдаме, Дрезденская картинная галерея); знакомство с французскими писателями (А. де Виньи, Мериме, Но- дье, Ламартин); общение с русскими, живущими за границей (А. И. Тургенев, А. И. Свечина и др.); европейские новизны, удивительные для жителя России («Железные дороги чудная вещь. Это апофеоза рассеяния»); особенности общественной жизни западных государств («Всего замечательнее во Франции сам народ, приветливый, умный, веселый и полный покорности закону, которого он понимает всю важность, всю общественную пользу. Я удивлялся в Берлине городскому порядку, точности и бесспорности отношений. Как же я изумился найти то же самое, но в высшей степени, в многолюдном Париже»).

Но уже к новому году Боратынский устал от обилия впечатлений и рассеянного образа жизни, а в его новогоднем поздравлении Путятям звучат обычная для русского за границей ностальгия по простору, по снегу, по дому и апофеоза русской жизни. Впрочем, отъезжая из Парижа в Марсель, Боратынский расстался с великим городом умиротворенно. Из Марселя Боратынские отправились на пироскафе (пароходе) в Неаполь. Сохранилось три письма Боратынского из Италии, по которым можно судить о его душевном состоянии в конце весны – начале лета 1844 г. (см.: Летопись. С. 408–410). В них говорится о спокойствии и блаженстве: «Каждый день наслаждаюсь одним и тем же и всегда с новым упоением. <...> Мне эта жизнь отменно по сердцу: гуляем, купаемся, потеем и ни о чем не думаем, по крайней мере, не останавливаемся долго на одной мысли» (Летопись. С. 410).

Во время переезда по Средиземному морю на пароходе из Марселя в Неаполь Боратынский написал стихотворение «Пироскаф» (№ 229):

<...> С берегом набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;

Вынес я много смятенной душой Радостей ложных, истинных зол;

Много мятежных решил я вопросов Прежде, чем руки марсельских матросов Подняли якорь, надежды символ!

С детства влекла меня сердца тревога В область свободную влажного бога;

Жадные длани я к ней простирал.

Темную страсть мою днесь награждая,

Кротко щадит меня немочь морская:

Пеною здравья брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до берега!

В сердце к нему приготовлена нега.

Вижу фетиду: мне жребий благой Емлет она из лазоревой урны:

Завтра увижу я башни Ливурны,

Завтра увижу Элизий земной.

69

После негативного решения вопросов полтора года назад – отказом от поэзии в стихотворении «Опять весна...» – новое решение («Много мятежных решил я вопросов») полностью отрицало как сказанное полтора года назад, так и едва ли не все сказанное в предыдущей, «набрежной» жизни. «Пироскаф» – это опыт абсолютно новой поэзии Боратынского: здесь нет сомнений, нет отчуждения от жизни, нет деструктивного всезнания – все это осталось позади, впереди был берег новой жизни: Элизий земной.

«Пироскаф», как и написанное вслед за ним стихотворение «Дядьке Итальянцу» (№ 230), стал как бы возвращением в начало жизни. «С детства влекла меня сердца тревога» – это воспоминание о своих пажеских мечтах: «Вообразите <...> неистовую бурю и меня, на верхней палубе, словно повелевающего разгневанным морем, доску между мною и смертью, чудищ морских, пораженных дивным орудием, созданием человеческого гения, властвующего над стихиями» (Летопись. С. 68). Но и в юности, и позднее, когда Боратынский вспоминал свои юношеские мечты, мысль о море была символом мятежа и гибели (см. в цитированном письме рассуждения о смерти и об опасностях, подстерегающих человека на морской службе; см. в «Буре» вызов властелину геенны и строки о гибели «на яростных волнах, в борьбе со гневом их»). Теперь же, в «Пироскафе», вместо чудищ морских или властелина геенны – благосклонная фетида: «жребий благой емлет она из лазоревой урны», вместо мятежа – сердечная нега («Нужды нет, близко ль, далеко ль от берега, / /В сердце к нему приготовлена нега»), вместо мыслей о смерти – «надежды символ». «Пироскаф» означал решение жить: жить без тоски по прошедшему, с надеждой на будущее и в упоении настоящим моментом. Но лишь только душа его разжалась, первая же невзгода оказалась роковой.

«Накануне русского праздника святых апостолов Петра и Павла занемогла жена Боратынского. Доктор советовал, чтобы ей открыть кровь – и когда муж удивился,

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
что надобно употребить эту сильную меру в припадке по-видимому обыкновенном, то  
доктор объявил, что иначе может последовать воспаление в мозгу. Слова его так  
встревожили Баратынского, что он сам почувствовал лихорадочный припадок, который  
ночью усилился» (П. А. Плетнев // Цит. по: Летопись. С. 47). 29 июня 1844 г., в  
четверть седьмого утра, Боратынский умер.

А. М. Песков  
Стихотворения  
1818-1822 ГОДОВ

1  
1

Взгляните: свежестью молодой,  
И в осень лет она пленяет,  
И у нея, летун седой,  
Ланитных роз не похищает; Сам побежденный красотой, Глядит – и путь не  
продолжает!

<1818 – начало 1819; 1823–1826>

2

Ранняя редакция  
Мадригаль

Пожилкой женщине и все еще прекрасной  
И в осень лет – красы молодой Она всю прелесть сохраняет;  
Старик крылатый не дерзает коснуться холодной к ней рукой;  
Сам побежденный Красотой,  
Глядит – и путь не продолжает.

<1818 – начало 1819>

1.1. «Взгляните: свежестью молодой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 164 (№ ХСИИ).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 93 (раздел «Смесь») – под  
заглавием «Женщине пожилой, но все еще прекрасной».

По Изд. 1827 перепечатано: Венок Граций. М., 1838. С. 49 (подпись: Е.  
Баратынский).

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: пд. ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 7 об. (заглавие:  
«Марье Андреевне Панчулидзевой родной тетке»); № 42. л. 58 (заглавие: «М. А.  
П.»); в ст. 2: «дней» вместо «лет»).

73

1.2. Мадригал. Пожилкой женщине и все еще прекрасной («И в осень лет – красы  
младой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1819. Ч. 5. Февраль. №  
IV (ценз. разр. и февраля; номер датирован 28 февраля). С. 210 (подпись: Е. Б.).  
«Мадригал...» – первое опубликованное произведение Боратынского; адресовано М.  
А. Панчулидзевой.

Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 78 – под тем же заглавием  
(подпись: Баратынский).

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации (подробнее см.  
комментарии).

Лонгинов 1864. Стб. 113–114 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- Изд.  
1869. С. 1 (текст поздней редакции под заглавием «М. А. Панчулидзевой»;

датировка: 1819; так стихотворение напечатано и датировано в последующих  
изданиях до Изд. 1914–1915), 177 (текст «Благонамеренного»), 379 (отмечена  
перепечатка в «Опыте Русской Анфологии»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 3 (текст  
«Благонамеренного»), 211 (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; отмечена перепечатка в  
«Венке Граций»; датировка: 1818; та же датировка в Изд. 1982). -- Изд. 1936. Т.  
I. С. 64 (текст Изд. 1827 под заглавием «Женщине пожилой, но все еще  
прекрасной»; так же – в последующих изданиях до Изд. 1982). -- Изд. 1957. С. 333  
(датировка: осень 1818, «по возвращении Баратынского в Петербург» – так же  
датировано в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- Изд. 1982. С. 109 (текст Изд. 1835 без  
заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- ип. С. 354 (неточное указание  
заглавия первой публикации: «первое опубл. стих. Б. “Пожилкой женщине и все еще  
прекрасной” <...> в разделе “Мадригал”»).

2

К Алине

Тебя я некогда любил И ты любить не запрещала;

Но я дитя в то время был,

Ты в утро дней едва вступала.

Тогда любим я был тобой И в дни невинности беспечной Алине с детской простотой я  
клятву дал ужь в страсти вечной.

Тебяль, Алина, вижу вновь? м Твой голос стал еще приятней; Сильнее взор волнует

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
кровь; Улыбка, ласки сердцу внятней; Блестящих на груди лилей Все прелести  
соединились,

И чувства прежняя живей В душе моей возобновились.

Алина! чрез двенадцать лет Все тот же сердцемъ; ныне снова Я повторяю свой обет.

20 Ужель не скажешь ты полслова? Прелестный друг! чему ни быть, Обет сей будет

свято чтимым. Ах! я могу еще любить,

Хотя не льщусь ужь быть любимым.

<1818 – начало 1819>

2. К Алине («Тебя я некогда любил...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Благонамеренный.

1819. Ч. 5. Март. № VI (ценз. разр. 14 марта; номер датирован 31 марта). С. 332

(подпись: Е. Боратынский).

75

Это стихотворение и помещенные в том же номере «Благонамеренного» «Портретъ  
В. ...» и «Любовь и Дружба» (см. в настоящем издании №№ 3.2 и 4) – первые  
произведения Боратынского, опубликованные с полной подписью автора.

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением: ст. 9 Алина → Алина,

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации.

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- Изд. 1894.

С. 7–8 (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского; текст

«Благонамеренного»; датировка: 1819; так же напечатано и датировано в

последующих изданиях). -- Маркевич. Изд. 1980.

С. 295 (воспоминание Н. А. Маркевича о том, что в 1819 г. Боратынский

подарил ему свои «маленькие пьесы»: «Любовь и Дружба», «Портрет В...», «К  
Алине»).

3

1

Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?

Вчера задумчива, я помню, ты была,

Сего дня ветрена, забавна, весела,

Понятна сердцу ты, уму непостижима.

Не все ль противности в характере твоёмъ?

В тебе чувствительность с холодностью совместна, Непостоянна ты во всем И  
постоянно ты прелестна.

<1818 – начало 1819; 1820 или март–апрель 1821>

2

Ранняя редакция

Портрет В...

Как описать тебя? я право сам не знаю! Вчера задумчива, я помню, ты была;

Сегодня ветрена, забавна, весела;

Во всем, что лишь в тебе встречаю, Непостоянство примечаю;

Но постоянно ты мила!

<1818 – начало 1819>

3.1. «Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?..»

Печатается по автографу: ПД. № 73. I м (Альбом А. В. Лутковской). л. 13

(подпись: Е. Б.).

Впервые опубликовано по автографу Б. Л. Модзалевским: Известия Имп. Академии  
Наук. VI серия. 1911. № 7. С. 523.

Печатается с исправлениями: в ст. 2 и 6 проставлены запятые.

Датируется предположительно по времени, предшествовавшему публикации ранней

редакции (см. № 3.2), и на основании записей Боратынского на соседних листах

77

альбома Лутковской, одна из которых («Младья Грации сплели тебе венок...», л. 8)

помечена: «Фридри<x>сгамъ». Боратынский мог быть одновременно с Лутковской во  
Фридрихсгаме только в 1820 или в марте – апреле 1821 г. (см.: Летопись. С. 429).

3.2. Портрет В... («Как описать тебя? я право сам не знаю!..»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1819. Ч. 5. Март. № VI

(ценз. разр. 14 марта; номер датирован 31 марта). С. 334 (подпись: Е.

Боратынский).

Это стихотворение и помещенные в том же номере «Благонамеренного» «К Алине» и  
«Любовь и Дружба» (см. №№ 2 и 4) – первые произведения Боратынского,

опубликованные с полной подписью автора.

Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 131 (подпись: Баратынский)

– под тем же заглавием.

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации.

Вероятный адресат – В. Н. Кучина.

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- Изд. 1894.

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Ваг.  
С. 8 (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского; текст «Благонамеренного»; датировка: 1819). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 3 (текст «Благонамеренного»), 212 (в разделе «Примечания» – текст автографа с исправлением неточности в ст. 6; датировка журнальной редакции: 1818–1819), 250 (датировка всех автографов Боратынского из альбома Лутковской: 1824 – на основании пометы под автографом стихотворения «Когда придется какнибудь...»: февраля 15 го 1824'ги года – в настоящем издании см. № 82). -- Изд. 1936. Т. II. С. 283 (указано, что в основном корпусе напечатан текст автографа – на самом деле в Изд. 1936 дважды, в основном корпусе и в разделе «Первоначальные редакции и варианты», напечатан текст «Благонамеренного»; датировка автографа: 1823–1824 – так же датировано в последующих изданиях). -- Изд. 1957. С. 45 (текст «Благонамеренного»; так же – в Изд. 1982 и Изд. 2000), 333 (в разделе «Примечания» – текст автографа). -- Маркевич. Изд. 1980. С. 295 (воспоминание Н. А. Маркевича о том, что в 1819 г. Боратынский подарил ему свои «маленькие пьесы»: «Любовь и Дружба», «Портрет В...», «К Алине»). -- Изд. 1982. С. 653 (предположение о том, что адресатом ранней редакции является В. Н. Кучина). -- Изд. 1989. С. 59 (текст автографа), 335 (в разделе «Другие редакции и варианты» – варианты текста «Благонамеренного»).

4

Любовь и Дружба (в альбомъ)

Любовь и Дружбу различают, Но как же различить хотять?

Их приобрести равно желают, Лишь нам скрывать одну велят. Пустая мысль! обман напрасной! Бывает дружба нежной, страстной, Стесняет сердце, движет кровь И хоть таит свой огонь опасной,

Но с девушкой она прекрасной Всегда похожа на любовь.

<1818 – начало 1819>

4. Любовь и Дружба (в альбомъ) («Любовь и Дружбу различают...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1819. Ч. 5. Март. № VI (ценз. разр. 14 марта; номер датирован 31 марта). С. 334 (подпись: Е. Боратынский). В оглавлении: «Любовь и дружба (в Альбомъ)».

Это стихотворение и помещенные в том же номере «Благонамеренного» «К Алине» и «Портрет В...» (см. в настоящем издании №№ 2 и 3.2) – первые произведения Боратынского, опубликованные с полной подписью автора.

Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 77 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Любовь и дружба (в Альбомъ)».

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением: в конце ст. 6 проставлена запятая.

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации.

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- Изд. 1894.

С. 8 (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского; текст «Благонамеренного»; датировка: 1819; так же напечатано и датировано в последующих изданиях). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 213 (отмечена перепечатка в «Опыте Русской Анфологии»). -- Маркевич. Изд. 1980. С. 295 (воспоминание Н. А. Маркевича о том, что в 1819 г. Боратынский подарил ему свои «маленькие пьесы»: «Любовь и Дружба», «Портрет В...», «К Алине»).

79

5

Мы будем пить вино по гроб И верно попадем в святые: Нам ясно доказал потоп, Что воду пьют одни лишь злые.

<1819 (? )>

5. «Мы будем пить вино по гроб...»

Печатается по автографу: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 37 (подпись: Евгений Абрамов сын Боратынской).

Впервые опубликовано И. Н. Медведевой: Звенья. М.; Л., 1936. [Т.] VI. С. 118.

Печатается с исправлениями: в конце ст. 2 и 3 проставлены знаки препинания. Датируется по месту записи в альбоме: стихотворения «Мы будем пить вино по гроб...», «Здесь погребен армейской Капитан...» и «В пустых разчетах, в грубом сне...» (см. №№ 6–7) записаны на лл. 37–38 об. альбома Яковлева, в то время как три другие стихотворения Боратынского в этом альбоме (см. №№ 50–52: «Вчера ненастливая ночь...», «Полуразрушенный я сам себе не нужен...», «Моя жизнь») соседствуют с записями, относящимися ко времени начала знакомства с С. Д. Пономаревой – то есть ко второй половине лета или к осени 1821 г. (см. также примечание к № 50).

Медведева 1936. С. 117 (датировка всех автографов Боратынского в альбоме П. Л. Яковлева: 1818–1821), 118 (текст автографа – с некорректным чтением в ст. 3: «явно показал» вместо «ясно доказал»; так стихотворение напечатано во всех



Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в собраниях изданий сочинений Баратынского, кроме изд. 1957), 120 (датировка: не позднее 21 августа 1821 – на основании даты под соседней записью, сделанной В. К. Кюхельбекером). -- Изд. 1936. Т. I. С. 268 (стихотворение введено в собрание сочинений). -- Изд. 1957. С. 209 (частичное исправление в ст. 3: «явно доказал»; датировка: 1818–1819 ?). -- Ип. С. 354 и Летопись. С. 90 (датировка: 1819).

80

6

Здесь погребен армейской Капитан.

Он честно жил и грешен не во многом: Родился пьян и умер пьян,  
Вот весь ответ его пред Богом.

<1819 (?)>

6.

«Здесь погребен армейской Капитан...»

Печатается по фотокопии автографа: Изд. 1936. Т. I. Вклейка между с. 268 и 269. Автограф: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 38 (подписано: Баратынский). В настоящее время запись угасла и не читается. Автограф представлял собой подпись под рисунком, на котором был изображен надгробный камень, покрытый треуголкой; у подножия камня – чаша, рюмка и штоф; на камне – шпага и два сосуда, один из которых похож на бутылку.

Впервые опубликовано И. Н. Медведевой: Звенья. М.; Л., 1936. [Т.] VI. С. 119. Печатается с исправлениями: в конце ст. 1–4 проставлены знаки препинания.

Датируется по месту записи в альбоме – см. примечание № 5.

Медведева 1936. С. 117 (датировка всех автографов Баратынского в альбоме П. Л. Яковлева: 1818–1821), 119 (текст автографа – с некорректным чтением в ст. 3: «Родился, спал» вместо «Родился пьян»; так стихотворение напечатано в последующих изданиях; в настоящем издании исправлено по фотокопии автографа в изд. 1936), 118, 120 (датировка стихотворения; не позднее 21 августа 1821 – на основании даты под соседней записью, сделанной В. К. Кюхельбекером). -- Изд. 1936. Т. I. С. 269 (стихотворение введено в собрание сочинений). -- Изд. 1957. С. 209 (датировка: 1818–1819 ?) -- Ип. С. 354 и Летопись. С. 90 (датировка: 1819).

6 Баратынский. Том 1

81

7

В пустых разщетах, в грубом сне Пускай другие время губят.

Честные люди, верьте мне,  
Меня и жизнь мою полюбят.

<1819 (?)>

7.

«В пустых разщетах, в грубом сне...»

Печатается по автографу: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). Л. 38 об. (подпись: Б–ий).

Впервые опубликовано И. Н. Медведевой: Звенья. М.; Л., 1936. [Т.] VI. С. 120.

Печатается с исправлениями: ст. 3 Честные люди верте мне, → Честные люди, верьте мне,

Датируется по месту записи в альбоме – см. примечание к № 5.

Медведева 1936. С. 117 (датировка всех автографов Баратынского в альбоме П. Л. Яковлева: 1818–1821), 120 (текст автографа; так стихотворение напечатано во всех собраниях сочинений Баратынского). -- Изд. 1936. Т. I. С. 270 (стихотворение введено в собрание сочинений). -- Изд. 1957. С. 209 (датировка: 1818–1819 ?). -- Ип. С. 354 и Летопись. С. 90 (датировка: 1819).

82

8

< Эпиграмма >

Дамон! ты начал – продолжай; Кропай экспромпты на досуге;  
Возьмись за гений свой: пиши, черти, мараи; У пола нежного в безсмертной будь  
услуге; Наполни вздохами растерзанную грудь;  
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки,  
И в награждение любимцем куклы будь, Или соперником собачки.

<До мая 1819>

8.

<Эпиграмма> («Дамон! ты начал – продолжай...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Благонамеренный.

1819. Ч. 6. Май. № IX (ценз. разр. 2 мая). 2 мая). С. 143 (подпись: Е. Бор...ий) – напечатано без заглавия под № 1 в подборке из двух стихотворений под общим заглавием «Эпиграммы».

Автограф неизвестен.

Вероятный адресат – П. И. Шаликов (см. комментарии).

Датируется по времени публикации.

Изд. 1869. С. 374 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- Изд. 1894. С. 11 (стихотворение введено в собрание сочинений Баратынского; текст

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
«Благонамеренного»; датировка: 1819; так же напечатано и датировано в  
последующих изданиях). -- Изд. 1936. Т. II. С. 283 (предположение о том, что  
адресатом эпиграммы является П. И. Шаликов).

6\*

83

9

К Креницыну

Товарищ радостей младых,  
Которыя для нас безвременно увяли,  
Я свиделся с тобой! в объятиях твоих,  
Мне дни минувшие, как смутный сон предстали! О милый, я с тобой когда то  
счастлив был!

Где время прежнее, где прежняя мечтанья?

И живость детских чувств и сладость упованья? Все холодный опыт истребил!

Узнал ли друга ты? болезни и печали Его состарили во цвете юных летъ;

Уж много слабостей тебе знакомых нетъ;

Ужь многия мечты ему чужими стали!

Разсудок тверже и верней,

Поступки, разговор скромнее:

Он осторожней стал, быть может, стал умнее, Но верно счастием стократ теперь  
бедней!

Не подражай ему! иди своей тропою!

Живи для радости, для дружбы, для любви! Цветок нашел – скорей сорви!

20 Цветы прелестны лишь весною!

Когда рассеянно, с унынием внимать я буду снам твоим о будущем, о счастье; –

Когда в мечтах твоих не буду принимать,

Как прежде, пылкое, сердечное участие;

Не сетуй на меня, о друге пожалей:

Все можно возратить, мечтанья невозвратны! Так, были некогда и мне оне приятны:

Но быстро скрылись от очей!

Я легковверен был: надежда, наслажденье Меня с улыбкою манили в темну даль!

Я встретить радость мнил: нашел одну печаль,

И сердцу милое исчезло заблужденье.

84

Но для чего грустить! мой друг еще со мной! я не всего лишен судьбой  
ожесточенной!

О дружба нежная! останься неизменной! Пусть будет прочее мечтой!

<Не ранее октября 1818 – до 20-х чисел июля 1819>

9. К Креницыну («Товарищ радостей младых...»)

Печатается по копии В. К. Кюхельбекера: РНБ. Ф. 286 (Архив В. А. Жуковского).

Оп. 2. № 263. л. 1–2.

Автограф неизвестен.

Копия РНБ содержит пометы редактора «Сына Отечества» Н. И. Греча. Над текстом  
стихотворения написано: «Баратынский. Принять»; вст. 7 исправлено: «мечтанья» на  
«желанья»; в ст. 16 возле слов «стократ теперь» – знак перестановки; в ст. 26 в  
слове «невозвратны» после «не» стоит разделительная черта; против ст. 26  
написано: «кончить бы этим стихомъ»; последующие строки обведены.

Единственная прижизненная публикация: *Сын Отечества*. 1819. ч. 53. № XXX (ценз.

разр. 22 июля; номер датирован 26 июля). С. 181–182 (подпись: Евгений

Баратынский) – под заглавием «К Креницыну», с заменой ст. 19 точками и с

разночтениями:

16 Но верно счастием теперь стократ бедней, зи Найти я радость мнил – нашел одну  
печаль

Разночтения журнального текста совпадают с пометами Греча в копии Кюхельбекера  
лишь в ст. 16 и 26 (порядок слов: «теперь стократъ»; отдельно: «не возвратны»);  
в свою очередь в заглавии рукописи фамилия адресата («К Креницыну») не  
исправлена и отсутствует журнальный вариант ст. 31.

Печатается с исправлением по «Сыну Отечества» фамилии адресата в заглавии: К  
Креницыну → К Креницыну

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации; послание могло быть  
написано не ранее октября – ноября 1818 г., когда Баратынский, вернувшийся в  
Петербург, мог встретиться с А. Н. Креницыным после более чем двухлетней разлуки  
(см.: *Летопись*. С. 88–89).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Сыне Отечества»). -- Отчет ИПБ  
1884. С. 43 (указано место хранения копии: ИПБ; определен почерк Кюхельбекера).

-- Изд. 1894. С. 8–9 (стихотворение введено в собрание сочинений Баратынского;

текст «Сына Отечества»; датировка: 1819; так стихотворение датировано и в

последующих изданиях). -- Креницын 1898. С. 644–645 (текст «Сына Отечества» с

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в  
восстановлением ст. 19). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 6–7 (текст копии  
Кюхельбекера под заглавием «К Кренищину» с неточностью в ст. 29: «наслажденья»;  
с той же неточностью стихотворение напечатано и в последующих изданиях до Изд.  
1957), 215 (пометы Греча; разночтения «Сына Отечества»). -- Винокур 1927. С.  
102–

85

103 (сомнительное предположение о том, что разночтения текста «Сына Отечества» в  
ст. 16 и 31 – следствие правки самого Баратынского). -- Изд. 1936. Т. I. С.  
264–265 (текст «Сына Отечества» с указанной выше неточностью в ст. 29 и с  
восстановлением ст. 19 по копии). -- Изд. 1951. С. 36–37 (текст Изд. 1914–1913;  
ст. 16 напечатан по «Сыну Отечества»: «теперь стократ»). -- Изд. 1957. С. 46–47  
(текст Изд. 1931 с исправлением в ст. 29: «наслажденье»; так стихотворение  
напечатано и в последующих изданиях). -- Маркевич. Изд. 1980. С. 295 (Н. А.  
Маркевич упоминает какой-то текст стихотворения, который Кюхельбекер в 1819 г.  
принесил воспитанникам Петербургского благородного пансиона).

10

1

Дельвигу

Так, любезный мой Гораций, Так, хоть рад, хотя не рад,  
Но теперь я Муз и Г раций Променял на вахтпарадъ;  
Сыну милому Венеры,  
Рощам Пафоса, Цитеры, Приуныв, прости сказалъ;  
Гордый лавр и мирт веселой Кивер воина тяжелой На главе моей измялъ;  
Строю нет в забытой лире, Хладно день за днем идет,  
И теперь меня в мундире Гений мой не узнает!  
Мне-ли думать о куплетахъ?  
За свирель... а тут беды!  
Марс, затянутый в штиблетах, Обегает ужь ряды,  
Кличет ратников по свойски...

20 О судьбы переворот!

Твой поэт летит геройски, Вместо Пинда – на развод.  
Вам, свободные Пииты,  
Петь, любить; меня-же вряд Иль Камены, Иль Хариты В карауле навелят.  
Вольный баловень забавы,  
Ты, которому дают Говорливыя дубравы

87

Поэтический приют,

Для кого в долине злачной Извиваясь ключ прозрачной Вдохновительно журчит,  
Ты, кого зовут к свирели Соловья живыя трели,  
Пой, любимец Аонид!  
В тихой сладостной кручине Слушать буду голос твой, Как внимают на чужбине 40  
Языку страны родной.  
<Июнь–июль (?) 1819; 1823–1826>

2

Ранняя редакция К Дельвигу

Так, любезный мой Гораций, Так, хоть рад, хотя не рад, Но теперь я Муз и Г раций  
Променял на вахтпарад!  
Сыну резвому Венеры,  
Рощам Пафоса, Цитеры, Приуныв прости сказалъ; Вечный лавр и мирт веселый Кивер  
воина тяжелый На главе моей измял.  
Строю нет в забытой лире; Скука томно дни прядет,  
И теперь меня в мундире Гений мой не узнает!  
Мне ли думать о куплетахъ? Феба лучь едва блеснет,  
Марс затянутый, в щиблетах, В строй к оружию зовет.

88

А. А. Дельвиг

Акварель П. Л. Яковлева, 1821 г.

Пробужденный грозным боемъ

20 (О судьбы переворот!)

Твой Поэт летит Героем Вместо Пинда – на развод!  
Трудно, верь, с душой унылой Счастье, радость воспевать;  
В карауле трудно, милой,  
Об Аркадии мечтать!  
Ты, ведущий дни в забавах,  
На лугах у светлых вод,  
Ты, с кем резвятся в дубравах Музы, Нимфы и Эротъ;  
Пой, бессмертных сын любимый! Глас внимать я буду твой,

Бранение сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский

Как язык страны родимой Слушают в стране чужой!

<Июнь–июл (?) 1819>

10.1. Дельвигу («Так, любезный мой Гораций...»)

Печатается по: Изд. 1827. С. 150–152 (раздел «Послания»).

В Изд. 1835 не вошло из-за цензурных сокращений текста (см. ниже).

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 38. л. 42 об. (заглавие: «К Дельвигу»); № 40. л. 7 об.; № 42. л. 99–99 об., 118–119 (заглавие:

«Дельвигу»), 147 (без заглавия). По неизвестной копии Н. Л. Боратынской

опубликовано И. С. Тургеневым: Современник. 1854. № 10. Отд. I. С. 157–158 – под заглавием «Послание к Дельвигу» с разночтением:

26 в карауле посетят.

Баратынский включил стихотворение в рукопись Изд. 1835, однако при рассмотрении

рукописи Санктпетербургским цензурным комитетом (14 марта 1833 г.) по

представлению цензора Н. И. Бутырского значительная часть текста была запрещена для публикации. «Стихотворение, под заглавием: Дельвигу, начинающееся стихами:

“Так любезный мой Гораций,

Так, хоть рад, хотя нерад,

Но теперь я муз и граций Променял на вахтпарадъ;”

90

и до следующих стихов:

“О судьбы переворот!

Твой поэт летит геройски Вместо Пинда на разводъ”.

Комитет признал сие место подлежащим запрещению» (цит. по: Оксман 1922. С.

15–16). В результате в Изд. 1835 стихотворение не попало вовсе. В

цензуравшейся рукописи Изд. 1835 послание, видимо, было помещено после

стихотворения «Завыла буря; хлябь морская...», но перед стихотворением «К чему

невольнику мечтания свободы?..» (о чем свидетельствует порядок, в котором

расположены записи об этих трех стихотворениях в журнале цензурного комитета, а

также тот факт, что тексты начиная с «К чему невольнику...» имеют в журнале

цензурного комитета номера на единицу больше, нежели в Изд. 1835).

Печатается с исправлениями: в конце ст. 23 поставлена запятая; в конце ст. 24

запятая снята.

10.2. К Дельвигу («Так, любезный мой Гораций...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1819. Ч. 55. № XXXI

(ценз. разр. 29 июля; номер датирован 2 августа). С. 228–229 (подпись: Евгений

Баратынский)].

Печатается с исправлениями: ст. 2 Так хот рад хотя не рад, → Так, хот рад, хотя

не рад, (как в Изд. 1827) -- ст. 4 вахпарад → вахтпарад -- ст. 23 Трудно вер →

Трудно, вер, -- ст. 31 Пой безсмертных сын любимый! → Пой, безсмертных сын

любимый! (по аналогии со ст. 36 поздней редакции – см. № 10.1)

Датируется по времени первой публикации. Поводом для сочинения послания,

вероятно, стала отлучка Баратынского из Петербурга в июне 1819 – с 8 по 29 июня

лейб-гвардии Егерский полк, в котором служил Баратынский, находился в летнем

лагере под Красным Селом (см: ИП. С. 394; Летопись. С. 91).

Тургенев 1854. С. 157–158 (текст поздней редакции под заглавием «Послание к

Дельвигу» с разночтением в ст. 26). -- Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена

публикация в «Сыне Отечества»). -- Изд. 1869. С. 7–8 (текст Изд. 1827 с

пропуском ст. 6; датировка: 1819; так стихотворение напечатано и датировано и в

последующих изданиях до Изд. 1914–1915), 177 (варианты «Сына Отечества» без ст.

6). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 5–6 (текст «Сына Отечества»), 213–214 (варианты

Изд. 1827; датировка: февраль – март 1819, после поступления Баратынского в

военную службу; та же датировка в последующих изданиях). -- Оксман 1922. С.

15–16 (публикация фрагмента из журнала Санктпетербургского цензурного комитета).

-- Изд. 1936. Т. I. С. 100–101 (текст Изд. 1827; так стихотворение напечатано и

в последующих изданиях); Т. II. С. 250 (со ссылкой на публикацию Г. Оксмана

отмечено, что стихотворение не вошло в Изд. 1835 из-за цензурного

вмешательства). -- Изд. 1989. С. 59–60 (текст Изд. 1827 с пунктуационным

исправлением по «Сыну Отечества» в ст. 17: «Марс затянутый, в штиблетах»), 391

(вариант Изд. 1827 в ст. 17 квалифицирован как опечатка).

91

и

Прощанье

Простите, милые досуги Разгульной юности моей,

Любви и радости подруги,

Простите! вяну в утро дней!

Не мне стезею потаенной,

В ночь молчаливую, тишком,

Младую деву под плащом Вести в альков уединенной.  
Бежит изменница любовь! Светильник дней моих бледнеет,  
Ея дыханье не согреет Мою хладеющую кровь.  
Следы печалей, изнуренья Приметит в страждущем она.  
Не смейтесь, девы наслажденья:

И ваша скроется весна,  
И вам пленять не долго взоры Младую пышной красотой.  
Зачтожь в болезни роковой 20 Я слышу горкие укоры?

Я прежде бодр и весел был.  
Зачем печального бежите?

Подруги милыя! вздохните:  
Он сколько мог любви служил.

<До начала августа 1819>

И. Прощанье («Простите, милые досуги...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Благонамеренный.  
1819. ч. 7. Август. № XV (ценз. разр. 12 августа; номер датирован 20 августа).  
С. 142–143 (подпись: Е– Б..хкий).

Автограф неизвестен.

Датируется по времени публикации.

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Благонамеренном»). -- Изд. 1894.  
С. 11–12 (стихотворение введено в собрание сочинений Баратынского; текст  
«Благонамеренного»; датировка: 1819; так стихотворение напечатано и датировано в  
последующих изданиях; начиная с Изд. 1936. Т. I. С. 263 везде, кроме Изд. 1989,  
печаталось с неточностью в заглавии: «Прощание»). -- Изд. 1989. С. 57 (заглавие:  
«Прощанье»).

92

12

и

Тебе на память, в книге сей Стихи пишу я с думой смутной. Увы! в обители твоей  
Я, может статься, гость минутной! С изнемогающей душой,  
На неизвестную разлуку Не раз, трепещущей рукой друзьям своим сжимал я руку. Ты  
помнишь милую страну, Где жизнь и радость мы узнали,

Где зрели первую весну,  
Где первой страстию пылали? Покинул я предел родной!

Так и с тобою, друг мой милый, Здесь проведу я день, другой,  
И, как узнать? в стране чужой Окончу я мой век унылый;

А ты прибудешь в дом отцов,

А ты узришь поля родныя,

20 И прошлых счастливых годов Вспомнешь были золотыя.

Но где товарищ, где поэт,

Тобой с младенчества любимый? Он совершил судьбы завет, Судьбы враждебной, с  
юных лет И до конца непримиримой!

Когда-жь стихи мои найдешь,

Где складу нет, но чувство живо: Ты их задумчиво прочтешь, Глаза потупишь  
молчаливо...

И тихо лист перевернешь.

<Август–ноябрь 1819; 1823–1826>

93

2

Ранняя редакция

ш-му (в Альбомъ)

Пускай измаранный листок Тебе напомнит о Поэте!

Кто знает, друг, какую в свете Ему тропу назначил рокъ?

Увы! с растерзанной душою Не раз я милых покидал И руку друга пожимал В прощанье  
трепетной рукою!

Ты помнишь милую страну, Где жизнь и радость мы узнали,

Где зрели первую весну,

Где первой страстию пылали?...

Ручей покинул я родной,

Побрел пустынную тропю;

Провести, быть может, и с тобою Мне суждено лишь день, другой.

Быть может, друг, путеводимый Своей блуждающей звездой,

Я кончу век в стране чужой 20 И не увижу кров родимый,

А ты к отеческим ПОЛЯМ С полей победы возвращенный, Хваля покой уединенный,  
Сожжешь мастики в честь Богам.

Но где ж Певец, тобой любимый? Он совершил судьбы завет, Судьбы враждебной с  
юных лет – И до конца непримиримой!

Когда ж стихи его найдешь, Залог простой, но дружбе милой, Прочтешь с улыбкою

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский  
унылой,  
И тихо лист перевернешь!  
<Август–ноябрь 1819>  
94

з

Вариант поздней редакции

Земляк! в стране чужой, суровой  
Сошлись мы вновь и сей листок ждет от меня  
заветных строк На память для разлуки новой.

Ты любишь милую страну,  
Где жизнь и радость мы узнали,  
Где зрели первую весну,  
Где первой страстию пылали?  
Покинул я предел родной! Так и с тобою, друг мой милый,  
Здесь проведу я день, другой,  
И, как узнать? в стране чужой  
Окончу я мой век унылый;  
А ты придешь в дом отцов,  
А ты узришь поля родных,  
И прошлых счастливых годов  
Вспомнешь были золотья.

Но где товарищ, где поэт,  
Тобой с младенчества любимый?

20 Он совершил судьбы завет,  
Судьбы враждебной, с юных лет и до конца непримиримой!

Когда-ж стихи мои найдешь,  
Где складу нет, но чувство живо:

Ты их задумчиво прочтешь,  
Глаза потупишь молчаливо....

И тихо лист перевернешь.

12.1. «Тебе на память, в книге сей...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 101–102 (№ LVIII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 32–33 (раздел «Элегии. книга вторая») – под заглавием «В Альбомъ».

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением по изд. 1827: ст. 15 день другой, → день, другой,  
95

12.2. Ш-му (В Альбомъ) («Пускай измаранный листок...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1819. Ч. 58. № XLIX  
(ценз. разр. 2 декабря; номер датирован 6 декабря). С. 126 (подпись: Е.

Баратынский) (заглавие напечатано с ошибкой в именовании адресата: «Т-му»).

Вторично опубликовано: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № IX  
(Труды ВОЛРС. Ч. XV. Кн. III) (ценз, билет 23 сентября). С. 238–239 (без

подписи) – под заглавием «Прощание» с разночтением:

17 И может быть, путеводимый

Перед публикацией в «Соревнователе», 12 сентября 1821, стихотворение слушалось в  
собрании вольного общества любителей российской словесности – под заглавием  
«Прощание»; резолюция: «Все избр. препровождается» (Журналы ВОЛРС. С. 402).

Адресат – А. И. Шляхтинский.

Печатается с исправлениями: заглавие Т-му → Ш-му <Шляхтинскому> -- ст. 15

Провесть быт может Провест, быт может,

Копия Николая Васильевича Путяты (ст. 1–4, 17–20 по «Сыну Отечества»): РГАЛИ. Ф.  
394. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 15–15 об.; заглавие: «Т-му (В Альбомъ)».

Датируется по времени между отъездом А. И. Шляхтинского (адресат стихотворения)

из Петербурга (24 августа 1819 г. был подписан приказ о его переводе из л.-гв.

Егерского полка в Орловский пехотный полк – см. ИП.С.337) и публикацией в «Сыне  
Отечества».

12.3. «Земляк! в стране чужой, суровой...»

Печатается по копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л.  
146–146 об.

Другая копия Н. Л. Боратынской: Там же. Л. 62 об. (заглавие: «Ш »).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1869. С. 8–9 под заглавием «Т-му в  
альбомъ» с разночтением:

18 А ты увидишь дом отцов,

Печатается с исправлениями: ст. 1 чужой суровой → чужой, суровой (как во второй  
копии и в изд. 1869) -- ст. 10 с тобою друг → с тобою, друг -- ст. И день  
другой → день, другой (как в изд. 1869) -- ст. 17 золотые → золотья -- ст. 20

завет → завет,

Датировка проблематична. Даже если копия Н. Л. Боратынской отражает позднейшую  
правку поэта, неизвестно, была ли эта правка окончательной.

Летопись. С. ПО (дата выдачи ценз, билета «Соревнователю»).

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский varga  
Изд. 1869. С. 8–9 и Изд. 1884. С. 4–5 (текст, соответствующий копиям Н. Л. Боратынской, под заглавием «Т-му в альбомъ»: «Земляк! в стране чужой, суровой...»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1914–1915; датировка: 1819; так же датировано в последующих изданиях), 178 (варианты Изд. 1835 и «Сына Отечества»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 8–9 (текст «Сына Отечества» под заглавием «Прощание (Т-му в аль-  
96  
бомъ)»), 175–176 (текст Изд. 1827: «в Альбомъ»), 216 (разночтение «Соревнователя»). -- Материалы 1916. С. VI (2-й паг.) (воспроизведена помета С. А. Рачинского в экземпляре Изд. 1827 из Татевского архива Рачинских, указывающая адресата: «a un Smolenien par Ш.» с расшифровкой: «Шляхтинскому»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 19 (текст Изд. 1884 под заглавием «Т-му в альбом»); Т. II. С. 230 (отмечен адресат стихотворения – с ошибкой в инициале: Ш. Шлях-тинский; повторено в комментариях к стихотворению в последующих изданиях, кроме Изд. 2000. С. 464, где другая неточность: Я. Шляхтинский). -- Изд. 1951. С. 41 (текст Изд. 1884 под заглавием «Т-му в альбом»), 547 (со ссылкой на сведения С. А. Рачинского о Шляхтинском отмечено: «возможно предполагать опечатку в заглавии стихотворения: „Т-му“ вместо „Ш-му“»; предположение повторено в Изд. 1989. С. 392). -- Изд. 1957. С. 47–48 (текст Изд. 1884 под заглавием «в альбом»), 334 (указание на копию Н. Л. Боратынской под заглавием «Ш...»). -- Изд. 1982. С. 69–70 (текст Изд. 1833 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000), 411–412 (текст «Сына Отечества», варианты «Соревнователя», Изд. 1884 и копий Н. Л. Боратынской). -- Мироненко 1988. С. 202 (формуляр А. И. Шляхтинского). -- Изд. 1989. С. 65 (датировка поздней редакции: 1819, <1826>). -- ип. С. 337 (биографическая справка о А. И. Шляхтинском), 354 (датировка ранней редакции, опубликованной в «Сыне Отечества»: 1819, август – сентябрь; повторено: Летопись. С. 92).

#### 7. Боратынский Том 1

13

Отрывки из Поэмы: Воспоминания

Посланница небес, безсмертных дар счастливый, Подруга тихая печали молчаливой,  
О память! – ты одна беседуешь со мной,

Ты возвращаешь мне отъятое судьбой;

Тобою щастия мгновенья легкоккрылы Давно протекшия в мечтах мне снова милы.

Еще в забвении дышу отрадой ихъ;

Люблю, задумавшись, минувших дней моих Воспоминать мечты, надежды, наслажденья,

Минуты радости, минуты огорченья.

Не раз волшебною взлелеянный мечтой я в ночь безмолвную беседовал с тобой;

И в дни щастливые на час перенесенный,

Дремал утешенный и с жизнью примиренный.

Так, всем обязан я твоим приветным снам. Тебя я петь хочу; – дай жизнь моим

струнам, Цевнице вторь моей; – твой голос сердцу внятен, И резвой радости и

грусти он приятен.

Ах! кто о прежних днях порой не вспоминаль?

20 Кто жизнь печальную мечтой не украшалъ?

Смотрите: – Вот старик седой, изнеможенный, На ветхих костылях под ношей лет согбенный, Он с жизнью сопряжен страданием однимъ;

Уже могилы дверь отверста перед нимъ; –

Но он живет еще! – он помнит дни златые!

Он помнит резвости и радости младья!

С товарищем седым, за чашей круговой, Мечтает о былом, и вновь цветет душой;

Светлеет взор его, весельем дух пылает, И руку друга он с восторгом пожимает.

98

Наскучив странствием и жизни суетою,

Усталый труженик под кровлею родною Вкушает сладостный бездействия покой;

Благодарит богов за мирный угол свой;

Забытый от людей блажит уединенье,

Где от забот мирских нашел отдохновенье;

Но любит вспоминать он были прежних лет,

40 и море бурное, и столько ж бурный свет,

Мечтанья юности, восторги сладострастья,

Обманы радости и ветреного щастья;

Милее кажется ему родная сень,

Покой отраднее, приятней рощи тень,

Уединенная роскошнее природа,

И тихо шепчет он: – «всего милей свобода!» –

О дети памяти! о Фебовы сыны!

Певцы бессмертные! кому одолжены Вы силой творческой небесных вдохновений?

50 – «Отзыву прежних чувств и прежних впечатлений.» – Они неопытный развить  
умели ум,

Зажгли, питали в нем, хранили пламень дум.

Образовала вас природа – не искусство;

Так, – чувство выражать одно лишь может чувство. Когда вы кистию волшебною своей

Порывы бурные, волнение страстей Прелестно, пламенно и верно выражали,

Вы отголоску их в самих себе внимали.

Ах, скольких стоит слез безсмертия венец!

Но все покоится в безмолвии ночном,

И вежди томная сомкнулись тихим сном. Воспоминания небесный, светлый Гений К нам  
ниспускается на крыльях сновидений.

В пленительных мечтах, одушевленных им, И к играм и к трудам обычным мы спешим:

Пастух берет свирель, – владелец багряницу,

7\*

99

Художник кисть свою, – поэт свою цевницу, Потомок рыцарей, взлелеянный войной,  
Сверкающим мечем махает над головой.

Доколе памяти животворящий свет Еще не озарил туманной бездны лет,

Текли в неизвестности века и поколенья;

Все было жертвою безгласного забвения:

Дела великия не славились молвой,

Под камнем гробовым незнаем тлеет герой. Преданья свет блеснул, – и камни глас

прияли, Века минувшие из тьмы своей возстали;

Народы поздние урокам внемлют их,

Как гласу мудрому наставников седых.

Разказы дивные! волшебныя картины! Свободный, гордый Рим! блестящие Афины!

Великолепный ряд триумфов и честей!

С каким волнением внимал я с юных дней Безсмертным повестям Плутарха, Эукидида!

Я Персов поражал с дружиной Леонида;

С отцом Виргинии отмщением пылал,

Казалось, грудь мою пронзил его кинжалъ;

И подданный Царя, защитник верный трона,

В восторге трепетал при имени Катона.

Но любопытный ум в одной ли тьме преданий Найдет источники уроков и познаний? –

Нетъ; все вокруг меня гласит о прежних днях. Блуждая странником в неизвестных

краях,

Я всюду шествую минувшим окруженный.

Я вопрошаю прах дряхлеющей вселенной:

И грады, и поля, и сей безмолвный ряд Рукою времени набросанных громад.

Событий прежних лет свидетель молчаливый,

Со мной беседует их прах красноречивый.

Здесь отвечают мне оракулы времен:

Смотрите, – видитель дымится Карфаген!

Полнеба Африки пожарами пылает! но с протяжным грохотом Пальмира упадает! как

волны дымныя бегущих облаков Мелькают предо мной события веков.

Печать минувшаго повсюду мною зрима

Поля Авзонии! державный пепел Рима!

Глашатаи чудес и славы прежних лет!

С благословением вас приветствует поэт. Смотрите, – как века незримо пролетая,

Твердыни древния и горы подавляя,

Бросая гроб на гроб, свергая храм на храм,

120 Остатки гордые являют Рима нам.

Великолепныя, бессмертныя громады!

Вот здесь висящих рек шумели водопады;

Вот здесь входили в Рим когорты Плебеян, Обремененныя богатством дальних странъ;

Чертогов, портиков везде я зрю обломки,

Где начертал резец Римлян деянья громки.

Не смела времени разрушить их рука,

И возлегли на них усталые века.

Все, все вещает здесь уму, воображенью.

130 Внимайте времени немому поученью!

Познайте тления незыблемый закон!

Из под развалин сих вещает глухо он:

«Все гибнет, все падет, – и грады, и державы».... О колыбель наук, величия и

славы!

Отчизна светлая героев и богов!

Святая Греция! теперь толпы рабов блуждают на берегах божественной Эллады;

Ко храму ветхому Дианы иль Паллады шалаш пристроил свой ленивый рыбовод! но Ты-б



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
не узнал, Солон, страну своих отцовъ; Под чуждым скипетром главой она поникла;  
101

Никто не слышит там о подвигах Перикла; –  
Все губит, все мертвит невежества ярем.  
Но не ужель для нас язык развалин немъ?

Нет, нет, лишь понимать умеете их молчанье, – И новый мир для вас создаст  
воспомянье.

Щастлив, щастлив и тот, кому дано судьбою 150 От странствий отдохнуть под  
кровлею родною, Увидеть милую, священную страну,  
Где жизни он провел прекрасную весну, Провел невинное, безоблачное детство.  
О край моих отцов! о мирное наследство! Всегда присутственны вы в памяти моей:  
И в берегах крутых сверкающий ручей,  
И светлые луга, и темная дубрава,  
И сельских жителей приветливые нравы. – Приятно вспоминать младенческие дни  
Когда, едва вздохнув для жизни неизвестной,  
Я с тихой радостью взглянул на мир прелестный, – С каким восторгом я природу  
обнимал!

Как свет прекрасен был! – Увы! тогда не знал я буйственных страстей в  
безпечности невинной: Дитя, взлелеянный природою пустынной,  
Ее одну лишь зрел, внимал одной лишь ей;  
170 Сиянье солнечных, торжественных лучей Веселье тихое мне в сердце проливало;  
Оно с природою в ненастье унывало;

Не знал я радостей, не знал я мук других,  
За мигот не умел другой предвидеть мигъ;  
Я слишком щастлив был спокойствием незнанья; Блаженства чуждые и чуждые  
страданья Часы невидимо мелькали надо мной  
102

О суждено ли мне увидеть край родной,  
Друзей оставленных, друзей всегда любимых,  
180 И сердцем отдохнуть в тени дерев родимых?... Там щастье я найду в отрадной  
тишине.

Не нужны почести, не нужно злато мне; –

Отдайте прадедов мне скромную обитель. Забытый от людей, дубрав безвестных  
житель, Не позавидую надменным богачамъ;

Нет, нет, за тщетный блеск я щастья не отдамъ; Не стану жертвовать фортуне  
своевольной. Спокойный совестью, судьбой своей довольный,  
И песни нежные, и мирный ѿмьям 190 Я буду посвящать отеческим богам.

Так перешедши жизнь незнаемой тропюю,

Свой подвиг совершив, усталую главою Склонюсь я наконец ко смертному одру;  
Для дружбы, для любви, для памяти умру;

И все умрет со мной! – Но вы, любимцы феба, Вы вместе с жизнью принявшие от Неба  
И дум возвышенных и сладких песней дар! Враждующей судьбы не страшен вам удар:  
Свой век опередив, заране слышит Гений 200 Рукоплескания грядущих поколений.

<1819>

13. Отрывки из Поэмы: Воспоминания («Посланница небес, бессмертных дар  
счастливым...»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. ч. 1. Генварь  
(ценз. разр. 6 января; вышел к 3 февраля). С. 85–94 (подпись: Е. Баратынский).

Перепечатано: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах.  
ч. 2. СПб., 1821. с. 137–144 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Отрывок из  
поэмы: Воспоминания», с пропуском ст. 157, с изменением в ст. 102 («все-  
ленные» вместо «вселенной») и с опечаткой в ст. 118 («Твердыни твердыя»). Из «Нового  
собрания» перепечатано: Русская стихотворная хрестоматия / Собрана

в. [А.] Золотовым. М., 1829. ч. 2. Раздел «Отрывки из эпических  
стихотворений».

С. 205–211 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Отрывок из Поэмы:  
103

Воспоминания», с неточностями «Нового собрания» и с сокращением ст. 41 (сняты  
«восторги сладострастья»); Полная русская хрестоматия / Сост. А. [Д.] Галахов.  
М., 1843. ч. II: Поэзия. Раздел «Дидактическая поэзия». С. 291–294 (подпись:  
Баратынский) – под заглавием «Из поэмы: Воспоминания», с неточностями «Нового  
собрания», с заменой ст. 41–42 точками и с конъектурой в ст. 83 («Кавказа  
дивныя, волшебныя картины!»).

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлениями: ст. 9 мечты надежды, → мечты, надежды, -- ст. 13  
всем → всем -- ст. 85 Кавказы → Рассказы (обоснование конъектуры см.: Изд.  
1936. т. II. С. 285) -- ст. 92 Казалось → Казалось, -- ст. 105 молчаливый →  
молчаливый, -- ст. 141 главу → главой

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в собрании современников Баратынского полагают, что стихотворение является фрагментом неопубликованной поэмы (см. об этом у Ф. В. Булгарина и К. А. Полевого: Северная Пчела. 1827. 8 декабря. № 147; Панов 1994. С. 342), но документальных подтверждений этому нет. Слово «отрывок» в литературе первой трети XIX в. нередко служило эквивалентом жанрового определения, а не указанием на реальную фрагментарность текста; заглавие «Отрывки...», равно как и 16 строк точек, – литературный прием. Соответственно, в настоящем издании «Отрывки из Поэмы: Воспоминания» печатаются в разделе «Стихотворения», а не «Поэмы» (впервые такое решение принято в изд. 1884).

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации.

Санктпетербургские Ведомости. 1820. 3 февраля. № 10. Первое прибавление. С. 112 (объявление о выдаче подписчикам «Невского Зрителя»; впервые отмечено: Синявский, Цявловский 1914. С. 7).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Невском Зрителе»). -- Изд. 1869. С. 335–340 (текст «Невского Зрителя» напечатан в разделе «Поэмы» с ошибочными конъектурами и опечатками, повторенными в последующих изданиях до Изд.

1914–1915: ст. 64 «вежды» -- ст. 68 «И к играм и трудамъ» -- ст. 85 «Кавказа дивныя, волшебныя картины!» -- ст. 116 «С благоговеньемъ» -- ст. 117, 120–121

«Смотрите, как, века незримо пролетая <...> Остатки гордые являют Рима нам // Великолепныя, безсмертныя громады!» -- ст. 180 «в тени дубрав родимыхъ» -- ст.

184 «дубрав безвестный житель» -- ст. 187–188 «Не стану жертвовать фортуне своевольной // Спокойной совестью»). -- Изд. 1884. С. 6–12 (текст Изд. 1869 – в

разделе стихотворений; так же в последующих изданиях, кроме Изд. 1914–1915; датировка: 1819; так же датировано в последующих изданиях). -- Изд. 1914–1915.

Т. I. С. 1–6 (текст «Невского Зрителя» напечатан в разделе «Поэмы» с сохранением большей части конъектур и опечаток Изд. 1869; исправлена опечатка в ст. 68; в ст. 85 восстановлено чтение «Невского Зрителя»: «Кавказы дивные!»). -- Изд.

1936. Т. I. С. 211–216 (текст «Невского Зрителя» с отказом от конъектур и исправлением опечаток предыдущих изданий; в ст. 85 конъектура: «Рассказы дивные»); Т. II. С. 285 (обоснование конъектуры в ст. 85: указание на

соответствующий стих оригинала – поэмы Г. Легуве «Les Souvenirs»). -- Изд. 1951. С. 43–48 (текст Изд. 1936 с неточностями: ст. 64 «вежды» -- после ст. 159 две

строки точек вместо трех -- ст. 187–188 «Не стану жертвовать фортуне своевольной // Спокойной совестью» – так же в Изд. 1982). -- Изд. 1951. С. 49–51 (текст Изд.

1951 с исправлением неточности в ст. 64). -- Изд. 1989. С. 60–65 (текст Изд. 1951 с исправлением неточности в ст. 187–188). -- Панов 1994. С. 342 (отмечена

перепечатка в «Новом собрании»).

104

14

1

И так, мой милый, не шутя,  
Сказав прости домашней неге,

Ты ус мечтательный крутя,  
На шибко-скачущей телеге,

От нас увы! далеко прочь О нас увы! не сожалея,

Летишь курьером день и ночь Туда, туда, к шатрам Арея!

И так, в мундире щегольском, Ты скоро станешь в ратном строе  
Межь удальцами удальцом!

О милый мой! согласен в том: Завидно счастье такое!

Не приобщуся не впад Я к мудрецам чрез меру важным; Иди! воинственный наряд

Приличен юношам отважным. Люблю я бранные шатры,

Люблю беспечность полковую,

20 Люблю красивые смотры,

Люблю тревогу боевую,

Люблю я храбрых, воин мой, Люблю их видеть в битве шумной Летящих в пламень  
роковой Толпой веселой и безумной! Священный долг за ними в след Тебя зовет,  
любовник брани; Ступай, служи богине бед И к ней трепещущия длани 30 С мольбой  
подымет твой поэт.

<Конец 1819; 1823–1826; конец 1832–1833>

105

2

Ранняя редакция

Б-му

(при отъезде его в армию)

И так, беспечного досуга отвергнув сладостный покой,

Ужь ты в мечтах покинул друга,

И новый путь перед тобой.

Настанет скоро день желанной И воин мой, противным страх, Надвинув шлем, с мечем

Бранное сочинение и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в  
в руках, Летит на голос славы бранной.

Иди! – воинственный наряд Приличен юности отважной:

Люблю я пушек гул протяжной,  
Люблю красивый вахтпарад,  
Люблю питомцев шумной славы.

Смотри – сомкнулись в бранной строй – Идут! – блестящей полосой Горят их шлемы  
величавы.

Идут! – вскипел кровавый бой. – Люблю их видеть в битве шумной, Летящих в  
пламень роковой 20 Толпой отважной и безумной.

И вот под тению шатров Дружина ветренных героев Поет за чашей славу боев И стыд  
низложенных врагов.

Спеши же к ним, любовник брани, Ступай, служи богине бед,

И к ней с мольбою твой Поэт Подымет трепетныя длани.,

Зовут! лети в опасной путь, Да идет мимо Рокъ–губитель!

Люби, рубись и вечно будь В 'лбви и в брани победитель!

<Конеи, 1819>

106

з

Промежуточная редакция к \*\*\*\* при отъезде в армию

И так, мой милый, не шутя,

Сказав прости домашней неге,

Ты ус мечтательный крутя на шибко скачущей телеге,

От нас, увы! далеко прочь,

О нас, увы! не сожалея,

Летишь курьером день и ночь Туда, туда, к шатрам Арея!

И там в мундире щегольском Ты скоро станешь в ратном строе Межь удальцами  
удальцом:

О милый мой! согласен в том:

Завидно счастье такое!

Не приобшуся не впад я к мудрецам чрез меру важнымъ;

Иди! воинственный наряд Приличен юношам отважным.

Люблю я Марсовы шатры (Хотя под ними, слава Богу,

20 Не кочевал до сей поры),

Люблю красивые смотры,

Люблю военную тревогу,

Люблю безстрашных, милый мой,

Люблю их видеть в битве шумной Летящих в пламень роковой Толпой веселой и  
безумной!

Священный долг за ними в след Тебя зовет, любовник брани;

Ступай, служи богине бед 30 И к ней с мольбою твой поэт Подымет трепетныя длани.

Лети! настала черед!

107

Да идет мимо рокъ–губитель; Люби, рубись и будь всегда В любви и в брани  
победитель.

<Конеи 1819; 1823–1826>

14.1. «И так, мой милый, не шутя...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 51–52 (№ XXVIII).

В Изд. 1827 напечатано в другой редакции – см. № 14.3.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Баратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 65 об. – 66  
(заглавие: «И. А. Б...»).

Печатается с исправлением: ст. 4 шипко–скачу щей → шибко–скачущей

14.2. Б –му (при отъезде его в армию) («И так, безпечного досуга...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1820. Ч. 9. Январь. №

II (номер датирован 3 февраля). С. 117–118 (подпись: Е. Баратынской).

Одновременно опубликовано: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Генварь (ценз. разр. 6

января; вышел к 3 февраля). С. 98–99 (подпись: Е. Баратынский) – под заглавием

«Брату при отъезде в армию» с пропуском ст. 5–6 и с изменением слова в ст. 8

(«Летишь» вместо «Летить» – следствие редакторской правки: устранение

бессмыслицы, возникшей из–за пропуска ст. 5–6).

В этой же редакции опубликовано: Новости Литературы. 1823. Кн. III. № II (ценз.,

разр. 18 января; вышел к 22 января). С. 28–29 (подпись: Баратынский) – под

заглавием «К Б.\*» и с разночтениями:

н Люблю я пушек гром протяжной;

14 Смотри, сомкнулись в ратный строй!

20 Толпой веселою и бурной.

22 Дружины ветренных Героевъ

23 Поют за чашей славу боевъ

брани сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага

32 в кипящей брани победитель!

Печатается с исправлением по Изд. 1827 и Изд. 1835: ст.1 и так → и так, -- ст. 14 сомнулис → сомкнулись

Датируется по времени выпуска Ираклия Абрамовича Боратынского (адресат стихотворения) из Пажеского корпуса – 31 декабря 1819 г. (Летопись. С. 93).

14.3. К \*\*\*\* при отъезде в армию («И так, мой милый, не шутя...»)

Печатается по: Изд. 1827. С. 154–155 (раздел «Послания»).

Санктпетербургские ведомости. 1820.3 февраля. № 10. Первое прибавление. С. 112 (объявление о раздаче подписчикам «Невского зрителя»; впервые отмечено: Сиявский, Цявловский

108

1914. С. 7). -- Русский инвалид. 1823. 22 января. № 17. С. 68 (объявление о раздаче подписчикам «Новостей Литературы»).

Лонгинов 1864. Стб. 115–116 (указан адресат – И. А. Боратынский). -- Изд. 1869. С. 10–11 (текст изд. 1835 под заглавием «Брату (при отъезде его в армию)»);

датировка: 1820; так же датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915 и в Изд. 1957), 179–180 (варианты изд. 1827 и текст «Благонамеренного» – с

одинаковой неточностью в последнем стихе: «В любви и брани победитель»; отмечен пропуск двух стихов в «Невском зрителе»). -- Изд. 1884. С. 13–14 (текст изд.

1835 под ошибочным заглавием «Брату Льву (при отъезде его в армию)»). -- Изд.

1894. С. 18–19 (текст изд. 1884; датировка: 1820), 40–41 (текст «Новостей

Литературы» напечатан как отдельное стихотворение под заглавием «К Б\*»; опечатки в ст. 23 и 30; датировка: 1823). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 9–10 (текст

«Благонамеренного»), 176–177 (текст изд. 1827 с опечатками в ст. 20 и 35), 216

(указано, что адресатом стихотворения является Ираклий, а не Лев Боратынский; опечатка в указании номера «Благонамеренного», где опубликована ранняя редакция

стихотворения: № 11 вместо № II – повторено в последующих изданиях; в списке различий «Новостей Литературы» не учтен ст. 11 – повторено в последующих

изданиях, содержащих раздел «Другие редакции и варианты»; датировка: 1819 – так же датировано в последующих изданиях, кроме Изд. 1957 и Изд. 2000). -- Изд.

1936. Т. I. С. 104 (текст изд. 1835 под заглавием «К... при отъезде в армию»;

так же – в изд. 1957); Т. II. С. 252 (ошибочно указано, что в «Невском зрителе»

пропущены ст. 1 и 5; повторено в изд. 1989). -- Изд. 1951. С. 49 (текст изд. 1835 под заглавием «Брату при отъезде в армию»). -- Изд. 1957. С. 55 (датировка:

1820). -- Изд. 1982. С. 38–39 (текст изд. 1835 без заглавия и с произвольной

пунктуацией в ст. 23: «Люблю их видеть, в битве шумной» – так же в Изд. 1989 и Изд. 2000), 395 (текст «Благонамеренного», варианты «Новостей литературы» и Изд.

1827). -- Изд. 1989. С. 66 (датировка: 1819, <1826>). -- Изд. 2000. С. 458

(датировка: 31 декабря 1819 г.). -- Пильщиков 2000. С. 382 (отмечена ошибка в

ссылке на № II «Благонамеренного»; приведен вариант ст. 11 по «Новостям

литературы»).

15

1

Он близок, близок день свиданья, Тебя, мой друг, увижу я!

Скажи: восторгом ожиданья, Что-жь не трепещет грудь моя?

Не мне роптать; но дни печали,

Быть может, поздно миновали:

С тоской на радость я гляжу,

Не для меня ея сиянье,

И я напрасно упованьё 10 в больной душе моей бужу.

Судьбы ласкающей улыбкой Я наслаждаюсь не вполне:

Все мнится, счастлив я ошибкой И не к лицу веселье мне.

<Конец 1819; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

Элегия

Уже ли близок час свиданья!

Тебя ль, мой друг, увижу я!

Как грудь волнуется моя Тоскою смутной ожиданья!

Родная хата, край родной,

С пелен знакомья дубравы,

Куда невинныя забавы Слетались к нам на голос твой – я их увижу! друг безценный,

Чтожь сердце вешее груститъ?

110

Чтожь ясный день не веселит Души для щастья пробужденной? С тоской на радость я

гляжу:

Не для меня ея сиянье!

И я напрасно упованьё в душе измученной бужу.

Печаль все чувства утомила, Мечтою мрачной болен дух;  
Быть может, поздно, милой друг, 20 Меня и радость посетила:  
Я наслаждаюсь не вполне Ея пленительной улыбкой;  
Все мнится, щастлив я ошибкой,  
И не к лицу веселье мне!

<Коней, 1819>

15.1. «Он близок, близок день свиданья...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 49 (№ XXVI).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 35 (раздел «Элегии. книга вторая») – под заглавием «Ропоть».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 16 об. (заглавие: «Грусть» – исправлено из: «Тоска»; по предположению И. Н. Медведевой – см. Изд. 1936. Т. II. С. 230 – озаглавлено Н. Л. Боратынской во избежание путаницы со стихотворением «Ропот»: «Красного лета трава...» – см. № 199). Другая копия: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. л. 74 об. (заглавие: «Ропоть»).

15.2. Элегия («Уже ли близок час свиданья!..»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Генварь (ценз. разр. 6 января; вышел к 3 февраля). С. 99–100 (подпись: Е. Баратынский).

Перепечатано: Сын Отечества. 1821. Ч. 67. № VII. С. 320–321 (подпись:

Баратынский) – под тем же заглавием «Элегия»; Весенние цветы. М., 1835. [Ч. I.] С. 79–80 (подпись: Е. Баратынский) – без заглавия.

Печатается с исправлениями: ст. 2 Тебя ль мой друг –» Тебя ль, мой друг, -- ст. 12 пробужденной! –» пробужденной? -- ст. 19 поздно милой друг, –» поздно, милой друг,

Датируется по времени, предшествовавшему первой публикации.

111

Санктпетербургские ведомости. 1820. 3 февраля. № 10. Первое прибавление. С. 112 (объявление о раздаче подписчикам «Невского Зрителя»; впервые отмечено:

Синявский, Цявловский

1914. С. 7).

Изд. 1869. С. и (текст поздней редакции без заглавия; датировка: 1820; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915), 180 (варианты «Невского Зрителя» и «Сына Отечества»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 10 (текст «Невского Зрителя»), 177 (текст Изд. 1827), 217 (датировка: 1819; та же датировка и в последующих изданиях, кроме Изд. 1957; отмечена перепечатка в «Весенних Цветах»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 21 (текст поздней редакции под заглавием «Ропот»; так стихотворение напечатано и в последующих изданиях до Изд. 1982); Т. II. С. 230 (отмечена копия Н. Л. Боратынской). -- Изд. 1957. С. 55 (датировка: 1820). -- Изд. 1982. С. 37 (текст Изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- Изд. 1989. С. 67 (датировка: 1819, <1826>).

16

1

Поэт Писцов в стихах тяжеловат, Но я люблю незлобного собрата:

Ей, ей! не он пред светом виноват, А перед ним природа виновата.

<Конец 1819; 1823–1826>

2

Ранняя редакция <Э пиграмма >

Хоть глуповат под час Дамон, Люблю я милаго собрата;

Не виноват пред светом он – Пред ним природа виновата!

<Коней> 1819>

16.1. «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 141 (№ LXXX).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 117 (раздел «Смесь») – под заглавием «Эпиграмма» с разночтением:

1 Поэт Графов в стихах тяжеловат,

По Изд. 1827 перепечатано: Российская Хрестоматия / [Сост. И. Ленинский]. Спб., 1834. Ч. 2: Стихотворения. Раздел «Эпиграмма». С. 356 – без заглавия, вместе с эпиграммами Боратынского: «Окогченная летунья...», «Идиллик новый на искус...» и «В своих стихах он суккой дышет...»; подпись под последним текстом: Баратынский. Автограф неизвестен.

16.2. «Эпиграмма» («Хоть глуповат под час Дамон...»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Генварь (ценз. разр. 6 января; вышел к 3 февраля). С. 103 (подпись Е.Б. ии) – без

заглавия; напеча

тано под № 1 в подборке из трех стихотворений под общим заглавием «Эпиграммы».

8. Боратынский. Том 1

из

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 81 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Эпиграмма».

Датируется по времени первой публикации.

Санктпетербургские ведомости. 1820.3 февраля. № 10. Первое прибавление. С. 112

(Объявление о раздаче подписчикам «Невского Зрителя»; впервые отмечено:

Синявский, Цявловский

1914. С. 7).

Изд. 1869. С. 11 (текст поздней редакции, без заглавия, с ошибкой в условном имени адресата: «Поэт Пизцов в стихах тяжеловат...»; датировка: 1820; так стихотворение датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915), 180 (варианты «Невского Зрителя» и Изд. 1827). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. и (текст «Невского Зрителя»), 217 (текст изд. 1827 и ст. 1 по изд. 1835; датировка: 1819). -- Изд. 1936. Т. I. С. 85 (текст изд. 1835 под заглавием «Эпиграмма»); Т. II. С. 244–245 (вариант ст. 1 изд. 1827; определение адресата эпиграммы в Изд. 1827: Д. И. Хвостов – повторено в комментариях всех последующих изданий; фрагмент письма Д. И. Хвостова к Баратынскому от 28 ноября 1827 г. с ответом на эпиграмму – без указания числа). -- Изд. 1937. С. 60 (текст изд. 1835 под заглавием «Эпиграмма»; датировка: 1820). -- Изд. 1945. С. 145 (текст изд. 1835 без заглавия; датировка: 1820). -- Изд. 1951. С. 56 (текст изд. 1835 под заглавием «Эпиграмма»). -- Изд. 1957. С. 56 (текст изд. 1835 под заглавием «Эпиграмма»; датировка: 1820). -- Изд. 1982. С. 96 (текст изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и изд. 2000), 420 (варианты «Невского Зрителя» и Изд. 1827). -- Изд. 1989. С. 67 (датировка: 1819, <1826>). -- Летопись. С. 199 (полный текст письма Д. И. Хвостова от 28 ноября 1827 г. с ответом на публикацию эпиграммы в Изд. 1827).

17

К Кюхельбекеру

Прости, Поэт! судьбина вновь Мне посох странника вручила;

Но к Музам чистая любовь Уж нас на век соединила!

Прости! Бог весть – когда опять Желанный друг в гостях у друга, Я счастье буду воспевать И негу праздного досуга! –

О милый мой! все в дар тебе – И грусть и сладость упованья! Молись невидимой судьбе:

Она приблизит час свиданья.

И я, с пустынных, Финских гор, В отчизне бранного Одена,

К ней возведу молящий взор,

Упав смиренно на колена.

Строга ль Богиня будет к нам, Пошлет ли весть соединенья? Пускай пред ней

сольются там 20 друзей согласныя моленья! –

<До 18 января 1820>

17. К Кюхельбекеру («Прости, Поэт! судьбина вновь...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Сын Отечества. 1820.

ч. 59. № V (номер датирован 31 января). С. 225 (подпись: Ев. Баратынский. 18 января 1820).

8\*

ИЗ

Автограф находился в коллекции А. А. Ольхина (сообщено С. И. Пановым), впоследствии перешедшей в руки сербского полковника Д. Влайковича, чье собрание в свою очередь попало в Государственный архив в Белграде (см.: Цявловский 1936. С. 78).

Печатается с исправлением: ст. 17 Строга ль, Богиня, будет к нам, → Строга л Богиня будет к нам,

Датируется по времени, предшествовавшему дате, проставленной под текстом в «Сыне Отечества»: 18 января 1820.

Собр. стих. декабристов 1862. С. VIII (текст «Сына Отечества» с исправлением в

ст. 17: «Строга ль Богиня будет к намъ»). -- Изд. 1894. С. 12 (стихотворение

введено в собрание сочинений Баратынского). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 12

(датировка: 18 января 1820; так же датировано в последующих изданиях;

необоснованные конъектуры в ст. 17–18: «Строга-ль, Богиня, будешь к нам, //

Пошлешь-ли весть соединенья?»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 103 (текст напечатан в

составе изд. 1827, в разделе «Послания»; ст. 17–18 исправлены: «Строга-ль богиня

будет к нам, // Пошет-ли весть соединенья?»), 350; Т. II. С. 251 (некорректные

мотивировки решения печатать стихотворение в составе изд. 1827: «Послание к

Кюхельбекеру кажется нам <...> органически связанным с прочими посланиями

Баратынского»; «в сб. 1827 не вошло по цензурным условиям»).

В. К. Кюхельбекер

Гравюра И. И. Матюшина с оригинала П. Л. Яковлева 1820-х гг.

Где ты, безпечный друг? где ты, о Дельвиг мой, Товарищ радостей минувших,  
Товарищ ясных дней, не давно надо мной Мечтой веселою мелькнувших?  
Ужель душе твоей так скоро чуждым стал Друг отлученный, друг далекой,  
На финских берегах, между пустынных скал, Бродящий с грустью одинокой?  
Где ты, о Дельвиг мой! ужель минувших дней Лишь мне чувствительна утрата,  
Ужель не ищешь ты в кругу своих друзей Судьбой отторженного брата?  
Ты помнишь-ли те дни, когда рука с рукой,  
Пылая жаждой сладострастья,  
Мы жизни вверились и общею тропой Помчались за мечтою счастья?  
«Что в славе? что в молве? на время жизнь дана!» За полной чашей мы твердили,  
И весело в струях блестящего вина,

20 Забвеньё сладостное пили.  
И вот сгустилась ночь и все в глубоком сне – Лишь дышет влажная прохлада;  
На стогнах тишина! сияют при луне Дворцы и башни Петрограда.  
К знакомцу доброму стучится Купидон,  
Пусть дремлет труженик усталый!

118  
«Проснися, юноша, отвергни» шепчет он,  
«Покой безчувственный и вялый.»  
«Взгляни! ты видишь-ли: покинув ложе сна, «Перед окном, полу-одета,  
«Томленья страстного в душе своей полна, Счастливец ждет моя Лилета?»  
Толпа безумная! напрасно ропщешь ты!  
Блажен, кто легкою рукою Весной умел срывать весенние цветы И в мире жил с самим  
собою;

Кто без уныния глубоко жизнь постиг И равнодушием богатый,  
За царство не отдаст покоя сладкий миг 40 И наслажденья миг крылатый!  
Давно румяный Феб прогнал ночную тень, Давно проснулись заботы,  
А баловня забав еще покоит лень На ложе неги и дремоты.  
И Лила спит еще: любовь горят Младья свежая ланиты,  
И мнится, поцелуй сквозь тонкий сон манят Ея уста полу-открыты.  
И где-жь брега Невы? где чаш веселый стук? Забыт друзьями друг заочной,  
Исчезли радости, как в вихре слабый звук, Как блеск зарницы полуночной!  
И я, певец утех, пою утрату их,  
И вокруг меня скалы суровы И воды чуждые шумят у ног моих И на ногах моих оковы.  
<До середины января 1820; 1823–1826>

119

2

Ранняя редакция Послание к Б... Дельвигу  
Где ты, безпечный друг? где ты, о Дельвиг мой, Товарищ радостей минувших,  
Товарищ ясных дней, не давно надо мной Мечтой веселою мелькнувших?  
Ужель душе твоей так скоро чуждым стал, Друг отлученной, друг далекой,  
На финских берегах между пустынных скал Бродящий с грустью одинокой?  
Где ты, о Дельвиг мой! ужель минувших дней Лишь мне чувствительна утрата,  
Ужель не ищешь ты в кругу своих друзей Судьбой отторженного брата?  
Ты помнишь ли те дни, когда рука с рукой,  
Пылая жаждой сладострастья  
Мы жизни вверились и общею тропой Помчались за мечтою счастья?  
«Что в славе! что в молве! на время жизнь дана!» За полной чашей мы твердили  
И весело в струях блестящего вина 20 Забвеньё сладостное пили.  
И вот сгустилась ночь и все в глубоком сне, Лишь дышет влажная прохлада;  
Лишь слабо теплится в туманной вышине Дианы бледная лампада.  
С улыбкой будит нас малютка Купидон. – Пусть дремлет труженик усталой!

120

«Проснитесь, юноши! для вас ли», шепчет он,  
«Покой безчувственной и вялой?»  
Смотрите, видитель, покинув ложе сна, Перед окном полу-одета,  
С тоскою страшною не вас ли ждет она,  
Не вас ли ждет моя Лилета?  
Она! – о нега чувств! о сладкия мечты!  
Счастлив, кто легкою рукою Весной умел срывать весенние цветы И в мире жил с  
самим собою,  
Кто пренебрег судом завистливых и злых И, равнодушием богатый,  
За царство не отдаст покоя сладкий миг,  
40 Иль наслажденья миг крылатый!  
Давно румяный Феб прогнал ночную тень;  
Давно проснулись заботы, –

А баловней Харит еще покоит лень  
На ложе неги и дремоты.  
И Лила спит еще! любовью горят  
Младясы свежая ланиты И мнится,  
поцелуй сквозь тонкой сон  
манят Ея уста полу-открыты.  
И где же дом утехъ? где чаш веселой стукъ?  
Забыв друзьями друг заочной,  
Исчезли радости как в вихре слабой звук,  
Как блеск зарницы полуночной!  
И я певец утех теперь утрату их  
Пою в тоске уединенной,  
И воды чуждые шумят у ног моих  
И брег не видим отдаленный.  
<До середины января 1820>

121

18.1. «Где ты, безпечный другъ? где ты, о Дельвиг мой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 36–38 (№ XIX).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 69–72 (раздел «Смесь») – под заглавием «Делию» с соответствующим именованием адресата:

Где ты, безпечный другъ? где ты, о Делий мой,

Где ты, о Делий мой! ужель минувших дней

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 106 об. – 107

об., 127 об. – 128 об. (заглавие: «Дельвигу»).

Печатается с исправлениями: ст. 16 счас ъят? → счастья? -- ст. 47 И мнится → И мнится,

При цензурованій рукописи Изд. 1835 цензор Н. И. Бутырский предложил исключить

ст. 29–48; однако на заседании 14 марта 1833 г. Санктпетербургский цензурный

комитет «признал сие место позволительным и допустил к напечатанию» (цит. по:

Оксман 1922. С. 16).

18.2. Послание к Б... Дельвигу («Где ты, безпечный другъ? где ты, о Дельвиг мой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Март (ценз, разр. 17 марта; ценз, билет 13 апреля; вышел к 16 апреля). С. 56–59 (подпись: Е. Баратынский).

Печатается с исправлениями: ст. 1 Где ты → Где ты, -- ст. 27 «Проснитесь юноши!

для вас ли,» → «Проснитесь, юноши! для вас ли», -- ст. 29 Смотрите види- тел,

→ Смотрите, видител, -- ст. 36 в мире → в мире -- ст. 43 А баловней Ха- рит

покоит лень → А баловней Харит еще покоит лень -- ст. 45 И мило спать еще! → И

Лила спит еще! -- ст. 47 И мнится → И мнится, -- в конце ст. 2, 10, 22, 48, 50

проставлены знаки препинания (по аналогии с текстами Изд. 1827 и Изд. 1835).

Датируется на основании воспоминаний Н. М. Коншина о сочинении стихотворения в

самом начале пребывания Боратынского в Финляндии (Коншин. Изд. 1958. С. 392) и

по предположению о том, что именно это стихотворение слушалось в собрании

вольного общества любителей российской словесности 19 января 1820 под заглавием

«Послание к Д...гу» (текст доставлен А. А. Дельвигом; резолюция: «Одобрено.

Избрано» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 371).

Санктпетербургские ведомости. 1820. 16 апреля. № 31. Первое прибавление. С. 373

(объявление о раздаче подписчикам «Невского Зрителя»; впервые отмечено:

Синяевский, Цявловский 1914. С. 7–8). -- Могилянский 1956. С. 392 (дата выдачи

ценз, билета «Невскому Зрителю»).

Изд. 1869. С. 12–14 (текст поздней редакции под заглавием «Дельвигу»; датировка:

1820; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд.

1914–1915), 181 (варианты Изд. 1827 и «Невского Зрителя»; не зафиксированы

варианты ст. 9, 37 и 43). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 13–14 (текст «Невского

Зрителя»), 218–219 (варианты Изд. 1827; датировка: февраль–март 1820). -- Изд.

1936. Т. I. С. 45–46 (текст Изд. 1835 под заглавием

122

«Послание к барону Дельвигу»; так стихотворение печаталось в последующих

изданиях до Изд. 1982). -- Изд. 1937. С. 56 (датировка: 1820; так стихотворение

датировано в последующих изданиях, кроме Изд. 1989). -- Изд. 1957. С. 336 (со

ссылкой на Документы ВОЛРС. С. 327 предположено, что стихотворение читано в

собрании ВОЛРС 19 января 1820 г.; ранее отмечалось: Филиппович 1915а. С. 1). --

Изд. 1982. С. 29–31 (текст Изд. 1835 без заглавия; так же в Изд. 1989 и Изд.

2000), 390–391 (варианты «Невского Зрителя» и Изд. 1827). -- Изд. 1989. С. 70

(произвольная датировка ранней редакции: 10–15 января 1820).

19

К в у

Любви веселой проповедник, всегда любезный говорун, Глубокомысленный шалун,

Назона правнук и наследник!

Дана на время юность нам,

До роковаго новоселья,

Пожить нехудо для веселья.

Товарищ милый, по рукам!



Наука счастья нам знакома, Часы летят! – Скорей зови Богиню милую любви!

Скорее ветренного Мома!

Альков уютной приготовь!

Наполни чаши золотья!

Изменят скоро дни младые, Изменит скоро нам любовь! Летящий миг лови украдкой – Игея, Вахх еще с тобой!

Еще полна, друг милый мой,

20 Пред нами чаша жизни сладкой;

Но смерть, быть может, сей же час, Ее с насмешкой опрокинет –

И мигом в сердце кровь остынет, И дом подземный скроет нас!

<До середины января 1820>

19. К-ву («любви веселой проповедник...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Соревнователь Про свещения и Благоворения. 1820. № III (Труды ВОЛРС. ч. IX. кн. III) (журнал по ступил в цензуру 5 марта; ценз. разр. 30 апреля; вышел после 3 мая). С. 327–328 (под пись: Баратынский).

124

Перед публикацией в «Соревнователе» стихотворение слушалось 19 января 1820 г., под заглавием «Послание к К...ву», в собрании Вольного общества любителей российской словесности; текст доставлен А. А. Дельвигом; резолюция: «Исправить. Избрано» (Журналы ВОЛРС. С. 371) – единственный случай, когда на заседании общества стихотворение Боратынского было рекомендовано исправить (резолюция для всех других произведений, читанных в обществе в 1820–1822 гг.: «Одобрено»). Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением: ст. 18 и Гея → Игея (обоснование конъектуры см.: Вацуру 1986. С. 21–22).

Адресат – А. А. Крылов.

Датируется по времени чтения стихотворения в Вольном обществе любителей российской словесности.

Летопись. С. 96 (дата поступления рукописи «Соревнователя» в цензуру: 3 марта 1820). -- «Соревнователь» получил ценз. разр. 30 апреля; вышел не ранее 3 мая 1820 – дата определяется тем, что здесь напечатано сочинение Д. В. Сахарова «Достопамятные повествования и речи Императора Петра Великого», читанное под заглавием «О Петре I» в собрании ВОЛРС 3 мая 1820 (см.: Журналы ВОЛРС. С. 377). Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Соревнователе»). -- Изд. 1884. С. VI (стихотворение отмечено в списке произведений, не включенных в издание, с изменением формы слова в ст. 1: «веселый» вместо «веселой»; так ст. 1 напечатан во всех изданиях, кроме изд. 1914 – 1915. Т. I. С. 10 и Изд. 1936. Т. I. С. 211\ где сохранена форма «Соревнователя»: «веселой»). -- Изд. 1894. С. 24–25 (стихотворение введено в собрание сочинений Боратынского с сохранением опечатки «Соревнователя» в ст. 18: «И Гея»; впервые исправлено в Изд. 2000; датировка: 1820; так же датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1913). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 10–11, 211 (датировка: 1819). -- Изд. 1936. Т. II. С. 285 (определение адресата: А. А. Крылов). -- Изд. 1951. С. 61 (датировка: 1820), 336 (со ссылкой на Документы ВОЛРС. С. 321 отмечено, что стихотворение рассматривалось в собрании ВОЛРС 19 января 1820 г.; ранее отмечалось: Филиппович 1915а. С. 1). -- Изд. 1989. С. 68 (произвольная датировка: 1–13 января 1820). -- Изд. 2000. С. 283 (текст «Соревнователя»; в ст. 1: «веселый», в ст. 18: «Игея»).

20

1

Разстались мы; на миг очарованьем,

На краткий миг была мне жизнь моя; Словам любви внимать не буду я,

Не буду я дышать любви дыханьем!

Я все имел, лишился вдруг всего;

Лишь начал сон.... исчезло сновиденье! Одно теперь унылое смущенье Осталось мне от счастья моего.

<До февраля 1820; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

Элегия

На краткий миг пленяет в жизни радость, Невидимо мелькают счастья дни;

Едва блеснут – и скроются они.

На краткой миг узнал любви я сладость,

О милый друг, тебя уж нет со мной;

Уж он исчез – блаженства сон мгновенной, И я один, и на груди стесненной Лежит тоска разлуки годовой.

Где вы, где вы, любви очарованья? Не вечность ли меж нами протекла?

Уже ль на час мне счастьем жизнь была?

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский

Уже ль одни остались мне желанья?  
Я все имел, лишился вдруг всего;  
Лишь начал сон – исчезло сновиденье;  
Одно теперь унылое смущенье  
Осталось мне от счастья моего!  
<До февраля 1820>

126

20.1. «Разстались мы; на миг очарованьем...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 23 (№ X).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 31 (раздел «Элегии. книга вторая») – под заглавием «Разлука».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 12 об. (заглавие: «Разлука»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. л. 74 об.

(заглавие: «Разлука»),

По Изд. 1827 перепечатано: Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 127 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Разлука». По Изд. 1835 перепечатано: Дамский Альбом. СПб., 1844. С. 149–150 (подпись: Баратынского) – под заглавием «Разстались мы».

20.2. Элегия («На краткий миг пленяет в жизни радость...»)

Печатается по: Сын Отечества. 1821. Ч. 70. № XXI (ценз. разр. 17 мая; номер датирован 21 мая). С. 32–33 (подпись: Баратынской).

Впервые опубликовано: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № II (Труды ВОЛРС. Ч. IX. Кн. II) (журнал поступил в цензуру 3 февраля; вышел после 12 марта). С. 196 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Элегия», с пропуском ст. 6, пропуском слова в ст. 8 («Тоска разлуки годовой») и разночтением в ст. 14:

14 Едва заснул – исчезло сновиденье;

Из «Сына Отечества» перепечатано: Собрание Образцовых Русских Сочинений и Переводов в Стихах. Изд. 2-е. СПб., 1822. Ч. 4. С. 289 (подпись: Баратынской) – под заглавием «Элегия».

Датируется по времени поступления в цензуру рукописи «Соревнователя» (3 февраля 1820 – см.: Летопись. С. 95); другое основание для датировки – слова о «разлуке годовой» в ст. 9: независимо от предположений об адресате (В. Н. Кучина? – см.: Материалы 1916. С. VI 2-й паг.), очевидно, что речь идет либо о годе, прошедшем после отъезда Баратынского из Голощапова и Подвойского в Петербург (конец 1818), либо о годе, который предстоит провести в Финляндии (отправляясь в начале января 1820 во Фридрихсгам, Баратынский думал, что по истечении года он будет произведен в офицеры и сможет освободиться от принудительной военной службы). Летопись. С. 95 (дата поступления рукописи «Соревнователя» в цензуру).

«Соревнователь» вышел не ранее 12 марта 1820 г. – этим числом в журнале помечена рецензия В. Г. Анастасевича на собрание сочинений Д. И. Хвостова.

Изд. 1869. С. 80 (текст поздней редакции под заглавием «Разлука»; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях), 203 (варианты «Сына Отечества» с ошибочным указанием года выхода журнала: 1831; ст. 14 «Соревнователя»). -- Изд. 1894. С. 24 (текст «Соревнователя»: «Элегия»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 14–15 (текст «Сына Отечества»: «Элегия»; датировка: 1820), 177 (текст изд. 1827: «Разлука»), 219 (варианты «Соревнователя»), 312 (отмечена перепечатка в «Венере»). -- Материалы 1916. С. VI (2-й паг.)

(воспроизведена помета С. А. Рачинского в экземпляре Изд. 1827 из Татевского архива, указывающая адресата: «а М-лле Кучинь» <В. Н. Кучина>). -- Изд. 1936. Т. /. С. 18 (текст изд. 1827: «Разлука»); Т. II. С. 108 (текст «Соревнователя» с восстановлением ст. 6 и 8 по «Сыну Отечества»). -- Изд. 1982. С. 20 (текст изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000), 385 (варианты «Соревнователя» и текст «Сына Отечества»). -- Изд. 1989. С. 67 (датировка поздней редакции: <1820>, <1826>).

127

21

1

Незнаю? милая, Не знаю!

Краса пленительна твоя: Не знаю я предпочитаю Всем тем, которых знаю я.

<До начала февраля 1820; 1823–1826>

2

Ранняя редакция < Мадригал >

К девушке, которая – на вопрос, как ее зовут – отвечала: не знаю

Не знаю\ милое не знаю –

О с кем могу сравнить тебя? Не знаю я предпочитаю Всем тем, которых знаю я.

<До начала февраля 1820>

21.1. «Незнаю? милая, Не знаю!..»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 81 (№ XLVI; в оглавлении: «Незнаю! милая,

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
Незнаю!..»).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 104 (раздел «Смесь») – под  
заглавием «Девушке, которая на вопрос: как ее зовут? отвечала: не знаю» и с  
иным орфографическим и пунктуационным оформлением начальной строки:

1 Незнаю, милая, незнаю,  
Автограф неизвестен.

По Изд. 1827 перепечатано: Венок Граций. М., 1838. С. 45 (подпись: Е.  
Баратынский) – под тем же заглавием.

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 3 Незнаю, → Незнаю  
128

21.2. <Мадригалъ>. К девушке, которая – на вопрос, как ее зовут – отвечала: не  
знаю («Не знаю! милое не знаю...»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. ч. 1. Февраль  
(ценз. разр. 11 февраля; ценз, билет 16 марта). С. 93 (подпись: Е. Баратынский)  
– напечатано под № 2 в подборке из двух стихотворений под общим заглавием  
«Мадригалы».

Перепечатано: Новости Литературы. 1823. кн. V. № XXXIV. С. 128 (подпись:  
Баратынский) – под заглавием «К девушке, которая на вопрос: как ее зовут?  
отвечала: не знаю!». Из «Новостей Литературы» перепечатано: Опыт Русской Анфо-  
логии. СПб., 1828. С. 14 (подпись: Баратынский) – под заглавием «К девушке,  
которая на вопрос: как ее зовут? отвечала: не знаю!» (в оглавлении: «К  
девушке») и с изменением в ст. 1: «Незнаю, милая Незнаю!».

Датируется по времени первой публикации.

Могилынский 1956. С. 392 (дата выдачи ценз, билета «Невскому Зрителю»).

Изд. 1869. С. 12 (текст поздней редакции под заглавием «Девушке, которая на  
вопрос, как ее зовут? отвечала: не знаю»; имя «Незнаю» в ст. 1 и 3 выделено  
разрядкой: «Незнаю, милая незнаю!»--«Незнаю я предпочитаю»; датировка: 1820; так  
же – в последующих изданиях до Изд. 1914–1913), 181 (варианты «Невского Зрителя»  
и «Новостей Литературы»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 12 (текст «Невского  
Зрителя» и «Новостей Литературы» – с выделением имени адресата курсивом, но со  
слитным, как в Изд. 1827 и Изд. 1833, правописанием: «Незнаю»), 217–218  
(варианты Изд. 1827 и Изд. 1833; отмечены перепечатки в «Венке Граций» и в  
«Опыте Русской Анфологии»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 73 (текст Изд. 1827; в ст. 1  
и 3: «Незнаю, милая Незнаю!» -- «Незнаю я предпочитаю»); Т. II. С. 119 (текст  
«Невского Зрителя», но со слитным, как в Изд. 1827 и Изд. 1833, правописанием  
имени: «Незнаю»). -- Изд. 1951. С. 55 (текст Изд. 1827; в ст. 1 и 3: «Незнаю,  
милая Незнаю!» -- «Незнаю я предпочитаю»), 548 (неточность в указании источника  
публикации: «Печатается по Изд. 1835 г.»). -- Изд. 1957. С. 56 (текст Изд. 1833  
под заглавием Изд. 1827; в ст. 1 и 3: «Незнаю? Милая Незнаю!» -- «Незнаю я  
предпочитаю»). -- Изд. 1982. С. 55 (текст Изд. 1835 без заглавия; в ст. 1 и 3:  
«Незнаю? Милая Незнаю!» -- «Незнаю я предпочитаю»; так же – в Изд. 1989 и Изд.  
2000), 407 (варианты «Невского Зрителя» и «Новостей Литературы» без курсивного  
выделения имени: «Не знаю! милое не знаю»).

9. Баратынский Том 1

22

1

Твой детский вызов мне приятен, Но не желай моих стихов:

Не многим избранным понятен Язык поэтов и богов.

Когда под звонкие напевы,

Под звук свирели плясовой, Среди полей, рука с рукой, Кружатся юноши и девы,

Вмешавшись в резвый хоровод Хариты, ветренный Эрот, Дриады, Фавны пляшут с ними

И гонят прочь толпу забот Воскликновеньями своими, Поодаль Музы между тем Таяся

в сумраке дубравы, Глядят незримыя никем,

На их невинныя забавы;

Но их собор в то время нем. Певцу-ли ветренно безславить 20 Плоды возвышенных  
трудов,

И легкомыслие забавить Игрою гордою стиховъ?

И той не редко, чье воззренье Дарует лире вдохновенье,

Не поверяет он его:

Поет один, подобный в этом Пчеле, которая со цветом Не делит меда своего.

<До 20-х чисел февраля 1820; 1823–1826>

130

2

Ранняя редакция

Лиде

Твой детский вызов мне приятен.

Но не желай моих стихов:

Не многим избранным понятен Язык Поэтов и богов.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский  
что нужды в томъ? – Утешься, Лида! Ты без учюности мила,  
и все мы знаем, что Киприда в Цитере школ не завела.  
Тебе ль заняться важным чтеньемъ? Читать не любит Купидонъ;  
Всегда за книгой дремлет он,  
и тяготится размышленьем.  
Его пример тебе закон.  
Когда под звонкие напевы,  
Под звук свирели плясовой,  
В веселой час рука с рукой Кружатся юноши и девы;  
Вмешавшись в резвой хоровод Хариты, ветреной Эрот,  
20 Дриады, фавны, пляшут с ними и гонят прочь толпу забот Воскликновеньями  
своими;  
Поодаль Музы между тем Таяся в сумраке дубравы,  
Глядят незримыя ни кем На их невинныя забавы,  
Но их собор в то время нем. Питомец Муз равно безгласен В толпе вертушек  
молодыхъ; И верь, мой друг, в мечтах своих Он был бы странен и неясень;  
Одно Высокое любя

9\*

131

Он воздаянья ждет от Феба, и дар святой благова неба Хранит для Муз и для себя.  
<До 20-х чисел февраля 1821>

22.1. «Твой детский вызов мне приятен...»

Печатается по: Изд. 1835. ч. I. С. 162–163 (№ ХСИ).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 74–75 (раздел «Смесь») – под

заглавием «Лиде» с разночтениями:

из Воскликновеньями живыми,

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 8 об. – 9

(заглавие: «К Лиде») с разночтением:

7 [Среди полей] На мураве рука с рукой

22.2. Лиде («Твой детский вызов мне приятен...»)

Печатается по автографу: РГАЛИ. ф. 51. Оп. 2. № 5 (Альбом «Tendresse»). л. 28 –

28 об.  
Впервые опубликовано: Сын Отечества. 1821. ч. 68. № X (ценз. разр. 1 марта;

номер датирован 5 марта). С. 133–134 (подпись: Баратынский) – под заглавием

«Лиде» с разночтениями:

16 Среди полей рука с рукой

32 Душой высокое любя,

Печатается с изменениями по тексту «Сына Отечества»: ст. 5 Утешься → Утешься --

ст. 7 знаем что → знаем, что -- ст. 9 заняться → занятъся -- ст. 18 хо- вод →

хоровод -- ст. 26 забавы → забавы, -- ст. 30 И верь мой друг в мечтах своих →

И вер, мой друг, в мечтах своих -- ст. 35 муз → Муз.

Датируется по времени чтения стихотворения в собрании Вольного общества

любителей российской словесности 23 февраля 1820 г. под заглавием «Послание к

Л...» (резюльция: «Одобрено. Избрано» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 373). Вероятное

время записи стихотворения в альбом «Tendresse»: конец декабря 1820 – февраль

1821 г., когда Боратынский находился в отпуске в Маре (эту датировку

подтверждает тот факт, что на одном из соседних листов альбома – л. 23 –

находится сделанный Боратынским акварельный рисунок водопада с пометой: 1821 –

Генваря. Е. В.).

Изд. 1869. С. 21–22 (текст поздней редакции, соответствующий тексту копии Н. Л.

Боратынской, под заглавием «Лиде»; так стихотворение печаталось в последующих

изданиях до изд. 1914–1915; датировка: 1821; так стихотворение датировано в

последующих изданиях), 184 – 185 (варианты «Сына Отечества» с ошибкой в ст. 13:

«знакомъ» вместо «законъ»; варианты ст. 7 изд. 1835 и ст. 13 изд. 1827). -- Изд.

1914–1915. Т. I. С. 24–25 (текст автографа из

132

альбома «Tendresse»), 179–180 (текст изд. 1827: «Лиде»), 224 (разночтения «Сына

Отечества»; на основании карандашной пометы в альбоме «Tendresse» указан

адресат: Лизавета Куприянова; воспроизведена помета С. А. Рачинского на

экземпляре изд. 1827 из Татевского архива Рачинских: «(Куприяновой) финлянке»),

312 (вариант ст. 13 изд. 1833; разночтение ст. 7 копии Н. Л. Боратынской;

датировка поздней редакции: 1826). -- Материалы 1916. С. 5– 6 (описание

автографа из альбома «Tendresse»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 48 (текст изд. 1827:

«Лиде»; так стихотворение печаталось до изд. 1982). -- Изд. 1982. С. 108 (текст

изд. 1833 без заглавия; так же – в изд. 1989 и изд. 2000). -- Изд. 1989. С. 81

(датировка: <1821 >, <1826>). -- Ип. С. 355 и Летопись. С. 96 (со ссылкой на

Журналы ВОЛРС. С. 373 отмечено, что стихотворение слушалось в собрании ВОЛРС 23

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский (вариант от февраля 1820 г.).

23

и

Подражание Лафару

Свободу дав тоске моей,  
Уединенный, я недавно О наслажденьях прежних дней Жалел и плакал своенравно.

Все обмануло, думал я,  
Чем сердце пламенное жило,  
Что восхищало, что томило,  
Что было цветом бытия!

Наставлен истиной угрюмой, Отныне с праздною душой,  
Живых восторгов легкий рой Я замену холодной думой И сердца мертвой тишиной!  
Тогда с улыбкою коварной Предстал внезапно Купидон.

О чем вздыхаешь, молвил он,  
О чем грустишь, неблагодарной?

Забудь печальныя мечты:

Я вечно юн, и я с тобою!

20 Воскреснуть сердцем можешь ты;

Не веришь мне? взгляни на Хлою!

<До середины марта 1820; до начала июля 1821; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

< Элегия >

134

Заснули рощи над потокомъ; Легла на холмы тишина; Дремало все – но тщетно сна  
Я ждал на ложе одиноком.

Сыны души моей больной,

Сыны полуночного бденья –

Вокруг, мешаясь с темнотою, Мелькали смутныя виденья.

«И так исчезли» думал я, Весенних лет мечты златыя,

Часы приспели роковые И вянет молодость моя!

Невольник истины угрюмой,

Отныне с праздною душой,

Живых восторгов легкой рой Мне заменится хладной думой И мертвой сердца  
тишиной!» –

Тогда с улыбкою коварной Предстал внезапно Купидон:

20 «Об чем вздыхаешь,» молвил он, Об чем грустишь, неблагодарной? Оставь  
печальныя мечты!

Я вечно юн и я с тобою!

Еще младенец сердцем ты;

Не веришь мне? – взгляни на Хлою!»

<До середины марта 1820>

3

Промежуточная редакция

Элегия

Дремала роща над потокомъ;

Легла на холмы тишина;

Дремало все – но тщетно сна

Я ждал на ложе одиноком.

Сыны души моей больной,

Сыны полуночного бденья –

Кругом неясною толпой,

135

Мелькали смутныя виденья.

Все обмануло, думал я,

Чем сердце пламенное жило,

Что восхищало, что томило,

И вянет молодость моя!

Невольник истины угрюмой,

Отныне с праздною душой,

Живых восторгов легкой рой

Мне заменится хладной думой

И сердца мертвой тишиной!

Тогда с улыбкою коварной

Предстал внезапно Купидон:

20 О чем вздыхаешь, молвил он,

О чем грустишь, неблагодарной?

Забудь печальныя мечты,

я вечно юн – и я с тобою!

Еще младенец сердцем ты;

Не веришь мне? – Взгляни на Хлою.

<До начала июля 1821>

23.1. Подражание Лафару («Свободу дав тоске моей...»)

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 155–156 (№ LXXXVIII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 49–50 (раздел «Элегии. Книга третья») – под заглавием «Утешение»; в оглавлении: «Утешение (подраж. Лафару)».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 27–27 об.

(заглавие: «Подражание Лафару»). Копия Софьи Львовны Путята (РГАЛИ. Ф. 51. Оп.

1. № 198. л. 75) – ст. 1–13 под заглавием «Уединение» с неточностью в ст. 10

(«Отныне праздною душой»).

23.2. <Элегия> («Заснули рощи над потоком...»)

Печатается по тексту первой публикации: Невский Зритель. 1820. Ч. 1. Март (ценз, разр. 17 марта; ценз, билет 13 апреля; вышел к 16 апреля). С. 54–55 (подпись:

Евгений Баратынский. Фридрихсгам. 15 марта 1820) – без заглавия, под № 1 в

подборке из двух стихотворений под общим заглавием «Элегии».

Перепечатано: Эвтерпа. М., 1831. С. 129–130 (подпись: Е. Баратынский) – без

заглавия. Из «Эвтерпы» перепечатано: Песни, романсы и куплеты из Водевильей. М.,

1833. С. 32–33 (подпись: Е. Баратынский) – без заглавия.

136

Печатается с исправлением по тексту второй публикации в «Сыне Отечества» (см. № 23.3): ст. 14 от неги → отныне

Датируется по времени, предшествовавшему публикации в «Невском Зрителе»; дата, проставленная под текстом, означает, очевидно, день поступления стихотворения в редакцию «Невского Зрителя».

23.3. Элегия («Дремала роща над потоком...»)

Печатается по тексту второй публикации: Сын Отечества. 1821. Ч. 71. № XXVII

(ценз. разр. 28 июня; номер датирован 2 июля). С. 39 (подпись: Б-ий).

Датируется по времени, предшествовавшему публикации в «Сыне Отечества».

Санктпетербургские ведомости. 1820. 16 апреля. Л° 31. Первое прибавление. С. 313

(объявление о раздаче подписчикам «Невского Зрителя»; впервые отмечено:

Синявский, Цявловский 1914. С. 7–8). -- Могилянский 1956. С. 392 (дата выдачи

ценз, билета «Невскому Зрителю»).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Невском Зрителе»). -- Изд. 1869.

С. 14 (текст поздней редакции под заглавием «Подражание Лафару»; так же – в Изд.

1884; датировка: 1820; так же датировано в последующих изданиях, кроме Изд.

1914–1913 и Изд. 1989), 181 (варианты «Сына Отечества»). -- Изд. 1894. С. 18

(текст «Невского Зрителя»), 21 (текст поздней редакции). -- Изд. 1914–1915. Т.

I. С. 15 (текст «Сына Отечества» под заглавием «Элегия (Подражание Лафару)» с

датой, проставленной при первой публикации стихотворения в «Невском Зрителе»: 13

Марта 1820), 219–220 (варианты «Невского Зрителя» с указанием опечатки в ст. 14:

«От неги» вместо «Отныне»; варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; отмечена перепечатка

в «Эвтерпе»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 29 (текст поздней редакции под заглавием

оглавления Изд. 1827: «Утешение (Подражание Лафару)»); Т. II. С. 112–113 (текст

«Невского Зрителя» с исправлением ст. 14, 20 и 21 по «Сыну Отечества»). -- Изд.

1951. С. 62 (текст Изд. 1827 под заглавием «Утешение»). -- Изд. 1957. С. 56–57

(текст Изд. 1835 под заглавием «Подражание Лафару»; так стихотворение напечатано

и в Изд. 1982, Изд. 1989, Изд. 2000). -- Изд. 1989. С. 71 (дата под текстом

поздней редакции Изд. 1835 поставлена по публикации «Невского Зрителя»: 15 марта

1820).

24

Весна

(Элегия)

Мечты волшебныя, вы скрылись от очей!

Сбылися времени угрозы!

Хладееет в сердце жизнь, и юности моей

Поблѣкли утренния розы!

Благоуханной

Май воскреснул на лугах,

И пробудилась Филомела,

И флора милая, на радужных крылах

К нам обновленная слетела.

Вотще! не для меня долины и леса

Одушевились красотой,

И светлой радостью сияют небеса!

Я вяну – вянет всё со мною!

О, где вы, призраки невозвратимых лет,  
Богатство жизни – вера в счастье?  
Где ты, младаго дня пленительный разсветь?  
Где ты, живое сладострастье?  
В дыхании весны всё жизнь младую пьет  
И негу тайного желанья!  
Всё дышет радостью и, мнится, с кемь-то ждет

20

Обетованного свиданья!  
Лишь я, как будто чужд  
Природе и Весне!  
Часы крылатые мелькают;  
Но радости принести они не могут мне,  
И, мнится, мимо пролетают.

<До 20-х чисел марта 1820>

138

24. Весна (Элегия) («Мечты волшебныя, вы скрылись от очей!..»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Соревнователь  
Просвещения и Благодетельства. 1820. № IV (Труды ВОЛРС. Ч. X. Кн. IV) (ценз. разр.  
5 апреля; ценз, билет 21 мая). С. 88–89 (подпись: Баратынский).

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением: ст. 13 призраки, невозвратимых лет → призраки  
невозвратимых летъ

Датируется по времени чтения стихотворения в собрании Вольного общества  
любителей российской словесности 22 марта 1820 г. под заглавием «Весна»  
(резолуция: «Одобрено. Избрано» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 375).

Могиланский 1956. С. 392 (дата выдачи ценз, билета «Соревнователю»).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Соревнователе»). -- Изд. 1894.

С. 25–26 (стихотворение введено в собрание сочинений Баратынского; текст  
«Соревнователя»; датировка: 1820; так стихотворение напечатано и датировано в  
последующих изданиях). -- Изд. 1957. С. 336 (со ссылкой из Документы ВОЛРС. С.  
331 отмечено чтение стихотворения в собрании ВОЛРС 22 марта 1820 г.). -- Изд.  
1989. С. 72 (произвольная датировка: 1–20 марта 1820).

25

и

Финляндия

В свои расселины вы приняли певца,  
Граниты финские, граниты вековые,  
Земли ледяного венца

Богатыри сторожевые.

Он с лирой между вас.

Поклон его, поклон

Громадам, миру современным:

Подобно им да будет он

Во все години неизменным!

Как все вокруг меня пленяет чудно взор!

Там, необъятными водами,

Слилося море с небесами;

Тут с каменной горы, к нему дремучий бор

Сошел тяжелыми стопами,

Сошел – и смотрится в зеркале гладких вод!

Уж поздно, день погась; но ясен неба свод,

На скалы финския без мрака ночь нисходит

И только что себе в убор Алмазных звезд ненужный хор

На небосклон она выводит!

20 Так вот отечество

О диновых детей,

Г розы народов отдаленных!

Так это колыбель их безпокойных дней,

Разбоям громким посвященных!

Умолк призывный щит, не слышен

Скальда глас,

Воспламененный дуб угас,

Развеял буйный ветр торжественные клики;

Сыны не ведают о подвигах отцовъ;

140

И в дольном прахе их богов

Лежат низверженные лики!

30 и все вокруг меня в глубокой тишине!  
О вы, носившие от берега к берегу бои,  
Куда вы скрылись, полночные герои?  
Ваш след исчез в родной стране.  
Вы-ль, на скалы ея вперив скорбящи очи,  
Плывете в облаках туманною толпой?  
Вы-ль? дайте мне ответ, услышите голос мой,  
Зовущий к вам среди молчанья ночи.

Сыны могучие сих грозных, вечных скал!  
Как отделились вы от каменной отчизны?  
40 Зачем печальны вы? зачем я прочитал  
На лицах сумрачных улыбку укоризны?  
И вы сокрылись в обители теней!  
И ваши имена не пощадило время!  
Что-жь наши подвиги, что слава наших дней,  
Что наше ветренное племя?  
О, все своей чредой исчезнет в бездне лет!  
Для всех один закон, закон уничтоженья,  
Во всем мне слышится таинственный привет  
Обетованного забвенья!

Но я, в безвестности, для жизни жизнь любя,  
Я беззаботливый душою

Вострепещу-ль перед судьбою?  
Не вечный для времен, я вечен для себя:  
Не одному-ль воображенью  
Гроза их что-то говорить?  
Мгновенье мне принадлежит,  
Как я принадлежу мгновенью!  
Что нужды до былых, иль будущих племень?  
Я не для них брещу незвонкими струнами;  
60 Я, не внимаемый, довольно награжден  
За звуки звуками, а за мечты мечтами.  
<До середины апреля 1820; 1823–1826>

141

2

Ранняя редакция  
Финляндия

Громады вечных скал, гранитныя пустыни,  
Вы дали страннику убежище и кров!  
Ему нужней покой обманчивых даров

Слепой, взыскательной и ветреной богини!  
Забытый от людей, забытый от молвы,  
Доволен будет он углом уединенным.  
Он счастье в нем найдетъ; он будет, как и вы,  
В пременах рока неизменным!

Как все вокруг меня пленяет грозно взор!  
Пустынный неба свод, угрюмый вид Природы,  
О каменистый берег дробящийся воды  
И дремлющий над ними бор!  
Скалы далекия подернулись туманомъ;  
В зеркале зыбких вод глядится черной лес!..  
Все тихо! все молчит! и бледный свод небес  
Слился с безбрежным Океаном!  
Здесь все беседует с унынием моимъ  
И роши шум глухой и волн неясной лепет,  
Как будто бы знаком, как будто внятн им 20  
Младова сердца томный трепет.  
Здесь освежаемый прохладной тишиной  
Природы дремлющей, под кровом ночи звездной,  
Люблю сидеть один над сумрачною бездною,  
Молчать – и в даль лететь душой....  
Здесь в думу важную невольно погруженной,  
Люблю воспоминать о сильных прежних дней,  
О бурной жизни их, средь копий, средь мечей,  
Безумствам громким посвященной.

Ничто не прочно на земли!

Ложатся грады в прах и рушатся державы!



Не здесь–ли некогда с победой протекли  
Сыны Оденовы, любимцы бранной славы?  
Следы минувшаго исчезли в сих местах;  
Отзывы праздные не вторят песни  
Скальда; Молва умолкнула о спутниках Роальда,  
О древних сильных племенах!  
Развевал бурный ветер торжественные клики;  
Забыли правнуки о подвигах отцовъ;  
Бледнеет слава их, и в прахе их Богов 40  
Лежат низверженные лики!  
И все вокруг меня в глубокой тишине:  
Не слышен стук мечей; давно умолкли бои...  
Куда вы скрылися, полночные Герои?  
Мой взор теряется в бездонной вышине!  
Не вы ли, бледные, вперив на звезды очи,  
Плывете в облаках туманною толпой?  
Не вы-ль? ответствуйте! вам слышен голос мой;  
Одушевите сумрак ночи,  
Сыны могучие сих грозных, вечных скал!  
50 Как отделились вы от каменной отчизны?  
Зачем уныли вы? и я ли прочитал  
На лицах сумрачных улыбку укоризны?  
И вы сокрылися в обители теней!  
И ваши имена не пощадило время!  
Что ж наши подвиги? что слава наших дней?  
Что наше ветреное племя?  
О! все своей чредой исчезнет в бездне лет!  
Для всех один закон – закон уничтоженья!  
Во всем мне слышится таинственный привет 60  
Обетованнаго, глубокаго забвенья!  
Ноя, в неизвестности для жизни жизнь любя,  
Могу-ль себя томить неясною тоскою?  
Пусть все разрушится; пусть все умрет со мною:  
Невечный для времен, я вечен для себя.

143

Златые призраки! златая сновиденья!  
Желанья пылкия! слетитесь толпой:  
Пусть жадно буду пить, обманутой душой,  
Из чаши юности волшебство заблужденья.  
Что нужды до былых, иль будущих племен! 70  
Я не для них бренчу незвонкими струнами –  
Я, невнимаемый, довольно награжден:  
За звуки звуками, а за мечты – мечтами.  
<До середины апреля 1820>

25.1. Финляндия («В свои разселины вы приняли певца...»)

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 5–8 (№ I).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 9–12 (раздел «Элегии. Книга первая») – под тем же заглавием. И в Изд. 1827, и в Изд. 1835 это стихотворение помещено первым.

По Изд. 1827 перепечатано под заглавием «Финляндия»: Русская стихотворная хрестоматия / Собрана В. [А.] Золотовым. М., 1829. Ч. 1. Раздел «Элегии». С. 192–194 (подпись: Баратынский) с ошибкой в ст. 51 («беззаботливой» вместо «беззаботливый»); Учебная книга русской словесности / Издана Н. [И.] Гречем. Изд. 2–е. СПб., 1830. Ч. III. Раздел «Элегия». С. 180–181 (подпись: Баратынский); Полная русская хрестоматия / Составил А. [Д.] Галахов. М., 1843. Ч. II. Поэзия. Раздел «Ода». С. 182–183 (подпись: Баратынский) с опечатками в ст. 39 («отдалились» вместо «отделились») и 48 («Во всехъ» вместо «Во всемя»). Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 80–81 (заглавие: «Финляндия»). Копия Софьи Львовны Путята (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. л. 73) – ст. 44–61 под тем же заглавием.

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 2 Граниты финския → Граниты финские

25.2. Финляндия («Громады вечных скал, гранитныя пустыни...»)

Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № V (Труды ВОЛРС. Ч. X. кн. V) (ценз. разр. 17 апреля). С. 168–170 (подпись: Баратынский).

Вторично опубликовано: Сын Отечества. 1821. Ч. 70. № XXII (ценз. разр. 24 мая;

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский (вариант номер датирован 28 мая). С. 81–84 (подпись: Баратынской) с очевидно ошибочным исправлением в ст. 45 («Не вы ли, бледная вперив на звезды очи») вместо «Не вы ли, бледные, вперив на звезды очи») и с разночтениями: 18 и сосен шум глухой и волн неясный лепет 21 Здесь, окруженный тишиной, 144

39 Померкла слава их – и в прахе их Богов 51 Зачем печальны вы? и я ли прочитал 60 Обетованного забвенья!

62 Могу ль себя томить гадательной тоскою?

Из «Сына Отечества» перепечатано: Собрание Образцовых Русских Сочинений и Переводов в Стихах. Изд. 2-е. СПб., 1821. Ч. 1. Раздел «Оды». С. 296–298 (подпись: Баратынской) – под тем же заглавием.

Печатается с исправлениями по «Сыну Отечества»: ст. 7 будет как и вы → будет, как и вы, -- ст. 17 беседует → беседует -- ст. 35 умолкла → у молкну ла -- ст. 39 Богов, → Богов -- ст. 70 не для их → не для них

Датируется по воспоминаниям Н. М. Коншина о сочинении стихотворения в первые месяцы пребывания Баратынского в Финляндии (Коншин. Изд. 1958. С. 392) и по времени чтения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности 19 апреля 1820 г. (под заглавием «Финляндия»; резолюция: «Одобрено. Избрано» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 377). 10 мая 1820 г. на собрании для посетителей ВОЛРС А. А. Никитин читал элегию «Финляндия» – см.: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № IV (Труды ВОЛРС. Ч. X. Кн. IV). С. 104. Изд. 1869. С. 15–16 (текст поздней редакции с ошибками: ст. 26 «бурный» вместо «буйный»; ст. 51 «беззаботливой» вместо «беззаботливый»), 182–183 (варианты «Сына Отечества» с ошибками: ст. 12 «под ними» вместо «над ними»; ст. 69 «время» вместо «племя»; не учтены ст. 51 и 66; варианты «Соревнователя» по отношению к «Сыну Отечества» в ст. 18, 21, 39; так же – в последующих изданиях до Изд. 1914–1915; датировка: 1820; так же датировано во всех последующих изданиях, кроме Изд. 1989). -- Брюсов 1899. С. 441 (отмечен вариант «Сына Отечества» в ст. 66, пропущенный в Изд. 1869). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 16–18 (текст «Сына Отечества» – с неточностью в ст. 34: «песне» вместо «песни»; повторено в последующих изданиях), 178–179 (текст поздней редакции с исправлением опечаток Изд. 1869), 220 (варианты «Соревнователя» по отношению к тексту «Сына Отечества» в ст. 51, 60, 62). -- Филиппович 1915. С. 190–191 (отмечен вариант «Соревнователя» в ст. 45 по отношению к тексту «Сына Отечества»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 5–6 (текст поздней редакции напечатан в основном корпусе; так же – в последующих изданиях); Т. II. С. 105–106 (текст «Соревнователя»). -- Изд. 1957. С. 337 (со ссылкой на Документы ВОЛРС. С. 333 отмечено чтение стихотворения в собрании ВОЛРС 19 апреля 1820 г.; ранее отмечалось: Филиппович 1915а. С. 1). -- Изд. 1982. С. 7–8 (текст Изд. 1835), 381–383 (варианты «Соревнователя» и «Сына Отечества»). -- Изд. 1989. С. 73 (датировка: март – первая половина апреля 1820 <1826>).

10. Баратынский Том 1

26

Финским красавицам (Мадригалъ)

Так – ваш язык еще мне нов,  
Но взоры милых сердцу внятны,  
И звуки незнакомых слов  
Давно душе моей понятны.

Я не умел еще любить;  
Опасны сердцу ваши взгляды!  
И сын Фрегеи, может быть,  
Сильнее будет сына Лады!

<До середины апреля 1820>

26. Финским красавицам (Мадригалъ) («Так – ваш язык еще мне нов...»)

Печатается по первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № V (Труды ВОЛРС. Ч. X. № V) (ценз. разр. 17 апреля). С. 186 (подпись: Баратынский).

Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 100 (подпись: Баратынский) – под заглавием «финским красавицамъ».

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлением: ст. 5 любит → любить; (как в «Опыте Русской Анфологии»).

Датируется по времени чтения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности 19 апреля 1820 под заглавием «Мадригал финским красавицам» (резолюция: «Одобрено. Избрано» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 377).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Соревнователе»). -- Изд. 1869.

С. 375 (отмечена перепечатка в «Опыте Русской Анфологии»). -- Изд. 1894. С. 26 (текст «Соревнователя»; датировка: 1820; так стихотворение напечатано и

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский барата  
датировано в последующих изданиях). -- Изд. 1957. С. 337 (со ссылкой на документы  
ВОЛРС. С. 333 отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 19 апреля 1820 г.; ранее  
отмечалось: Филиппович 1915а. С. /). -- Изд. 1989. С. 74 (датировка: март –  
первая половина апреля 1820).

146

27

и

Живи смелей, товарищ мой, Разнообразь досуг шутилой!  
Люби, мечтай, пируй и пой, Пренебреги молвы болтливой И порицаньем и хвалой!  
О, как безумна жажда славы!  
Равно исчезнут в бездне лет,  
И годы шумные побед,  
И миг неизвестный забавы! Всех смертных ждет судьба одна: Всех чередом поглотит  
Лета,  
И философа болтуна,  
И длинноусова корнета,  
И в молдаванке шалуна  
И в рубище Анахорета.  
Познай-же цену срочных дней,  
Лови пролетное мгновенье!  
Исчезнет жизни сновиденье:  
Кто был счастливей, был умней.  
20 Будь дружен с Музою моею,  
Оставим мудрость мудрецамъ;  
На что чиниться с жизнью нам,  
Когда шутить мы можем с нею?  
<до мая 1820; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

К-ну

10\*

Живи смелей, товарищ мой,  
Разнообразь досуг шутилой!  
147  
Люби, мечтай, пируй и пой,  
Пренебрегай молвы болтливой  
И порицаньем и хвалой!  
О как безумна жажда славы!  
Равно исчезнут в бездне лет  
И годы шумные побед  
И миг неизвестный забавы!  
Что жизнь? – медлительный недуг,  
Условный дар скупого неба:  
Врата туманного Эреба  
Для всех отверсты, милый друг!  
Поглотит всех немая Лета:  
И философа болтуна,  
И длинноусаго корнета,  
И в шумном свете шалуна  
И в пустыне анахорета.  
Познай же цену срочных дней:  
20 Лови пролетные мгновенья,  
Исчезнет жизни сновиденье:  
Кто был счастливей, был умней!  
Будь дружен с Музою моею,  
Оставим мудрость мудрецамъ;  
Зачем чиниться с жизнью нам,  
Когда шутить мы можем с нею?  
<до мая 1820>

27.1. «Живи смелей, товарищ мой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 149–150 (№ LXXXIV).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 122–123 (раздел «Смесь») –  
под заглавием «Добрый совет. К –ну».

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Баратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 103 (заглавие: «К  
....»), 129 – 129 об., 147 об. (заглавие: «К ...»). Копия Софьи Львовны Путята:

РГАЛИ. ф. 51. Оп. 1. № 198. л. 76 об. – 77 (под заглавием: «Добрый  
совет. Къ ну») с разночтением в ст. 2 (видимо, ошибка переписчицы):

Бранение сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
«досугъ  
щастливой» вместо «досуг шутливой».  
148

Н. М. Коншин Акварель 1830-х гг.

27.2. К-ну («Живи смелей, товарищ мой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1821. ч. 71. № XXIX (ценз. разр. 12 июля; номер датирован 16 июля). С. 131–132 (подпись: Б-ии). Печатается с исправлениями: ст. 22 Кто был счастливей → Кто был счастливей, -- ст. 25 Зачем чинится с жизнью нам → Зачем чиниться с жизнью нам, Датировается по воспоминаниям Н. М. Коншина (адресат послания) о сочинении стихотворения в первые месяцы пребывания Боратынского в Финляндии: «Скоро образовалась между нами литературная дружба <...> он привез мне свой добрый совет <...> Скоро Фридрихсгам ему наскучил; я выпросил его к себе в роту, мы поселились вместе» (Коншин. Изд. 1958. С. 391). Рота, которой командовал Коншин, квартировала неподалеку от Фридрихсгама – в Ликоловских казармах. Судя по контексту воспоминаний Коншина, перевод Боратынского в его роту произошел в конце зимы 1820 – не позднее мая: во второй половине мая Нейшлотский полк перешел в летний лагерь под Виль-манстрандом (см.: Летопись. С. 98). Этим стихотворением начинается поэтическая переписка Боратынского и Коншина. Ответ Коншина («Поэт, твой дружественный глас...») опубликован: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820 № XII (Труды ВолРС. 1820. ч. XII. кн. XII). С. 324 (заглавие: «Боратынскому. Ответ»). Следующее послание Боратынского («Поверь, мой милой друг, страданье нужно нам...») – см. № 28.2. Стихотворения, продолжившие эту переписку во второй половине лета 1820, см.: №№ 30 и 31. Изд. 1869. С. 21–28 (текст поздней редакции под заглавием «Коншину»; так же, но с вариациями заглавия, стихотворение напечатано в последующих изданиях, кроме Изд. 1914–1915; датировка: 1821; так датировано и в последующих изданиях), 187 (разночтения «Сына Отечества»: не отмечен ст. 25). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 26 (текст «Сына Отечества» под заглавием «К[онши]ну»), 225 (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835). -- Изд. 1936. Т. I. С. 89 (текст поздней редакции под заглавием «Добрый совет. К Коншину»). -- Изд. 1951. С. 88 (текст поздней редакции под заглавием «Добрый совет. К <Конши>ну»). -- Изд. 1957. С. 75–76 (текст поздней редакции под заглавием «Добрый совет (К – ну)»). – Изд. 1982. С. 101 (текст поздней редакции без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- Ваиуро 1988. С. 188–189 (стихотворение рассмотрено в контексте поэтической переписки Боратынского и Коншина; датировка: 1820).

28

1

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам,  
Не испытав его, не лъзя понять и счастья:  
Живой источник сладострастья  
Дарован в нем его сынам.  
Одне-ли радости отрадны и прелестны?  
Одно-ль веселье веселить?  
Бездейственность души счастливцев тяготить;  
Им силы жизни неизвестны.  
Не нам завидовать ленивым чувствам их:  
Что в дружбе ветренной, в любви однообразной  
И в ощущениях слепых  
Души рассеянной и праздной?  
Счастливы мнимые, способны-ль вы понять  
Участья нежного сердечную услугу?  
Способны-ль чувствовать, как сладко поверять  
Печаль души своей внимательному другу?  
Способны-ль чувствовать, как дорог верный друг?  
Но кто постигнут роком гневным,  
Чью душу тяготит мучительный недуг,  
20 Тот дорожит врачом душевным.  
Что, что дает любовь веселым шалунам?  
Забаву легкую, минутное забвенье;  
В ней благо лучшее дано богами нам  
И нужд живейших утоленья!  
Как будет сладко, милый мой,  
Поверить нежности чувствительной подруги,  
Скажу-ль? все раны, все недуги,  
Все расслабление души твоей больной;  
Забыв и свет и рок суровой,

Желанья смутныя в одно желанье слить  
И на устах ея, в ея дыханьи пить  
Целебный воздух жизни новой!

151

Хвала всевидящим богам!  
Пусть мнимым счастьем для света мы убоги,  
Счастливыцы нас бедней, и праведные боги  
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

<До мая 1820; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

Поверь, мой милой друг, страданье нужно нам,  
Не испытай его не лъзя понять и щастья:  
Живой источник сладострастья  
Дарован в нем его сынам.  
Одне ли радости отрадны и прелестны?  
Одно ль веселье веселить?  
Бездейственность души щастливцев тяготит,  
Им силы жизни неизвестны.  
Не нам завидовать ленивым чувствам их:  
Что в дружбе ветреной, в любви однообразной,  
И в ощущениях слепых Души рассеянной и праздной?  
Щастливцы мнимые! способны ль вы понять  
Участья нежного сердечную услугу?  
Способны-ль чувствовать, как сладко поверять  
Печаль души своей заботливому другу?  
Способны-ль чувствовать, как дорог верный другъ?

Но кто постигнут роком гневным,  
Чью душу тяготит мучительной недуг,  
20 Тот дорожит врачом душевным.

Вы ищете в любви занятие одно,  
Восторг проходчивый, минутное забвенье;  
В ней благо лучшее Богами нам дано,  
И нужд живейших утоленья.

Как будет сладко, милой мой,  
Поверить нежности чувствительной подруги  
Все нужды, всю тоску, все раны, все недуги,

152

Все расслабление души твоей больно!

Забыв и свет и рок суровой,  
Желанья смутныя в одно желанье слить,  
И с жаждою любви в ея дыханьи пить  
Целебный воздух жизни новой!

Хвала всевидящим богам!  
Пусть, мнимым счастьем для света мы убоги:  
Щастливцы нас бедней, и праведные боги  
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

<До мая 1820>

28.1. «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 181–182 (№ СШ).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 172–173 (раздел «Послания»)  
– под заглавием «К-ну».

Автограф ранней редакции см. № 28.2.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 39. л. 32 об. – 33 (без заглавия); № 42. л. 136–136 об. (заглавие: «Коншину»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. ф. 394. Оп. 1. № 170. л. 31 об. – 32 (без заглавия).

Печатается с исправлением: ст. 17 как дорог, верный другъ? → как дорог верный другъ? (как в автографе и в первой публикации).

28.2. «Поверь, мой милой друг, страданье нужно нам...»

Печатается по автографу: РГАЛИ. ф. 51. Оп. 2. № 5 (альбом «Tendresse»). л. 30–31 (подпись: Е. Б.). В автографе – исправление: в ст. 31 ея переделано из ея. Впервые опубликовано: Сын Отечества. 1820. Ч. 66. № XLIX (ценз. разр. 16 ноября; номер датирован 4 декабря). С. 130–131 (подпись: Е. Баратынский. Фридрихсгамь) – под заглавием «К Коншину», с опечатками (ст. 25 «Нам будетъ» вместо «Как будетъ»; ст. 28 «Все размышление» вместо «Все расслабление»; ст. 29 «Забыв и векъ» вместо «Забыв и светъ») и с разночтением:

23 Нам благо лучшее Богами в ней дано,

Печатается с исправлениями: ст. 2 Неиспытав → Не испытав -- ст. 5 Одни → Одне

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
-- ст. 15 чувствовать -> чувствовать, -- ст. 27 все раны все недуги, -> все  
раны, все недуги, -- ст. 30 смутные -> смутныя ~ ст. 32 целебный -> целебный  
(как в «Сыне Отечества» и в поздней редакции).

Датируется по соотношению с другими стихотворениями, составляющими поэтическую переписку Боратынского и Коншина в 1820 г. (см. примечания к № 27.2). Время записи стихотворения в альбом «Tendresse»: конец декабря 1820 – февраль 1821 – в это время Боратынский находился в отпуске в Маре, где только и могла быть сделана запись (см.: Летопись. С. 101–102).

153

Изд. 1869. С. 17–18 (текст поздней редакции под заглавием «К Коншину»; так же, но с вариациями заглавия, стихотворение напечатано в последующих изданиях, кроме Изд. 1915–1915; датировка: 1820; так же датировано в последующих изданиях; в ст. 30 опечатка, повторенная всеми последующими изданиями до Изд. 1914–1915:

«Желанье смутное» вместо «Желанья смутныя»), 183 (варианты «Сына Отечества»; опечатки «Сына Отечества» квалифицированы как варианты; так же – в Изд. 1982. С. 429 и Изд. 2000. С. 392). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 19– 20 (текст «Сына Отечества» под заглавием «К Коншину» с сохранением опечаток в ст. 25, 28, 29 и с исправлением ст. 30), 221 (варианты автографа – не учтен ст. 29; отмечена одна из копий Н. Л. Боратынской). -- Материалы 1916. С. 7 (описание автографа). -- Изд. 1936. Та. С. 116– 117 (текст поздней редакции под заглавием «Коншину»). -- Изд. 1957. С. 57–58 (текст поздней редакции под заглавием «К-ну»). -- Изд. 1982. С. 119–120 (текст поздней редакции без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000).

29

1

Разсеивает грусть веселый шум пировъ;  
Вчера, за чашей круговую,  
В семействе дружеском соратных шалунов  
Мечтал воскреснуть я душою.  
Туман полуночный на холмы возлегал,  
Шатры над озером дремали,  
Лишь мы не знали сна – и пенистый фиал  
С весельем буйным осушали.  
Но что-же? вне себя я тщетно жить хотел:  
Вино и Вакха мы хвалили;  
Но я безрадостно с друзьями радость пел:  
Восторги их мне чужды были.  
Того не приобрести, что сердцем не дано,  
Всесильным собственною силой;  
Одну печаль свою, уныние одно  
Способен чувствовать унылой!  
<Вторая половина мая 1820 – начало января 1821; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

Уныние

Разсеивает грусть веселый шум пиров:  
Вчера за чашей круговую,  
В семействе дружеском любезных шалунов Я уповал ожить душою.

155

Туман полуночный на холмы возлегал,  
Шатры над озером дремали,  
Лишь мы не знали сна – и дружеский фиал  
С весельем буйным осушали.  
Но что же? вне себя я тщетно жить хотел,  
Вино и Вакха мы хвалили;  
Но я безрадостно с друзьями радость пел:  
Восторги их мне чужды были.  
Того не приобрести, что сердцем не дано;  
Не вспыхнет жизнь в крови остылой;  
Одну печаль свою, уныние одно  
Способен чувствовать унылой!  
<Вторая половина мая 1820 – начало января 1821>

3

Позднейшая редакция

Лагерь

Разсеивает грусть пиров веселый шум,  
Вчера за чашей круговую,  
Средь братьев полковых, в ней утопив мой ум

Хотел воскреснуть я душою.  
Туман полуночный на холмы возлегал,  
Шатры над озером дремали,  
Лишь мы не знали сна – и пенистый бокал  
С весельем буйным осушали.  
Но что же? вне себя я тщетно жить хотел:  
Вино и Вакха мы хвалили;  
Но я безрадостно с друзьями радость пел:  
Восторги их мне чужды были.

156

Того не приобрести, что сердцем не дано,  
Рок злобный к нам ревниво злобен:  
Одну печаль свою, уныние одно  
Унылый чувствовать способен.

29.1. «Разсеивает грусть веселый шум пиров...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 25 (№ XII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 36 (раздел «Элегии. Книга вторая») – под заглавием «Уныние».

Автограф неизвестен.

Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. л. 73 об. (заглавие: «Уныние»).

29.2. Уныние («Разсеивает грусть веселый шум пиров...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1821. Ч. 67. № III (ценз, разр, 11 января; номер датирован 15 января). С. 128–129 (подпись: Е. Баратынский).

Из «Сына Отечества» перепечатано: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1821. Ч. 2. С. 118–119 (подпись: Баратынской) – под тем же заглавием.

Датируется по времени публикации (11 января 1821 – дата ценз. разр. «Сыну Отечества», где впервые напечатано стихотворение) и на основании предположения о том, что поводом для сочинения стихотворения стало пребывание Боратынского в летнем лагере Нейшлотского полка на берегу озера Сайма под Вильманстрандом во второй половине мая – июне 1820 г. (см.: Летопись. С. 98).

29.3. Лагерь («Разсеивает грусть пиров веселый шум...»)

Печатается по копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 6 об. (шифр до 1999 г.: ПД. 21733. л. 6 об.) – первоначально стихотворение было записано в поздней редакции Изд. 1827 и Изд. 1835 под заглавием «Уныние», а затем переправлено: заглавие «Лагерь» поставлено под зачеркнутым «Уныние», в ст. 1, 3, 4, 7, 14, 16 новые варианты записаны поверх начальной записи.

Впервые опубликовано: Изд. 1869. С. 19 – под заглавием «Лагерь».

Печатается с исправлением: ст. 14 злобен → злобен:

С большой степенью вероятности можно предполагать, что данная редакция представляет результат переработки текста, опубликованного в Изд. 1827 и в Изд. 1835 (см. комментарии). Никакими документальными свидетельствами о времени, когда была сделана эта правка, мы не располагаем.

Изд. 1869. С. 19 и Изд. 1884. С. 27 (текст, соответствующий копии Н. Л.

Боратынской, под заглавием «Лагерь»; так же, но с вариациями заглавия, стихотворение напечатано в последующих изданиях, кроме Изд. 1914–1915; датировка: 1821; так же датировано в последующих изданиях). -- Изд. 1869. С. 184 (варианты «Сына Отечества» и Изд. 1835). -- Изд. 1914–1915. Т. I.

157

С. 20–21 (текст «Сына Отечества»), 222 (варианты Изд. 1827, Изд. 1835 и Изд. 1869). -- Изд. 1936. Т. I. С. 22 (текст Изд. 1884 под заглавием «Уныние»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982); Т. II. С. 230 (отмечено наличие двух копий стихотворения, одна из которых имеет заглавие «Лагерь»; сведения о наличии другой копии, видимо, ошибочны: см. ниже пояснения к публикации стихотворения в Изд. 1957). -- Изд. 1957. С. 338 (ссылка на копию Н. Л. Боратынской под заглавием «Лагерь»; исправления в копии некорректно названы «авторскими исправлениями»; дана точная архивная ссылка на «другую копию» Н. Л. Боратынской под заглавием «Уныние» – судя по шифру: «ИРЛИ, 21733, „Элегии“, л. 6 об.», это та же самая правленная копия под заглавием «Лагерь», написанным под зачеркнутым «Уныние»). -- Изд. 1982. С. 22 (текст, соответствующий копии Н. Л. Боратынской, без заглавия и без указания на источник публикации; так же – в Изд. 2000), 385–386 (варианты «Сына Отечества», Изд. 1827 и Изд. 1835). -- Изд. 1989. С. 75–76 (текст, соответствующий копии Н. Л. Боратынской под заглавием «Лагерь»), 395 (о копии Н. Л. Боратынской без обоснований сказано, что в ней «учтена позднейшая авторская правка»).

1

Пора покинуть, милый друг,  
Знамена ветренной Киприды  
и неизбежны обиды  
Предупредить, пока досуг.  
Чьих ожидать увещеваний!  
Мы лишены старинных прав  
На своеволие забав,  
На своеволие желаний.  
Уж отлетает век молодой,  
Уж сердце опытнее стало:  
Теперь ни в чем, любезный мой,  
Нам изступленье не пристало!  
Оставим юным шалунам  
Слепую жажду сладострастья;  
Не упоения, а счастья  
Искать для сердца должно нам.  
Пресытись буйным наслажденьем,  
Пресытись ласками Цирцей,  
Шепчу я часто с умилением,  
20 В тоске задумчивой моей:  
Нельзя-ль найти любви надежной?  
Нельзя-ль найти подруги нежной,  
С кем могъ-бы, в счастливой глуши,  
Предаться неге безмятежной  
И чистым радостям души;  
В чье неизменное участие  
Безопасно вероваль-бы я,  
Случится-ль ведро иль ненастье  
На перепутье бытия?  
Где-жь обреченная судьбою?  
На чьей груди я успокою  
Свою усталую главу?  
159  
Или с волненьем и тоскою  
Ее напрасно я зову?

Или в печали одинокой  
я проведу остаток дней,  
и тихий свет ея очей  
не озарит их тьмы глубокой,  
не озарит души моей!  
<Июль-август 1820; 1823-1826>

2

Ранняя редакция  
< Элегия >  
(Н. М. К.)  
Пора покинуть, милый друг,  
Знамена ветреной Киприды –  
и неизбежны обиды  
Предупредить, пока досуг!  
Прошла пора слепых мечтаний,  
и мы лишились наших прав  
На своеволие забав,  
На своеволие желаний.  
Уж отлетает век молодой;  
10 Уж сердце опытнее стало:  
Теперь ни в чем, друг милой мой,  
Нам изступленье не пристало.  
Оставим буйным шалунам  
Слепую жажду сладострастья!  
Не упоения, а счастья  
Теперь искать уж время нам.  
Пресытись грубым наслажденьем,  
Пресытись ласками Цирцей,  
Шепчу я часто с умилением 20  
В тоске задумчивой моей:  
Нельзя ль найти любви надежной?



Нельзя ль найти подруги нежной,  
С кем мог бы в счастливой глуши,  
Предаться неге безмятежной  
И чистым радостям души,  
В чье неизменное участие  
Безпечно веровал бы я –  
Случится ль ведро, иль ненастье,  
На перепутьи бытия?  
Где ж обреченная судьбою,  
На чьей груди я успокою  
Мою усталую главу?  
Или, с волненьем и тоскою,  
Ее напрасно я зову?  
Или в печали одинокой  
Я проведу остаток дней –  
И тихой свет ея очей  
Не озарит их тьмы глубокой,  
Не озарит души моей?...  
<Июль–август 1820>

3

Особая редакция  
Не лъзя ль найти любви надежной,  
Не лъзя ль найти подруги нежной,  
С кем мог бы в счастливой глуши  
Предаться неге безмятежной  
И чистым радостям души?  
В чье неизменное участие  
Безпечно веровал бы я,  
Случится-ль ведро иль ненастье  
На перепутьи бытия?  
Где-ж обреченная судьбою?  
На чьей груди я успокою  
Мою усталую главу?  
Или с волненьем и тоскою

#### 11. Боратынский Том 1

161

Ее напрасно я зову?  
Или в печали одинокой  
Я проведу остаток дней,  
И тихой свет ея очей  
Не озарит их тьмы глубокой,  
Не озарит души моей!

30.1. «Пора покинуть, милый друг...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 176–177 (№ С) – с восстановлением ст. 21 по Изд. 1827.

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 62–63 (раздел «Элегии. Книга третья») – под заглавием «К ...ну» и с разночтениями:

из Оставим буйным шалунам і7 Пресытяться грубым наслажденьем,

По Изд. 1827 перепечатано: Славянин. 1827. Ч. IV. № LII. С. 511–512 – под тем же заглавием.

Автограф ст. 21–39 см.: № 30.3.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: Пд. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 109 об.– 110, 131–132; обе копии под заглавием «Коншину» с пропуском ст. 21.

Печатается с исправлениями: ст. 4 Предупредит → Предупредит, (как в ранней редакции – см. № 30.2). -- ст. 22 найдти → найти (как в Изд. 1827)

30.2. <Элегия> (Н. М. К.) («Пора покинуть, милый друг...»)

Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № VIII (Труды ВОЛРС. Ч. XV. кн. II) (ценз. разр. 1 августа; вышел после 8 августа). С. 237–239 (подпись: Е. Б.) – напечатано под № 2 вместе со стихотворением «Прощай, отчизна непогоды...» (см. № 35.2) под общим заглавием «Элегии».

Очевидно, одна из двух «Элегий» Боратынского, опубликованных в VIII номере «Соревнователя», была заслушана в собрании Вольного общества любителей российской словесности 16 мая ( резолюция: «14 избр., 1 не избр.

препровождается»), а другая 8 августа 1821 г. (резолуция: «Все избр. препровождается») – обе под одинаковым заглавием «Элегия» (Журналы ВОЛРС. С.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский (ваг  
398, 401), но какая именно когда – неизвестно.

Печатается с исправлениями: ст. 11 ни в чем друг милой мой → ни в чем, друг  
милой мой, -- ст. 35 одинакой → одинакой

Датируется по времени поэтической переписки Баратынского и Н. М. Коншина:  
стихотворение является ответом на послание Коншина «Забудем, друг мой, шумный  
стан...», читанное в собрании Вольного общества любителей российской словесности  
29 ноября 1820 г. под заглавием «Баратынскому (при выступлении из лагеря в  
деревню)» (Журналы ВОЛРС. С. 389); впервые опубликовано В. Э. Вацуру: Поэты  
1820–  
162

1830. Т. 1. С. 352). Заглавие, под которым стихотворение Коншина читалось у  
«соревнователей», и упоминание в ст. 1 о «шумном стане» (то есть о летнем лагере  
Нейшлотс-кого полка под Вильманстрандом, где Баратынский и Коншин находились с  
15 мая по 1 июля 1820 г. – см.: Летопись. С. 98–99) позволяют датировать  
стихотворение Коншина июлем, а стихотворение Баратынского – июлем или августом  
1820 г. (см. также комментарий).

30.3. «Не лъзя ль найти любви надежной...»

Печатается по автографу: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 39 (Альбом Настасьи Львовны  
Баратынской). Л. 143–143 об.

Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 31 об. (без  
заглавия; подписано: Баратынкой) – с пропуском ст. 18 и с разночтением:  
5 и ясным радостям души?

Печатается с исправлениями по Изд. 1827 и Изд. 1835: ст. 1 надежной → надежной,  
-- ст. 2 нежной → нежной, -- ст. 4 Предатся → Предаться -- ст. 7 я → я, --  
ст. 18 глубокой → глубокой,

Основания для выделения особой редакции и датировки: 1) место записи в альбоме  
Н. Л. Баратынской – текст автографа начинается с середины л. 143, после  
стихотворения К. Н. Батюшкова «Беседка Муз», записанного также Баратынским, –  
следовательно, данный фрагмент помещен в альбоме как самостоятельный текст; 2)  
предполагаемое время записи – судя по альбомному контексту, данный фрагмент  
записан в период знакомства Баратынского со своей будущей женой (тогда еще – Н.  
Л. Энгельгардт), зимой – весной 1826, и адресован ей как отдельное  
стихотворение; 3) наличие копии этого фрагмента, сделанной сестрой Н. Л.  
Баратынской – С. Л. Путята (Энгельгардт).

Изд. 1869. С. 28–29 (текст изд. 1835 под заглавием «Коншину» без ст. 21; так  
стихотворение напечатано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915; датировка:  
1821; так же датировано в последующих изданиях), 187 (варианты «Соревнователя» и  
Изд. 1827), 375 (отмечена перепечатка в «Славянине»). -- Изд. 1914–1915. Т. I.  
С. 33–34 (текст «Соревнователя» под заглавием «Н. М. К[оншину]»), 230 (варианты  
Изд. 1827, «Славянина» и Изд. 1835; отмечено, что ст. 21 в Изд. 1835 отсутствует  
«по недосмотру»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 41–42 (текст изд. 1835 под заглавием  
«Коншину» с восстановлением ст. 21; так стихотворение печаталось в последующих  
изданиях до Изд. 1957). -- Изд. 1957. С. 66–67 (текст изд. 1835 под заглавием  
«К...ну» с восстановлением ст. 21). -- Изд. 1982. С. 116–117 (текст изд. 1835  
без заглавия с восстановлением ст. 21 – так же в Изд. 1989 и Изд. 2000). --  
Вацуру 1988. С. 158–159 (датировка: 1820). -- Изд. 1989. С. 88, 398

(некорректная датировка: май ? 1821). -- Летопись. С. 109 (предположение о  
чтении стихотворения в собрании ВОЛРС 8 августа 1821 г. под заглавием  
«Послание»; однако в Делах цензурного комитета ВОЛРС против «Послания»,  
читанного 8 августа, значит: «У г. сочинителя» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 401;  
следовательно, оно не было «препровождено» для публикации в «Соревнователе»).

11\*

31

1

Чувствительны мне дружеския пени,  
Но искренно забыл я Геликон  
И признаюсь: не прихотливой лени  
Мне нравится приманчивый законъ;  
Охота петь ужь не владеет мною:  
Она прошла, погасла, как любовь.

Опять любить, играть струнами вновь,  
Желаль-бы я, но утомлен душою.  
Иль жить нельзя отрадою иною?  
С бездействием любезен мне союзъ;  
Лелеемый счастливым усыплением,  
Я не хочу притворным изступлением  
Обманывать ни юных дев, ни Муз.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *va*  
<Август 1820 (?) – начало мая 1823; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

Эпилогъ

Чувствительны мне дружеския пени;  
Но искренно забыл я Г еликон:  
И, признаюсь, закоренелый в лени,  
Не каюся, люблю мой праздный сон.

Охота петь владеет слабо мною;  
Она прошла как перьвая любовь!

Желал бы я воспламениться вновь,  
Но утомлен я сердцем и душою.

Иль жить не лъзя отрадою иною?

Я заключил с бездействием союзъ;

Лелеемый щастливым усыплением

я не хочу притворным изступлением

Обманывать ни юных дев, ни Муз!

<Август 1820 (?) – начало мая 1823>

164

31.1. «Чувствительны мне дружеския пени...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 114 (№ LXIV).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 66 (раздел «Элегии. Книга третья» – заключительное стихотворение раздела «Элегии») – под заглавием «Эпилогъ».

Автограф ранней редакции см.: № 31.2.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 16 (заглавие: «Дремота»). О других копиях см. примечания к разделу «Прозаические автопереводы стихотворений на французский язык». В том же разделе см. автоперевод стихотворения на французский язык («*Merci, amis, pour votre indignation flatteuse...*»).

31.2. Эпилог («Чувствительны мне дружеския пени...»)

Печатается по автографу: РГАЛИ. ф. 2567 (Г. Оксман). Оп. 2. № 6. л. 1.

Впервые опубликовано: Новости Литературы. 1823. Кн. IV. № XVIII (ценз. разр. 14 мая; вышли 17 мая). С. 78 (подпись: Баратынский) – под заглавием «К \*\*\*» с

вероятной опечаткой в ст. 8 («и сердцемъ» вместо «я сердцемъ»).

Печатается с исправлениями по «Новостям Литературы»: ст. 3 И признаюсь закоренелый в лени → И, признаюсь, закоренелый в лени, -- ст. 7 воспламенится вновь → воспламениться вновь,

Датировка проблематична: очевидно, что стихотворение написано не позднее начала мая 1823 (14 мая 1823 – дата ценз. разр. номеру «Новостей Литературы», где оно впервые опубликовано); но, как предполагал В. Э. Вацура (см.: Вацура 1988. С. 159), вполне вероятно, что стихотворение сочинено еще в первый год финляндской жизни Боратынского и является ответом на послание Н. М. Коншина «Куда девался мой поэт?..» (см.: Поэты 1820–1830. Т. I. С. 350; дата под посланием Коншина: 1 августа 1820). Другие стихотворения, составившие поэтическую переписку с

Коншиным, см.: №№ 27, 28, 30.

Русский инвалид. 1823. 17 мая. № 116. С. 464 (объявление о раздаче подписчикам

«Новостей Литературы»),

Изд. 1869. С. 82 (текст поздней редакции без заглавия; датировка: 1827; так

стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915).

-- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 44–45 (текст «Новостей Литературы» под заглавием «К

\*\*\*»), 236 (варианты поздней редакции; датировка: 1823). -- Изд. 1936. Т. I. С.

44 (текст поздней редакции под заглавием «Эпилог»); Т. II. С. 117 (текст

«Новостей Литературы» под заглавием «К\*\*\*»), 284 (датировка: 1822). -- Изд.

1937. С. 82 (датировка: [1823]; так же – в последующих изданиях). -- Изд. 1951.

С. 107 (текст изд. 1835 без заглавия). -- Изд. 1957. С. 90–91 (текст изд. 1827

под заглавием «Эпилог»), 343 (отмечена копия Н. Л. Боратынской). -- Изд. 1982. С.

78 (текст изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000), 415

(варианты автографа РГАЛИ и «Новостей Литературы»).

32

Младья Грации сплели тебе венок

И им стыдливую невинность увенчали,

В него вплести и мне не лъзя ли

На память миртовой листокъ?

Хранимой дружбою, он верно не увянет,

Он лучших чувств моих залогом будет ей,

Но друга верного и были прежних дней

Да поздно милая вспомянет,

Да поздно юных снов утратит легкой рой  
И скажет в тихой час случайного раздумья:  
Не другом красоты, не другом остроумья,  
Он другом был меня самой.

<1820 или март–апрель 1821>

32. «Младья Грации сплели тебе венок...»

Печатается по автографу: ПД. № 73. I м (Альбом А. В. Лутковской). Л. 8. Подпись внизу альбомного листа: Фридрихсгам Евгений Бора-тынский (край листа оборван).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским: Известия Имп. Академии Наук. Серия VI. 1911. № 7. С. 322–523.

Печатается с исправлениями: в конце ст. 2, 5, 6, 8, 10–12 проставлены знаки препинания.

Датируется по альбомной подписи: Фридрихсгам – во Фридрихсгаме Боратынский жил с середины января по середину декабря 1820 и в марте – апреле 1821 (см.: Летопись. С. 428). О других стихотворениях в альбоме Лутковской см.: № 3.1 («Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?...»), № 33 («Мила, как Грация; скромна...»), № 42.3 («Вы слишком многими любимы...»), № 82 («Когда придется какнибудь...»). См. также примечание к № 33.

Стихотворение печатается в собраниях сочинений Боратынского начиная с Изд. 1914–1915 (т. / . С. 66) – с иным, нежели в автографе и в публикации Б. Л. Модзалевского, правописанием окончаний прилагательных в ст. 4, 9 и 10: миртовый, легкий (легкий), тихий (тихий); датировка в Изд. 1914–1915. Т. I. С. 249 (датировка: 1824). -- Изд. 1936. Т. II. С. 287 (датировка: 1823–1824; так же датировано в последующих изданиях). -- Летопись. С. 124 (датировка: 1823).

166

33

Мила как Грация, скромна Как Сандрильона, Подобно ей, красой она Достояна трона.  
Приятна лира ей моя;

Но что мне в этомъ? Быть королем желалъ-бы я, А не Поэтом.

<1820 или март–апрель 1821>

33. «Мила как Грация, скромна...»

Печатается по: Изд. 1833. Ч. I. С. 33 (№ XXIX).

Впервые опубликовано: Славянин. 1827. Ч. II. № III (ценз. разр. 15 января 1827; вышел к 22 января). Отд. 2: Словесность. С. 35 (подпись: Баратынский) – под заглавием «В Альбом Софии» и с примечанием к слову «Королемъ»: «В опере Сандрильона, Король влюбляется и женится на Сандрильоне».

Автограф неизвестен.

Копия в альбоме А. В. Лутковской: ПД. № 73. I м. л. 10 (без заглавия; подпись под текстом – Н. С.; внизу страницы мелким почерком – Боратынский). Эта копия считалась автографом начиная с первого упоминания о ней (Модзалевский 1911. С. 522, 523).

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 61 об. (заглавие: «С. Н. Н.»).

Датируется по расположению копии стихотворения в альбоме Лутковской – через один лист после автографа стихотворения «Младья Грации сплели тебе венок...» (см. № 32), под которым указано место записи: Фридрихсгам. Во Фридрихсгаме Боратынский жил с середины января по середину декабря 1820 и в марте – апреле 1821 (см.: Летопись. С. 428). Традиционная датировка альбомной записи 1824 годом некорректна: стихотворение «Мила как Грация...» записано на л. 10; единственный текст самого Боратынского, датированный в альбоме 1824 годом, – автограф стихотворения «Когда придется какнибудь...» (см. № 82) – записан на л. 35, то есть через 25 листов после «Мила как Грация...»; ближайшие к «Мила как Грация...» записи, поддающиеся датировке, – стихотворения Боратынского «Младья Грации сплели тебе венок...» (л. 8) и Н. М. Коншина «Умом, любезностью своей...» (л. 4) – подписаны: Фридрихсгам (следовательно, они записаны не ранее января 1820 и не позднее апреля 1821 – см. выше); через 11 листов после «Мила как Грация...», на л. 21 – четверостишие Ф. Бычкова «Чтобы душевны качества и сердце описать...», датированное 9 февраля 1820 года.

167

Русский Инвалид. 1827. 21 января. № 19. С. 76 (объявление о раздаче «Славянина» подписчикам 22 января).

Изд. 1869. С. 78 (текст, соответствующий прижизненным публикациям и копии Н. Л. Боратынской, под заглавием «В альбомъ»; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915, кроме Изд. 1894, где оно напечатано под заглавием «В альбом Софии»). -- Модзалевский 1911. С. 522, 523 (первое упоминание о записи стихотворения в альбоме А. В.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в альбоме Лутковской; запись отнесена к числу записей, сделанных Боратынским; процитированы ст. 1–2). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 66–67 (текст копии под заглавием «(В альбом Софии)»), 249–250 (копия в альбоме Лутковской названа автографом – повторено во всех последующих изданиях, где есть ссылки на альбом Лутковской; датировка: 1824 – так же во всех последующих изданиях; некорректное предположение об адресате: С. Д. Пономарева – повторено в Изд. 1982 и Изд. 1989). -- Изд. 1936. Т. /. С. 132 (текст под заглавием «В альбом Софии»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1982); Т. II. С. 258 (источник публикации текста не указан; копия в альбоме Лутковской не отмечена). -- Изд. 1982. С. 39 (текст изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- Летопись. С. 124 (датировка: 1823; предположение о том, что первые записи стихотворений Боратынского относятся к 1820–1821; отмечена некорректность адресации стихотворения С. Д. Пономаревой).

34

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,  
Дубравы мирныя, священный сердцу кров!  
Я возвращуся к вам, домашня иконы!  
Пускай другие чтут приличия законы;  
Пускай другие чтут ревнивый суд невежд;  
Свободный наконец от суетных надежд,  
От безпокойных снов, от ветреных желаний,  
Испив безвременно всю чашу испытаний,  
Не призрак счастья, но счастье нужно мне.  
Усталый труженик, спешу к родной стране  
Заснуть желанным сном, под кровлею родимой.  
О дом отеческий! о край всегда любимой!  
Родныя небеса! незвучный голос мой,  
В стихах задумчивых, вас пел в стране чужой,  
Вы мне повеете спокойствием и счастьем.  
Как в пристани пловец, испытанный ненастьем,  
С улыбкой слушает, над бездною возсев,  
, и бури грозный свист и волн мятежный рев;  
Так, небо не моля о почестях и злате,  
20 Спокойный домосед, в моей безвестной хате,  
Укрывшись от толпы взыскательных судей,  
В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,  
Я буду издали глядеть на бури света.  
Нет, нет, не отменю священного обета!  
Пускай летит к шатрам безтрепетный герой;  
Пускай кровавых битв любовник молодой  
С волненьем учится, губя часы златые,  
Науке измерять окопы боевые:  
Я с детства полюбил сладчайшие труды,  
Прилежный, мирный плуг, взрывающий бразды,  
Почтеннее меча; полезный в скромной доле,  
Хочу возделывать отеческое поле.

169

Оратай, ветхих дней достигши над сохой,  
В заботах сладостных наставник будет мой;  
Мне дряхлаго отца сыны трудолюбивы  
Помогут утучнять наследственные нивы.  
А ты, мой старый друг, мой верный доброхот,  
Усердный пестун мой, ты, первый огород  
На отческих полях разведши в дни былые!  
40 Ты поведешь меня в сады свои густые,  
Деревьев и цветов расскажешь имена;  
Я сам, когда с небес роскошная весна  
Повеет негою воскреснувшей природе,  
С тяжелым заступом явлюся в огороде;  
Приду с тобой садить коренья и цветы.  
О подвиг благодный! не тщетен будешь ты:  
Богиня пажитей признательней фортуны!  
Для них безвестный век, для них свирель и струны;  
Оне доступны всем, и мне за легкий труд 50  
Плодами сочными обильно воздадут.  
От гряд и заступа спешу к полям и плуту;  
А там, где ручеек по бархатному лугу  
Катит задумчиво пустынные струи,

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский

В весенний ясный день, я сам, друзья мои,  
У брега насажу лесок уединенный,  
И липу свежую и тополь осребренный;  
В тени их отдохнет мой правнук молодой;  
Там дружба некогда сокроет пепел мой,  
И вместо мрамора, положит на гробницу  
И мирный заступ мой и мирную цевницу.

<Осень 1820 – январь 1821; 1823–1826>

34. «Я возвращусь к вам, поля моих отцов...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 12–14 (№ IV).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 21–23 (раздел «Элегии. Книга первая») – под заглавием «Родина».

170

Впервые опубликовано: Сын Отечества. 1821. Ч. 67. № VI (ценз номер датирован 5 февраля). С. 274–276 (подпись: Баратынский)

«Сельская Элегия» с разночтениями:

6 Свободный наконец от ветреных надежд,

7 от безпокойных снов, от суетных желаний,

20 Спокойный домосед в отечественной хате,

22 в кругу друзей моих, в кругу семьи моей,

24 Нет, нет, не премену священного обета!

28 Науке созидать твердыни боевые:

38 Прилежный Яков мой! ты, первый огород,

45 Приду с тобой садить капусту и цветы.

49 Оне доступны всем, и мне за тяжелой трудь

59 и вместо мрамора положит над гробницей

60 Мой заступ и топор межь лирой и цевницей.

Из «Сына Отечества» перепечатано: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1821. Ч. 2. С. 119–121 (подпись: Баратынской) – под тем же заглавием «Сельская Элегия».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 3–4 (заглавие: «Родина»).

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 4 другая –» другие -- в списке разночтений «Сына Отечества» (см. выше) исправлено: ст. 38 ты –» ты,

Датируется по словам из воспоминаний Н. М. Коншина, относящимся к осени 1820 г.: «Питая надежду на скорое производство в офицеры, он обнаруживал смело перед нами желание тотчас оставить службу и поселиться дома <...> Стихотворение, написанное им во время осенних дождей и дорожных сборов, посвящено Родине: Я возвращусь к вам, поля моих отцов <...>» (Коншин. Изд. 1938. С. 393–394).

Изд. 1869. С. 20–21 (текст, соответствующий тексту Изд. 1827 и Изд. 1835, под заглавием «Деревня», с пропуском ст. 44; датировка: 1821 – так же датировано в последующих изданиях), 184 (варианты «Сына Отечества»; не учтены варианты ст. 6, 7, 24, 39, 60). -- Изд. 1884. С. 29–30 (текст Изд. 1869 с восстановлением ст. 44). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 21–22 (текст «Сына Отечества» под редакторским заглавием «Родина (Сельская элегия)»; ст. 45 – по Изд. 1827 и Изд. 1835: «Приду с тобой садить коренья и цветы» вместо «Приду с тобой садить капусту и цветы»,

как в «Сыне Отечества»), 222–223 (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835 с пропуском ст. 45; отмечена копия Н. Л. Боратынской из Казанского архива под заглавием «Деревня» – современное местонахождение этой копии неизвестно). -- Изд. 1936. Т. I. С. 13–14 (текст Изд. 1827: «Родина»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982). -- Изд.

. разр.1 февраля; – под заглавием

171

1982. С. 12–14 (текст Изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000), 384 (варианты «Сына Отечества» с пропуском ст. 45, как в Изд. 1914–1915; так же – в Изд. 1989 и в Изд. 2000). -- Летопись. С. 100 (датировка по воспоминаниям Н. М. Коншина: 1820, сентябрь–декабрь). -- Пильщиков 2000. С. 382 (приведен вариант ст. 45 по «Сыну Отечества»).

Мара. Общий вид усадьбы Боратынских.

Между церковью и въездными воротами в глубине виднеется усадебный дом (Реконструкция. Художник В. Г. Шпильчин, 1995 г.)

Усадебный дом Боратынских в Маре.

Построен около 1804 г.; разрушен в 1920–е гг. (Реконструкция. Художник В. Г. Шпильчин, 1991 г.)

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
Усадебная церковь в Маре.  
Построена в 1816–1818 гг.; разрушена в середине 1950-х гг. (Реконструкция.  
Художник В. Г. Шпильчин, 1991 г.)

Въездные ворота в имение Боратынских. Рисунок дочери поэта Александры Евгеньевны  
(Копия В. Г Шпильчина)  
12.. Боратынский. Том 1

Мара. Одно из усадебных строений, традиционно называемое «грот».  
Построено в 1800-е гг.; разрушено в 1918–1919 гг. (Реконструкция. Художник В. Г.  
Шпильчин, 1991 г.)  
Мара. Водовозная дорога (Реконструкция. Художник В. Г Шпильчин, 1995 г.)

Общий вид усадьбы Боратынских (Копия В. Г. Шпильчина с плохо сохранившейся  
фотографии начала XX века, 1995 г.)  
Мара. Современные фотографии

35

и

Прощай, отчизна непогоды,  
Печальная страна,  
Где дочь любимая природы,  
Безжизненна весна;  
Где солнце не хотя сияет,  
Где сосен вечный шум,  
И моря рев, и все питает  
Безумье мрачных думь;  
Где отлученный от отчизны  
Враждебною судьбой,  
Изнемогал без укоризны  
Изгнанник молодой;  
Где позабыт молвой гремучей,  
Но все душой пиит,  
Своею Музою летучей  
Он не был позабыт!  
Теперь, для сладкаго свиданья  
Спешу к стране родной;  
В воображеньи край изгнанья 20  
Последует за мной:  
И камней мшистыя громады,  
И вид полей нагих,  
И вековые водопады,  
И шум угрюмый их!  
Я вспомню с тайным сладострастьем  
Пустынную страну,  
Где я в размолвке с тихим счастьем  
Провел мою весну,  
Но где порою житель неба,  
На переکور судьбе,  
Не изменил питомец феба  
Ни Музам, ни себе.  
<Осень 1820 – до начала августа 1821; 1823–1826>  
181

2

Ранняя редакция

< Элегия >

Прощай, отчизна непогоды,  
Угрюмая страна,  
Где мрачен вид нагой природы,  
Безжизненна весна,  
Где солнце пасмурно сияет,  
Где сосен вечный шум  
И моря рев – и все питает  
Безумье мрачных думь;  
Где, отлученный от отчизны

Враждебную судьбой,  
Изнемогал без укоризны  
Изгнанник молодой;  
Где, шумным светом позабытой,  
Но все душой пиит,  
Своею Музой домовитой  
Он не был позабыт!  
Порой печальны песни были:  
Хвала, о Музы, вам –  
Вы, благосклонныя, любили  
Внимать моим струнам!  
Теперь, для сладкаго свиданья,  
Спешу к стране родной;  
В воображеньи край изгнанья  
Последует за мной:  
И камней мшистыя громады,  
И вид полей нагих,  
И вековые водопады,  
И шум немолчный их...  
Я вспомню с грустным сладострастьем  
Печальную страну,  
Где я, в размолвке с милым счастьем,  
Провел мою весну  
Но где, порой властитель неба,  
182

На перебор Судьбе,  
Не изменил питомец Феба ни Музам, ни себе.

<Осень 1820 – до начала августа 1821>

35.1. «Прощай, отчизна непогоды...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. 1. С. 112–113 (№ LXIII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 44–45 (разд. Элегии. Книга вторая) – под заглавием «Отъезд».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 39. л. 96 (без заглавия) – с пропуском ст. 21–24 и с разночтением:

3 Где на развалинах природы

Другая копия Н. Л. Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 20 об. – 21

(заглавие: «Отъезд»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. ф. 394. Оп. 1. № 170. л. 13–13 об. (заглавие: «Отъезд») – с сомнительными разночтениями: ст. 14 «еще пиить» вместо «душой пиить» -- ст. 29 «И где» вместо «Но где».

35.2. <Элегия> («Прощай, отчизна непогоды...»)

Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № VIII (Труды Волрс. Ч. XV. № II) (ценз. разр. 1 августа).

С. 236–237. Под общим заглавием «Элегии» напечатано: № 1. «Прощай, отчизна непогоды...»; № 2. «(Н. М. К.)» («Пора покинуть, милый друг...»); подпись под вторым стихотворением: Е. Б.

Очевидно, одна из двух «Элегий» Боратынского, опубликованных в № VIII «Соревнователя», была заслушана в собрании Вольного общества любителей российской словесности 16 мая 1821 г. (резолюция: «14 избр., 1 не избр. Препровождается»), а другая 8 августа 1821 г. (резолюция: «Все избр. Препровождается») – обе под одинаковым заглавием «Элегия» (Журналы Волрс. С.

398, 401), но какая именно когда – неизвестно.

Датируется, во-первых, по словам из воспоминаний Н. М. Коншина, относящимся к осени 1820 г.: «Питая надежду на скорое производство в офицеры, он обнаруживал смело перед нами желание тотчас оставить службу <...> Почти убежденный в том, что не воротится в Финляндию, он обратил к ней прощальную песнь свою, грустную, как осеннее небо, над ним тяготевшее: Прощай, отчизна непогоды <...>» (Коншин. Изд. 1958. С. 393–394); во-вторых, по времени публикации: стихотворение «Прощай, отчизна непогоды...» напечатано в том же VIII номере «Соревнователя», что и стихотворение «Цветок», читанное в собрании Вольного общества любителей российской словесности 8 августа 1821 г. (см.: Журналы Волрс. С. 401).

183

Изд. 1869. С. 30 (текст поздней редакции под заглавием «Отъезд»; датировка: 1821; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915), 188 (варианты «Соревнователя»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 30–31 (текст «Соревнователя» под редакторским заглавием «Отъезд (Элегия)»), 228 (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835 и копии Н. Л. Боратынской). -- Изд. 1936. Т. I. С. 28 (текст Изд. 1827: «Отъезд»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982); Т. II. С. 112 (ст. 17–21 «Соревнователя»). -- Изд. 1957. С. 341 (со ссылкой на



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в документах ВОЛРС. С. 357, но без аргументации отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 16 мая 1821 г.; повторено в Изд. 1982. С. 602 и в Изд. 1989. С. 397). -- Изд. 1982. С. 77–78 (текст Изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000), 414–415 (варианты « Соревнователя » ).

36

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти  
В сей жизни блаженство прямое;  
Небесные боги не делятся имъ  
С земными детьми Прометея.  
Похищенной искрой создание свое  
Дерзнул оживить безразсудный;  
Безсмертных он презрел и страшная казнь  
Постигнула чад святотатства.  
Наш тягостный жребий: положенный срок  
Питаться болезненной жизнью,  
Любить и лелеять недуг бытия,  
И смерти отрадной страшиться.  
Нужды непреклонной слепые рабы,  
Рабы самовластного рока!  
Земным ощущениям насильственно нас  
Случайная жизнь покоряет.  
Но в искре небесной прияли мы жизнь,  
Нам памятно небо родное,  
В желании счастья мы вечно к нему 20  
Стремимся неясным желаньем!...  
Вотще! Мы надолго отвержены им!  
Сияет краскою над нами,  
На брэнную землю, безпечно оно  
Торжественный свод опирает....  
Но нам недоступно!  
Как алчный Тантал  
Сгарает средь влаги прохладной:  
Так сердцем постигнув блаженнейший мир,  
Томимся мы жаждою счастья.

<Коней, 1820 (?) – сентябрь 1821>

185

36. «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...»

Печатается по: Изд. 1833. Ч. I. С. 121–122 (№ LXVII).

в Изд. 1827 (С. 109–110; раздел «Смесь») напечатано под заглавием «Дельвигу».

Впервые опубликовано: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № X

(Труды ВОЛРС. Ч. XVI. Кн. I) (ценз. разр. 30 сентября; вышел до 1 ноября). С.

78–79 (подпись: Баратынский) – под заглавием «К Делию. Ода. (С Латинскаго)» с

разночтениями:

1 Напрасно мы, Делий, мечтаем найти Томиться болезненной жизнью,  
Автограф ст. 9–12: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). л. 54 – с

разночтением:

9 Наш жребий без <так> цели положенный срокъ

Копия ст. 9–12: РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 39 об.

– с искажением: ст. 1 и 2 написаны в одну строку с пропуском слов: «Наш жребий –

положенный срок, питаться болезненной жизнью».

Копии Настасьи Львовны Боратынской под заглавием «Дельвигу»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. №

42. л. 108 об. – 109, 130–131.

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 4 Прометей → Прометея

Датируется, во-первых, на основании предположения о том, что именно это

стихотворение под заглавием «Дельвигу» было читано вместе с поэмой «Пиры» 13

декабря 1820 г. в собрании вольного общества любителей российской словесности

(резолуция: «Одобрено. Избрано» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 390), во-вторых, по

дате ценз. разр. «Соревнователю», где стихотворение впервые опубликовано, – 30

сентября 1821 г. Никакие другие послания к Дельвигу в конце 1820 и в течение

1821 г. в журналах заседаний и в делах ценз. комитета общества не зафиксированы

и в «Соревнователе» не опубликованы.

Выход «Соревнователя» датируется временем до 1 ноября 1821, так как в нем

напечатано объявление (С. 92) о том, что подписка на новое издание басен и

сказок А. Е. Измайлова прекращается 1 ноября.

Изд. 1869. С. 32 (текст под заглавием «Дельвигу»; датировка: 1821; так

стихотворение печаталось в последующих изданиях, кроме Изд. 1914–1915, – до Изд.

1982; датировка: 1821; так стихотворение датировано в последующих изданиях). --

Изд. 1914–1915. Т. I. С. 32 (текст «Соревнователя» под заглавием «К Делию. Ода.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
(С латинского)», 229 (разночтения изд. 1827 и изд. 1835). -- Медведева 1936. С.  
120 (текст ст. 9–12 по автографу в альбоме П. Л. Яковлева). -- Изд. 1936. Т. II.  
С. 243 (указание на автограф ст. 9–12 в альбоме П. Л. Яковлева). -- Изд. 1982.  
С. 84 (текст изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000). --  
Ваи, у- ро. СДП. С. 179–180 (отмечена запись ст. 9–12 в альбоме С. Д.  
Пономаревой). -- Летопись. С. 101 (предположение о чтении стихотворения в ВОЛРС  
13 декабря 1820 г.).

37

1

Елизийския поля  
Бежит неверное здоровье,  
И каждый час готовлюсь я  
Свершить последнее условие,  
Закон последний бытия;  
Ты не спасешь меня, Киприда!  
Пробьют урочные часы и низойдет к брегам Аида  
Певец веселья и красоты.  
Простите, ветренные друзья,  
С кем беззаботно в жизни сей  
Делил я шумные досуги  
Разгульной юности моей!  
Я не страшуся новоселья;  
Где-б ни жил я, мне все равно:  
Там тоже славить от безделья  
Я стану дружбу и вино.  
Не изменясь в подземном мире,  
И там, на шаловливой лире,  
Превозносить я буду вновь 20  
Покойной Дафне и Темире  
Неприхотливую любовь.  
О Дельвиг! слезы мне не нужны;  
Верь: в закоцитной стороне  
Прием радушный будет мне:  
Со мною музы были дружны!  
Там, в очарованной тени,  
Где благоденствуют поэты,  
Прочту Катуллу и Парни  
Мои небрежные куплеты,  
30 и улыбнутся мне они.

187

Когда из таинственной сени,  
От темных Орковых полей,  
Здесь навещать своих друзей  
Порою могут наши тени,  
Я навещу, о друзья, васъ;  
Сыны забавы и веселья!  
Когда для шумного похмелья  
Вы соберетесь в праздный час,  
Приду я с вами Вакха славить;  
40 А к вам молитва об одном:  
Прибор покойнику оставить  
Не позабудьте за столом.  
Межь тем за тайными берегами,  
Друзей вина, друзей пиров,  
Веселых добрых мертвецов  
Я подружу заочно с вами.  
И вам, чрез день или другой,  
Закон губительный Зевеса  
Велит покинуть мир земной;  
50 Мы встретим вас у врат  
Айдеса Знакомой дружеской толпой;  
Наполним радостныя чаши,  
Хвала свиданью возгремит  
И огласят приветы наши  
Весь необъемлемый Аид!

2

Ранняя редакция Елисейския поля

Бежит неверное здоровье,  
И каждый час готовлюсь я  
Свершить последнее условие,  
Закон последний бытия.

188

Ты не спасешь меня, Киприда;  
Пробьют урочные часы,  
И низойдет к брегам Аида  
Певец веселья и красоты.  
Простите, ветреные друзья,  
С кем беззаботно в жизни сей  
Делил я шумные досуги  
Веселой юности моей!

Я не страшусь новоселья,  
Гдеб ни жил я, мне все равно;  
И там я буду от безделья  
Хвалить забавы и вино.

Не изменясь в подземном мире,  
И там порой на тихой лире  
Превозносить я буду вновь  
Покойной Дафне и Темире  
Неприхотливую любовь.

Од... слёзы мне не нужны;

Любим я жребием – и весь  
Я не умру ни там, ни здесь:  
Со мною Музы были дружны.  
Не жалки мне земные дни!

У тихих вод спокойной Леты

Прочту Катуллу и Парни

Мои небрежные куплеты

И улыбнутся мне они.

Когда из таинственной сени,

От темных Орковых полей, <sup>3</sup>

десь навещать своих друзей

Порою могут наши тени –

я навещу, о друзья, вас,

Сыны забавы и веселья!

Когда для шумного похмелья

Вы соберетесь в праздный час,

Приду я с вами Вакха славить,

189

40 А к вам – молитва об одном:

Прибор покойнику оставить

Не позабудьте за столом.

Межь тем за тайными брегами

Друзей вина, друзей пиров,

Веселых, добрых мертвецов

Я подружу заочно с вами.

И вам, известною порой

Закон губительный Зевеса

Велит оставить мир земной:

50 Мы встретим вас у врат Айдеса

Знакомой, дружеской толпой,

Наполним радостныя чаши,

Хвала свиданью возгремит,

И огласят приветы наши

Весь необъемлемый Аид.

<1820 – начало 1825>

37.1. Елизийския поля («Бежит неверное здоровье...»)

Печатается по: Изд. 1833. Ч. I. С. 97–99 (№ LVI).

В этой редакции стихотворение впервые опубликовано: Изд. 1827 (с. 52 – 54;  
раздел «Элегии. Книга третья») – под заглавием «Элизийския поля» с разночтением:

40 А к вам прошение об одном:

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 21 об. – 22 об.

(заглавие: «Элизийския поля») – с разночтением:

27 [Где благоденствуют] у струй, где нежатся поэты,

Печатается с исправлением по Изд. 1827: ст. 15 Тамъ-тоже → Там тоже

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
37.2. Елисейския поля («Бежит неверное здоровье...»)

Печатается по тексту первой публикации: Полярная звезда на 1825 год (ценз. разр. и ценз, билет 20 марта 1825). С. 103–105 (подпись: Б.; в оглавлении: Б го). Печатается с исправлением: в конце ст. 44 поставлена запятая (как в Изд. 1835). 190

Датируется по словам самого Боратынского в письме к И. И. Козлову от конца марта – начала апреля 1825 г. о том, что «Елисейские поля» написаны «года четыре» назад (Изд. 1951. С. 481).

Северная Пчела. 1825. 21 марта. № 35. С. 1 (объявление о выходе «Полярной Звезды на 1825 год»; впервые отмечено: Синявский, Цявловский 1914. С. 24). -- Могилынский 1956. С. 394 (дата выдачи ценз, билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 61–63 и изд. 1884. С. 91–93 (текст поздней редакции, соответствующий копии Н. Л. Боратынской, но с ошибочным чтением ст. 2: «И каждый день готовлюсь я»; заглавие: «Елизийския поля»; датировка: 1825; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915), 198 (разночтения «Полярной Звезды», Изд. 1827 и Изд. 1835). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 12–14 (текст Изд. 1827 с ошибочным чтением ст. 2 по Изд. 1869: «И

каждый день готовлюсь я»; заглавие: «Элизийския поля»), 253–254 (варианты «Полярной Звезды», Изд. 1835, Изд. 1869; датировка: 1824). -- Изд. 1936. Т. I. С. 31–32 (текст Изд. 1884, с исправлением ст. 2; заглавие: «Элизийския поля»). -- Изд. 1951. С. 152–153 (текст Изд. 1835: «Элизийские поля»; так стихотворение

напечатано в последующих изданиях), 480–482 (письмо Боратынского к И. И. Козлову напечатано по автографу из личного архива К. В. Пи-гарева; датировка письма: апрель 1825). -- Изд. 1951. С. 66, 331 (датировка: 1820 или 1821 – по письму Боратынского к Козлову). -- Изд. 1982. С. 410–411 (разночтения «Полярной Звезды», Изд. 1827 и Изд. 1884). -- Изд. 1989. С. 94 (датировка: 1821 ?). -- Летопись. С. 154 (датировка письма к И. И. Козлову: 1825, март, после 29 – апрель, начало).

38

Так! отставного шалуна

Вы вновь шалить не убеждайте,

Иль золотыя времена Младых затей ему отдайте!

Переменяют годы нас и с нами вместе наши нравы:

От всей души люблю я васъ;

Но ваши чужды мне забавы.

Ужь Вакх, увенчанный плющом, Со мной по улицам не бродит,

И к вашим Нимфам, вечерком Меня шатаюсь не заводит.

Весельчакам я запер дверь,

я пресыщен их буйным счастьем,

и заменил его теперь Пристойным, тихим сладострастьем.

В пылу начальном дней младых Неодолимы наши страсти:

Проказим мы, но мы у них,

20 Не у себя тогда во власти.

В своей отваге молодой Товарищ ваш блажил довольно;

Не видит он нужды большой вновь сумасбродить добровольно.

<1820–1821 (?)>

38. «Так! отставного шалуна...»

Печатается по изд.: Изд. 1833. Ч. I. С. 90–91 (№ LI).

Впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 105–106 (раздел «Смесь») – под заглавием «Товарищамъ».

192

Печатается с исправлением: ст. 13 Весельчакам → Весельчакам Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 107 об. – 108, 132 – обе под заглавием «Товарищамъ», очевидно, отражают черновую правку неизвестного автографа:

Отставного шалуна вновь шалить не убеждайте,

Иль златыя времена Юных шалостей отдайте!

Изменяют годы нас,

За одно и наши нравы:

От [всей] души люблю я васъ;

Но не прежняя забавы.

Ужь Вакх, увенчанный плющом, Со мной по улицам не бродить,

и шатаюсь, вечерком к вашим Нимфам не заводит.

я гулякам запер дверь,

я пресыщен их буйным счастьем,

и заменил его теперь Пристойным, тихим сладострастьем.

В первом буйстве юных дней Неудержны наши страсти:

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский

И так мы не в своей 20 В неоспоримой их власти.

В своей отваге молодой Товарищ ваш блажил довольно;

Не видит он нужды большой Вновь сумасбродить добровольно.

Впервые текст, соответствующий копии Н. Л. Боратынской, опубликован: Изд. 1869.

С. 85–86 – под тем же заглавием «Товарищамъ» и с разночтениями (редакторская попытка избавиться от ямбов?):

7 От души люблю я вас,

9 Вакх, увенчанный плющем,

19 И тогда мы не в своей

Датируется предположительно – по сходству с поэтикой и стилистикой стихотворений

1820–1821 гг.: «Пора покинуть, милый друг...», № 30.2; «Больной», № 39;

«Булгарину», № 46.2 (аналогичную аргументацию см.: Изд. 1957. С. 341; Изд. 1982.

С. 597; Летопись. С. 102).

13. Боратынский. Том 1

193

Изд. 1869. С. 85–86 (текст, соответствующий копиям Н. Л. Боратынской – см.

выше); датировка: 1827; так стихотворение датировано в последующих изданиях до

Изд. 1914–1915), 204 (разночтения изд. 1827 и изд. 1835). -- Изд. 1884. С.

137–138 (текст изд. 1827 под заглавием «Товарищамъ»; так же – в последующих

изданиях до изд. 1982); Приложение. С. 28 (по ошибке напечатаны разночтения изд.

1827 и изд. 1835 к тексту, опубликованному в изд. 1869). – Брюсов 1900а. С. 546

(предположение о том, что текст изд. 1869 отражает раннюю редакцию

стихотворения). -- Изд. 1914–1915. Т. /. С. 268–269 (разночтения черновой

редакции по одной из копий Н. Л. Боратынской; предположение о том, что эти

разночтения – следствие незаконченной переработки текста, опубликованного в изд.

1827 и изд. 1835; датировка: 1826). -- Изд. 1957. С. 341 (датировка: 1821; так

же датировано в последующих изданиях). -- Изд. 1982. С. 62–63 (текст изд. 1835

без заглавия; так же – в изд. 1989 и изд. 2000).

39

Больной

Други! радость изменила,

Преодо мною мрачен путь,

И болезнь мне положила Руку хладную на грудь.

Други! станьте вокруг постели.

Где утех златые дни?

Быстро, быстро пролетели Тенью легкою они.

Все прошло; ваш друг печальный Вянет в жизни молодой,

С новым утром погребальный, Может быть, раздастся вой И раздвинется могила,

И заснет, недвижимый, он,

И твое лобзанье, Лила!

Не прервет холодный сон.

Что нужды! до новоселья Поживем и пошалим,

В память прежнего веселья 20 Шумный кубок осушим.

Нам судьба велит разлуку... Как же быть, друзья? вздохнуть, На распутьи сжать мне руку!

И сказать: счастливый путь.

<до середины февраля 1821>

39. Больной («Други! радость изменила...»)

Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Сын Отечества. 1821.

Ч. 68. № VIII (ценз. разр. 15 февраля; номер датирован 19 февраля). С. 37

(подпись: Баратынский).

Автограф неизвестен. По свидетельству М. Л. Гофмана, автограф стихотворения в

13\*

195

1914 г. находился в книжном магазине Н. В. Соловьева в Санкт-Петербурге (см.:

Изд. 1914–1915. Т. I. С. 223; Т. II. С. 278); см. также в каталоге магазина:

«№54. Баратынский (Voratinsky). Стихотворение-автограф “Больной”. Без даты. 1

лист писчей бумаги мал. 4° (текст на 4-х стр.). Очень редкий автограф. <...> 50

[р.]» (Антикварная книжная торговля Н. В. Соловьева. Каталог № 122: Автографы и рукописи. [СПб., 1913; дата на обложке: 16 января 1913]. С. 5).

Датируется по времени публикации.

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация в «Сыне Отечества»). -- Изд. 1894.

С. 26–21 (стихотворение впервые включено в собрание сочинений Боратынского).

40

и

Песня

Страшно воеет, завывает Ветр осенний;

По поднебесью далече Тучи гонит.

На часах стоит печален Юный ратникъ;  
Он уносится за ними Грустной думой.  
О, куда, куда вас, тучи, Ветер гонить?  
О, куда ведет судьбина Г оремыку?  
Тошно жить мне: мать родную Я покинул!  
Тошно жить мне: с милой сердцу Я разстался!  
«Не грусти!» душа девица Мне сказала.  
«За тебя молиться будет 20 Друг твой верный.»  
Что в молитвахъ? я в чужбине Дни скончаю.  
Возвращусь-ли? взор твой друга Не признает.  
197

Не видать в лицо мне счастья: Жить на что мне?  
Дай приют, земля сырая, Разступися.  
Он поет; никто не слышит Слов печальных....  
Их разносит, заглушает Ветер бурный.  
<До марта 1821; 1823–1826>

2

Ранняя редакция  
Русская песня

Страшно воеет, завывает Ветр осенний;  
Тучи черныя по небу В даль несутся.  
На часах стоит печально Юный ратникъ;  
Он несется в след за ними Грустной думой.  
О, куда вас, черны тучи,  
Ветер гонить?  
О, куда влечет судьбина Г оремыку?  
Тошно жить мне: мать родную Я покинул!  
Тошно жить мне: с милой сердцу Я разстался!  
Не грусти! душа девица Мне сказала.  
За тебя молиться будет 20 Друг твой верный.  
Что в молитвахъ? я в чужбине Дни окончу.  
Возвращусь ли? взор твой друга Не признает.  
Не видать в лице мне счастья: Что же в жизни?  
Дай приют, земля сырая, Разступися!  
Он поет – никто не слышит Слов печальныхъ;  
Их разносит, заглушает Ветер бурный.  
<До марта 1821>

40. Песня («Страшно воеет, завывает...»)

Печатается по: Изд. 1835. ч. I. с. 26–27 (№ XIII).  
В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. с. 89–90 (раздел «Смесь») – под  
заглавием «Русская песня» с разночтениями:

5 На часах стоит печально 22 Дни окончу.

По Изд. 1827 перепечатано: Новейшее собрание отборнейших Песен и Романсов. М.,  
1829. с. 102–103 (без подписи) – без заглавия и с опечаткой в ст. 17 («не гру-  
стись»); Венера. М., 1831. ч. 2. с. 86–88 (подпись: Баратынский) – под заглавием  
«Русская песня»; Эвтерпа. М., 1831. с. 142–144 (подпись: Е. Баратынский) – без  
заглавия и с ошибкой в ст. 15 («Тошно жить мне с милой сердцу»); Песни, Романсы  
и куплеты из Водевильей. М., 1833. с. 42–44 (подпись: Е. Баратынский) – без  
заглавия, с той же ошибкой в ст. 15 и с изменением в ст. 21 («Безполезно? я в  
чужбине»); Арфа Златострунная. М., 1835 (подпись: Баратынский) – без заглавия;  
Полный новейший песенник: в 13 ч. / Собр. И. [Г.] Гурьяновым. М., 1835. ч. 3:  
Песни простона

199

родные и хороводные. с. 38–40 (подпись: Е. Баратынский) – без заглавия, с  
изменением в ст. 32 («Ветер буйный» вместо «Ветер бурный»); Там же. М., 1833.  
ч. 12: Романсы избранные новейшие. с. 135–136 (без подписи) – без заглавия и с  
пропуском ст. 21–24; Венок Граций. М., 1838. с. 46–48 (подпись: Е. Баратынский)  
– под заглавием «Русская песня», с тем же изменением в ст. 32.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 18–19 (заглавие:  
«Русская песня»).

40.2. Русская песня («Страшно воеет, завывает...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1821. ч. 68. № X (ценз,  
разр. 1 марта; номер датирован 5 марта). с. 134–135 (подпись: Баратынской).  
Перепечатано: Собрание образцовых Русских Сочинений и Переводов в Стихах. Изд.  
2-е. СПб., 1822. ч. 4. с. 285–286 (подпись: Баратынской) – под заглавием «Руская  
элегия».

Датируется по времени публикации.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский varga  
Изд. 1869. С. 22–23 (текст поздней редакции под заглавием «Песня»; так  
стихотворение печаталось до изд. 1914–1915; датировка: 1821; так датировано во  
всех последующих изданиях). 185 (варианты «Сына Отечества» и Изд. 1827 – не  
полностью). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 23– 24 (текст ранней редакции под  
заглавием «Русская песня»), 223–224 (варианту изд. 1827 и изд. 1835; отмечены  
перепечатки в «Венере», «Эвтерпе», «Полном новейшем песеннике», «Венке Граций»).  
-- Изд. 1936. Т. I. С. 60–61 (текст изд. 1835 под заглавием «Русская песня»). --  
Изд. 1951. С. 83–84 (текст изд. 1835 под заглавием «Песня»; так же – в  
последующих изданиях). -- Изд. 1982. С. 386 (разночтения «Сына Отечества» и Изд.  
1827 – полностью).

41

1

Один, и пасмурный душою,  
Я пред окном сидель;  
Свистела буря надо мною И глухо дождь шумел.  
Ужь поздно было, ночь сгустилась;  
Но сон бежал очей,  
О днях минувших пробудилась Тоска в душе моей.  
«Увижу-ль вас, поля родныя,           «Увижу-ль вас, друзья?  
«Губя печалью дни младые,  
«Приметно вяну я!  
«Дни пролетают, годы тоже;  
«Меж тем беднеет свет! «Давно-ль покинул вас – и что-же? «Двоих ужь в мире нет!  
«И мне назначена могила!  
«Умру в чужой стране,  
«Умру и ветренная Лила 20           «Не вспомнит обо мне!»  
Душа стеснилася тоскою;  
Я грустно онемел,  
Склонился на руку главою,  
В окно не зря глядел.  
Очнулся я; румян и светел Ужь новый день сиял,  
И громкой песнью ранний петел Мне утро возвещал.  
<1821; 1823–1826>

201

2

Ранняя редакция  
Бдение  
Один с любимую мечтою В светлице я сидель; Свистала буря надо мною И глухо дождь  
шумел.  
Уж поздно было; ночь сгустилась;  
Но сон бежал очей:  
О днях минувших пробудилась Тоска в душе моей.  
Увижу-ль вас, поля родныя?           Увижу-ль вас, друзья?  
Губя печалью дни младые, Приметно вяну я.  
Грущу сегодня – завтра тоже: Меж тем беднеет свет. Давно-ль покинул вас, и что  
же? Двоих уж в мире нет!  
И мне назначена могила...  
Умру в чужой стране!  
И легкомысленная Лила 20           Не вспомнит обо мне!  
Душа стеснилася тоскою;  
Я грустно онемель;  
Оперся на руку главою,  
В окно не зря глядел.  
Очнулся я: румян и светель  
Уж новый день сияль  
И звучной песнью громкой петел Мне утро возвещал.  
<До начала марта 1821>

202

3

Ранняя редакция  
Тоска  
Один за чашей пуншевою В светлице я сидел,  
Свистела буря надо мною И глухо дождь шумел.  
Ужь поздно было; ночь сгустилась; Но сон бежал очей;  
О днях минувших пробудилась Тоска в душе моей.  
Увижуль вас, поля родныя? Увижуль вас, друзья?  
Губя печалью дни младые, Приметно вяну я.  
Грущу сего дня, завтра тоже;

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
Межь тем беднеет свет! Давноль покинул вас... и что же? Двоих ужь в мире нет!  
Опустошенный смертью злобной Печален дом отцов,  
И заменяет плачь надгробной Веселый шум пиров.  
И мне назначена могила;  
Умру в чужой стране;  
И легкомысленная Лила Не вспомнит обо мне!  
Душа стеснилася тоскою:  
Знать горе мой удел!  
Оперся на руку главою,  
В окно, не зря, глядел.  
Очнулся я – румян и светел Ужь новый день сиял,  
И звучной песнью громкий петел Мне утро возвещал.  
<До начала июня 1821>  
41.1. «Один, и пасмурный душою...»  
Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 65–66 (№ XXXVI).  
В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 38–39 (раздел «Элегии. Книга вторая») – под заглавием «Бдение» с разночтениями:  
2 я близ окна сидель;  
8 Мечта в душе моей.  
По Изд. 1827 перепечатано: Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 68–69 (подпись: Баратынский) – под тем же заглавием. Автограф неизвестен.  
Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 10 об. – и (заглавие: «Бдение») – с ошибкой в ст. 14 («бледнеет» вместо «беднеет» – так же в «Русском Инвалиде»; см. примечание к № 41.3) и с разночтением:  
7 О дальнем детстве пробудилась  
41.2. Бдение («Один с любимую мечтою...»)  
Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № IV (Труды ВОЛРС. Ч. XIV. Кн. I) (ценз. разр. 7 марта; вышел после 28 марта). С. 61–62 (подпись: Е. Б.).  
Печатается с исправлениями: ст. 9, 10 вас → вас, -- ст. 26 петел → петел  
Датируется по цензурному разрешению «Соревнователя», выданному в тот же день – 7 марта 1821 г., когда стихотворение под заглавием «Бдение» было читано в собрании Вольного общества любителей российской словесности – вместе со стихотворениями «В Альбом» («Вы слишком многими любимы...» – см. № 42.2) и «К к...о» («Приманкой ласковых речей...» – см. № 43); резолюция: «Все избр. Препровождается» (см.: Журналы ВОЛРС. С. 394).  
41.3. Тоска («Один за чашей пуншевою...»)  
Печатается по тексту по второй публикации: Рецензент. 1821. 15 июня. № 23 (ценз. разр. 13 июня). С. 91 (подпись: Баратынской).  
Перепечатано: Русский Инвалид. 1822. 21 января. № 18 (ценз. разр. 13 апреля; вышел 14 апреля 1822). С. 72 (подпись: Б-ий) – под тем же заглавием «Тоска» и с ошибкой в ст. 14 («бледнеет» вместо «беднеет»)).  
Датируется по времени публикации в «Рецензенте».  
204  
«Соревнователь» вышел после 28 марта 1821 г., ибо в нем помещено письмо А. С. Шишкова к издателям журнала (подпись: Один из ваших почитателей), заслушанное в собрании Вольного общества любителей российской словесности именно в этот день (см.: Журналы ВОЛРС. С. 396). -- «Русский Инвалид» в январе-феврале 1822 г. вообще не выходил, а с 18 марта по 14 июня 1822 г. выходил сдвоенными номерами; № 18 (за 21 января) получил цензурное разрешение 13 апреля, в один день с № 88 (за 14 апреля) – отсюда дата выхода № 18 «Русского Инвалида»: 14 апреля. -- В пользу того, что публикация стихотворения Боратынского в «Русском Инвалиде» является перепечаткой из «Рецензента», свидетельствует тот факт, что тогда же издатель «Русского Инвалида» А. Ф. Воейков благодарил издателя «Рецензента» В. Н. Олину за разрешение пользоваться материалами «Рецензента»; см.: Русский Инвалид. 1822. № 20 (ценз. разр. 13 апреля). С. 80.  
Изд. 1869. С. 24–25 и Изд. 1884. С. 35–36 (текст поздней редакции, соответствующий копии Н. Л. Боратынской; так стихотворение печаталось до Изд. 1914–1913; датировка: 1821; так же датировано в последующих изданиях); Изд. 1869. С. 185 (варианты «Соревнователя», Изд. 1827 и Изд. 1833). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 26–21 (текст «Соревнователя»), 225– 226 (варианты Изд. 1827, Изд. 1833, Изд. 1869 и копии Н. Л. Боратынской). -- Филиппович 19156. С. 197–198 (отмечена публикация стихотворения в «Рецензенте»; приведен несуществующий вариант «Рецензента» в ст. 22: «Знать горе мне уделъ» – повторено в Изд. 1982 и в Изд. 2000). -- Изд. 1936. Т. I. С. 24 (текст Изд. 1884 под заглавием «Бдение», с исправлением ошибки в ст. 14: «беднеет»; так же – в Изд. 1951); Т. II. С. 111 (ст. 17–20 ранней редакции по «Рецензенту»), 231 (отмечены тексты «Рецензента» и



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
«Русского Инвалида»). -- Изд. 1957. С. 71 (текст Изд. 1835 под заглавием  
«Бдение»), 340 (ст. 17–20 ранней редакции по «Русскому Инвалиду»; со ссылкой на  
документы ВОЛРС. С. 353 отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 7 марта 1821 г.).  
-- Изд. 1982. С. 47 (текст Изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд.  
2000), 403 (варианты «Соревнователя», «Рецензента», «Русского Инвалида» и Изд.  
1884; разночтения Изд. 1827 не приведены; отмечено несуществующее разночтение  
«Рецензента» в ст. 22). -- Изд. 1989. С. 84 (произвольная датировка:  
январь–февраль 1821).

42

1

В Альбомъ

Вы слишком многими любимы, чтобы возможно было вам Знать, помнить всех по  
именамъ; Сии листки необходимы;  
Они не нужны были встарь;  
Тогда не знали дружбы модной, Тогда, Бог весть! иной дикарь Сердечный  
адресь–календарь Почель–бы выдумкой негодной, Что толковать о старине!  
Стихи готовы. Может статься, Они для справки обо мне Вам очень скоро пригодятся.  
<До начала марта 1821; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

В Альбомъ

Вы слишком многими любимы:

Знать наизусть их имена Чрез чур обязанность трудна –  
Сии листки необходимы!

Они не нужны были встарь:

В тот грубый век, в тот век холодной Не знали дружбы новомодной;  
Сердечной Адресь–календарь Почли бы выдумкой негодной, Что толковать об  
старине!

206

Стихи готовы – может статься, Они для справки обо мне Вам очень скоро  
пригодятся.

<До начала марта 1821>

3

Ранняя редакция

Вы слишком многими любимы: Всех невозможно помнить вам. Я справедливость им  
отдам:

Сии листки необходимы.

Они не нужны были встарь;

Тогда не знали дружбы модной; Тогда, как знать? иной дикарь Сердечный  
адресь–календарь Почел бы выдумкой негодной, Что толковать о старине?

Мы современники вполне.

Стихи готовы; может статься Они для справки обо мне Вам очень скоро пригодятся.

<1820 (?) – начало 1824>

42.1. В Альбом («Вы слишком многими любимы...»)

Печатается по: Изд. 1827. С. 88 (раздел«Смесь»).

В Изд. 1835 не включено.

Автограф неизвестен.

42.2. В Альбом («Вы слишком многими любимы...»)

Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и  
Благотворения. 1821. № IV (Труды ВОЛРС. Ч. XIV. Кн. I) (ценз. разр. 7 марта;  
вышел после 28 марта). С. 65 (подпись: Е. Б.).

Перепечатано: Опыт Русской Анфологии. СПб., 1828. С. 172 (подпись: Баратынский)  
– под заглавием «В Альбомъ».

207

Датируется по цензурному разрешению «Соревнователя», выданному в тот же день – 7  
марта 1821 г., когда стихотворение под заглавием «В Альбом» было читано в  
собрании вольного общества любителей российской словесности (вместе со  
стихотворениями «Бдение»: «Один с любимую мечтою...» – см. № 41.2 и «К К...о»:  
«Приманкой ласковых речей...» – см. № 43); резолюция: «Все избр.  
Препровождается» (Журналы ВОЛРС. С. 394). – О времени знакомства Боратынского с  
С. Д. Пономаревой, вероятным адресатом этой редакции стихотворения, см:  
Летопись. С. 103 (1821, февраль, 20-е числа).

42.3. «Вы слишком многими любимы...»

Печатается по копии: ПД. № 73. I м (Альбом А. В. Лутковской). л. 16 (подпись под  
текстом: Ø. Г.; в нижней части альбомного листа мелким почерком: Баратынский).  
Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским: Известия Имп. Академии Наук. Серия VI.  
1911. №7. С. 523.

Печатается с исправлением: в конце ст. 1 поставлено двоеточие.

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский  
Датируется предположительно: не исключено, что стихотворение сочинено еще в 1820 г., в Финляндии, и тогда же вписано в альбом А. В. Лутковской – см. другие записи стихотворений Боратынского в альбоме Лутковской, датируемые 1820 годом: «Младья Грации сплели тебе венки...» и «Мила как Грация, скромна...» (№№ 32, 33).

«Соревнователь» вышел после 28 марта 1821 г., ибо в нем помещено письмо А.С. Шишкова к издателям журнала (подпись: Один из ваших почитателей), заслушанное в собрании Вольного общества любителей российской словесности именно в этот день (см.: Журналы ВОЛРС. С. 396).

Лонгинов 1864. Стб. 111 (отмечена публикация стихотворения в «Соревнователе»). -- Изд. 1869. С. 25 (текст изд. 1827 под заглавием «В Альбомъ»; так стихотворение печаталось до изд. 1914–1915; датировка: 1821; так стихотворение датировано во всех последующих изданиях), 186 (варианты ранней редакции со ссылкой на «Опыт Русской Анфологии»). -- Модзалевский 1911. С. 523 (запись в альбоме Лутковской упомянута в числе автографов Боратынского; повторено во всех последующих изданиях, где упоминается текст из альбома Лутковской). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 25 (текст «Соревнователя»), 224–225 (варианты изд. 1827 и копии в альбоме Лутковской). -- Изд. 1936. Т. I. С. 59 (текст изд. 1827 под заглавием «В альбом»; так же – в последующих изданиях); Т. II. С. 239 (предположение об адресате: С. Д. Пономарева). -- Изд. 1957. С. 340 (со ссылкой на Документы ВОЛРС. С. 353 отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 7 марта 1821 г.). -- Изд. 1982. С. 658 (предположение о том, что первоначально стихотворение было адресовано С. Д. Пономаревой, а затем переадресовано А. В. Лутковской – повторено в изд. 1989, изд. 2000 и Летописи). -- Изд. 1989. С. 85 (произвольная датировка: январь–февраль 1821).

43

Приманкой ласковых речей вам не лишит меня разсудка! Конечно, многих вы милей,  
Но вас любить плохая шутка!

Вам не нужна любовь моя,  
Не слишком заняты вы мною,

Не нежность, прихоть вашу я признаю странным успокою.

Вам дорог я, твердите вы, Но лишней пленник вам дороже, Вам очень мил я, но  
увы!

Вам и другие милы тоже.

С толпой соперников моих я состязаться не дерзаю,  
И превосходной силе их без битвы поле уступаю.

<Февраль – начало марта 1821; 1823>

43. «Приманкой ласковых речей...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 28 (№ XIV).

В изд. 1827 (с. 80–81; раздел «Смесь») напечатано под заглавием «К ..о» (в оглавлении «К ...о»).

Впервые опубликовано: Новости Литературы. 1823. Кн. VI. № XL (ценз. разр. 30 октября; вышел к 2 ноября). С. 14–15 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Хлое» с разночтениями:

3 Так, Хлоя, многих Вы милей;

4 Но Вас любить – плохая шутка.

7 Не нежность, гордость Вашу я

Но честь красы меня дороже.

14. Баратынский. Том I

209

Вторично опубликовано: Урания на 1826 год (ценз. разр. 26 ноября 1825; ценз. билет 7 января 1826). С. 194 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Климене» с разночтениями:

3 Климена! многих Вы милей;

7 Не нежность, гордость вашу я

Из «Урании» перепечатано: Эвтерпа. М., 1828. С. 105–106 (подпись: Баратынский) – без заглавия (так же – во втором издании: Эвтерпа. М., 1836. С. 87); Жасмин и Роза. М., 1830. С. 32 (подпись: Баратынский) – без заглавия; Роза Граций. М., 1831. С. 5–6 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Климене»; Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 111–112 (подпись: Баратынский) – под заглавием изд. 1827 (с ошибкой) «К .... О».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 28 (без заглавия).

Датируется, во-первых, по времени чтения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности 7 марта 1821 г. (резолуция: «Все избр. у г. сочинителя» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 394) – под заглавием, соответствующим

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
заглавию Изд. 1827: «К ...о» («К Калипсо» – аргументы в пользу такой расшифровки  
см.: Вацуро. СДП. С. 69); во-вторых, на основании предположения о времени  
знакомства Боратынского с С. Д. Пономаревой – адресатом стихотворения (см.:  
Летопись. С. 103: 1821, февраль, 20-е числа). Другие стихотворения, связанные с  
С. Д. Пономаревой, см. №№ 42.2, 56–65.

Русский инвалид. 1823. 2 ноября. № 260. С. 1040 (объявление о раздаче  
подписчикам «Новостей Литературы»). -- Московские Ведомости. 1826. 9 января. л°  
3. С. 52 (объявление о продаже «Урании»; впервые отмечено: Синявский, Цявловский  
1914. С. 35). -- Цявловский. Изд. 1991. С. 590 (дата выдачи ценз, билета  
«Урании»: 7 января 1826 г.). -- Отпечатанная «Урания» была доставлена в цензуру  
4 января 1826 г. – на одном из экземпляров «Урании» в Научной библиотеке  
Московского государственного университета (шифр: ИРС 66; инв. № 246047) –  
рукописные пометы: «Что книга сия напечатана сходно с оригиналом, в том  
свидетельствую Содержатель типографии Семен Селивановский»; «№ 04 Подана 1826  
года Января 4 дня».

Изд. 1869. С. 42–43 (текст, соответствующий тексту Изд. 1827 и Изд. 1835, под  
заглавием «С. Д. П.» <С. Д. Пономаревой>; так стихотворение напечатано в  
последующих изданиях до Изд. 1914–1915; датировка: 1823; так стихотворение  
датировано в последующих изданиях до Изд. 1957), 192 (варианты «Новостей  
Литературы» и «Урании»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 47 (текст «Новостей  
Литературы»: «Хлое»), 237 (варианты «Урании», Изд. 1827 и Изд. 1835; отмечены  
перепечатки в «Розе Граций» и «Венере»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 53 (текст Изд.  
1827 под заглавием «К ...о»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982). -- Изд.  
1957. С. 78 (датировка: 1821), 340 (со ссылкой на Документы ВОЛРС. С. 353  
отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 7 марта 1821 г.). -- Смирнов-Сокольский  
1965. С. 138 (отмечена перепечатка в «Эвтерпе» 1828 г.). -- Изд. 1982. С. 24  
(текст Изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000), 386–387  
(варианты «Новостей Литературы» и «Урании»). -- Изд. 1989. С. 85 (датировка:  
январь–февраль 1821).

210

44

1

Шуми, шуми с крутой вершины,  
Не умолкай, поток седой!

Соединяй протяжный вой С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет Аквилон,

Качает елию скрипучей,

И с непогодюю ревучей Твой рев мятежный соглашон.

За чем, с безумным ожиданьем, К тебе прислушиваюсь я?

За чем трепещет грудь моя Какимъ-то вещим трепетаньемъ?

Как очарованный стою Над дымной бездною твоею,

И, мнится, сердцем разумею Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,

Не умолкай, поток седой!

Соединяй протяжный вой 20 С протяжным отзывом долины.

<Вторая половина 1820 – первая половина 1821; 1823–1826>

2

Ранняя редакция Водопадъ

Шуми, шуми с крутой вершины, Не умолкай, поток седой:

Соединяй протяжной вой С протяжным отзывом долины.

14\*

211

Я слышу грохот вод твоих: Свистя, сливает ветр порывный Свой вопль глухой и  
заунывный С однообразным шумом их.

С каким то смутным ожиданьем В их говор вслушиваюсь я;

Куда-то вдаль душа моя Летит надеждой и желаньем.

Как очарованный стою Над дымной бездною твоею И мнится, сердцем разумею Музыка  
важную твою:

Шуми, шуми с крутой вершины,

Не умолкай, поток седой:

Соединяй протяжной вой 20 С протяжным отзывом долины.

<Вторая половина 1820 – первая половина 1821>

44.1. «Шуми, шуми с крутой вершины...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 93–94 (№ LIII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 13–14 (раздел «Элегии. Книга  
первая») – под заглавием «Водопадъ».

Автограф ранней редакции см. № 44.2.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 4 об. – 5

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский (заглавие: «Водопад»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. л. 6 (заглавие: «Водопад»).

Печатается с исправлениями по изд. 1827: ст. 3 вой, → вой -- ст. 7 не погоду → непогодою

44.2. Водопад («Шуми, шуми с крутой вершины...»)

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 21 об. (подпись: Е. Б.).

Впервые опубликовано: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № VII (Труды ВОЛРС. Ч. XV. Кн. I) (ценз. разр. 10 июня; ценз, билет 12 июля). С. 90–91 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Водопад».

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 39. л. 137 об. (без заглавия; подписано: Баратынской; копия сделана до знакомства с Боратынским по тексту «Соревнователя»).

212

Печатается с исправлениями по тексту «Соревнователя»: ст. 1 и 17 Шуми шуми с крутой вершины → Шуми, шуми с крутой вершины, -- ст. 2 Не умолкай → Не умолкай, -- ст. 10 я → я; -- ст. 12 Летит → Летит -- ст. 14 бездною → бездною -- ст. 15 мнится → мнится, -- ст. 18 Не умолкай → Не умолкай, -- Также исправлено: ст. 4 долины → долины. -- ст. 18 седой → седой:

Датируется, во-первых, по воспоминаниям Н. М. Коншина, относящимся ко второй половине лета 1820 г.: «В Финляндии есть чудо: это водопад Иматра, река Вокса, суженная гранитными берегами, с оторванным дном, летит в бездну. После лагеря <то есть после 1 июля 1820 – см.: Летопись. С. 99–100> мы поехали посмотреть этого водопада. Долго стоял поэт над оглушающей пропастью, скрестя руки на груди. Кто не прочитал с наслаждением стихов <...>: Зачем с безумным ожиданьем <...>» (Коншин. Изд. 1958. С. 393); во-вторых, по дате чтения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности: 21 мая 1821 г. – под заглавием «Водопад» (резолуция: «14 избр., 1 не избр. препровождается» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 398).

Летопись. С. 108 (дата выдачи ценз, билета «Соревнователю»).

Изд. 1869. С. 21 (текст поздней редакции под заглавием «Водопад»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до изд. 1914–1915; датировка: 1821; так стихотворение датировано в последующих изданиях), 187 (варианты «Соревнователя»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 29–30 (текст «Соревнователя»), 228 (варианты изд. 1827 и изд. 1835; отмечена копия Н. Л. Боратынской). -- Изд. 1936. Т. I. С. 7 (текст поздней редакции под заглавием «Водопад»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до изд. 1982); Т. II. С. 107 (варианты «Соревнователя»). -- Изд. 1957. С. 341 (со ссылкой на Документы ВОЛРС. С. 357 отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 16 мая 1821 г.). -- Изд. 1982. С. 65 (текст изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и изд. 2000), 410 (варианты «Соревнователя» и автографа РГАЛИ). -- Изд. 1989. С. 86 (произвольная датировка: апрель – начало мая 1821), 397 (некорректное обоснование датировки).

45

1

Чтоб очаровывать сердца, Чтоб возбуждать рукоплесканья,  
Я слышал, будто для певца всего нужнее дарованья.

Путей к Парнаксу много есть: Зевоту можно произвести Поэмой длинной, громкой  
одой,

И ввек того не приобрести,  
Чего нам не дано природой.

Когда старик Анакреон,  
Сын верный неги и прохлады, Веселый пел амфоров звон И сердцу памятные взгляды:  
В след за толпой молодых забав, Богини песней, миновав Певцов усерднейших Эллады,  
Ему внимать изъ-подтишка С вершины Пинда поспешали И балагура старика 20 Венком  
безсмертья увенчали.

Так своенравно Аполлон Нам раздает свои награды; Другому богу Геликон Отдать  
хотелось-бы с досады! Напрасно до поту лица О славе Фофанов хлопочет:

Ему отказан дар певца,

Трудится он, а Феб хохочет. Межь тем даря веселью дни, Едва ли Батюшков, Парни  
О прихотливой вспоминали,

214

И что-жь? нечаянно они Ее в Цитере повстречали.

Пленен ли Хлоей, Дафной ты, Возми Тибуллову цевницу,

Воспой победы красоты,

Воспой души своей царицу;

Когда же любишь стук мечей,

С высокой музою Омира Пускай поет вражды царей Твоя воинственная лира.

Равны все музы красотой;

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский  
Несходство их в одной одежде: Старайся нравиться любой,  
Но помолися Фебу прежде.

<Июнь–июль 1821; 1823–1826>

2

Къ\*\*\*

Ранняя редакция

Кто жаждет славы, милый мой! Тот не всегда себя прославит: Терзает Комик нас порой, Порою Трагик нас забавит. Путей к Парнассу много есть: Зевоту можно произвести Равно и Притчею и Одой; Но ввек того не приобрести, что не даровано Природой.

Когда старик Анакреон, Утех любовник постоянной, Толпой красавиц окружён, С главою, розами венчанной, Веселой пел покалов звон, Смеясь над мудростью жеманной, – В след за толпой молодых забав, Для гармонической улады,

Богини песней, миновав Певцов усерднейших Эллады, 20 Ему внимать из подтишка С вершины Пинда поспешали, И волокиту-старика Венцом бессмертья увенчали.

Неисповедим Фебов суд.

К чертогу Муз, к чертогу Славы Одних ведет упорный труд, Других ведут одни забавы! Напрасно до поту лица О славе Фофанов хлопочеть; Ему отказан дар Певца; Трудится он – а Феб хохочет! Межь тем, даря веселью дни, Едва ли Батюшков, Парни О прихотливой вспоминали И чтожь? – Нечаянно они Ее в Цитере повстречали.

Приятно петь желаешь ты?

Когда влюблен – бери цевницу! Воспой победы красоты,

40 Воспой души твоей царицу.

Когда же любишь стук мечей,

С бессмертной Музою Омира, Пускай поет вражды царей Твоя возвышенная лира!

Равны все Музы красотой; Несходство их в одной одежде. Старайся нравиться любой; Но помолися Фебу прежде.

<Июнь–июль 1821>

216

45.1. «Чтоб очаровывать сердца...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 142–144 (№ LXXXI).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 145–147 (раздел «Послания») – под заглавием «К –ву. Ответь».

По Изд. 1827 перепечатано: Российская Хрестоматия / [Сост. И. Ленинский]. Спб., 1834. Ч. II: Стихотворения. Раздел «<Поэзия> собственно дидактическая». С. 314–315 (подпись: Баратынский) – под заглавием «К –ву» с пропуском ст. 36–37.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 59 об. – 60 об. (заглавие: «Стансы») с разночтением:

45 Но полюби ты Феба прежде.

45.2. К \*\*\* («Кто жаждет славы, милый мой!..»)

Печатается по тексту первой публикации: Русский инвалид. 1822. 31 января. № 28 (ценз. разр. 25 апреля; вышел 26 апреля). С. 112 (подпись: Б–ий).

Стихотворение является ответом на стихотворный памфлет А. А. Крылова «Вакхические поэты», читанный 26 мая 1821 в собрании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (см.: Вацуро 1972; Поэты 1820–1830. Т. 1. С. 725) и опубликованный в «Благонамеренном»: 1821. Ч. XIV. Май. № 10 (номер датирован 21 июня). С. 140–141.

Датируется по времени, ближайшему к моменту чтения и публикации стихотворения А. А. Крылова.

«Русский инвалид» в январе–феврале 1822 г. вообще не выходил, а с 18 марта по 14 июня 1822 г. выходил сдвоенными номерами; № 28 (за 31 января) получил цензурное разрешение 25 апреля, в один день с № 98 (за 26 апреля) – отсюда дата выхода № 28 «Русского инвалида»: 26 апреля.

Изд. 1869. С. 90–91 (текст, соответствующий копии Н. Л. Боратынской под заглавием «К –ву. Ответь»; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915), 206 (вариант Изд. 1827 и Изд. 1835 в ст. 45). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 93–94 (текст поздней редакции под заглавием «К –ву. Ответь»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1982; датировка: 1826), 269 (отмечена копия Н. Л. Боратынской). -- Изд. 1936. Т. II. С. 126–127 (текст «Русского инвалида»). -- Изд. 1957. С. 82 (датировка: 1821?), 341 (ошибочное предположение об адресации стихотворения А. ф. Воейкову). -- Вацуро 1972 (указан адресат – А. А. Крылов). -- Изд. 1982. С.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский 1818–1822 (текст изд. 1835 без заглавия; так же – в изд. 1989 и изд. 2000), 421 (варианты «Русского Инвалида» и изд. 1884), 608–609 (со ссылкой на статью Вацуро 1972 указан адресат – А. А. Крылов).

46

1

Приятель строгий, ты не прав, Несправедливы толки злые:  
Друзья веселья и забав,  
Мы не повесы записные!  
По своеволию страстей Себе мы правил не слагали,  
Но пылкой жизнью юных дней,  
Пока дышалось, дышали;  
Любили шумные пиры;  
10 Г остей веселых той поры,  
Забавы, шалости любили И за роскошные дары Младую жизнь благодарили.  
Во имя лучших из богов,  
Во имя Вакха и Киприды,  
Мы пели счастье шалунов,  
Сердечно презря крикунов И их ревнивые обиды.  
Мы пели счастье дней младых,  
20 Меж тем летела наша младость: Порой задумывалась радость В кругу поклонников  
своихъ;  
В душе больной от пищи многой,  
В душе усталой пламень гас,  
И за стаканом, в добрый час Застал нас как-то опыт строгий. Наперсниц наших,  
страстных дев Мы поцелуи позабыли,  
И пред суровым оробев,  
30 Утехи крылья опустили.  
С тех пор, любезный, не поем Мы безразсудныя забавы,  
218

Смирненно дни свои ведем И ждем от света доброй славы. Теперь вопрос я отдаю Тебе  
на суд. Подумай, мы ли Переменили жизнь свою,  
Иль годы нас переменили?  
<до июня 1821; 1823–1826; конец 1832 – 1833>

2

Булгарину  
Ранняя редакция  
Нет, нет, Булгарин! ты не правъ; Несправедливы толки злые:  
Друзья веселья и забав,  
Мы не повесы записные.  
Из своеволия страстей –  
С себя мы правил не слагали;  
Но пылкой жизнью юных дней, Пока дышалось – дышали;  
Любили шумные пиры,  
10 Г остей веселых той поры Забавы, шалости любили:  
И за роскошные дары Младую жизнь боготворили.  
В кругу веселых шалунов,  
Во имя Вакха и Киприды Мы пели негу, шум пиров,  
Не замечая крикунов И их ревнивые обиды.  
Мы пели счастье дней младыхъ;  
20 Меж тем летела наша младость; Порой задумывалась радость В кругу поклонников  
своих.  
Душа приметно отцветала;  
219  
В усталом сердце пламень гас,  
И за стаканом в добрый час, Безпечных Опытность застала.– Наперсниц наших,  
страстных дев Мы поцелуи позабыли,  
И пред суровой онемев, Утехи крылья опустили.  
Так разрезвившихся детей,  
Средь их младенческих затей, Приводит вдруг в остолбененье Со строгой важностью  
очей Педанта школы появленье.  
С тех пор, любезный, не поем Мы безразсудныя забавы,  
Смирненно жизнь свою ведем И ждем от света доброй славы.  
40 Теперь вопрос я отдаю Тебе на суд: подумай, мы ли Переменили жизнь свою,  
Иль годы нас переменили?  
<до июня 1821>

3

Промежуточная редакция  
К . . . .

Нет, нет! мой Ментор, ты неправ, Несправедливы толки злые:

Друзья веселья и забав,  
Мы не повесы записные!  
Из своеволия страстей Себе мы правил не слагали,  
Но пылкой жизнью юных дней,  
Пока дышалось, дышали;

220

Любили шумные пиры; Гостей веселых той поры,  
Забавы, шалости любили И за роскошные дары Младую жизнь благодарили.  
Во имя лучших из богов,  
Во имя Вакха и Киприды,  
Мы пели счастье шалуновъ;  
Сердечно презря крикунов И их ревнивые обиды,  
Мы пели счастье дней младых.

20 Межь тем летела наша младость, Порой задумывалась радость В кругу поклонников своихъ;

В душе, больной от пищи многой, В душе усталой, пламень гас И за стаканом, в добрый час Застал нас какъ-то опыт строгой. Наперсниц наших, страстных дев Мы поцелуи позабыли,  
И пред суровым оробев, Утехи крылья опустили.

Так разшалившихся детей,  
Среди веселых их затей,  
Приводит вдруг в остолбененье, С угрюмой важностью очей Германца дядьки появленье.

С тех пор, любезный, не поем Мы безразсудныя забавы,  
Смиренно дни свои ведем И ждем от света доброй славы.

40 Теперь вопрос я отдаю

Тебе на суд. Подумай, мы-ли Переменили жизнь свою,  
Иль годы нас переменяли?

<1823–1826>

221

46.1. «Приятель строгой, ты не прав...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 135–136 (№ LXXVI).

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 105 – 105 об. (заглавие: «К .»); л. 122 об. – 123 (заглавие: «К ...») – тексты обеих копий идентичны тексту Изд. 1835. В изд. 1914–1915 (Т. I. С. 227) отмечено разночтение неизвестной копии Н. Л. Боратынской:

29 Перед суровым оробев,

46.2. Булгарину («Нет, нет, Булгарин! ты не прав...»)

Печатается по тексту первой публикации: Сын Отечества. 1821. Ч. 70. № XXIV (ценз. разр. 7 июня; номер датирован И июня). С. 175–177 (подпись: Баратынский). Перепечатано: Новое собрание образованных русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1821. Ч. 2. С. 232–234 (подпись: Баратынский) – подтем же заглавием.

Печатается с исправлениями по Изд. 1827 и Изд. 1835: ст. 7 лет → дней -- ст. 33 остолбененье → остолбененье

Датируется по времени первой публикации.

46.3. К .... («Нет, нет! мой Ментор, ты неправ...»)

Печатается по: Изд. 1827. С. 156–157 (раздел «Послания»).

Печатается с исправлениями: ст. 11 шалости, → шалости -- ст. 31 Так, → Так -- ст. 37 безразсудные → безразсудныя

Изд. 1869. С. 25–26 (текст, соответствующий тексту Изд. 1835, под заглавием «Б-ну»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1914–1915; датировка: 1821; так же датировано в последующих изданиях), 186 (варианты «Сына Отечества» и Изд. 1827). -- Брюсов 1899. С. 441–442 (отмечены варианты «Сына Отечества» по отношению к тексту Изд. 1869: заглавие и ст. 1, 6, 29). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 28–29 (текст «Сына Отечества»), 226–221 (варианты Изд. 1827, Изд. 1835 и копии Н. Л. Боратынской). -- Изд. 1936. Т. I. С. 105–106 (текст Изд. 1835, но под заглавием Изд. 1827: «К...»); Т. II. С. 129 (варианты «Сына Отечества» в ст. 31–35). -- Изд. 1951. С. 86–87 (текст Изд. 1835 без заглавия). -- Изд. 1957. С. 74–75 (текст Изд. 1835, но под заглавием Изд. 1827: «К...»). -- Изд. 1982. С. 92–93 (текст Изд. 1835 без заглавия; так же в Изд. 1989 и Изд. 2000), 419–420 (варианты «Сына Отечества» и Изд. 1827).

47

1

Цветокъ

С восходом солнечным Людмила Сорвав себе цветок,  
Куда-то шла, и говорила:

«Кому отдам цветокъ?  
«Что торопиться? мне-ль наскучит Лелеять свой цветокъ?  
Нет! недостойный не получит Душистый мой цветок.»  
И говорил ей каждый встречный: Прекрасен твой цветок!  
Мой милый друг, мой друг сердечный, Отдай мне твой цветок.  
Она в ответ: «Сама я знаю, Прекрасен мой цветокъ;  
Но не тебе, и это знаю,  
Другому мой цветок.»  
Красою яркой день сияет:  
У девушки цветокъ;  
Вот полдень, вечер наступает:  
20 у девушки цветок!  
Идет. Услада повстречала:  
Он прелестью цветок.  
«Ты мил!» она ему сказала,  
Возми-же мой цветок!»  
223

Он что-же деве? Он спесиво: На что мне твой цветокъ?  
Ты мне даришь его; не диво: Увянул твой цветок.  
<До начала августа 1821, 1823–1826>

2

Ранняя редакция

Цветокъ

Порою утренней Людмила,  
Держа в руке цветок,  
Куда-то шла и говорила:  
Кому отдам цветокъ?  
Не нужны мне дары богаты за свежий мой цветокъ;  
А кто приглянется – без платы Получит мой цветок.  
И говорил ей каждый встречный: Прекрасен твой цветок!  
Мой милый друг, мой друг сердечный, Отдай мне твой цветок!  
Она в ответ: сама я знаю,  
Прекрасен мой цветокъ;  
Но не тебе, и это знаю,  
Другому мой цветок!  
Красою яркой день сияетъ;  
При ней еще цветок:  
Вот полдень; вечер наступает –  
20 При ней еще цветок.  
Услада дева повстречала:  
Он прелестью цветок.  
224

Ты мил, она ему сказала,  
Возьми же мой цветок!  
Он что же деве? – Он шутивно:  
Спасибо за цветок!  
Ты мне даришь его – не диво:  
Увянул твой цветок!

<До начала августа 1821>

47.1. Цветок («С восходом солнечным Людмила...»)  
Печатается по: Изд. 1835. ч. I. С. 43–44 (№ XXII).  
В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 95–96 (раздел «Смесь») – под тем же заглавием.

По Изд. 1827 перепечатано под тем же заглавием «Цветокъ»: Венера. М., 1831. ч. 3. С. 25–26 (подпись: Е. Баратынский); Эвтерпа. М., 1831. С. 71–72 (подпись: Е. Баратынский) – с изменением в ст. 28 («Завянуль» вместо «Увянуль»). Из «Эвтерпы» перепечатано: Полный новейший песенник / Собр. И. [Г.] Гурьяновым. М., 1835. ч. 3. С. 22–23 (подпись: Е. Баратынский) – с тем же изменением в ст. 28 и с изменениями в ст. 12 («свой» вместо «твой») и 15 («я сохраняю» вместо «и это знаю»). Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 71 об. – 72 (заглавие: «Цветокъ»).

Печатается с исправлениями по Изд. 1827: ст. 3 говорила → говорила: -- ст. 6 Лелеять → Лелеять -- ст. 25 спесиво → спесиво

47.2. Цветок («Порою утренней Людмила...»)

Печатается по тексту первой публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № VIII (Труды ВОЛРС. ч. XV. кн. II) (ценз. разр. 1 августа). С. 244–245 (подпись: Баратынский).



Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Датаруется по времени первой публикации и чтения стихотворения стихотворения в собрании Вольного общества любителей российской словесности – 8 августа 1821 г. под заглавием «Цветок» (резолюция: «Все избр. Препровождается» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 401).

Изд. 1869. С. 31 (текст поздней редакции; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до изд. 1914–1915; датировка: 1821; так же датировано в последующих изданиях), 188 (варианты «Соревнователя»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 21–28 (текст «Соревнователя»), 226 (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; отмечены перепечатки в «Эвтерпе», «Венере» и «Полном новейшем песеннике»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 66 (текст поздней редакции; так текст печатался во всех последующих изданиях). -- Изд. 1957. С. 341 (со ссылкой на документы ВОЛРС. С. 360 отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 8 августа 1821 г.). -- Изд. 1989. С. 89 (датировка: июнь–июль ? 1821).

15. Боратынский. Том 1

225

48

Ты былъ-ли, гордый Рим, земли самовластитель, Ты былъ-ли, о свободный Римъ?

К немым развалинам твоим Подходит с грустию их чуждый навеститель.

За что утратил ты величье прежних дней?

За что, державный Рим! тебя забыли боги?

Г рад пышный, где твои чертоги,

Где сильные твои? о родина мужей!

Тебе-ли изменил победы мощный Гений? Ты-ль на распутий времянь

Стоишь в позорище племен,

Как пышный саркофаг погибших поколений?

Кому еще грозишь с твоих семи холмовъ? Судьбы-ли всех держав ты грозный возвеститель?

Или, как призракъ-обвинитель,

Печальный предстоишь очам твоих сыновъ?

<до 20-х чисел августа 1821>

48. «Ты былъ-ли, гордый Рим, земли самовластитель...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 15 (№ V).

В изд. 1827 (С. 20; раздел «Элегии. Книга первая») напечатано под заглавием «Римъ».

Впервые опубликовано: Полярная Звезда на 1824 год (ценз. разр. и ценз, билет 20 декабря; вышла 21 декабря 1823). С. 63 (подпись: Баратынской) – под заглавием «Римъ» и с разночтениями:

4 Подходит с горестью их чуждый навеститель.

9 Тебе ли изменил победы верный Гений?

13 Кому еще грозишь с семи твоих холмовъ?

По Изд. 1835 перепечатано: Полная русская хрестоматия / Сост. А. [Д.] Галахов.

М., 1842. Ч. II: Поэзия. Раздел «Ода». С. 201 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Римъ».

226

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 39. л. 57 (заглавие: «Римъ» – текст «Полярной Звезды», переписан до знакомства с Боратынским). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. ф. 394. Оп. 1. № 170. л. 6 об. (текст Изд. 1827 под заглавием «Римъ»).

Печатается с исправлением по тексту «Полярной Звезды»: ст. И позорище → позорище

Датаруется по времени чтения стихотворения под заглавием «К Риму» в собрании Вольного общества любителей российской словесности – 22 августа 1821 г.

(резолюция: «Все избр. У г. сочинителя» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 401).

Сын Отечества. 1823. Ч. 89. № LI (номер датирован 22 декабря). С. 228–229 (в сноске к библиографической справке о «Полярной Звезде» – сообщение о продаже альманаха; впервые отмечено: Синявский, Цявловский 1914. С. 17–18). -- Могилянский 1956. С. 393 (дата выдачи ценз, билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 50 (текст, соответствующий тексту Изд. 1827 и Изд. 1835 под заглавием «Римъ»; датировка: 1824; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до изд. 1914–1915), 193 (варианты «Полярной Звезды» в ст. 4 и 9). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 55 (текст «Полярной Звезды»), 243 (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; датировка: 1823). – Филиппович 19156. С. 198 (на основании материалов из архива ВОЛРС в Пушкинском Доме датировано: 1821). -- Изд. 1936. Т. I. С. 12 (текст изд. 1827: «Рим»; так стихотворение печаталось до изд. 1982); Т. II. С. 228 (датировка: не позднее 1821). -- Изд. 1957. С. 76 (датировка: 1821), 340 (со ссылкой на документы ВОЛРС. С. 360 отмечено чтение стихотворения в ВОЛРС 22 августа 1821 г.). -- Изд. 1982. С. 15 (текст изд. 1835

Бранье сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский (вариант без заглавия; так же в Изд. 1989 и Изд. 2000), 384 (разночтения «Полярной звезды»). -- Изд. 1989. С. 89 (датировка: июль – первая половина августа 1821).

15\*

49

1

В своих стихах он скукой дышет; Жужжаньем их наводит сон. Не говорю: за чем он пишет, Но для чего читает он?

<До начала сентября 1821; 1823–1826>

2

Ранняя редакция Эпиграмма

Его творенье скукой дышет,

На бедных нас наводит сонъ; Не говорю, зачем он пишет – Но для чего читает он?

<До начала сентября 1821>

49.1. «В своих стихах он скукой дышет...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 126 (№ LXX).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 118 (раздел «Смесь») – под заглавием «Эпиграмма» с разночтением:

2 Их слушая не спи, а сильно клонит сон!

По Изд. 1827 перепечатано: Российская Хрестоматия / [Сост. И. Ленинский]. СПб., 1834. Ч. II: Стихотворения. Раздел «Эпиграмма». С. 356 (подпись: Баратынский) –

без заглавия; Полная русская хрестоматия / Сост. А. [Д.] Галахов. М., 1842. Ч.

II: Поэзия. Раздел «Эпиграмма». С. 285 (подпись: Баратынский) – под заглавием «В своих стихах он скукой дышит».

Автограф неизвестен.

49.2. Эпиграмма («Его творенье скукой дышет...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1821. Ч. XV. Август. № 15 (номер датирован 10 сентября). С. 160 (подпись: Б.).

228

Печатается с исправлением: ст. 3 зачем –> зачем Датировка по времени первой публикации.

Изд. 1869. С. 87 (текст, соответствующий тексту Изд. 1833, без заглавия;

датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих

изданиях до Изд. 1914–1913), 204 (варианты Изд. 1827). -- Изд. 1914–1915. Т. I.

С. 34 (текст «Благонамеренного»), 231 (варианты Изд. 1827 и Изд. 1833;

датировка: 1821). -- Изд. 1936. Т. I. С. 86 (текст Изд. 1833 под заглавием

«Эпиграмма»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982); Т. II. С. 245

(необоснованное предположение об адресате – Д. И. Хвостов; без обсуждения

повторено в комментариях к эпиграмме во всех последующих изданиях). -- Изд.

1982. С. 87 (текст Изд. 1833 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000). --

Летопись. С. ПО («Предположения о том, что адресат эпиграммы – Д. И. Хвостов

<...> документально не подтверждаются»).

50

Вчера ненастливая ночь Меня застала у Лилеты. Остаться-ль мне, идти-ли прочь,  
Меж нами долго шли советы.

Но в чашу светлаго вина Налив с улыбкою лукавой, Послушай, молвила она,

Вино советник самый здравый.

Я пиль; на что-жь решился я Благим внушеньем полной чаши? Побрел по слякоти,  
друзья,

И до зари сидел у Паши.

<1819 (?) или лето–осень 1821>

50. «Вчера ненастливая ночь...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 80 (№ XLV).

Впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 94 (раздел «Смесь») – под заглавием «Случай».

По Изд. 1827 перепечатано: Эвтерпа. М., 1831. С. 37 (подпись с опечаткой: С.

Баратынский) – без заглавия; Венера. М., 1831. Ч. 3. С. И (подпись: Е.

Баратынский) – под заглавием «Случай»; Песни, Романсы и куплеты из Водевильей.

М., 1833. С. 35 (подпись: Е. Баратынский) – без заглавия.

Автограф: Пд. ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). л. 13 – с

разночтением:

12 И вечер весь провел у Саши.

Печатается с исправлением по Изд. 1827 и по автографу: ст. 9 решился –> решился

я Датировка по месту автографа в альбоме П. Л. Яковлева: на следующих листах

альбома (л. 14,15 об. – 16 об.) рукой Баратынского записаны стихотворения

«Полуразрушенный я сам себе не нужен...», «Моя жизнь» (см. №№ 51 и 52) и *bon mot*

С. Д. Пономаревой: «Яковлев, сказала Софья Дмитриевна разположилась жить в свете

как будто у себя дома и позабыл что жизнь есть одно мечтание пустое» (л. 14).

Общение Баратынского одновременно и с Яковлевым и с Пономаревой не могло

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *вариант*  
происходить ранее лета – осени 1821 (см.: Вацуро. СДП. С. 177; ИП. С. 183).  
Однако если предполагать, что Саша в ст. 12 автографа – это, например, Пушкин  
(см. коммента-

230

рий), тогда, конечно, следует датировать стихотворение 1819 годом, когда  
Баратынский и Пушкин одновременно общались с Яковлевым.  
Брюсов 1899. С. 447 (первая публикация стихотворения после Изд. 1835). -- Изд.  
1914–1915. Т. I. С. 91 (текст изд. 1827: «Случай»; так стихотворение печаталось  
в последующих изданиях до изд. 1982), 268 (отмечены перепечатки в «Эвтерпе» и  
«Венере»). -- Медведева 1936. С. 117 (датировка всех автографов Баратынского в  
альбоме П. Л. Яковлева: 1818–1821; текст автографа). -- Изд. 1936. Т. II. С. 240  
(датировка: 1819–1821). -- Изд. 1957. С. 43 (датировка: 1818 или 1819; так же –  
в Изд. 1989), 333 (некорректное обоснование датировки: «на основании положения  
автографа в альбоме П. Л. Яковлева»). -- Изд. 1982. С. 55 (текст изд. 1835, без  
заглавия; так же – в Изд. 1989 и изд. 2000). -- Летопись. С. 107 (некорректная  
датировка: 1821, июнь – 1822, июль).

51

Полуразрушенный я сам себе не нужен и с девой в сладкой бой вступаю безоружен.  
<Лето–осень 1821>

51. «Полуразрушенный я сам себе не нужен...»

Печатается по автографу: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). л. 16.  
Впервые опубликовано И. Н. Медведевой: Звенья. М.; Л., 1936. [Т.] VI. С. 118.  
Печатается с исправлением: ст. 2 девой → девой О датировке см. примечание к №  
50.

Медведева 1936. С. 117 (датировка всех автографов Баратынского в альбоме П. Л.  
Яковлева: 1818–1821), 118 (текст автографа). -- Изд. 1936. Т. I. С. 267  
(стихотворение впервые напечатано в собрании сочинений Баратынского – по  
автографу; датировка: 1818–1819; так же напечатано и датировано в последующих  
изданиях). -- Летопись. С. 107 (некорректная датировка: 1821, июнь – 1822,  
июль).

232

52

Моя жизнь

Люблю за дружеским столом С моей семьею домовитой О настоящем, о былом  
Поговорить душой открытой.  
Люблю пиров веселой шум, За полной чашей райской влаги Люблю забыть для сердца  
ум В пылу вакхической отваги.  
Люблю с красоткой записной На ложе неги и забвенья По воле шалости младой  
Разнообразить наслажденья.

<Лето–осень 1821>

52. Моя жизнь («Люблю за дружеским столом...»)

Печатается по автографу: ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). л. 16  
об.

Впервые опубликовано И. Н. Медведевой: Звенья. М.; Л., 1936. [Т.] VI. С. 118.  
Печатается с исправлением: в конце ст. 5 поставлена запятая (не исключено и иное  
разделение второй строфы на фразы, предполагающее запятую в конце ст. 6) -- ст.  
10 ложе → ложе

О датировке см. примечание к № 50.

Медведева 1936. С. 117 (датировка всех автографов Баратынского в альбоме П. Л.  
Яковлева: 1818–1821), 118 (текст автографа). -- Изд. 1936. Т. I. С. 266  
(стихотворение впервые напечатано в собрании сочинений Баратынского по  
автографу; датировка: 1818–1819; так же напечатано и датировано в последующих  
изданиях). -- Летопись. С. 107 (некорректная датировка: 1821, июнь – 1822, июль).

233

53

< Элегия >

Нет, не бывать тому, что было прежде!

Что в счастья мне? Мертва душа моя!

«Надейся, другъ» – сказали мне друзья:

Не поздно ли вверяться мне надежде,

Когда желать почти не в силах я?

Я бременюсь нескромным их участием И с каждым днем я верой к ним бедней. Что в  
пустоте несвязных их речей? Давным-давно простился я со счастьем, желательным  
слепой душе моей!

Лишь в след ему с унылым сладострастьем Гляжу я вдоль моих минувших дней.

Так нежный друг в безчувственном забвеньи Еще глядит на зыби синих волн,

На влажный путь, где в темном отдаленьи давно исчез отбивший дружный чолн.

<До сентября–ноября 1821>

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский 53.

<Элегия> («Нет, не бывать тому, что было прежде!..»)  
Печатается по тексту единственной прижизненной публикации: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № XI (Труды ВОЛРС. Ч. XVI. Кн. II) (ценз, билет 4 ноября). С. 204 – под общим заглавием «Элегии» напечатано: I. «Нет, не бывать тому, что было прежде!..» ; И. «Не искушай меня без нужды...»; вместо подписи под вторым стихотворением – две звездочки:7777.  
Автограф неизвестен.

Печатается с исправлениями: ст. 3 другъ—» → другъ» –  
Датируется, во-первых, по времени публикации, во-вторых, на основании предположения о том, что именно это стихотворение слушалось 12 сентября 1821 г. в собрании Вольного общества любителей российской словесности под заглавием «Послание I» или «Послание II» – так означены в журнале заседаний общества два неизвестные стихотворения Боратынского (резолуция для обоих текстов: «16 избр., 1 не избр. Препровождается» – см. Журналы ВОЛРС. С. 402); вместе с этими двумя «Посланиями» в тот же день слушалось «Прощание» («Пускай измаранный листок...») – переработка послания к А. И. Шляхтинскому 1819 года (см. примечание № 12.2); поскольку «Про-

234  
щание» было опубликовано также в «Соревнователе» (1821. № IX) – на два номера раньше, чем «Нет, не бывать тому, что было прежде...» и «Не искушай меня без нужды...», – можно считать, что читанные 12 сентября 1821 г. «Послание I» и «Послание II» и есть эти два стихотворения (при публикации под общим заглавием «Элегии» они были аналогично пронумерованы: I. «Нет, не бывать тому, что было прежде!..»; II. «Не искушай меня без нужды...»). Менее вероятно предположение (см.: Летопись. С. 106) о том, что одно из стихотворений слушалось в собрании того же общества 16 мая 1821 г. – в журнале ВОЛРС под этим числом означено чтение какой-то «Элегии» Боратынского (см. Журналы ВОЛРС. С. 398).  
Летопись. С. 110 (дата выдачи ценз, билета «Соревнователю»).  
Стихотворение включается в собрания сочинений Боратынского начиная с Изд. 1894 (С. 38).

54

Разуверение

Не искушай меня без нужды Возвратом нежности твоей: Разочарованному чужды Все  
обольщенья прежних дней! Ужь я не верю увереньям,  
Ужь я не верую в любовь,  
И не могу предаться вновь Раз изменившим сновиденьям! Слепой тоски моей не  
множь, Не заводи о прежнем слова,  
И друг заботливый, больнова В его дремоте не тревожь!  
Я сплю, мне сладко усыпленье: Забудь бывалыя мечты:  
В душе моей одно волненье,  
А не любовь пробудишь ты.

<До сентября–ноября 1821>

54. Разуверение («Не искушай меня без нужды...»)

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 145–146 (№ LXXXII).

Впервые опубликовано: Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № XI (Труды ВОЛРС. Ч. XVI. Кн. II) (ценз, билет 4 ноября). С. 205 – вместе со стихотворением «Нет, не бывать тому, что было прежде!..» (Там же. С. 204) – под общим заглавием «Элегии» (вместо подписи – две звездочки: \*\*) с разночтениями:

10 Прелестным призраком былого;

11 Воображения больнаго

Вторично опубликовано: Новости Литературы. 1822. Кн. I. № III (ценз. разр. 6 июля; вышли к 8 июля). С. 47 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Разуверение. Элегия» с теми вариантами ст. 10 и И, которые впоследствии войдут в Изд. 1835:

Не заводи о прежнем слова іі И, друг заботливый, больнова

236

Из «Новостей Литературы» перепечатано: Новые Аониды на 1823 год. М., 1823 (ценз. разр. 9 января 1823). С. 101 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Элегия».

Последующие перепечатки из «Новостей Литературы» и «Новых Аонид»: Северный Певец. М., 1830. Ч. 1. С. 51 (без подписи) – без заглавия; Весенние Цветы. М., 1835. [Ч. 1]. С. 62 (подпись: Е. Баратынский) – без заглавия.

В Изд. 1827 (С. 40; раздел «Элегии. Книга вторая») напечатано под заглавием «Разуверение» с разночтением:

и Друг попечительный, больнова

По Изд. 1827 перепечатано: Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 137–138 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Разуверение».

В Изд. 1835 восстановлен вариант «Новостей Литературы»:

11 И друг заботливый, больнова

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский varga  
По Изд. 1835 перепечатано: Дамский Альбом. СПб., 1844. С. 144 (подпись:  
Баратынского) – под заглавием «Разуверение»  
Автограф: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 189. Л. 3 – 3 об. (заглавие: «Разуверение») – с  
разночтениями:

9 Тоски души моей не множь!

11 Друг попечительный, больнова

Копии Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 23 (заглавие:  
«Разуверение»); РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 198. Л. 74 (заглавие: «Разуверение»).

Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 170. Л. 26 – 26 об.

(заглавие: «Разуверение»; с ошибками: ст. 11 «Друг усыпительный» -- ст. 16  
«разбудишь ты»).

Печатается с исправлениями по Изд. 1827: ст. 9 не множь → не множь -- ст. 12 не  
тревожь → не тревожь -- ст. 16 пробудишь → пробудишь

О датировке см. примечание к № 53. Датировка автографа проблематична: судя по  
почерку, запись относится ко второй половине 1820-х – началу 1830-х годов.

Очевидно, при подготовке Изд. 1835, в конце 1832 или в 1833 г., Боратынский  
собирался переработать стихотворение – см. № 188 («Не разтравляй моей души...»).

Русский инвалид. 1822. 8 июля. № 160. С. 640 (объявление о раздаче подписчикам  
«Новостей Литературы»). -- Летопись. С. ПО (дата выдачи ценз, билета  
«Соревнователю»).

Изд. 1869. С. 33 (текст, соответствующий тексту Изд. 1835: «Разуверение»; так  
стихотворение печаталось в последующих изданиях, кроме Изд. 1914–1915;

датировка: 1821; так датировано и в последующих изданиях), 188 (варианты

«Соревнователя» и Изд. 1827). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 31 (текст «Новых

Аонид» под заглавием: «Разуверение. Элегия»), 229 (отмечены перепечатки в  
«Венере» и «Весенних Цветах»). -- Филиппович 1915. С. 199 (отмечена публикация

в «Новостях Литературы»). -- Материалы 1916. С. VI (2-й паг.) (воспроизведена  
помета С. А. Рачинского в экземпляре Изд. 1827 из Татевского архива, указывающая

адресата: «а М-11е Кучинь» <В. Н. Кучина>). -- Изд. 1982. С. 99 (текст Изд.

1835: «Разуверение»), 421 (варианты автографа РГАЛИ, «Соревнователя», Изд.  
1827).

237

55

Дало две доли Провидение

На выбор мудрости людской:

Или надежду и волнение,

Иль безнадежность и покой.

Верь тот надежде обольщающей,

Кто бодр неопытным умом,

Лишь по молве разновещающей

С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие! Летите: крылья вам даны;

Для вас и замыслы блестящие И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испытавшие,

Тщету утех, печали власть,

Вы, знанье бытия приявшие,

Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный; Так! доживайте жизнь в тиши,

И берегите хлад спасительный 20 Своей бездейственной души.

Своим безчувствием блаженные

Как трупы мёртвых из гробов,

Волхва словами пробужденные,

Встанут со скрежетом зубовъ;

Так вы, согрев в душе желанья, Безумно вдавшись в их обман,

Проснетесь только для страдания,

Для боли новой прежних ран.

<Осень 1821 – весна 1822>

238

55. «Дало две доли Провидение...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 63–64 (№ XXXV).

Впервые опубликовано: Новости Литературы. 1823. кн. IV. № XXII (ценз. разр. 7  
июня; вышли к 9 июня). С. 141–142 (подпись: Баратынский) – под заглавием

«Стансы» с разночтениями:

6 Кто бодр душою, бодр умомъ;

15 Вы, знанье бытия приявшие,

28 Для боли тяжкой прежних ран.

В Изд. 1827 (С. 24–25; раздел «Элегии. Книга первая») напечатано под заглавием  
«Две доли» с разночтением:

6  
Кто сердцем бодр и бодр умом,  
По изд. 1827 перепечатано под заглавием «Две доли»: Учебная книга русской словесности / Изд. Н. [И.] Греч. Изд. 2-е. СПб., 1830. Ч. III. Раздел «Элегия». С. 179 (подпись: Баратынский); Российская Хрестоматия / [Сост. И. Ленинский]. СПб., 1834. Ч. II: Стихотворения. Раздел «Одноравственная». С. 622–623 (подпись: Баратынский); Весенние цветы. М., 1835. [Ч. 1]. С. 71–73 (подпись: Е. Баратынский) – с искажениями в ст. 13 («Но все») и 17 («Гоните прах их, рай прельстительной»).

Автограф – ПД. № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 38–38 об. (подписано: Баратынский) – без заглавия, с теми же разночтениями, что в «Новостях Литературы».

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 81 об. – 82 (заглавие: «Две доли»). В изд. 1900 (Ч. I. С. 73–74) стихотворение напечатано по неизвестному источнику под заглавием «Две доли» с разночтением:

23 Христа словами пробужденные,

Печатается с исправлением по изд. 1827: ст. 25 желанья → желания

Датируется по времени общения Боратынского с С. Д. Пономаревой, когда он мог записать стихотворение в ее альбом (см.: летопись. С. 20–21).

Русский инвалид. 1823. 9 июня. № 136. С. 544 (объявление о раздаче подписчикам «Новостей Литературы»).

Изд. 1869. С. 40–41 (текст, соответствующий тексту изд. 1835, под заглавием «Две доли»; так стихотворение напечатано в последующих изданиях до изд. 1914–1915; датировка: 1823; так же датировано в последующих изданиях), 192 (варианты ст. 6 «Новостей Литературы» и изд. 1827). -- изд. 1900. Ч. I. С. 13–74 (текст с разночтением в ст. 23). -- изд. 1914–1915. Т. I. С. 45–46 (текст «Новостей Литературы»), 236–237 (варианты изд. 1827 и изд. 1835). -- изд. 1936. Т. I. С. 15 (текст изд. 1835 под заглавием «Две доли»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до изд. 1982). – изд. 1982. С. 46 (текст изд. 1835 без заглавия; так же – в изд. 1989 и изд. 2000), 402, 590 (впервые отмечен автограф). -- летопись. С. 109 (датировка автографа: 1821, сентябрь–декабрь).

56

Когдаб вы менее прекрасной Случайно слыли у Молвы;

Когда-бы прелестью опасной Не столь опасны были вы.... Когда-б еще, сей голос нежной и томной пламень сих очей Любовью менее мятежной Могли грозить душе моей; Когда бы больше мне на долю Даров послал Цитерской богъ; Тогда я дал бы сердцу волю, Тогда любить я вас бы мог. Предаться нежному участию Мне тайной голос не велит...

И удивление – по щастью От стрел любви меня хранит.

<Осень 1821>

56. «Когдаб вы менее прекрасной...»

Печатается по автографу: РГАЛИ. ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 47 (подпись: Е. Б.).

Впервые опубликовано Н. В. Дризеню: Вестник Европы. 1894. Т. II (167). Кн. 3. Март. С. 438 – под редакторским заглавием «В Альбомъ» и с ошибкой в ст. 14 («тайно» вместо «тайный»).

Автограф неизвестен.

Печатается с исправлениями: ст. 1 мнье → менее -- ст. 13 предатся → предаться датируется по времени начала общения с С. Д. Пономаревой (летопись. С. 109).

Другие стихотворения, связанные с С. Д. Пономаревой, см.: №№ 42.2, 43, 57.2, 58.2,

59.2, 60, 61, 62.2, 64.2, 66.2.

Дризен 1894. С. 438 (первая публикация стихотворения). -- изд. 1894а. С. 403 (по публикации Дризена стихотворение впервые напечатано в собрании сочинений

Боратынского под заглавием «В Альбомъ», с повторением ошибки в ст. 14 и с новыми ошибками: ст. 2 «у Москвы» вместо «у Молвы» -- ст. 5 «Когда бы» вместо «Когда-бъ»;

под таким же заглавием стихотворение печаталось во всех последующих изданиях). -- изд. 1914–1915. Т. I. С. 41–48 (исправлены ошибки в ст. 5 и 14; сохранена ошибка в ст. 2), 238 (датировка: 1823). -- изд. 1936. Т. I. С. 282

(исправлена ошибка в ст. 2); Т. II. С. 285 (ошибка в ст. 2 приписана Дризеню). – изд. 1957. С. 378 (датировка: 1822). -- Вацуру 1979. С. 15–16 (фотокопия

карикатуры П. Л. Яковлева в альбоме ПД. № 9665: фронт ухаживает за красавицей; подпись под карикатурой: ст. 13–16 из стихотворения «Когда б вы менее

прекрасной...»).

240

С. Д. Пономарева

Миниатюра работы неизвестного художника (1810-е гг.) с крышки альбома С. Д. Пономаревой (РГАЛИ. ф. 1336. Оп. 1. № 45)

16. Боратынский. Том 1

57

1

Когда неопытен я был,  
У красоты самолюбивой, Мечтатель слишком прихотливой, Я за любовь любви молил;  
Я трепетал в тоске желанья У ног волшебниц молодых:  
Но тщетно взор во взорах их Искал ответа и узнанья!  
Огонь утих в моей крови; Покинув службу Купидона,  
Я променял сады любви На верх бесплодный Геликона. Но светлый мир уныл и пуст  
Когда душе ничто не мило:  
Руки пожатые заменило Мне поцелуй прекрасных уст.

<Эсень 1821; 1823–1826>

2

Ранняя редакция  
Слепой поклонник красоты,  
Любви и неги сын безпечный,  
Я нес ей в дар восторг сердечный И сладострастные мечты.  
Я трепетал в тоске желанья У ног волшебниц молодых;  
Но тщетно взор во взорах их Искал ответа и узнанья!  
Огонь утих в моей крови; Покинув знамя Купидона,  
Я променял альков любви

242

На верх бесплодный Геликона; Но светлый мир уныл и пуст Когда душе ничто не мило:

Руки пожатые заменило Мне поцелуй волшебных уст!

<Осень 1821>

3

Промежуточная редакция

Л-ой

Слепой поклонник красоты,  
На перебор моей судьбине,  
В нее я веровал до-ныне,  
Ей нес я в дар мои мечты,  
Я трепетал в тоске желанья У ног волшебниц молодых;  
Но тщетно взор во взорах их Искал ответа и узнанья!  
Огонь утих в моей крови, Покинув службу Купидона,  
Я променял сады любви На верх бесплодный Геликона.  
Но светлый мир уныл и пуст Когда душе ни что не мило:  
Руки пожатые заменило Мне поцелуй прекрасных уст.

<Осень 1821 – первая половина марта 1825>

37.1. «Когда неопытен я был...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 56 (№ XXXII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 111 (раздел «Смесь») – под заглавием «Л-ой» <А. В. Лутковской>.

Автограф ранней редакции см.: № 57.2.

16\*

243

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 26 (заглавие: «Замена»).

Печатается с исправлением: ст. 10 купидона → Купидона

37.2. «Слепой поклонник красоты...»

Печатается по автографу: РГАЛИ. ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 17 (подпись: Е. Б.).

Впервые опубликовано Н. В. Дризеню: Вестник Европы. 1894. Т. II (167). Кн. 3. С. 438 – без заглавия, с ошибкой в ст. 7 (сих вместо ихъ).

Печатается с исправлениями по тексту «Полярной Звезды» (см.: № 57.3): ст. 13 мир → мир -- ст. 16 поцелуй → поцелуй

Датируется по времени начала интенсивного общения с С. Д. Пономаревой; другие стихотворения, связанные с С. Д. Пономаревой, см.: №№ 42.2, 43, 56, 58.2, 59.2, 60, 61, 62.2, 64.2, 66.2.

57.3. Л-ой («Слепой поклонник красоты...»)

Печатается по тексту первой публикации: Полярная Звезда на 1825 год (ценз. разр.

и

ценз, билет 20 марта 1825). С. 276 (подпись: Б.; в оглавлении: Б го).

Адресат – А. В. Лутковская.

Датируется по времени между записью в альбоме С. Д. Пономаревой (см. № 57.2) и публикацией в «Полярной Звезде».

Северная Пчела. 1825. 21 марта. № 35. С. 1 (объявление о выходе и продаже

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
«Полярной Звезды на 1825 год»; впервые отмечено: Синявский, Цявловский 1914. С.  
24). -- Могиланский 1956. С. 394 (дата выдачи ценз, билета «Полярной Звезде»  
Изд. 1869. С. 65 (текст изд. 1835: «Л-ой»; датировка: 1825; так стихотворение  
напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915), 199 (варианты  
« Полярной Звезды» ). - - Дризен 1894. С. 438 (текст напечатан по автографу из  
альбома С. Д. Пономаревой). -- Изд. 1894а. С. 403 (текст, опубликованный Н. В.  
Дризенем, напечатан как отдельное стихотворение – наряду с текстом поздней  
редакции «Л-ой», напечатанным на с. 64–65). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 65  
(текст «Полярной Звезды» под заглавием «Л[утковск]ой»), 249 (варианты Изд. 1827,  
Изд. 1835 и публикации Н. В. Дризена; датировка: «не позже 1824-го»). -- Изд.  
1936. Т. / . С. 79 (текст изд. 1827 под заглавием «Л-ой»); Т. II. С. 243  
(датировка: 1821; сообщение о том, что автограф в альбоме С. Д. Пономаревой,  
находившийся тогда в Театральном музее им. А. А. Бахрушина, утрачен: «на месте  
вырванного № 14 – вкладка с указанием, что здесь было стихотворение “Слепой  
поклонник красоты...”»). -- Изд. 1951. С. 553 (текст изд. 1835 без заглавия). --  
Изд. 1957. С. 64 (текст изд. 1827 под заглавием «Л-ой»; датировка: 1820 или  
1821), 337 (варианты «Полярной Звезды»; автограф в альбоме С. Д. Пономаревой  
по-прежнему числится в числе утраченных). -- Изд. 1982. С. 41 (текст изд. 1835  
без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000), 396 (варианты «Полярной Звезды»  
и автографа в альбоме С. Д. Пономаревой), 588 (указано место хранения альбома С.  
Д. Пономаревой, содержащего вновь найденный автограф: ЦГАЛИ). --летопись. С. 109  
(датировка: 1821, сентябрь–декабрь).

58

и

О своенравная Аглая!

От всей души я вас люблю,  
Хотя другим не подражая, Довольно редко вас хвалю.  
На ваших ужинах веселых,  
Где любят смех, и даже шум,  
Где не кладут оков тяжелых Нам ни на сердце, ни на ум,  
Где для глупца или невежды Слов не размериваем мы,  
Я основал свои надежды И счастье нынешней зимы.  
Ни в чем не следуя пристрастью, Даете цену вы всему:  
И остроумью и уму,  
И удовольствию и счастью.  
Свет пренебрегши, в добрый час, И притеснительную моду,  
Всему и всем забавить вас 20 Вы дали полную свободу,  
И потому далеко прочь  
От вас бежит причудниц мука,  
Жеманства пасмурная дочь,  
Всегда зевающая скука.  
Иной порою, знаю сам,  
Я вас браню по пустякам. Простите мне мои укоры!  
Не ум один дивится вам,  
Опасны сердцу ваши взоры: Они лукавы, я слышал,  
И щекотливее другаго,  
От упоения слепаго

245

Спасти разсудок свой желал.  
Я в нем теперь едвали волен И часто пасмурный душой,  
За то я вами не доволен,  
Что не доволен сам собой.  
< зима 1821–1822; 1823–1826 >

2

Ранняя редакция

О своенравная София!

От всей души я вас люблю,  
Хотя и реже чем другия И неискусней вас хвалю.  
На ваших ужинах веселых,  
Где любят смех и даже шум, Где не кладут оков тяжелых Ни на уменье, ни на умь;  
Где для холопа иль невежды, Не притворяясь, часто мы Браним Указы и псалмы,  
Я основал мои надежды И щастье нынешней Зимы.  
Ни в чем не следуя пристрастью, Даете цену вы всему:  
Разсудку, шалости, уму,  
И удовольствию и щастью.  
Свет пренебрегши в доброй час И утеснительную моду,  
20 Всему и всем забавить вас Вы дали полную свободу;  
И потому далеко прочь



От вас бежит причудниц мука,  
Жеманства пасмурная дочь,  
Всегда зевающая Скука.  
Иной порою, знаю сам,  
246

Я вас браню по пустякамъ; Простите мне мои укоры:  
Не ум один дивится вам, Опасны сердцу ваши взоры.  
Они лукавы, я слыхаль;  
И все предвидя осторожно,  
От власти их когда возможно Спасти разсудок я желал.  
Я в нем теперь едва ли воленъ; И часто, пасмурный душой,  
За то я вами недоволен,  
Что недоволен сам собой.

<Зима 1821–1822>

58.1. «О своенравная Аглая!..»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 123–124 (№ LXVIII).

В Изд. 1827 (С. 148–149; раздел «Послания») – под заглавием «Аглае». Впервые опубликовано: Полярная Звезда на 1824 год (ценз. разр. и ценз, билет 20 декабря 1823). С. 27–28 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Аглае» с разночтениями: 8 ни на безумье, ни на умъ;

и я основал мои надежды  
12 и счастье будущей зимы.  
13 Разсудку, шалости, уму  
31 Самолюбивее друга,  
32 От упоения слепова,  
33 Спасти разсудок я желал.

Автограф ранней редакции см. № 58.2.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 70–70 об.  
(заглавие: «С. Д. П.»).

58.2. «О своенравная София!..»

Печатается по автографу: ПД. № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 16 (подпись: Е. Б.).

Впервые опубликовано М. Л. Гофманом: Изд. 1914–1915. Т. I. С. 54–55.

247

Печатается с исправлениями: ст. 5 веселых → веселых, -- ст. 9 или → иль -- ст. 13 щастъ → щастье -- ст. 31 лукавы → лукавы, -- ст. 37 недоволен → недоволен,

Датируется по упоминанию в ст. 12 автографа «нынешней Зимы»: единственная зима, когда Баратынский мог записать в альбом С. Д. Пономаревой это стихотворение, – зима 1821–1822 г. Другие стихотворения, связанные с С. Д. Пономаревой, см.: №№ 42.2, 43, 56, 57.2, 59.2, 60, 61, 62.2, 64.2, 66.2.

Сын Отечества. 1823. Ч. 89. № LI (номер датирован 22 декабря). С. 228–229 (в сноске к библиографической справке о «Полярной Звезде» – сообщение о продаже альманаха; впервые отмечено: Синявский, Цявловский 1914. С. 17–18). -- Могилянский 1956. С. 393 (дата выдачи ценз, билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 49–50 (текст Изд. 1827: «Аглае»; датировка: 1824; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915), 193 (варианты «Полярной Звезды»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 54–55 (текст автографа из альбома С. Д. Пономаревой; датировка: 1823; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях), 242–243 (варианты «Полярной Звезды», Изд. 1827 и Изд. 1835). -- Изд. 1936. Т. I. С. 98–99 (текст автографа из альбома С. Д. Пономаревой); Т. II. С. 249 (публикация в основном корпусе текстов ранней редакции стихотворения по автографу из альбома С. Д. Пономаревой некорректно мотивирована цензурными искажениями в прижизненных публикациях – повторено во всех последующих изданиях). -- Летопись. С. 109 (датировка: 1821, сентябрь – декабрь). -- Пильщиков 2000. С. 379–380 (отмечена некорректность утверждений о цензурных искажениях стихотворения в прижизненных публикациях).

59

1

Мне с упоением заметным Глаза поднять на вас беда:

Вы их встречаете всегда

С лицом сердитым, неприветным.

Я полон страстною тоской,

Но нет! разсудка не забуду И на нескромный пламень мой Ответа требовать не буду.

Не терпит Бог младых проказ Ланит увядших, впалых глаз: Надежды были-бы

напрасны И к вам не ими я влеком.

Любуюсь вами как цветком,

И счастлив тем, что вы прекрасны. Когда я в очи вам гляжу, Предавшись нежному

томленью, Слегка о прошлом я тужу,  
Но рад, что сердце нахожу Еще способным к упоенью.  
20 Меж мудрецами был чудак:  
«Я мыслю» пишет он, «и так Я несомненно существую.»  
Нет! любишь ты, и потому Ты существуешь: я пойму Скорее истину такую.  
Огнем похищенным с небес Япетов сын, гласит преданье, Одушевил свое созданье,  
И наказал его Зевес. Неумолимый, Прометей  
К скалам Кавказа приковал,  
И сердце вран ему клеваль;  
249

Но что-жь? несчастного жалея,  
Кто на Зевеса не роптал!  
В огне волшебных ваших взоров Я занял сердца бытие:  
Ваш гнев достойнее укоров,  
Чем дерзновение мое;  
Но нет, утешьтесь, шутка водит Моим проказливым пером:  
Я захожу в ваш милый дом,  
Как вольно думец в храм заходит. Душою праздный с давних пор,  
Еще твержу любовный вздор,  
Еще беру прельщенья меры,  
Как по привычке прежних дней,  
Он ароматы сжет без веры Богам, чужим душе своей.  
<Зима 1821–1822; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

К –

Зачем живья выраженья Моей приязни, каждый раз,  
В Вас возбуждают опасенья И возмущают даже Вас? Страшитесь Вы (страшитесь  
право), Не взволновали-ль Вы мне кровь И голос дружества любовь Не принимает ли  
лукаво?

Душа полна тоски ея;  
Но я разсудка не забуду И на смятение мое Ответа требовать не буду.

Не терпит бог молодых проказъ

Ланит увядших, впалых глаз. Надежды были бы напрасны!

Чтожь? Я не жалок и притом Любуюсь Вами, как цветком,  
Я счастлив тем, что Вы прекрасны. Когда я в очи Вам гляжу,

20 Предавшись нежному томленью, Слегка о прошлом я тужу;

Но рад, что сердце нахожу Еще способным к упоенью.

Межь мудрецами был чудак:

«Я мыслю» пишет он, «итак,

я несомненно существую!»

Нет, любишь ты и потому Ты существуешь – я пойму Скорее истину такую, Огнем,  
похищенным с небес, Одушевил свое созданье Япетов сын – и в наказанье Жестокой,  
мстительный Зевес К вершине дикаго Кавказа Его цепями приковаль;

Вран сердце грызть ему летал.

Кто от единого рассказа Не цепенел, не трепеталь?

И Вы трепещете; но что же?

40 В огне любезных мне очей Я занял жизнь души моей.

За это мстили Вы мне тоже И также ради мстить, ей ей!

Но в жар краса меня не вводит: Тяжелый опыт взял своё.

Я захожу в приют её,

Как вольно думец в храм заходит. Душою праздный с давних пор, Вам лепечу я  
нежный вздор:

251

50 Увы! беру прельщенья меры,

Как он порою в храме том Благоуханья сжет без Веры,

Пред сердцу чуждым Божеством.

<Зима 1821–1822>

59.1. «Мне с упоением заметным...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 40–42 (№ XXI).

В этой редакции стихотворение впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 169–171

(раздел «Послания») – под заглавием «К ...» с вероятной опечаткой в ст. 44

(«любезный вздоръ» вместо «любовный вздоръ») и с разночтением:

32 Вран сердце грызть ему леталь;

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 121 об. – 122 об.

(заглавие: «К ...») – с разночтениями:

33 Но дерзость жертвы разумея

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский

34 Кто приговор не осуждал?

38 Чем преступление мое.

39 Но не сержусь я, шутка водить

40 Моим догадливым пером.

Печатается с исправлениями по Изд. 1827: ст. 14 тем → тем, -- ст. 18 рад →

рад, -- ст. 48 Богам → Богам,

59.2. К – («Зачем живыя выраженья...»)

Печатается по тексту первой публикации: Новости Литературы. 1824. Кн. IX. Июль

(ценз. разр. 20 августа; номер вышел в первой половине сентября). С. 40–41

(подпись: Б-ский).

Перепечатано: Собрание Новых Русских Стихотворений. СПб., 1826. ч. 2. С. 115–117

(подпись: Баратынский) – под заглавием «К –» (в оглавлении: «К \*\*\*»).

Печатается с исправлением: ст. 5 право) → право),

Датируется по соотношению стихотворения с другими стихотворениями, связанными с

С. Д. Пономаревой, адресатом стихотворения – см.: №№ 42.2, 43, 56, 57.2,

58.2. 60, 61, 62.2, 64.2, 66.2.

Литературные Листки. 1824. ч. III. № XVII (ценз. разр. 17 сентября). С. 152–166

(рецензия Ф. В. Булгарина на июльскую книжку «Новостей Литературы»; на с. 152

сказано, что «Новости Литературы» вышли в сентябре). -- Памяти декабристов. Л.,

1926. [Т.] 1. С. 69 (запись в памятной книжке А. А. Бестужева, датированная 14

сентября 1824: «Письмо бранное

252

к Воейкову за Разбойниковъ»; имеется в виду обширная цитата из еще не

опубликованной поэмы А. С. Пушкина «Братья-разбойники» в статье А. Ф. Воейкова

«Путешествие из Саренты на развалины Шери-Сарая...», напечатанной в июльском

номере «Новостей Литературы»). -- Предлагавшиеся ранее датировки выхода

«Новостей Литературы»: 20–26 августа (Цявловский 1951. С. 509) и 3 ноября

(Могилянский 1956. С. 395) – некорректны: первая из них основана на неверном

предположении о том, что каждый номер «Новостей Литературы» выходил до того, как

дано цензурное разрешение следующему номеру, а вторая является результатом

библиографической путаницы: июльский номер открывает IX книгу (= часть)

«Новостей Литературы», а 3 ноября, видимо, был выдан цензорский билет IX книжке

(= сентябрьскому номеру) журнала, вышедшей 12 ноября (см.: Русский Инвалид.

1824. № 267. С. 1068).

Изд. 1869. С. 54–55 (текст поздней редакции, соответствующий копии Н. Л.

Баратынской, под заглавием «Г. З.» <Графине Закревской> – ошибочная адресация;

так же, но с вариациями заглавия, стихотворение печаталось в последующих

изданиях, кроме Изд. 1914–1915; датировка: 1824; так же датировано в последующих

изданиях), 195–196 (варианты «Новостей Литературы», Изд. 1827 и Изд. 1835). --

Изд. 1884. С. 80–81 (текст Изд. 1869). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 60–61 (текст

«Новостей Литературы» под заглавием «К –»), 245–246 (варианты Изд. 1827, Изд.

1835 и Изд. 1835; отмечено, что варианты Изд. 1869 совпадают с вариантами копии

Н. Л. Баратынской; отмечена перепечатка в «Собрании Новых Русских

Стихотворений»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 114–115 (текст Изд. 1884 под заглавием

«К ....» с произвольной пунктуацией в ст. 29–30: «И наказал его Зевес / /

Неумолимый, Прометея» – повторено в последующих изданиях); Т. II. С. 131–132

(текст «Новостей Литературы»), 254 (отмечена ошибочность предположения о том, что

стихотворение адресовано А. Ф. Закревской). -- Изд. 1937. С. 110–111 (текст Изд.

1884 под заглавием «К \*\*\*»). -- Изд. 1951. С. 134–135 (текст под заглавием «К

...»; так же – в Изд. 1957). -- Изд. 1957. С. 345 (предположение о том, что

стихотворение адресовано С. Д. Пономаревой). -- Изд. 1982. С. 32–33 (текст,

соответствующий тексту Изд. 1869, напечатан без заглавия и без указания в

комментариях, по какому источнику печатается; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000),

391–392 (варианты «Новостей Литературы», Изд. 1827 и Изд. 1835). -- Изд. 1989.

С. 121 (произвольная датировка: между январем и июнем 1824). -- Летопись. С. 109

(датировка: 1821, сентябрь – декабрь). -- Пильщиков 2000. С. 387–388 (отмечена

неточность в публикациях ст. 29–30).

60

Неизвинительной ошибкой, Скажите, долго-ль будет вам Внимать с холодною улыбкой

Любви укорам и мольбама?

Одне победы вам известны; Любовь нечаянно узнав,

Каких лишитесь вы прав и меньше-ль будете прелестны?

Ко мне примерно нежной став, Вы наслажденья лишены-ли: Дурачить пленников

других и гордой быть, как прежде были, К толпе соперников моих? Еще-же нужно

размышленье! Любви простое упоенье Вас не доводит до вполне;

Но с упоеньем поклоненье Соединить не трудно мне;

И ваш угодник постоянной

20 Попеременно я-бы мог

Быть с вами запросто в диванной, В гостиной быть у ваших ног.

<Зима 1821–1822>

60. «Неизвинительной ошибкой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 61–62 (№ XXXIV).

Впервые опубликовано: Полярная звезда на 1825 год (ценз. разр. и ценз, билет 20 марта 1825). С. 190–191 (подпись: Б.) – под заглавием «К жестокой» с

разночтениями:

14 Еще ли нужно размышленье!

17 Но с негой страстной поклоненье

В Изд. 1827 (С. 86–87; раздел «Смесь») стихотворение напечатано под тем же заглавием «К жестокой» с теми же разночтениями.

254

По Изд. 1827 перепечатано: Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 84–85 (подпись: Баратынский) – под тем же заглавием и с искажением в ст. 19 («И вамъ» вместо «И вашъ»).

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 64 (заглавие: «С. Д. П.») – с разночтением:

\*2 И строгой быть как прежде были,

Датируется по соотношению с другими стихотворениями, связанными с С. Д. Пономаревой, адресатом стихотворения – см.: №№ 42.2, 43, 56, 57.2, 58.2, 59.2, 61, 62.2, 64.2, 66.2.

Северная Пчела. 1825. 21 марта. № 35. С. 1 (объявление о выходе и продаже

«Полярной Звезды»; впервые отмечено: Синявский, Цявловский 1914. С. 24). --

Могилянский 1956. С. 394 (дата выдачи ценз, билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 84 (текст под заглавием «С. Д. П.» с разночтениями: ст. 12 – так

же, как в копии Н. Л. Боратынской; ст. 14 – так же, как в «Полярной Звезде» и

Изд. 1827; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в

последующих изданиях до Изд. 1914–1915), 204 (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835 в

ст. 12 и 17). -- Изд. 1884. С. 135 (текст Изд. 1869 под заглавием «С. Д. П.» с

произвольной пунктуацией в ст. 9 : «Ко мне, примерно, нежной ставъ» – так же в

Изд. 1951 и последующих изданиях). -- Изд. 1914–1915. Т. /. С. 59–60 (текст

«Полярной Звезды»), 244–245 (варианты Изд. 1827, Изд. 1835 и копии Н. Л.

Боратынской; по заглавию «С. Д. П.» определен адресат: С. Д. Пономарева;

датировка: не позже первой половины 1824; отмечена перепечатка в «Венере»). --

Изд. 1936. Т. I. С. 58 (текст Изд. 1884 под заглавием «К жестокой»; так

стихотворение печаталось до Изд. 1957). -- Изд. 1957. С. 88–89 (текст

напечатан, как сказано в комментарии на с. 342, по Изд. 1835, но под заглавием

«К жестокой», а в ст. 12 вместо «гордой», как в Изд. 1835, – «строгой», как в

копии Н. Л. Боратынской и в первых посмертных изданиях), 342 (датировка:

1822–1823; так же датировано в Изд. 1989). -- Изд. 1982. С. 45 (текст Изд. 1835

без заглавия и без путаницы в ст. 12; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000), 402

(варианты «Полярной Звезды», Изд. 1827 и Изд. 1884, с указанием несуществующего

разночтения в ст. 13; так же – в Изд. 2000). -- Летопись. С. 109 (датировка:

1821, сентябрь–декабрь). -- Пильщиков 2000. С. 381 (отмечена ошибочность

пунктуации ст. 9 в Изд. 1884 и позднейших изданиях).

61

Я безразсуден – и не диво!

Но разсудителен ли ты,

Всегда преследуя ревниво Мои любимыя мечты?

«Не для нее прямое чувство:

«Одно коварное искусство «Я вижу в Делии твоей;

«Не верь прелестнице лукавой! «Самолюбивую забавой «Твои восторги служат ей.»

Не обнаружу я досады,

И пронизательность твоя Хвалы достойна, верю я;

Но не находит в ней отрады Душа смятенная моя.

Я вспоминаю голос нежный Шалуни ласковой моей,

Речей открытых склад небрежный, Огонь ланит, огонь очей;

20 Я вспоминаю день разлуки, Последний, долгий разговор,

И полный неги, полный муки,

На мне покоившийся взоръ;

Я перечитываю строки,

Где, увлечения полна,

В любви счастливые уроки Мне самому дает она,

И говорю в тоске глубокой:

«Уже-ль обманут я жестокой?

30 «Или все, все в безумном сне «Безумно чудилось мне?

«О, страшно мне разуверенье,  
«И об одном мольба моя:

256

«Да вечным будет заблужденье,  
«Да век безумцем буду я»...

Когда же с верою напрасной Взываю я к судьбе глухой,  
И вскоре опыт роковой Очам доставит свет ужасной,  
40 Пойду я странником тогда На край земли, туда, туда,  
Где вечный холод обитает,  
Где по неволе стынет кровь,  
Где, может быть, сама любовь В озяблом сердце потухает—

Иль нет: подумавши путем,  
Останусь я в углу своем,

Скажу вздохнув: «Горюн неловкой! Грусть простодушная смешна;  
50 Не лучше-ль плутом быть с плутовкой, Шутить любовью, как она?  
я об обманщице тоскую:

Как здоровым смыслом я убог!

Уже-ль обманщицу другую Мне не пошлет в отраду Бог?»

<Зима 1821–1822>

б1. «Я безразсуден – и не диво!..»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 157–159 (№ LXXXIX).

Впервые опубликовано: Полярная Звезда на 1825 год (ценз. разр. и ценз, билет  
20 марта 1825). С. 148–150 (подпись: Б.; в оглавлении: Б го) – под  
заглавием

«Д – у» с опечаткой в ст. 21 («Последней») и с разночтениями:

Иль всё досель в безумном сне 47 Останусь я в углу моемъ

в Изд. 1827 (С. 119–121; раздел «Смесь»), где напечатано под заглавием «Д–гу» с  
другими разночтениями:

17. Боратынский. Том 1

51 Шутить с любовью, как она?

55 Мне не пошлетъ в отраду рокъ?

257

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 68 – 68 об.  
(заглавие: «Д...») – с разночтением:

v Душа стесненная моя.

Печатается с исправлением: в конце ст. 55 поставлены кавычки.

Адресат – А. А. Дельвиг.

Датируется по времени общения Боратынского с С. Д. Пономаревой – героиней  
стихотворения (см.: Летопись. С. 111).

Северная Пчела. 1825. 21 марта. 35. С. 1 (объявление о выходе и продаже «Полярной  
Звезды»; впервые отмечено: Синявский, Цявловский 1914. С. 24). -- Могилянский  
1956. С. 394 (дата выдачи ценз, билета «Полярной Звезде»).

Изд. 1869. С. 63–65 (текст изд. 1835; датировка: 1825; так стихотворение  
напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915), 199 (варианты  
«Полярной Звезды»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 78–80 (текст «Полярной Звезды»;  
датировка: 1824), 256 (варианты изд. 1827, изд. 1835 и копии Н. Л. Боратынской).

-- Изд. 1936. Т. I. С. 87–88 (текст изд. 1835 под заглавием «Дельвигу»; так  
стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1957); Т. II. С. 245  
(предположение: «под именем Делии имеется в виду С. Д. Пономарева»). -- Изд.  
1957. С. 116–118 (текст изд. 1835 под заглавием «Д – гу»; датировка: 1825). --  
Изд. 1982. С. 105–106 (текст изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд.  
2000). -- Изд. 1989. С. 114 (датировка: <1824>). -- Вацуру. СДП. С. 198

(датировка: «не позднее 1823»). -- Летопись. С. 111 (датировка: 1821,  
сентябрь–декабрь).

62

и

Любви приметы я не забыл,  
я ей служил в былые леты!

В ней говорит И жар ланит И вздох случайной....

О! я знаком С сим языком Любви тайной!

В душе твоей Ужь нет покоя;

Давным давно я читаю в ней:

Любви приметы я не забыл,

я ей служил в былые леты!

<До начала марта 1822; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

Догадка

Любви приметы я не забыль;  
я ей служил в былые леты.  
В ней говорит и жар ланит и вздох случайной.

17\*

259

О! я знаком с сим языком любви тайной.

Ты вся в огне,

Бедняжка Скромность! Сих взоров томность Понятна мне.

Любви приметы я не забыль;

я ей служил в былые леты.

<До начала марта 1822>

62.1. «Любви приметы...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 32 (№ XVI).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 59 (раздел «Элегии. книга третья») – под заглавием «Догадка».

По Изд. 1827 перепечатано: Эвтерпа. М., 1831. С. 22–23 (подпись: Е. Баратынский)

– под заглавием «Догадка». Из «Эвтерпы» перепечатано: Песни, Романсы и куплеты

из Водевилей. М., 1833. С. 73–74 (подпись: Е. Баратынский) – под тем же

заглавием.

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 26 об. (заглавие:

«Любви приметы»). Копия Софьи Львовны Путята: РГАЛИ. ф. 394. Оп. 1 № 170. л. 21

об. (без заглавия). Еще одна копия: РГАЛИ. ф. 51. Оп. 1. № 198. л. 75 (заглавие:

«Догадка»).

62.2. Догадка («Любви приметы...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № XI

(вышел 16 марта). С. 443 (подпись: Б.) – опубликовано вместе со стихотворениями

«Поцелуй» и «Возвращение» (см.: №№ 63, 64.2). Перед публикацией в

«Благонамеренном» – 9 марта 1822 г. – А. Е. Измайлов читал все три стихотворения

в собрании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (см.:

Вацуро. СДП. С. 192–193).

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. ф. 33. Оп. 1. № 39. л. 137 (без

заглавия; подписано: Боратынской) – копия сделана, очевидно, до знакомства с

Боратынским по «Благонамеренному», с перестановкой ст. 11 и 12 («Бедняжка

Скромность // Ты вся в огне») и с ошибкой в ст. 5 («В нихъ» вместо «В ней»).

Печатается с исправлением по Изд. 1827 и Изд. 1835: ст. 4 и 18 былые → былые

Датируется по времени чтения стихотворения в Вольном обществе любителей

словесности, наук и художеств. Не исключено, что А. Е. Измайлов получил все три

сти

260

стихотворения, читанные им 9 марта, от С. Д. Пономаревой. Другие стихотворения,

связанные с С. Д. Пономаревой, – см. №№ 42.2; 43; 56; 57.2; 58.2; 59.2; 60; 61;

63; 64.2; 65.2.

Изд. 1869. С. 81 (текст поздней редакции без заглавия; датировка: 1827; так

стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915).

-- Брюсов 1899. С. 439, 440 (отмечена публикация в «Благонамеренном»; приведены

варианты «Благонамеренного»), -- Изд. 1914–1915. Т. 1. С. 36 (текст

«Благонамеренного»: «Догадка»; датировка: 1822; так стихотворение датировано в

последующих изданиях), 231 (варианты изд. 1827 и изд. 1835; учтена перепечатка в

«Эвтерпе»; отмечен автограф ранней редакции стихотворения в Казанском домашнем

архиве Боратынских: «тетрадь Н. Л. Боратынской <...> стр. 180»; современное

местонахождение автографа неизвестно). -- Изд. 1936. Т. I. С. 38 (текст Изд.

1827: «Догадка»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд.

1982). -- Изд. 1982. С. 21 (текст Изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и

Изд. 2000), 582 (ошибочная справка: «Автограф – ПД»; повторено в Изд. 1989. С.

399 и в Изд. 2000. С. 455).

63

На крови ближнего селенья Нисходит вечеръ; день погас. Покинем рощу, где для нас  
часы летели как мгновенья!

Лель улыбнись, когда из ней случилось девице моей У несть во взорах пламень

томный, Мечту любви в душе своей И в волосах листок нескромный.

<До начала марта 1822>

63. «На крови ближнего селенья...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 96 (№ LV).

Впервые опубликовано: Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № XI (вышел 16 марта). С.

444 (подпись: Б.) – под заглавием «Возвращение», вместе со стихотворениями

«Догадка» и «Поцелуй» (см. №№ 62, 64). Перед публикацией в «Благонамеренном» – 9

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
марта 1822 г. – А. Е. Измайлов читал все три стихотворения в собрании Вольного  
общества любителей словесности, наук и художеств (см.: Вацуру. СДП.  
С. 192–193).

В изд. 1827 (С. 61; раздел «Элегии. Книга третья») напечатано под тем же  
заглавием «Возвращение»; в оглавлении: «Возвращение (подражание <так>  
Милльвеа)».

Из «Благонамеренного» перепечатано: Опыт Русской Анфологии. М., 1828. С. 123  
(подпись: Баратынский) – под заглавием «Возвращение».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Раздел «Элегии». Л.  
5 об. (шифр и нумерация листов до 1999 г.: № 21733. Л. 15; заглавие: «Роща»); в  
ст. 6, как и в прижизненных изданиях: «Случилось».

В изд. 1884 (С. 130) стихотворение напечатано под заглавием «Возвращение  
(Подражание Мильвеа)» – с разночтением:

6 Случится девице моей

Чтение «Случится» принято во всех последующих изданиях – см. библиографическую  
справку в последнем абзаце настоящего примечания.

О датировке см. примечание к № 62.2.

262

Изд. 1869. С. 82 (текст под заглавием «Возвращение (Подражание <так> Мильвеа)»;  
в ст. 6: «Случилось»; датировка: 1827; так же датировано в последующих изданиях  
до изд. 1914–1915). -- Изд. 1884. С. 130 (текст под заглавием «Возвращение  
(Подражание Мильвеа)»; в ст. 6: «Случится»). -- Брюсов 1899. С. 439 (отмечена  
публикация в «Благонамеренном»). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 31 (текст  
«Благонамеренного»; датировка: 1822; так же датировано в последующих изданиях),  
232 (отмечено разночтение Изд. 1884 в ст. 6: «Случится»; датировка: 1822;  
указана перепечатка в «Опыте Русской Анфологии»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 40  
(текст под заглавием «Возвращение»; в ст. 6: «Случится»; так же – в последующих  
изданиях до изд. 1982); Т. II. С. 233 (отмечено, что текст печатается «по изд.  
1835 с поправкой ст. 6 по копии Н. Л. Боратынской» – со ссылкой на ПД, без  
указания шифра). -- Изд. 1957. С. 86 (текст под заглавием «Возвращение»; в ст.  
6: «Случится»), 342 (указано, что текст печатается по изд. 1827 «с исправлением  
по копии Н. Л. Боратынской (ИРЛИ, 21733, „Элегии“, л. 15) грамматической ошибки  
в стихе 6-м» – повторено в изд. 1989. С. 399; эти указания некорректны,  
поскольку в ст. 6 указанной копии читается: «Случилось»). -- Изд. 1982. С. 66  
(текст изд. 1835 без заглавия; в ст. 6: «Случится»; так же – в изд. 1989 и в  
изд. 2000). -- Пильщиков 2000. С. 378 (обоснована правомерность чтения  
«Случилось» в ст. 6).

64

и

Сей поцелуй, дарованный тобой, Преследует мое воображенье:

И в шуме дня и в тишине ночной Я чувствую его напечатленье!

Сойдетъ-ли сон и взор сомкнетъ-ли мой, Мне снишься ты, мне снится наслажденье;  
Обман исчез, нет счастья! и со мной Одна любовь, одно изнеможенье.

<До начала марта 1822; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

Поцелуй

(Дориде)

Сей поцелуй, дарованный тобой, Преследует мое воображенье;

И в шуме дня и в тишине ночной Я чувствую его напечатленье.

Случайным сном забудусь ли порой – Мне снишься ты, мне снится наслажденье.

Блаженствую, обманутый мечтой,

Но в тот же миг встречаю пробужденье. Обман исчез, один я, и со мной Одна  
любовь, одно изнеможенье.

<До начала марта 1822>

64.1. «Сей поцелуй, дарованный тобой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 100 (№ LVII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 51 (раздел «Элегии. Книга  
третья») – под заглавием «Поцелуй».

264

По изд. 1827 перепечатано под заглавием «Поцелуй»: Опыт Русской Анфологии. СПб.,  
1828. С. 163 (подпись: Баратынский); Венера. М., 1831. Ч. 2. С. 33 (подпись:  
Баратынский); Дамский Альбом. СПб., 1844. С. 149 (подпись: Баратынского).

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 42. Л. 10 (заглавие:  
«Поцелуй»).

Печатается с исправлением: ст. 6 снишься → снишься

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский 64.2. Поцелуй (Дориде) («Сей поцелуй, дарованный тобой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Благонамеренный. 1822. ч. 17. № XI (вышел 16 марта). С. 444 (подпись: Б.) – опубликовано вместе со стихотворениями «Догадка» и «Возвращение» (см. №№ 62, 63). Перед публикацией в «Благонамеренном» – 9 марта 1822 г. – А. Е. Измайлов читал все три стихотворения в собрании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (см.: Вацуро. СДП. С. 192–193).

Печатается с исправлениями по Изд. 1827 и Изд. 1835: ст. 1 поцелуй дарованный тобой → поцелуй, дарованный тобой, -- ст. 6 снятся → снится 0 датировке см. примечание № 62.2.

Изд. 1869. С. 81 (текст поздней редакции без заглавия; датировка: 1827; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915). -- Брюсов 1899. С. 439 (отмечена публикация в «Благонамеренном»), 440 (текст «Благонамеренного»). -- Изд. 1914 – 1915. Т. I. С. 36 (текст «Благонамеренного»), 232 (варианты изд. 1827 и изд. 1835; датировка: 1822; отмечена перепечатка в «Венере»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 30 (текст Изд. 1827: «Поцелуй»; так же – в последующих изданиях до Изд. 1982); Т. II. С. ИЗ (варианты «Благонамеренного»). -- Изд. 1982. С. 69 (текст Изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000).

65

и

Зачем, о Делия! сердца младья, ты Игрой любви и сладострастья Исполнить силишься мучительной мечты Недосягаемого счастья?

Я видел вокруг тебя поклонников твоих, Полуизсохших в страсти жадной: Достигнув их любви, любовным клятвам их внимаешь ты с улыбкой хладной. Обманывай слепцов и смейся их судьбе: Теперь душа твоя в покое;

Придется некогда изведать и тебе Очарованье роковое!

Но опасаясь насмешливых сетей,

Быть может, избранный тобою Уже не вверится огню любви твоей,

Не тронется ея тоскою.

Когда-жь пора придет, и розы красоты, Вседневно свежестью беднея,

Погибнут, отвечай: к чему прибегнешь ты,

20 к чему, безчарная Цирцея?

Искусством округлишь ты высохшую грудь, Худыя щеки нарумянишь,

Дитя крылатое захочешь, как нибудь,

Вновь приманить Но не приманишь!

В замену снов младых тебе не обрести Покоя, поздних лет отрады,

Куда-бы ни пошла, взроются на пути Самолюбивыя досады!

Немирного душой, на мирном ложе сна, Так убегает усыпленье,

И где для каждого доступна тишина,

Страдальца ждет одно волнение.

<Март – начало августа 1822; 1823–1826>

266

2

Ранняя редакция

Дориде

За чем нескромностью двусмысленных речей, Руки всечасным пожиманьем, Притворным пламенем коварных сих очей, Для всех увлажненных желаньем, Знакомить юношей с волнением любви,

Их обольщать надеждой счастья и разжигать шутя в смятенной их крови Безплодный пламень сладострастья?

Он незнаком тебе, мятежный пламень сей; Тебе неведомое чувство

Вливает в душу их, невольницу страстей,

Твое коварное искусство.

Я видел вокруг тебя поклонников твоих, Полуизсохших в страсти жадной; Достигнув их любви, любовным клятвам их внимаешь ты с улыбкой хладной!

Не верь судьбе слепой, не верь самой себе: Теперь душа твоя в покое;

Придется некогда изведать и тебе 20 Любви безумье роковое!

Но избранный тобой, страшась знакомых бед, Твой нежный взор без чувства встретит и недоверчивый, на пылкой твой привет Улыбкой горькою ответит.

Когда же в зиму дней все розы красоты Похитит жребий ненавистной,

Скажи, увядшая, кого посмеешь ты Молить о дружбе безкорыстной?

Обидной жалости предметом жалким став, В унынье все тебя оденеть;

Исчезнет легкий рой веселий и забав,

Толпа ласкателей изменить;

Изменит и покой, услада поздних лет!

267

Как дочери ада – Евмениды,



Повсюду жадныя тебе помчатся в след, Самолюбивыя обиды.  
Немирного душой, на мирном ложе сна, Так убегает усыпленье,  
И где для смертных всех доступна тишина, 40 Страдальца ждет одно волнение!

<Март – начало августа 1822>

65.1. «Зачем, о Делия! сердца младыя, ты...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 33–34 (№ XVII).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 55–56 (раздел «Элегии. Книга третья») – под заглавием «Делии» с разночтениями:

и Придется некогда, придется и тебе

12 Узнать пристрастье роковое!

25 В замену благ младых тебе не обрести

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской: Пд. Ф. 33. Оп. 1. № 42. л. 14 об. – 15

(заглавие: «С. Д. П.»), л. 112 об. – 113 (без заглавия).

Печатается с исправлениями: ст. и некогда, –» некогда (как в ст. 19 ранней редакции – см. № 65.2) -- ст. 13 Не опасайся → Но опасаяся (Но – по аналогии со ст. 21 ранней редакции; опасаяся – как в Изд. 1827) -- ст. 20 К чему → К чему,

65.2. Дориде («За чем нескромностью двусмысленных речей...»)

Печатается по тексту первой публикации: Новости Литературы. 1822. Кн. I. № VIII (ценз. разр. I августа; вышли 12 августа). С. 126–127 (подпись: Баратынский).

Из «Новостей Литературы» перепечатано под заглавием «Дориде»: Новые Аони- ды на 1823 год. М., 1823 (ценз. разр. 9 января 1823). С. 96–98 (подпись: Баратынский) – с опечаткой в ст. 1 («двусмысленных») и с иной пунктуацией в ст. 28– 29

(«Молит о дружбе безкорыстной, // Обидной жалости предметом жалким ставъ?»);

Собрание Новых Русских Стихотворений. СПб., 1824. Ч. 1. С. 235–236 (подпись: Баратынский).

Печатается с исправлением опечатки: ст. 26 похотит → похитит (впервые исправлено в «Новых Аонидах»). – Начиная с Изд. 1914–1915 (Т. I. С. 35) в собраниях сочинений Боратынского (за исключением Изд. 1936. Т. II. С. 114) текст ранней редакции стихотворения печатается с теми же пунктуационными изменениями в ст. 28– 29, что и в «Новых Аонидах», для чего нет иных оснований, кроме согласования пунктуации стихотворения с позднейшими стилистическими нормами: независимый деэпри

268

частный оборот, предполагаемый пунктуацией «Новостей Литературы» («Обидной жалости предметом жалким став, // В унынье все тебя оденеть»), – нормальное явление для поэтического языка Боратынского (ср. в настоящем издании: № 34, ст. 8–9; № 128, ст. 61–64).

Датируется, во-первых, по соотношению с другими стихотворениями, связанными с адресатом – С. Д. Пономаревой (см. №№ 42.2; 43; 56; 57.2; 58.2; 59.2; 60; 61; 62.2; 64.2), во-вторых, по времени первой публикации в «Новостях Литературы».

Русский инвалид. 1822. 12 августа. № 189. С. 756 (объявление о раздаче подписчикам «Новостей Литературы»).

Изд. 1869. С. 34–35 (текст поздней редакции под заглавием «К Делие»; датировка: 1822; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915; в ст. 13: «Не опасаяся» – повторено во всех последующих изданиях),

189 (варианты «Новостей Литературы» и Изд. 1827). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 34–35 (текст «Новостей Литературы» под заглавием «Дориде»; датировка: 1821),

180–181 (текст Изд. 1827 под заглавием «Делии»), 231 (учтены перепечатки в «Новых Аонидах» и в «Собрании Новых Русских Стихотворений»), 313 (варианты Изд. 1835 в сравнении с Изд. 1827). -- Изд. 1936. Т. I. С. 33 (текст Изд. 1835 под

заглавием «Делии»; так стихотворение печаталось в последующих изданиях до Изд. 1982); Т. II. С. из–114 (текст «Новостей Литературы»), 232 (отмечена копия Н. Л.

Боратынской под заглавием «С. Д. П.»; раскрыты инициалы: С. Д. Пономарева). -- Изд. 1937. С. 19 (датировка: <1822>; так же датировано в последующих изданиях).

-- Изд. 1982. С. 28 (текст Изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- Изд. 1989. С. 96 (датировка: <1822>, <1826>). -- Летопись. С. 112

(датировка: 1822, март, вторая половина ? – май ?).

66

На звук цевницы голосистой, Толпой забав окружена,  
Летит прекрасная весна; Благоухает воздух чистой,  
Земля воздвиглась ото сна.

Утихли вьюги и мятели,

Текут потоками снега;

Опять в горах трубят рога, Опять зефиры налетели На,обновленные луга.

Над урной мшистою Наяда Проснулась в сумраке ветвей, Стрясает иinei с кудрей,  
И разломав оковы хлада, Заговорил ея ручей.

Восторги дух мой пробудили! Звучат и блещут небеса; Певцов пернатых голоса,

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский

Пастушьи песни огласили 20 Долины, горы и леса.

Лишь ты, увядающая Климена,

Лишь ты в печаль облечена, Весны не празднуешь одна!

Тобою младости измена Еще судьбе не прощена!

Унынье в грудь к тебе теснится, Не видишь ты красоты лугов.

О если-б щедростью богов Могла ко смертным возвратиться Пора любви с порой цветов!

<До середины апреля 1822>

270

66. «На звук цевницы голосистой...»

Печатается по: Изд. 1835. Ч. I. С. 183–184 (№ СИУ).

в Изд. 1827. С. 77–78 (раздел «Смесь») – под заглавием «Весна».

Впервые опубликовано: Полярная Звезда на 1823 год (ценз. разр. 30 ноября; ценз, билет 22 декабря; вышла к 29 декабря 1822). С. 85–86 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Весна» с разночтениями:

14 И, разорвав оковы хлада,

18 Певцов крылатых голоса,

22 Лишь ты в тоску облечена!

26 Роптанье в грудь к тебе теснится;

28 Ах, если б щедростью богов,

Из «Полярной Звезды» перепечатано: Собрание Образцовых Русских Сочинений и

Переводов в Стихах. Изд. 2-е. СПб., 1822. Ч. 5. С. 35–36 (подпись: Баратынский) – под заглавием «Весна».

Автограф неизвестен.

Копия Настасьи Львовны Боратынской: Пд. ф. 33. Оп. 1. № 42. л. и об. – 12

(заглавие: «Весна»).

Датируется по времени чтения стихотворения в Вольном обществе любителей русской словесности 17 апреля 1822 г. под заглавием «Весна» (резолюция: «Одобрено. Избр. больш. гол.» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 415).

Русский инвалид. 1822. 29 декабря. № 305. С. 1220 и Санктпетербургские ведомости.

1822. 29 декабря. № 104. Первое прибавление С. 1345 (объявления о выходе

«Полярной Звезды»; впервые отмечено: Синаевский, Цявловский 1914. С. 14). --

Могилянский 1956. С. 393 (дата выхода «Полярной Звезды»).

Изд. 1869. С. 36–31 (текст, соответствующий тексту Изд. 1827 и Изд. 1835, под заглавием «Весна»; датировка: 1823; так стихотворение напечатано и датировано в последующих изданиях до Изд. 1914–1915), 190 (варианты «Полярной Звезды» в ст. 26 и 28). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 31–38 (текст «Полярной Звезды»), 232 (варианты Изд. 1827 и Изд. 1835; датировка: «не позже 1822»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 50–51 (текст Изд. 1835 под заглавием «Весна»; так стихотворение печаталось до Изд. 1982); Т. II. С. 231 (неточность в указании даты чтения стихотворения в ВОЛРС: 1820 – эта дата относится к стихотворению «Весна»: «Мечты волшебная, вы скрылись от очей!..» – см. в настоящем издании № 24). -- Изд. 1951. С. 81 (датировка: 1822), 342 (со ссылкой на документы ВОЛРС. С. 316 отмечено чтение

стихотворения в ВОЛРС 17 апреля 1822 г.). -- Изд. 1982. С. 120–121 (текст Изд. 1835 без заглавия; так же – в Изд. 1989 и Изд. 2000). -- Изд. 1989. С. 91 (датировка: март – первая половина апреля 1822).

67

Сестре  
И ты покинула семейный, мирный кругъ;  
Ни степи, ни леса тебя не задержали?  
И ты летишь ко мне на глас моей печали – О милая сестра, о мой вернейший друг!  
Я узнаю тебя, мой Ангель-утешитель, Наперсница души от колыбельных дней;  
Не тщетно нежности я веровал твоей,  
Тогда еще, тогда достойный их ценитель!... Приди жь – и радость призови В  
приют мой, радостью забытой; Повей отрадою душе моей убитой И сердце мне согрей  
дыханием любви!

Как чистая роса живет своей прохладой Среди нагих степей спасительной усладой –  
Так оживишь мне чувства ты.

<Июнь-июль 1822>

67. Сестре («И ты покинула семейный, мирный круг...»)

Печатается по второй публикации: Новости Литературы. 1825. кн. XII. Апрель (ценз. разр. 20 апреля; ценз, билет 27 апреля; номер вышел 30 апреля). С. 50–51 (подпись: Б-ий).

Впервые опубликовано: Невский Альманах на 1825 год (ценз. разр. 4 декабря 1824; ценз, билет 2 февраля 1825). С. 63–64 (подпись: Е. Б.) – под заглавием «Сестре» с разночтением в ст. 8: твой вместо их – очевидно, следствие редакторской

правки, вызванной непониманием словосочетания «их ценитель» («их ценитель» = ценитель «колыбельных дней» – см.: Винокур 1927. С. 77).

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага Автограф неизвестен.

Датируется по времени свидания Боратынского с сестрой Софией, приехавшей в Петербург в июне – июле 1822 (см.: Лямина 1990. С. 209–218). См. рисунок, изображающий, видимо, Афины и Ареса (Марса), с надписью: «1822. 9 Juillet, voyage de Sophie a Petersbourg et son entrevue avec Eugene» <1822. 9 июля, путешествие Софии в Петербург и ее встреча с Евгением> (ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 58; шифр до 1999 г.: № 21798).

272

Русский инвалид. 1825.30 апреля. № 101. С. 406 (объявление о раздаче подписчикам «Новостей Литературы»; впервые отмечено: Синявский, Цявловский 1914. С. 24). -- Санктпетербургские Ведомости. 1826. 2 февраля. № 10. Первое прибавление. С. 116 (объявление о продаже «Невского Альманаха»). -- Могилынский 1956. С. 395 (дата выдачи ценз, билета «Новостям Литературы»). -- Летопись. С. 150 (дата выдачи ценз, билета «Невскому Альманаху»). Лонгинов 1864. Стб. 112 (отмечена публикация в «Новостях Литературы»). -- Изд. 1869. С. 35 (текст «Невского Альманаха» под заглавием «Сестре (С. А. Баратынской)»; датировка: 1822; так же датировано в последующих изданиях). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 31 (текст «Новостей Литературы»). -- Изд. 1936. Т. I. С. 294 (судя по отступам в строках, напечатан текст «Невского Альманаха», но в ст. 8: «их ценитель», как в «Новостях Литературы»); Т. II. С. 288 (конкретный источник публикации не указан; публикация в «Новостях Литературы» ошибочно названа первой; повторено в изд. 1957 и в изд. 1982). -- Изд. 1951. С. 157 (текст «Невского Альманаха»), 563 (источником публикации названы «Новости Литературы»). -- Изд. 1957. С. 88 (текст изд. 1951), 342 (датировка: июль 1822 – по подписи к рисунку Боратынского). -- Изд. 1982. С. 323 (текст с орфографией и пунктуацией изд. 1951 напечатан с отступами в строках, соответствующими тексту «Новостей Литературы»; так же – в изд. 2000), 658 (источником публикации названы «Новости Литературы»; так же – в изд. 2000). -- Рисунки рус. писателей 1988. № 101 (репродукция рисунка Боратынского). -- Изд. 1989. С. 97 (перепечатан текст изд. 1982, но в ст. 8: «их ценитель», как в «Новостях Литературы»), 399 (источником публикации назван «Невский Альманах»).

18. Боратынский. Том 1

68

1

Дельвигу

Дай руку мне, товарищ добрый мой,  
Путем одним пойдем до двери гроба  
И тщетно нам за грозною бедой  
Беду грозней пошлет судьбины злоба.

Ты помнишь-ли, в какой печальный срок  
Впервые ты узнал мой уголок?

Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой  
Боролся я, почти лишенный сил?

Я погибал: ты дух мой оживил  
Надеждою возвышенной и новой:

Ты ввел меня в семейство добрых Муз;  
Деля досуг меж ими и тобою,

Я-ль чувствовал ея свинцовый груз  
И перед ней унизился душою?

Ты сам порой глубокую печаль  
В душе носил, но что? не мне ли верить  
Спешил ее? И дружба не всегда-ль  
Хоть несколько могла ее умерить?

Забутые фортуною слепой,

20 Мы ей на зло друг в друге все имели  
И, дружества твердя обет святой,  
Безтрепетно в глаза судьбе глядели.

О! верь мне в том: чем жребий ни грозит,  
Упорствуя в старинной неприязни,

Душа моя не ведает боязни,  
Души моей ничто не изменит!

Так, милой друг! позволят ли мне боги  
Ярмо забот сложить когда нибудь  
И весело на светлый мир взглянуть,

30 По прежнему-ль ко мне пребудут строги,

274

Всегда я твой. Судьей души моей  
Ты должен быть и в ведро и в ненастье,  
Удвоишь ты моих счастливых дней  
Не полное без разделенья счастье;

В дни бедствия я знаю, где найти  
Участие в судьбе своей тяжелой:

Чего-жь робеть на жизненном пути?

Иду вперед с надеждою веселой.

Еще позволь желание одно  
40 Мне произнесть: молюся я судьбине,  
Чтоб для тебя я стал хотя отныне,

Чем для меня ты стал уже давно.

<До декабря 1822; 1823–1826>

2

Ранняя редакция

К Дельвигу

Дай руку мне, товарищ добрый мой,

Путем одним пойдем до двери гроба!  
Дай руку мне – я чувствую, мы оба Родилися под тою же звездой.  
Нас не вотще судьба соединила,  
Суровая двух добрых полюбила И, слабая от бедствий их спасти,  
Опорю друг другу быть судила,  
Чтоб с ней самой могли борьбу вести, От детских дней знакомы мы с бедами,  
Казалось – у люльки ждал нас рок:  
Чтож гневный он свершить над нами могъ? И не всегда ль он побеждался нами?  
Ты помнишь ли, в какой печальный срок,  
На дружбу мне ты руку дал впервые,  
И думая: по сердцу мы родные –  
Стал навещать мой скромный уголокъ?  
Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой

18\*  
275

Боролся я, почти лишенный силъ?  
20 Не ты ль тогда мне бодрость возвратилъ?  
Не ты ль душе повеял жизнью новой?  
Ты ввел меня в семейство добрых Муз: Деля досуг меж ними и тобою,  
Я ль чувствовал ея свинцовый груз,  
И перед ней унизился душою!  
Когда ты сам носил в душе печаль,  
Кому вверял признанья в грусти тайной?  
Не мне ль? скажи: и дружба не всегда ль Тебя ждала с отрадой обычайной? забытые  
фортуною слепой  
Мы ей на зло друг в друге все имели:  
Любовь и лень и негу и покой,  
Развеселясь, в забвеньи сердца пели,  
И дружества твердя обет святой,  
Безтрепетно в глаза судьбе глядели.  
О верь мне в том – чем жребий ни грозит Упорствуя в старинной неприязни –  
Душа моя не ведает боязни,  
Души моей ни что не изменит!  
40 Так, милый друг, позволят ли мне Боги Ярмо забот сложить когда нибудь,  
И весело на светлый мир взглянуть,  
По прежнему ль ко мне пребудут строги  
Всегда я твой! судьей души моей Ты должен быть и в ведро и в ненастье: Удвоишь  
ты моих счастливых дней Неполное без разделенья счастье.  
В дни бедствия я знаю, где найти Участие в судьбе моей тяжелой:  
50 Чтожъ страшно мне на жизненном пути?  
Иду вперед с надеждою веселой!  
Еще позволь желание одно  
Мне произнестъ: молюся я судьбине,  
Чтоб для тебя я стал, хотя отныне,  
Чем для меня ты стал уже давно!

<До декабря 1822>

276

68.1. Дельвигу («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»)

Печатается по: Изд. 1835. С. 131–133 (№ LXXIV).

В этой редакции впервые опубликовано: Изд. 1827. С. 166–168 (раздел «Послания»)  
– под тем же заглавием «Дельвигу» с опечаткой в ст. 23 («наградить» вместо «ни  
грозить»).

Автограф неизвестен.

Копии Настасьи Львовны Боратынской под заглавием «Дельвигу»: ПД. Ф. 33. Оп. 1. №  
42. л. 102 – 102 об.; 124–124 об.

Печатается с исправлениями: ст. 33 днем, → дней

68.2. К Дельвигу («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»)

Печатается по тексту первой публикации: Полярная Звезда на 1823 год (ценз. разр.  
30 ноября; ценз, билет 22 декабря; вышла к 29 декабря 1822). С. 374–376

(подпись: Баратынский).

Печатается с исправлением: ст. 48 я знаю → я знаю, (как в Изд. 1827 и Изд.  
1835).

Датируется по времени первой публикации. Не исключено, что именно это  
стихотворение слушалось в собрании Вольного общества любителей российской  
словесности 16 января 1822 г. под заглавием «К другу» (резолуция: «Одобрено.  
Избр. больш. гол.» – см.: Журналы ВОЛРС. С. 410).

Русский инвалид. 1822. 29 декабря. № 305. С. 1220 и Санктпетербургские Ведомости.  
1822. 29 декабря. № 104. Первое прибавление С. 1345 (объявления о выходе

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
«Полярной Звезды»; впервые отмечено: Синявский, Цявловский 1914. С. 14). --  
Могилынский 1956. С. 393 (дата выдачи ценз, билета «Полярной Звезде»);  
Изд. 1869. С. 31–38 (текст поздней редакции под заглавием «Дельвигу»; в ст. 12:  
«меж ними» вместо «меж ими»; датировка: 1823; так стихотворение напечатано и  
датировано в последующих изданиях до изд. 1914–1915), 190 (варианты «Полярной  
Звезды» с пропуском ст. 23, 32 и 33). -- Изд. 1914–1915. Т. I. С. 41–43 (текст  
«Полярной Звезды»: «К Дельвигу»; датировка: 1822), 235 (варианты Изд. 1827 и  
Изд. 1835). -- Изд. 1936. Т. I. С. 112–113 (текст изд. 1835 под заглавием  
«Дельвигу»; так стихотворение напечатано и в последующих изданиях); Т. II. С.  
130 (варианты «Полярной Звезды» с пропуском ст. 23, 32, 33, 49, 50; так же – в  
Изд. 1989. С. 345). – Изд. 1957. С. 84 (датировка: конец 1821 ?), 341  
(предположение со ссылкой на Документы ВОЛРС. С. 371 о том, что это  
стихотворение рассматривалось в ВОЛРС <16> января 1822 г.). -- Изд. 1982. С.  
418–419 (варианты «Полярной Звезды» с пропуском ст. 32–33). -- Изд. 1989. С. 92  
(датировка: 1821 ?). -- Пильщиков 2000. С. 383 (отмечены варианты «Полярной  
Звезды» в ст. 32 и 33).  
J.7. «Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?..» Пд. № 73.1 м (Альбом А. В.  
Лутковской). л. 13.

5. «Мы будем пить вино по гроб...»  
Пд. ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). л. 37.  
279

6. «Здесь погребен армейской Капитан...»  
Пд. ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). л. 38.  
Печатается по фотокопии автографа в Изд. 1936 (Т. I. Вклейка между с. 268 и  
269).  
280

7. «В пустых рдзщетах, в грубом сне...»  
Пд. ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). л. 38 об.  
281

22.2. Лиде («Твой детской вызов мне приятен...»)  
РЕАЛИ. ф. 51. Оп. 2. № 5 (Альбом «Tendresse»). л. 28.

22.2. Лиде («Твой детской вызов мне приятен...»)  
РГАЛИ. ф. 51. Оп. 2. № 5 (Альбом «Tendresse»), л. 28 об.

283

28.2. «Поверь, мой милой друг, страданье нужно нам...»  
РГАЛИ. ф. 51. Оп. 2. № 5 (Альбом «Tendresse»). л. 30.  
284

28.2. «Поверь, мой милой друг, страданье нужно нам...»  
РЕАЛИ. ф. 51. Оп. 2. № 5 (Альбом «Tendresse»). л. 31.  
285

30.3. «Не лъзя ль найти любви надежной...»  
(ст. 21–28 стихотворения «Пора покинуть, милый друг...») Пд. ф. 33. Оп. 1. № 39.  
л. 143.

30.3. «Не лъзя ль найти любви надежной...»  
(ст. 29–39 стихотворения «Пора покинуть, милый друг...») Пд. ф. 33. Оп. 1. № 39.  
л. 143 об.  
287

31.2. Эпилог («Чувствительны мне дружеския пени...»)  
РГАЛИ. ф. 2567 (Архив . Г. Оксмана). Оп. 2. № 6 . л. 1.  
288

19. Боратынский. Том 1

32. «Младья Грации стели тебь венок...» Пд. № 73.1 м (Альбом А. В. Лутковской).  
л. 8.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский varga  
44.2. Водопад («Шумы, шуми с крутой вершины...»)  
РГАЛИ. ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 21 об.

290

50. «Вчера ненастливая ночь...»  
ПД. ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева), л. 13.  
19\*  
291

51. «Полуразрушенный я сам себе не нужен...»  
ПД. ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). л. 16.

52. Моя жизнь («Люблю за дружеским столом...»)  
ГИД. ф. 244. Оп. 1. № 32 (Альбом П. Л. Яковлева). л. 16 об.  
293

54. Разуверение («Не искушай меня без нужды...»)  
РЕАЛИ. ф. 51. Оп. 1. № 189. л. 3.  
294

54. Разуверение («Не искушай меня без нужды...»)  
РГАЛИ. ф. 51. Оп. 1. № 189. л. 3 об.

295

55. «Дало две доли Провидение...»  
ПД. № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 38.  
296

55. «Дало две доли Провидѣние...»  
ПД. № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 38 об.

297

56. «Когда вы мнѣ прекрасной...»  
РГАЛИ. ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 47.  
298

57.2. «Слепой поклонник красоты...»  
РЕАЛИ. ф. 1336. Оп. 1. № 45 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 17.

58.2. «О своенравная София!..»  
ПД. № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой). л. 16 (верхняя половина).  
300

При подготовке настоящего издания мы руководствовались текстологическими принципами, которые впервые получили серьезное теоретическое обоснование в работах М. И. Шапира [см., например: Шапир М. Между грамматикой и поэтикой: (О новом подходе к изданию Даниила Хармса) // Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 328–332; Он же. К текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 101–112; Он же. *Universum versus*: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М., 2000. Кн. 1. С. 224–240; Он же. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Московский пушкинист: Ежегодный сборник. М., 2001. [Вып.] IX. С. 45–58; Он же. Предварительные замечания [к ч. I] // Пушкин А. С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы. М., 2002. С. 21–24 (без подписи); Он же. «Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 3. С. 3–17; и др.].

А. Р. Зарецкий, И. А. Пильщиков

КОММЕНТАРИИ

1

1.1. «Взгляните: свежестью младой...»

1.2. Мадригал. Пожилей женщине и все еще прекрасной («И в осень лет – красы младой...»)

Первое опубликованное произведение Боратынского. По семейному преданию, А. А.

Борание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский барата  
Дельвигом отдал стихотворение в печать без ведома автора. Сохранилась запись Н. Л. Баратынской над копиями поздней редакции «Мадригала» (см. в настоящем издании № 1.1) и послания «Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...»; см. № 10.2): «Первые два стихотворения Е. Баратынского, напечатанные в 1819 году в Благонамеренном Б. Дельвигом, сюрпризом для Е. А. который никогда не думал что когда-нибудь будет печатать свои произведения. Он часто говорил о неприятном впечатлении полученном им, вступая в нежеланную известность» [ПД. Ф. 33. Оп. 1. № 40. л. 7 об.; см. о том же: Тургенев 1854. С. 157; Л. Е. Баратынский 1869. С. 394; Материалы 1916. С. VII (2-й паг.); Хетсо 1964. Р. И-12; Путята. Изд. 1993. С. 234]. – Однако инициалы начинающего поэта (f. f.), которыми была подписана публикация «Мадригала» в «Благонамеренном», могли расшифровать только близкие друзья, для которых поэтические занятия Боратынского не были секретом, а послание к Дельвигу, напечатанное в «Сыне Отечества» почти через полгода после «Мадригала», стало уже седьмым опубликованным текстом Боратынского, и вряд ли его появление в печати могло шокировать автора своей неожиданностью. Более вероятно, что «неприятное впечатление» у Боратынского вызвали первые публикации, сопровождавшиеся его полной подписью – «К Алине», «Портрет В...» и «Любовь и Дружба» (см. в настоящем издании № 2, 3.2, 4 и примечания к ним). Впоследствии в кругу родственников Боратынского большая часть его ранних стихотворений, опубликованных в 1819 г., была забыта (Лонгинов 1864. Стб. 114). Исключение составили как раз «Мадригаль» и послание к Дельвигу, вошедшие в переработанном виде в Изд. 1827; «Мадригаль» без заглавия был перепечатан также в Изд. 1835. Вероятно, поэтому, рассказывая о негативной реакции Боратынского на появление его первых произведений в печати, Н. Л. Баратынская упоминает именно эти тексты. Версия, согласно которой стихотворение адресовано М. А. Панчулидзевой, также основывается только на семейном предании [ср. заглавия в рукописных ко  
303

пиях и в Изд. 1869, а также указание С. А. Рачинского: Материалы 1916. С. VI (2-й паг.)].

Мария (Марфа) Андреевна Боратынская, в замужестве Панчулидзева (1781/ 1783 – ок. 1845) – родная тетка поэта (сестра отца) и его крестная мать. В 1792– 1797 гг.

М. А. Боратынская воспитывалась в Институте благородных девиц при Смольном монастыре одновременно с Александрой Федоровной Черепановой, будущей женой Абрама Андреевича Боратынского. С 1804 г. замужем за И. Д. Панчулидзевым (Летопись. С. 418).

А. Р. Зарецкий

В основе стихотворения лежит популярный в барочной живописи сюжет «Время, похищающее красоту» (указатель иконографии см.: Pögl 1974. Bd. I. S. 610–613). Изображение бога времени (Сатурна) в виде крылатого старика также опирается на богатую эмблематическую традицию (об этом см.: Panofsky 1939. P. 69– 93). Яркой иллюстрацией живописного подтекста «Мадригала» может служить, например, картина Помпео Батони «Время повелевает старости разрушить красоту» (1746): крылатый седой старик указывает безобразной старухе на стоящую перед ними юную красавицу, старуха тянет костлявые пальцы к ее щеке (анализ эмблематического языка картины см.: Tribe 1992. P. 253–254). Обратный ход, использованный в «Мадригале», по всей вероятности, также имеет иконографические истоки: ряд картин на сюжет «Венера (вариант: Красота) и Время» имплицитно концепт остановившегося времени; ср. например, Дж. Б. Тьеполо «Аллегория с Венерой и Временем» (ок. 1750).

Сама апелляция к иконографической традиции позволяет говорить о сознательном использовании известного риторического приема – экфрасиса, как в его классическом толковании (словесная репрезентация объекта, которая позволяет слушателю или читателю достигнуть энархейи, иначе говоря, почувствовать, что он видит этот объект своими глазами; ср. у Квинтилиана: *Institutio Oratoria*, VIII 3, 61–66), так и в расхожем применении (вербальное описание картины или скульптуры). При этом в поздней редакции – благодаря вводному побудительному взгляните – происходит откровенное «обнажение» приема, впоследствии неоднократно использованного Боратынским.

В «Мадригале» также отразился другой характерный для Боратынского «барочный» прием – антитетическая структура, находящая разрешение в финальном оксюморе «остановившееся время» (об этом приеме у Боратынского см.: Пильщиков 1992а. С. 109–112).

Игра на парадоксально распределенных мотивах старости/осени и весны/молодости связывает «Мадригал» с поздними эпитафиями Боратынского «Всегда и в пурпуре и злате...» и «Филида с каждою зимою...» (Мазур 2001), подтекстом которых, по наблюдению И. А. Пильщикова, было стихотворение К. Н. Батюшкова

304

«Тебе ль оплакивать утрату юных дней?», в свою очередь восходящее к эпитафии

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *Vara*  
Павла Силенциария из Палатинской Антологии (V, 258; см.: Пильщиков 1992а. С. 113–116). Однако прямо сближать ранний опус Боратынского с эпиграммой Батюшкова [ср. и в осень лет красы молодой // Она всю прелесть сохраняет в ранней редакции «Мадригала» с батюшковским и в осень дней твоих не погасает пламень <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 347)] было бы достаточно рискованно, поскольку текст старшего поэта, хоть и написанный в 1817–1818 гг., опубликован лишь в 1820 г. (впрочем, отсутствие прямой генетической связи не снимает проблемы опосредованного интертекстуального взаимодействия этих стихотворений). Параллель к основному комплиментарному мотиву эпиграммы Павла Силенциария находим, в частности, в трактате аббата Брантома «*Les Dames galantes*», содержащем длинный перечень женщин «прекрасных и в осень и в зиму своих лет» – «*bélles en leur automne & hyver*» (*Collection universelle des memoirs particuliers relatifs a l'histoire de France. XVI siecle. Paris, 1790. T. LXV contenant la fin des Dames Galantes de Brantome P. 296, cf. 295*). Ср. также приведенный в этой главе трактата галантный ответ юного испанского кавалера даме «пожилой, но все еще прекрасной» («*agee, mais pourtant encore belle*»), которая протестовала против его ухаживаний, ссылаясь на свой возраст: «*Vos complies valent plus & sont plus belles & gracieuses, que les heures de prime de quelqu'autre Dame qui soit*» = «Ваш закат стоит больше и превосходит красотой и изяществом утро любой другой дамы» (*Ibid. P. 291*). Эта же формула повторена в послании Вольтера к мадам Дефонтен-Мартель («*A Madame De Fontaine-Martel*», 1732): *Martel, l'automne de vos jours // Vaut mieux que le printemps d'une autre* = Мартель, осень ваших дней // Стоит большего, чем весна любой другой женщины (*Voltaire. Ed. 1876–1891. T. X. P. 279*; переключка «Мадригала» с посланием Вольтера отмечена: Изд. 1936. Т. II. С. 240).

Н. Н. Мазур

2

К Алине («Тебя я некогда любил...»)

Литературные источники этого стихотворения и биографические обстоятельства его создания неизвестны. Алина – обычное для первой трети XIX в. производное от имени Александра и некоторых других имен, начинающихся на Ал-. В данном стихотворении Алина – это, очевидно, условное поэтическое имя (ср. франц. АГте), возможно, заимствованное из баллады В. А. Жуковского «Алина и Аль-сим» (1814; опубликована в 1815 г.). Высказывалось предположение, что стихотворение «К Алине» могло быть адресовано Варваре Николаевне Кучиной (см.: Летопись. С. 86, 420).

20. Боратынский. Том 1

305

Варвара Николаевна Кучина (ок. 1800–?) – родственница Боратынского, которой, согласно семейному преданию, он был увлечен в конце 1810-х годов и которой, возможно, был адресован ряд его юношеских стихотворений (ср. комментарии к №№ 3, 15, 20). В. Н. Кучина – дочь Николая Кучина, помещика имения Горки на р. Обше в Бельском уезде, находившегося в нескольких верстах от смоленских имений Боратынских (Подвойского и Голощапова). Вероятно, Боратынский впервые познакомился с ней в 1808–1809 гг. в период своего первого пребывания в Подвойском – Голощапове. Знакомство было продолжено, когда Боратынский жил в Подвойском в 1816–1818 гг. Последний раз «моя кузина Варенька» («*ta cousine Varinka*») упоминается в письме Боратынского к матери от 4 декабря 1817 г. (Материалы 1916. С. 34; ип. С. 103–105, 336; Летопись. С. 76, 84–85, 420–421). О дальнейшей судьбе В. Н. Кучиной сведений нет.

И. А. Пильщиков

3

3.1. «Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?..»

3.2. Портрет В... («Как описать тебя? я право сам не знаю!..»)

Первая из нескольких галантных «двойчаток» Боратынского – мадригал, написанный для одной особы (скорее всего, это В. Н. Кучина, чье имя скрыто за криптотопонимом В...) и позднее переадресованный другой (А. В. Лутковской; ср. в настоящем издании №№ 42 и 57). О В. Н. Кучиной см. комментарии к № 2. Об А. В. Лутковской см. комментарии к № 32.

Интересно проследить, как в позднейшей редакции (не опубликованной при жизни автора) выравниваются «шероховатости» юношеского стихотворения.

Композиция ранней редакции. Поэт берется написать портрет адресата (3.2, заглавие), но тут же заявляет, что не может этого сделать (3.2, ст. 1): вчера ты была задумчива (3.2, ст. 2), сегодня ты весела (3.2, ст. 3). Единственное твое качество – непостоянство (3.2, ст. 4–5); впрочем, одно постоянное качество у тебя есть: ты всегда мила (3.2, ст. 6). Антитеза в пуанте содержит комплимент – ради него и написано всё стихотворение.

Композиция поздней редакции. Необходимость «портретирования» уже не мотивирована



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
заглавием. Отсутствие мотивировки компенсируется фигурой в начальном стихе –  
грамматической антитезой (действительному залогу глагола изобразить  
противопоставлен страдательный залог причастия изобразима). Два следующих стиха  
перешли в новую редакцию без изменений: вчера ты была задумчива (3.1, ст. 2),  
сегодня весела (3.1, ст. 3). Далее следует отсутствовавшее в ранней редакции  
развитие темы: эти изменения понятны сердцу, но непонятны уму (3.1,  
306

ст. 4). Мотив «противоречивости» эксплицируется в риторическом вопросе, в  
котором фигурирует абстрактное существительное противности 'противоположности'  
(3.1, ст. 5). Приводятся примеры таких «противностей»: чувствительность  
совмещается в тебе с холодностью (3.1, ст. 6). Комплиментарная пуанта осталась  
прежней (3.1, ст. 7–8), однако в новой редакции последняя антитеза подготовлена  
серией предыдущих: непостоянство и постоянство становятся еще одной антиномией в  
ряду прочих (поэтому союз но в заключительном стихе заменен союзом и).  
3.1, ст. 1, 5. Тебяль; ты-ль\ всь ль. Вариативность написания частицы ль в  
пределах одного автографа отражает неустойчивость ее орфографии в первой  
половине XIX в.

И. А. Пильшиков

4

Любовь и Дружба (в альбомъ) («Любовь и Дружбу различают...»)  
«Любовь и Дружба» – традиционная тема для школьных упражнений по риторике и  
альбомных стихотворений. Ср. одноименное стихотворение Н. М. Карамзина («Любовь  
и Дружба», 1797). Рассуждение на эту тему было опубликовано в 1818 г. в  
«Соревнователе»: Боровков А. Различие между дружбою и любовью // Соревнователь  
Просвещения и Благотворения. 1818. № I (Труды ВОЛРС. Ч. II. Кн. I). С. 39–44  
(отмечено: Хетсо 1973. С. 301). Высказывалось предположение, что стихотворение  
Баратынского могло быть адресовано Варваре Николаевне Кучиной (см.: Летопись. С.  
86, 420).

И. П.

5

«Мы будем пить вино по гроб...»  
Альбомная запись-шутка, обыгрывающая эпизод с опьянением Ноя из Книги Бытия и,  
возможно, другие библейские эпизоды, связанные с вином. Праведник Ной насадил  
виноградник после потопа (Быт 9, 20), из чего, согласно традиционному толкованию  
(см.: БЭ. С. 121), следует, что возделывание винограда не было известно  
допотопным людям, которых Господь наказал за их злодеяния. Когда Ной выпил вина,  
опьянел и лежал обнаженным в своем шатре, он был осмеян своим трезвым сыном  
Хамом (Быт 9, 21–22). Не всегда умеренно употреблял вино и другой ветхозаветный  
праведник – Лот (Быт 19, 33–35). Отсюда «максима» Баратынского

20\*

307

о том, что праведные (святые) пьют вино, а неправедные (злые) – воду. Ср.  
шуточное стихотворение «Противникам вина», сочиненное в начале 1820-х годов Ф.

И. Тютчевым:

1

О, суд людей неправый,  
что пьянствовать грешно!  
Велит рассудок здравый любить и пить вино.

<...>

5

Но честь и слава Ною, –  
Он вел себя умно,  
Рассорился с водою и взялся за вино.

<...>

8

Вдруг с кубком не слюбился Один из сыновей.  
О изверг! Ной вступился,  
и в ад попал злодей.

9

Так станемте ж запоем из набожности пить,  
чтоб в божье вместе с Ноем Святилище вступить.  
(Тютчев. Изд. 1965. Т. II. С. 39–40)

А. Р. Зарецкий, И. А. Пильшиков

6

«Здесь погребен армейской капитан...»

Альбомная запись-шутка, пародия на эпитафию. Пародийные надгробные надписи –  
распространенный жанр в европейской и русской поэзии (см.: Царькова Т. С.  
Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники; Эволюция; Поэтика. СПб.,

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *барата* 1999. С. 80–82). Ср. «Епитафию скупому», «Другую епитафию скупому» и «Епитафию подьячему» А. П. Сумарокова (1756), «Эпитафию» Н. М. Карамзина («Он жил в сем мире для того...», 1797), «Эпитафии» И. И. Дмитриева

308

(«В надежде будущих талантов...», 1797; «Полвека стан его возили в сей юдоле!..», 1805), его же «Эпитафию бригадиру» (1803) и мн. др. (РЭ. С. 78, 163, 158, 159 и др.). Среди них встречаются и эпитафии на пьяниц – ср., например, «Эпитафии»

А. П. Беницкого («Здесь Рюмкин схоронен; под Вакха знаменами...», 1807; РЭ. С. 211) и В. А. Жуковского («Под камнем сим Бибрис лежит...», 1814; РЭ. С. 253), представляющие перевод эпиграммы французского поэта XVI в. Ги де Тура (Guy de Tours, «Ne pleure dessus ce tombeau...»).

6, от. 1. Армейской Капитан. Капитан армии – чин IX класса по Табели о рангах. К характеристике этого персонажа см., например, позднейший очерк «Армейский офицер»: «Стакан не мера у армейских офицеровъ; этот сосуд есть просто общий приемник всех жидкостей: чай, вода, квас, подь-час пунш, вино или водка, сменяются в нем поочередно. Армейский офицер вливает в стакан водку не по зарубчик, как охотник до крепких напитков, а так, на глаз, сколько душа приметъ» (Наши, списанные с натуры русскими. СПб., 1841. С. 48).

6, ст. 3. Родился пьян и умер пьян. Ср. пуанту эпиграммы-эпитафии А. Е. Измайлова «Я месяц в гвардии служил...» (1809, ст. 5–6): Наливки пил, секал крестьян, // Жил весело и умер пьян (РЭ. С. 230). Смерть во хмелю – старинная комическая тема; у Ги де Тура есть эпиграмма «*Su-gist un homme qui pensoit...*» – «О некоем человеке, который был так пьян, что, умирая, не понял, как плохи его дела» (*D'un quidam qui estoit si yvre qu'en mourant il ne pensoit pas estre malade / / Le Paradis d'amour. Les Mignardises amoureuses. Meslanges et Epitaphes de Guy de Tours / Avec preface et notes par P. Blanchemain. Paris, 1878. P. 97*).

И. А. Пильщиков

7

«В пустых разщетах, в грубом сне...»

Контекст стихотворения в альбоме П. Л. Яковлева (см. № 5: «Мы будем пить вино по гроб...») позволяет видеть в его основе устойчивое для культуры первой трети XIX в. противопоставление меркантильному и материальному образу жизни толпы – образа жизни маргинала, свободного от низменных забот и грубых помыслов, благодаря чему его жизнь представляет особую ценность в глазах таких же, как он, немногих избранных – «честных людей». Характерные ролевые варианты фигуры маргинала в лирике первой трети XIX в. – гусар (у Д. В. Давыдова), бурш (у Н. М. Языкова), поэт (у всех).

А. М. П.

7, ст. 1. В грубом сне. См. комментарий к № 77.1, ст. 30–34.

309

7, ст. 3. Честные люди. В первой половине XIX в. прилагательные «честный (церковнослав.) и честной (русск.) употребляются ещё без той смысловой дифференциации, которая установилась за ними теперь» (Булаховский 1954. С. 203).

И. П.

8

<Эпиграмма> («Дамон! ты начал – продолжай...»)

Эпиграмма направлена против князя Петра Ивановича Шаликова (1767 или 1768– 1852) и, вероятно, написана по случаю выхода его «Сочинений» (М., 1819. Ч. 1– 2) и «Повестей» (М., 1819). П. И. Шаликов – поэт и прозаик, редактор газеты «Московские Ведомости» (1813–1838), издатель журналов «Московский Зритель» (1806) и «Аглая» (1808), в ближайшем будущем – издатель «Дамского Журнала» (1823–1833). Он же стал объектом эпиграммы «Грузинской Князь, газетчик русской...» (см. в настоящем издании № 127) и совместной эпиграммы Боратынского и А. С. Пушкина «Князь Шаликов, газетчик наш печальной...» (см. в настоящем издании раздел «Коллективное»).

Как эпигон Карамзина, доведший его художественные принципы до *nes plus ultra* и тем самым их дискредитировавший, Шаликов превратился в предмет нескончаемых нападок современников. Он был высмеян в шуточной надписи И. И. Дмитриева («Янтарная заря, румяный неба цвет...», 1803) и в комедии А. А. Шаховского «Новый Стерн» (преьера – 31 мая 1805 г.; отдельное издание: СПб., 1807), где пародируются шаликовские «Путешествие в Малороссию» и «Другое путешествие в Малороссию» (М., 1803–1804). Карикатурный портрет сентиментального путешественника, созданный Шаховским, послужил источником для последующей критики Шаликова, в первую очередь критики, исходившей от карамзинистов – см. «Видение на брегах Леты» К. Н. Батюшкова (1809), «Отъезд Вздыхалова» и «Первый отдых Вздыхалова» П. А. Вяземского (1811), куплет «Вот на розовой цепочке...» из

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *va*  
сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» (редакция 1814– 1817 гг.), «Тень  
Фон-Визина» А. С. Пушкина (1815, ст. 162–171).

В эпиграмме Боратынского отразились устойчивые черты шаржированного портрета  
Шаликова. Ср.:

<...> Другой Меланию, Зюльмису,  
Луну, Веспера, голубков,  
Глафиру, Хлою, Милитрису,  
Баранов, кошек и котов  
Воспел в стихах своих унылых  
На всякий лад для женщин милых <...>  
Один, причесанный в тупей,  
Поэт присяжный, князь вралей,  
310

На суд явил творенья новы.  
«Кто ты?» – «Увы, я пастушок,  
Вздохатель, всегда готовый;  
Вот мой венок и посошок,  
Вот мой букет цветов тафтяных,  
Вот список всех красот упрямых,  
Которыми дышал и жил,  
Которым я насильно мил.  
Вот мой баран, моя Аглая».

(Батюшков. Изд. 1917. С. 358–359)  
С собачкой, с посохом, с лорнеткой,  
И с миртовой от мошек веткой,  
На шее с розовым платком,  
В кармане с парой мадригалов И с чуть звенящим кошельком По свету белому  
Вздыхалов Пустился странствовать пешком.

«Прости, жестокая Аглая!» –  
Он говорит в последний раз,  
И вздох за вздохом, грудь стесняя,  
Его перерывают глас <...>  
(Вяземский. Изд. 1986. С. 58)

О. В. Голубева

8, ст. 1. Дамон! ты начал – продолжай. Дамон (дарсов, Damon) – условное  
литературное имя греческого происхождения, получившее распространение благодаря  
VIII эклоге Вергилия, одним из персонажей которой является пастух Дамон (он  
упоминается также в III эклоге, ст. 23). Возможно, при выборе имени Дамона  
сыграли свою роль «пастушеские» ассоциации, связанные с образом Шаликова (см.  
выше).

8, ст. 8. <...> Или соперником собачки. Домашние собачки – традиционная  
полупристойная комическая тема во французской литературе XVII–XVIII в.  
Непосредственным источником комментируемого стиха могла стать XXVI глава из  
романа Д. Дидро «Нескромные сокровища» («Les bijoux indiscrets», 1748),  
повествующая о даме по имени Гария, чье «сокровище» ублажали язычками ее любимые  
болонки. Главный герой – султан – рассказывает своей фаворитке, как собачки не  
подпустили новоиспеченного мужа Гарию к брачному ложу: «Pourez-vous croire que  
les quatre chiens stnaria ont ete les rivaux, et les rivaux preferes de son mari  
<...> Que dites-vous, reprit la favorite, de rivaux et de chiens? Je n'entends  
rien a cela» = «„Поверите ли, четыре собачки Гарию оказались соперниками ее  
мужа, да к тому же соперниками счастливыми?" <...> „О каких еще соперниках и  
собачках вы говорите? – возразила фаворитка. – Я ничего в этом не понимаю"»  
(Diderot [D.] (Euvres completes / Revues sur les editions originales... Notices,  
notes, table analytique... par

J. Assezat. Paris, 1875. T. 4. P. 231). В связи с обсуждаемой темой ср. еще  
стихо  
311

творение А. С. Пушкина «<Нимфодоре Семеновой>» (1817–1820): желал бы быть твоим,  
Семенова, покровом, // Или собачкою постельною твоей <...> (Пушкин. Ак. Т. 2,  
кн. 1. С. 128).

И. А. Пильщиков

9

К Креницыну («Товарищ радостей младых...»)

Александр Николаевич Креницын (1801–1865) – товарищ Боратынского по Пажескому  
корпусу. Он был зачислен в корпус пансионером 9 октября 1812 г., в один день с  
Боратынским (ИП. С. 72; Летопись. С. 60). Вместе с Боратынским, Львом  
Приклонским, Дмитрием Ханыковым и братом Павлом Креницыным А. Н. Креницын входил  
в «общество мстителей», о котором Боратынский рассказывает в письме В. А.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в ага Жуковскому от конца декабря 1823 г. (Изд. 1951. С. 465– 466; Летопись. С. 70). Креницыны участвовали в праздновании шестнадцатилетия Боратынского 19 февраля 1816 г., когда была совершена кража, повлекшая за собой исключение Боратынского и Ханыкова из Пажеского корпуса. В 1819 г. А. Н. Креницын находился в Пажеском корпусе, откуда в следующем, 1820 г. был исключен и разжалован в солдаты за неповиновение корпусному начальству. Прослужив солдатом в 18-м Егерском полку около года, в 1821 г. он был произведен в унтер-офицеры, а в феврале 1824 г. – в прапорщики (Летопись. С. 72–74). По выходе в отставку (1828) Креницын поселился в своем имении Мишнево Великолуцкого уезда Псковской губернии; известно, что он обменивался визитами со своим соседом по имению А. С. Пушкиным (см.: Иерейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. л., 1988. С. 213–214). Креницыну адресовано послание А. А. Бестужева «К К у» (1818). С Бестужевым, в то время прапорщиком лейб-гвардии Драгунского полка, Креницын был дружен и мог познакомиться с ним Боратынского (документальных свидетельств не сохранилось). Креницын-поэт дебютировал в 1819 г., вскоре после Боратынского; несколько его стихотворений было опубликовано в 1819–1820 и 1828–1830 гг. (Ильин-Томич 1994. С. 145). Боратынский встречался с Креницыным в конце 1818 или в начале 1819 г. (Ип. С. 116; Летопись. С. 89) – очевидно, об этом свидании и говорится в послании «Товарищ радостей младых...». О дальнейшем общении Боратынского и Креницына ничего не известно.

Боратынский предоставил текст послания В. К. Кюхельбекеру (о его отношениях с Боратынским см. комментарии к № 17). В 1819 г. Кюхельбекер приносил это стихотворение воспитанникам петербургского Благородного пансиона, где он читал лекции по русской словесности (Маркевич. Изд. 1980. С. 295). Судя по тому, что сделанная Кюхельбекером копия послания «К Креницыну» содержит пометы и поправки издателя «Сына Отечества» Н. И. Греча, именно Кюхельбекер передал

312

Гречу стихотворение Боратынского. Эта публикация положила начало четырехлетнему сотрудничеству Боратынского с «Сыном Отечества» (1819–1822).

9, ст. 6–8. Где время прежнее, где прежняя мечтанья? // И живость детских чувств и сладость упованья? // Все холодный опыт истребил! Ср. у В. А. Жуковского в послании «Тургеневу, в ответ на его письмо» (1813): Ах! с нами, друг, и прежний мир пропал; // Пред опытом умолкло упованье (ст. 83–84); ср. в этом же стихотворении риторический вопрос (ст. 71): Где прежний ты, цветущий, жизни полный? (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 71). В. В. Виноградов (см.: Виноградов 1941. С. 172) приводит в параллель к ст. 6–8 из послания «К Креницыну» строки из послания Жуковского «К Филалету» (1809, ст. 5–6): Где вы, дни радостей? Придешь ли ты назад, // О время прежнее, о время незабвенно? (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 138) – и зачин элегии В. Л. Пушкина (1816): Где вы, дни радости, восторгов, упоенья? // Сокрылись... и мечты вы унесли с собой (цит. по: Виноградов 1941. С. 172). Упованье (-ме) 'надежда' – одно из самых частотных абстрактных существительных в словаре Жуковского; см.: «Младенец», 1806, ст. 15; «Стихи, сочиненные для альбома М. В. П.», 1808, ст. 41; «Стихи, вырезанные на гробе А. Ф. С<оков-нино>й», 1808, ст. 13; «Двенадцать спящих дев» («Громобой», 1810), ст. 308, 528, 630; «К Б<лудов>у», 1810, ст. 72; «К Батюшкову. Послание», 1812, ст. 265, 302; «Певеццо стане Русских воинов», 1812, ст. 616; «Уединение. (Отрывок)», 1813, ст. 67; «Тургеневу, в ответ на его письмо», ст. 84, 127; «Эпимесид», 1813, ст. 34; и мн. др.

9, ст. 10. Во цвете юных лет – галлицизм; ср. франц. *etre dans ia jleur de ses jours, de la jeunesse, du plus bel age etc.* 'быть в лучшей поре, в цветущих летах' (Виноградов 1935. С. 209; ПФП. С. 152). Ср. у А. С. Пушкина [«Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»), 1817, ст. 6–7]: С надеждами во цвете юных лет, // Мой милый друг, мы входим в новый свет (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 254); и мн. др.

9, ст. 20. Горькие укоры. «Словарь Академии Российской» дает два равновозможных написания этого прилагательного: горький и горький (САР. Ч. I. Стб. 1208).

9, ст. 28 ,<...> Но быстро скрылись от очей! Ср. у Пушкина: О счастье! злобный обольститель, // И ты, как сладкой сон, сокрылось от очей [«Наполеон на Эльбе (1815)», ст. 38–39]; Беги, сокройся от очей, // Цитеры слабая царица! [«Вольность. Ода», 1817? 1819?, ст. 1–2 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 117; Т. 2, кн. 1. С. 45)]. У Боратынского в начальной строке стихотворения «Весна. (Элегия)»: Мечты волшебныя, вы скрылись от очей! (см. в настоящем издании № 24).

9, ст. 33. Но для чего грустить! мой друг еще со мной! Ср. заключительную строку из стихотворения К. Н. Батюшкова «В день рождения Н.»: Один был нежный друг... и он еще с тобой! (Батюшков. Изд. 1977. С. 230).

9, ст. 36. Мечта – здесь «привидение, призрак»; пустое, ложное, явление,

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *баратаманское видение*» (САР. Ч. III. Стб. 762).

И. А. Пильщиков

313

10

10.1. Дельвигу («Так, любезный мой Гораций...»)

10.2. К Дельвигу («Так, любезный мой Гораций...»)

Первое из пяти посланий Боратынского к одному из его ближайших друзей – барону Антону Антоновичу Дельвигу (1798–1831), поэту, литературному критику, будущему издателю альманаха «Северные Цветы» (1825–1831 /1832). О других посланиях см. комментарии к №№ 18, 36, 61, 68.

С Дельвигом (а также с В. К. Кюхельбекером) Боратынского познакомили в конце 1818 или в начале 1819 г. А. И. Шляхтинский и А. А. Рачинский – двоюродный брат Боратынского и его будущий зять, в то время подпрапорщик лейб- гвардии Семеновского полка, который знал Дельвига и Кюхельбекера по «Священной артели» И. Г. Бурцова (ИП. С. 121; летопись. С. 89). Дельвиг, по его собственным словам, «подружил» Боратынского «с музой» (сонет «Н. М. Языкову», 1822) и был инициатором его первых публикаций (см. комментарии к № 1). После отъезда А. И. Шляхтинского из Петербурга в конце августа или в сентябре 1819 г. (см. комментарии к № 12) Дельвиг поселился с Боратынским на квартире в Семеновских ротах – этот биографический факт нашел отражение в их сьемном шуточном стихотворении «Там, где Семеновский полк...» (см. в настоящем издании раздел «Коллективное»). Вскоре Боратынский познакомился с лицейским другом Дельвига и Кюхельбекера – А. С. Пушкиным. Дружеский союз Боратынского, Дельвига, Пушкина и Кюхельбекера получил с легкой руки последнего название «союза поэтов» (см. комментарии к №№ 17 и 70). К Пушкину и Дельвигу обращена поэма Боратынского «Пир». С именем Дельвига и «союзом поэтов» связана элегия «Елизийский поля» (см. комментарии к № 37). По случаю свадьбы Дельвига написано стихотворение «В альбом Н. Н. на другой день его свадьбы» (см. в настоящем издании № 107). Совместно с П. А. Плетневым Дельвиг выпустил первую книгу Боратынского – отдельное издание «Эды» и «Пиров» (СПб., 1826), а затем участвовал в подготовке Изд. 1827. Памяти Дельвига посвящено стихотворение «Не славь, обманутый Орфей...» (см. № 163). О Боратынском и Дельвиге см. также: Гаевский 1853. С. 28–66; Вацуро. СДП. С. 177 и далее.

10.1, ст. 1. Так, любезный мой Гораций. Квинт Гораций Флакк (Quintus Horatius Flaccus, 63–8 до н. э.) – римский поэт эпохи Августа, автор четырех книг од, книги эподов, Юбилейного гимна, двух книг сатир, двух книг посланий и дидактического послания к Пизонам, названного впоследствии «Наукой поэзии» («Ars poetica»). У Боратынского имя Горация символизирует легкую гедонистическую поэзию, в том числе дружеское послание. О восприятии Горация в России см.: Busch W. Horaz in Rußland. München, 1964; Алексеев 1967.

314

На послание Боратынского Дельвиг откликнулся посланием «Евгению»:

За то ль, Евгений, я Гораций,

Что пьяный, в миртовом венке,

Пою вино, любовь и граций,

Как он, от шума вдалеке,

И что друзей люблю – старинных,

А жриц Венеры – молодых.

Нет, лиру высоко настроя,

Не в силах с музою моею Я славить бранный лавр героя Иль мирные дела судей –

Мне крыльев не дано орлиных С отверстым поприщем для них.

К тому ж напрасно муза ищет Теперь героев и судей!

Дамон бичом отважно хлыщет По стройному хребту коней,

А Клит в объятиях Цирцеи Завялою душою спит.

Кого ж мне до вершин Парнаса,

Возвыся громкий глас, вознесть?

Иль за ухо втащить Мидаса И смех в бессмертных произвесть?

Вернее в храме Цитереи,

Где сын ее нам всем грозит,

Благоуханной головою Поникнув, Лидии молодой Приятно нежить слух игрою,

Воспеть беспечность и покой,

И сладострастия томленье,

И пламенный восторг любви,

Покинуть гордые желанья,

В венки свой лавров не вплетать И в час веселого мечтанья Тихонько Флакку

подражать В науке дивной, в наслажденьи,

И с ним забавы петь свои.

(Дельвиг. Изд. 1986. С. 141)

Ответное послание Дельвига, записанное в его рабочую тетрадь 1819 г., оставалось неопубликованным до 1853 г. Однако появления в печати стихотворения Боратынского оказалось достаточно, чтобы вызвать раздражение оппонентов. В 1822 г. в

315

«Благонамеренном» и в «Вестнике Европы» появилось стихотворение Б. М. Федорова «Союз Поэтов», направленное против Суркова, Тевтонова и Барабинского (то есть Дельвига, Кюхельбекера и Боратынского):

Один напишет: мой Гораций!

Другой в ответ: любимец Граций!

И третий друг,

Возвысив дух,

Кричит: вы, вы, любимцы Граций!

А те ему: о наш Гораций! <...>

Друг друга прославляйте,

Друг друга разбирайте,

С Горацием равняйте,

Послания сочиняйте,

В Журналы посылайте <...>

Друг другу посвящайте –

и т. д. (Благонамеренный. 1822. ч. XIX. № 39. С. 512–514; Вестник Европы. 1822. № 19. С. 211–213; оба текста с подписью Д. Врс-въ). Подробнее см. комментарии к № 70. О рифме Гораций : Граций см. ниже, комментарий к № 10.1, ст. 3.

10.1, ст. 2. Хот рад, хотя не рад. Этот фразеологизм довольно часто встречается в дружеской стихотворной переписке 1810-х годов; ср.: Я не забыл себя, хот рад, хотя не рад [А. С. Пушкин, «Дяде, назвавшему сочинителя братом», 1816, ст. 3 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 204)]; <...> Потом, хот рад, хотя не рад, // Туда <...> отправился <...> [В. А. Жуковский, «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой», 1818; III, ст. 77 (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. II. С. 93)]; и др.

10.1, ст. 3. Музы (Моизааи) – в греческой мифологии богини поэзии, искусств и наук. Грации (Gratiae) – богини красоты в римской мифологии; то же, что греческие Хариты (о последних см. комментарий к № 10.1, ст. 25).

Гораций : Граций – рифма-клише, ставшая популярной благодаря «Моим Пенатам» К. Н. Батюшкова (Алексеев 1967. С. 186); ср.: В толпе и Муз и Граций, 11 Го с лирой, то с трубой, // Наш Пиндар, наш Гораций, // Сливает голос свой (Батюшков, «Мои Пенаты», 1811–1812, ст. 181–184); А ты, лежащий на цветах // Меж нимф и сельских Граций, // Певец веселия, Гораций! [Он же, «Мечта», редакция 1817 г., ст. 150–152 (Батюшков. Изд. 1977. С. 265, 257)]; Иди вперед, друг муз и граций, // За избранным тобой вождем, // И пуст учитель твой Гораций // С тобой подышется венком [П. А. Вяземский, «Милонову по прочтении перевода его из Горация», 1811, ст. 15–18 (Вяземский. Изд. 1986. С. 58)]; Но вскоре произвел <...> державный фоб потом // Меня истопником // Своих племянниц Граций, // Которым наш Гораций – // Державин так знаком [Жуковский, «<К А. Н. Ар-беневою>» («Сказать вам: коротко да ясно!..»), 1812, ст. 40–47 (Жуковский. Изд.

316

1999–2000. Т. I. С. 219)]; <...> где в хоре Муз и Граций // Виргилий отдыхал, Овидий и Гораций [Ж. Делиль, «Сады», перевод А. Ф. Воейкова, 1807–1815; песнь IV, ст. 545–546 (Делиль. Изд. 1988. С. 160)]; Питомцы юных Граций – // С державиным потом // Чувствительный Гораций // Является вдвоем (А. С. Пушкин, «Городок», 1815, ст. 114–117); и ты в беседе Граций, // Не зная черных бед, // живешь, как жил Гораций, // Хотя и не поэт [Он же, «К Пушину (4 мая)», 1815, ст. 31–34]; Они живут в своих шатрах, // Вдали забав и нег и граций, // Как жил бессмертный трус Гораций <...> [Он же, «Послание В. Л. Пушкину», 1817, ст. 62–64 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 98, 120, 251)]; Под камнем сим сокрыт любимец Муз и Граций, // Фелицы славныя певец, // Державин, Пиндар наш, Анакреон, Гораций <...> [А. Е. Измайлов, «Эпитафия Державину» (Сын Отечества. 1816. ч. 31. № XXIX. С. 108)]; Морвена Бард, Давид, Гораций, // Орган небес и лютия Граций [А. Г. Родзянка, «Державин» (Благонамеренный. 1819. ч. V. № IV. С. 205)] и др.

10.1, ст. 4. Вахтпарад (нем. wachtparade) – развод для смены караулов (СЛРЯ XVIII в. Вып. 2. С. 222–223). Ср. развод (10.1, ст. 22) и в карауле (10.1, ст. 26).

10.1, ст. 5–6. Сыну милому Венеры, // Рошам Пафоса, Цитеры <...> Венера (Venus) – богиня любви в римской мифологии (в греческой мифологии – Афродита). Сын Венеры – бог любви Амур, или Купидон (см. комментарий к № 23.1, ст. 14–15); в греческой мифологии ему соответствует Эрот (см. комментарий к № 10.2, ст. 30). Милый сын – ср.: Киприды милый сын [К. Н. Батюшков, «Элегия из Тибулла. Вольный перевод», опубликован в 1815 г., ст. 82 (Батюшков. Изд. 1977. С. 208)]. Пафос (лат. Paphos, греч. Παφός) – город на южном берегу о. Крит, где находился один

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *Vara* из храмов богини любви Афродиты. Цитера (лат. *Cythera*, греч. *Κβθερα*) – остров на юге Лаконики, где находился храм Афродиты Урании. Все имена собственные в ст. 5 и 6 служат перифрастическими именованиями любви и любовных наслаждений.

10.1, ст. 7. Гордый лавр и мирт веселой. Лавр символизирует здесь поэзию, а мирт – любовь: римляне считали лавр деревом Аполлона, а мирт – деревом Венеры (Seyffert 1957. P. 43, 681).

10.1, ст. 9. Кивер воина тяжелой. Кивер – военный головной убор с расширяющейся сверху тульей, козырьком и подбородочным ремнем. Его делали из кожи или плотного сукна, он был высоким (до 70 см вместе с венчавшим его султаном) и вправду достаточно «тяжелым» – до 2 кг (Кирсанова 1995. С. 125–126).

10.1, ст. 12. Скука томно дни прядет. Вариация античного мифологического образа: Парки прядут нить жизни (Виноградов 1935. С. 268–269).

10.1, ст. 13–14. И теперь меня в мундире // Гений мой не узнает! Гений (лат. *genius*) – по представлениям римлян, божество – покровитель человека (ср.: СЛРЯ XVIII в. Вып. 5. С. 104); здесь ‘творческий дух’.

317

10.1, ст. 15. Мне-ли думать о куплетах? Куплеты (франц. *couplets*) – ‘строфы стихотворения или песни’, здесь расширительно ‘стихи’.

10.1, ст. 17. Мар с (*Mars, Mavors*) – бог войны в римской мифологии; здесь иронически об офицере. Затянутый в штиблетах – см. ниже, комментарий к

№ 10.2, ст. 17.

10.1, ст. 19. Кличет ратников по свойски. Бурлеское совмещение древне-русизма ратники и коллоквиализма по свойски, означающего здесь матерную брань (Фризман 1966. С. 10–и).

10.1, ст. 22. Пинд (Шv8o<;) – горный хребет в Греции, отделяющий Фессалию от Эпира. Древние греки считали Пинд местом пребывания Аполлона и Муз – божеств, покровительствующих искусствам. Развод (воен.) – смотр караулов перед отправкой их на посты (ср. выше, комментарий к № 10.1, ст. 4).

10.1, ст. 25. Камены (*Camenae*) – латинское название Муз, богинь искусств и наук (греческая и римская мифология). Хариты (Харите<sup>л</sup>, ед. ч. Харк; ‘красота; милость’) – в греческой мифологии богини, воплощающие благое начало жизни; в более узком смысле – богини красоты.

10.1, ст. 27. Вольный баловень забавы. См. комментарий к № 18.2, ст. 43.

10.1, ст. 31. В долине злачной. Злачный – ‘изобилующий травой, зеленью’ (САР. Ч. II. Стб. 874; СЛРЯ XVIII в. Вып. 8. С. 185).

10.1, ст. 36–38. <...> Пой, любимец Аонид! // В тихой сладостной кручине // Слушать буду голос твой <...> Ср.: Любимца твоего, любимца Аонид, // И горесть сладостна бывает <...> [Батюшков, «Мечта», редакция 1817 г., ст. 21–22 (Батюшков. Изд. 1977. С. 253)]. Аониды (*Aonides*) – еще одно именование Муз, произведенное от топонима Аония (местность в Беотии, где находится гора Геликон, одно из мест обитания Муз). Любимец Аонид – поэт.

10.2, ст. 16. Феба луч едва блеснет <...> Феб (греч. *Φοτ(ξ* ‘светозарный’) – эпитет бога Аполлона, отождествляемого с солнцем (греческая мифология); здесь в значении ‘солнце’.

10.2, ст. 17. Марс затянутый, в шиблетах. В самом начале царствования Александра I «на смену относительно просторному немецко-венгерскому кафтану пришел мундир французского образца – узкий, с высоким стоячим воротником и резко расходящимися ниже пояса полами <...> Соответственно камзолы укорачивались и превращались в жилеты» (Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX века. СПб., 2001. С. 211). Для того, чтобы продемонстрировать свою статность, многие офицеры начали затягиваться в корсет; ср.: Затянутый невежда-генерал [А. С. Пушкин, «Послание к кн. Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...»), 1819, ст. 27]; так иногда супругу генерала // Затянутый прельщает адъютант (Он же, «Гавриилиада», 1821, ст. 97–98); Ее настиг молодой улан / / Затянут – статен и румян [Он же, «Евгений Онегин», 7, VIII, 10–и вариант (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 115; т. 4. С. 124; т. 6. С. 420)]. В поздней редакции

318

комментируемого стиха иная пунктуация, меняющая смысл причастия затянутый. Шиблеты, штиблеты (нем. *Stiefeletten* ‘сапожки, полуботинки’) – «суконная, на подкладке, реже кожаная, голенища <...> на крючках или пуговках вдоль наружной сторон голени; камши, ногавцы» [Даль. Изд. 1903–1909. Т. 4. Стб. 1474 (s. v. штиблеты), ср. 1507 (s. v. шиблеты)].

10.2, ст. 26. Аркадия (‘Архавиос) – область в центре Пелопоннеса в Греции, место возникновения культа пастушеского бога Пана. В европейской культуре XVI–XVIII в. Аркадия стала символом идиллического покоя и патриархальной простоты нравов.

10.2, ст. 30. Нимфы (*Nuptat*) – низшие стихийные женские божества (греческая мифология). Эрот (греч. *ερσο\$,* род. пад. *ερσοτο<;* ‘желание, страсть’) – бог

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага любви в греческой мифологии.

И. А. Пильщиков

и

Прощанье («Простите, милые досуги...»)

Первая «унылая» элегия Боратынского. Судя по тому, что поэт не включил ее в Изд. 1827 и Изд. 1835, он остался ею недоволен. Стихотворение было упомянуто в письме В. Н. Каразина министру внутренних дел как одно из доказательств безнравственности молодых сотрудников Вольного общества любителей российской словесности (/см.: Русская Старина. 1899. Т. ХСVIIII. кн. V. С. 279). Начальные строки «Прощанья» были использованы в поздней редакции элегии «Елизийския поля» (см. комментарий к № 37.1, ст. 12).

И, ст. 4. Вяну в утро дней! Ср. употребление глаголов с этим корнем в элегиях К.

Н. Батюшкова: <...> Едва ли на заре сей жизни не увяну [«Воспоминания 1807 года», 1809 (заглавие в «Опытах в Стихах и Прозе» – «Воспоминание»), ст. 22]; я вянул, исчезал, и жизни молодой, // Казалось, солнце закатилось <...> Я от любви теперь увяну [«Выздоровление», опубликовано в 1817 г. (Батюшков. Изд. 1977. С. 221, 214); см. также комментарий к № 41.1, ст. 12]– и особенно в «унылых» элегиях А. С. Пушкина 1815–1817 гг.: я вяну, прекрати тяжелый жизни сон («К ней», 1815, ст. 2); Умчались вы, дни радости моей! // Умчались вы – невольню лютятся слезы, // И вяну я на темном утре дней [«Элегия» («Опять я ваш, о юные друзья!»), 1817, ст. 32–34 (Пушкин. Ак. т. 1. С. 129, 240)]. К последнему примеру предельно близок текст Боратынского (Виноградов 1941. С. 170).

И, ст. 5. Стезею потаенной. Ср. это же выражение в элегии Батюшкова «Надежда», 1815, ст. 14 (Батюшков. Изд. 1977. С. 201).

319

11, ст. 6. В ночь молчаливую, тишком. Ср. у Батюшкова в элегии «Ложный страх. Подражание Парни» (1810, ст. 1–4): Помнишь ли, мой друг бесценный! // Как с амурами тишком, // Мраком ночи окруженный, // Як тебе прокрался в дом? – а также наречие тишком в элегии «Привидение. Из Парни», 1810, ст. 16 (Батюшков. Изд. 1977. С. 293, 217).

И, ст. 10. Светильник дней моих бледнеет. Реминисценция начальных строк «Элегии» Э. Парни («Poesieserotiques», 1777–1781; кн. II, элегия 4): Ош, sans regret, du flambeau de mes jours // Je vois palir la lumiere eclipsee = да, я без сожаления вижу, как светильника моих дней // Бледнеет померкший свет (Parny. Ed. 1862. P. 46; см.: ПФП. С. 166–167). Ср. также русские параллели, отмеченные В. В. Виноградовым (Виноградов 1941. С. 151): Последний взор моих очей // Луча бессмертия не встретит, // И погасающий светильник юных дней // Ничтожества спокойный мрак осветит [Пушкин, «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»), 1816, ст. 8–и (Пушкин. Ак. т. 1. С. 216)]; Светильник дней моих печальных угасает [В. И. Туманский, «Вертер к Шарлотте. (За час перед смертью)», ст. 1 (Благонамеренный. 1819. Ч. 6. № VII. С. 5)1

11, ст. 18. <...> Младую пышной красотой. Пышная – здесь ‘великолепная’ (ср.: САР. Ч. V. Стб. 756).

И. А. Пильщиков

12

12.1. «Тебе на память, в книге сей...»

12.2. Ш – му (в Альбомъ) («Пускай измаранный листок...»)

12.3. «Земляк! в стране чужой суровой...»

Заглавие в Изд. 1827: «В Альбомъ».

Андрей Иванович Шляхтинский (ок. 1797 – ?), к которому обращено стихотворение, – прапорщик лейб-гвардии Егерского полка, близкий знакомый Боратынского. С октября или ноября 1818 г. до конца августа 1819 г. Боратынский вместе с А. И. Шляхтинским снимал квартиру в доме Василия Ежовского (Гижевского) в Семеновских ротах, вблизи набережной фонтанки (см.: Шубин 1985. С. 49, 314; ИП. С. 120–121, 337–338, 354; летопись. С. 88). Очевидно, первая редакция послания была создана после 24 августа 1819 г. по случаю отъезда Шляхтинского из Петербурга в Орловский пехотный полк (Летопись. С. 92). Вероятно, Боратынский предоставил текст послания В. К. Кюхельбекеру, который в 1819 г. приносил это стихотворение вместе с посланием «К Креницыну» воспитанникам петербургского Благородного пансиона (Маркевич. Изд. 1980. С. 295). Первая

320

редакция послания к Шляхтинскому была опубликована в «Сыне Отечества», так же как послание «К Креницыну» (см. комментарии к № 9).

Комментируемое стихотворение написано астрофическим 4-стопным ямбом. Структура рифм во второй редакции существенно отличается от первоначальной. В ранней редакции текст распался на 4-строчные строфоиды с опоясывающей рифмовкой (авва + CddC + ... + пооп), между которыми вклинивался один «катрен» (№ 12.2, ст.



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский 9–12) с перекрестными рифмами (...eFeF...). Он был сохранен при переработке стихотворения, и под его влиянием перекрестную рифмовку приняла остальная «четверостишия» (aBAb + dCdC +...). Однако дело этим не ограничилось. Два смежных строфоида первой редакции (№ 12.2, ст. 13–16, 17–20) имели общую мужскую рифму (...gHNg + /gg/...). При подготовке Изд. 1827 этот фрагмент был сокращен до пяти строк (...gHggH...). По образцу новоявленного «пястишия» были переоформлены два заключительных строфоида, превратившихся из 4-строчных в 5-строчные. Текст, печатаемый в настоящем издании под № 12.3, представляет собой вариант второй редакции и отличается от нее зачином: место двух 4-строчных начальных строфоидов заняло «четверостишие» с опоясывающей рифмовкой АЬА. Ср. соотношения между рифменными цепочками в первой и второй редакциях (№№ 12.2 и 12.1; полужирным шрифтом помечены строки, перешедшие из первой редакции во вторую в неизменном виде):

первая редакция: aBbA (1–4) CddC (5–8) eFeF (9–12)

вторая редакция: aBbA (1–4) cDcD (5–8) eFeF (9–12)

первая редакция: gHNg (13–16) /gg/(17–20)

вторая редакция: gHggH (13–17)

первая редакция: jKkJ (21–24) Lmml (25–28) пооп (29–32)

вторая редакция: jKkJ (21–24) mLmml (25–28) попоп (29–32)

п – стих перенесен в новую редакцию с заменой местоимения (мой вместо его)

12.1, ст. 4. Гость минутной! Излюбленный эпитет В. А. Жуковского: О жертва мирная, минутный гость земной <...> («Отрывок из Делилева дифирамба на бессмертие души», 1806, ст. 14); Сыны в дому оти, ов минутными гостями // являлись <...> («Императору Александру», 1814, ст. 102–103); ср. также: В печальном странствии минутной жизни сей <...> («К поэзии», 1804, ст. 37); Один – минутный цвет – почил, и непробудно <...> («Вечер», 1806, ст. 62); <...> Но в мире он минутный странник был («Певец», 1811, ст. 10); и др. (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 79, 369, 62, 77, 159). Ср. у К. Н. Батюшкова (несомненно, под влиянием Жуковского): минутный шум веселья и пиров; Минутны странники, мы ходим по гробам <...> [«К другу», 1815, опубликовано в 21. Боратынский. Том 1

321

1817 г.; ст. 5, 25 (Батюшков. Изд. 1977. С. 250, 251)]. Ср. также у Н. И. Гнедича в переводе предсмертной оды Н. Жильбера («К Провидению», опубликовано в 1820 г.; ст. 25): Увы, минутный гостя я на земном пиру <...> (Гнедич. Изд. 1956. С. 111; о судьбе этой строки см.: ФЭ. С. 609).

12.1, ст. 9–12. Ты помнишь милую страну, // Где жизнь и радость мы узнали, // Где зрели первую весну <...>? Ср. параллельное место в «Отрывках из Поэмы: Воспоминания»: <...> Увидеть милую, священную страну, // Где жизни он провел прекрасную весну, // Провел невинное, безоблачное детство (№ 13, ст. 151–153; о соотношении этих стихов с их французским источником см. комментарий к № 13, ст. 149–153). Те же обороты – у Жуковского в стихотворении «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» (1813, ст. 29–30): Ах! зрел ли милую страну, // Где я был счастлив в прежни годы? (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 255). Рифмы страну : весну и страна : весна Боратынский использовал еще дважды (Shaw 1975. P. 32, 79) – в элегиях «Прощай, отчизна непогоды...» (см. в настоящем издании № 35) и «Я посетил тебя, пленительная сень...» (см. в настоящем издании № 180). В первом случае эта рифма перенесена в описание Финляндии (очевидно, по контрасту: «родная страна» – «чужая страна»), во втором – в описание Элизия, мысли о котором навевают поэту встреча с родиной (см. комментарий к № 180, ст. 64 и далее).

Первую весну (ст. 11), прекрасную весну («Отрывки из Поэмы: Воспоминания»; № 13, ст. 152), ср. мою весну («Прощай, отчизна непогоды...»; № 35.1, ст. 28). Обычное для элегической поэзии этого времени перифрастическое обозначение детства или ранней молодости; ср. франц. *top printemps* ‘моя весна’, *printemps de ta vie* (de *top age*, de *mes jours*), ‘весна моей жизни (моего возраста, моих дней)’, *les jours de top printemps* ‘дни моей весны’ (см.: Савченко 1926. С. 72, 77, 81, 84; Nabokov 1964. Vol. 3. P. 25–28; ПФП. С. 151–152, 170–171).

<...> Где зрели первую весну, // Где первой страстию пылали? Ср. у А. Бертена («Les Amours», 1780–1785, кн. II, элегия 5, ст. 11–13): C’est Ia, c’est Ia qu’au printemps de ta vie, // En la voyant je me sentis bruler // D’un feu soudain <...> = Это там, это там, где в весну моей жизни, // Увидев ее, я почувствовал, что пылаю // Внезапным огнем <...> (Bertin. Ed. 1879. P. 58).

12.1, ст. 16 и далее. <...> я <...> Аты <...> См. комментарий к № 34, ст. 25 и далее.

12.1, ст. 19. А ты узришь поля родная. Вариант поздней редакции находит параллель в элегии «Бдение»: Увижу-ль вас, поля родная? (№ 41.2, ст. 9).

12.1, ст. 20–21. И прошлых счастливых годов // Вспоманешь были золотыя – ср.:

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *va*  
Но любит вспоминать он были прежних лет («Отрывки из Поэмы: Воспоминания»; № 13, ст. 39). Гипотетический протоисточник – Тибулл, кн. I, элегия X (XI), ст. 44 в переводе Батюшкова: Я б юность вспомянул за ча

322

шей круговую, 11 и были и дела давно протекших дней! [«Тибуллова Элегия XI из I книги», 1810, ст. 66–67 (Батюшков. Изд. 1977. С. 226)]. Связь с латинской рустической и элегической топикой обнаруживается также в первой редакции послания Шляхтинскому (см. комментарий к № 12.2, ст. 24)

12.1, ст. 25–26. <...> Судьбы враждебной, с юных лет // И до конца непримиримой! Реминисценция из элегии Батюшкова «Умиравший Тасс» (см. комментарий к № 35.1, ст. 9–12).

12.1, ст. 27. Когда-жь стихи мои найдешь <...> Союз когда(-жь) можно понимать как во временном ('когда же'), так и в условном смысле ('если же').

12.2, ст. 17–18. Путеводимый // Своей блуждающей звездой. Терминологически блуждающая звезда – это, собственно, не 'звезда', а 'планета' (подробнее см. комментарии к № 151). Поскольку по планетам ориентироваться нельзя, в этом употреблении следует видеть каламбур (может быть, невольный): «блуждающая» звезда символизирует судьбу странника.

12.2, ст. 24. Сожжешь мастики в честь Богам. Ср.: <...> мирный өмиам // Я буду посвящать отеческим богам («Отрывки из Поэмы: Воспоминания»; № 13, 189–190). Об этой параллели см.: Пильщиков 1994а. С. 35–36.

12.2, ст. 25. Но где ж Певец, тобой любимый? (чтение «Сына Отечества») vs Но где ж певец, тобой любимой? (чтение «Соревнователя Просвещения и Благотворения»). Вариант «Соревнователя» дает графически точную рифму любимой (муж. р., им. пад.): непримиримой (жен. р., род. пад.); при этом в ст. 30–31 в обеих публикациях («Сына Отечества» и «Соревнователя») рифма точная – милой (муж. р., им. пад.): унылой (жен. р., твор. пад.). О «глазных» рифмах см. комментарий к № 34, ст. 27–28.

12.3, ст. 1. В стране чужой, суровой – то есть в Финляндии. Ту же комбинацию эпитетов (чужой + суровый) мы встречаем в альбомном стихотворении 1824 г., адресованном А. В. Лутковской: когда придется как забуд // В досужный час вспомануть // Вам о Финляндии суровой <...> Не позабудьте обо мне, // Поэте сиром и безродном, // В чужой, далёкой стороне, // Сердитом, грустном и голодном (№ 82, ст. 1–10). Словосочетание в стране чужой (вариант: в чужой стороне) употребляется у Боратынского только применительно к Финляндии (5 случаев; примеры см.: Shaw 1975. P. 377, 416). Словами Суровый край <...> начинается описание Финляндии в поэме Боратынского «Эда» (в редакции 1824–1825 гг. – ст. 41 и далее; см. в настоящем издании раздел «Поэмы»).

И. А. Пильщиков

21\*

323

13

Отрывки из Поэмы: Воспоминания («Посланица небес, бессмертных дар счастливым...»)

Первый опыт Боратынского в большом жанре. В основе этого полуоригинального-полупереводного произведения лежат отрывки из двух французских поэм – «Les Souvenirs, ou Les Avantages de la Memoire» Г.-М.-Ж.-Б. Легуве («Воспоминания, или Преимущества Памяти», 1798; см.: Томашевский 1922. С. 225 примеч. 1; Изд. 1936. Т. II. С. 285) и «Les Jardins, ou L'Art d'embellir les paysages» Ж. Делиля («Сады, или Искусство украшения пейзажей», 1782–1801; см.: Pilshchikov 1994b. P. 105–106). Переводя Делиля, Боратынский ориентировался на перевод «Садов», сделанный А. Ф. Воейковым (1807–1815; отдельное издание: СПб., 1816), а перелагая Легуве, широко использовал поэтическую идиоматику, разработанную Н. М. Карамзиным и его последователями, в первую очередь К. Н. Батюшковым (см. об этом: Пильщиков 1995а). Кроме того, в текст введены фрагменты, отмеченные влиянием других французских и русских авторов.

Габриэль-Мари-Жан-Батист Легуве (Gabriel-Marie-Jean-Baptiste Legouve, 1764–1812) – автор дидактических поэм «La Sepulture» («Могила»), «La Melancolie» («Меланхолия»), «Le Merite des femmes» («Достоинство женщин»; опубликованы в 1801) и др. Полностью поэма «Les Souvenirs» была переведена на русский язык Д. П. Глебовым (отдельное издание: М., 1823).

Жак Делиль (Jacques Delille, 1738–1813) – один из ведущих французских поэтов XVIII в., переводчик «Георгик» Вергилия (1770) и Вергилиевой «Энеиды» (1804), автор поэм «L'homme des Champs» («Сельский житель», 1802), «L'Imagination» («Воображение», 1806), «Les Trois Regnes de la Nature» («Три царства Природы», 1806) и др., член французской академии с 1774 г. Поэма Делиля «Les Jardins» принадлежит к числу наиболее значительных произведений позднего классицизма [см. о ней: Klemperer V. Delilles «Garten»: ein Mosaikbild des 18. Jahrhunderts.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *Bara*  
Berlin, 1954; Guittou É. Jacques Delille (1738–1813) et le poème de la nature en  
France de 1750 à 1820. Paris, 1974. P. 329–349]. Воейков-ский перевод «Садов»  
стал в 1810-х годах сенсацией (см. о нем: Лотман . М. «Сады» Делиля в переводе  
Воейкова и их место в русской литературе // Делиль. Изд. 1988. С. 191–209).  
13, ст. 1–2. Посланица небес, бессмертных дар счастливый, // Подруга тихая  
печали молчаливой <...> Ср. начальные стихи поздней и ранней редакции элегии К.  
Н. Батюшкова «Мечта»: Подруга нежных муз, посланица небес <...> Где ты  
скрываешься, Мечта, моя богиня? (Батюшков. Изд. 1977. С. 253);

324

О сладостна мечта, дочь ночи молчаливой, // Сойди ко мне с небес в туманных  
облаках <...> (Батюшков. Изд. 1964. С. 55). Батюшков, в свою очередь, варьирует  
Н. М. Карамзина («Приношение грациям», 1793, ст. 9–10): Богини кроткие, любимицы  
небес, // Подруги нежных муз и всех красот нетленных! (Карамзин. Изд. 1966. С.  
117). Ср. также в стихотворении Н. Д. Иванчина-Писарева «К Дружбе»: Богиня  
кроткая, сладчайший дар небес! (Вестник Европы. 1814. Ч. LXXVIII. № 24. С. 298;  
параллели отмечены: Пильщиков 1995а. С. 371 примеч. 12). Этим  
«общекарамзинистским» фоном опосредуются французские первоисточники поэмы  
Боратынского.

13, ст. 3. О память! – ты одна беседуешь со мной <...> Поэма Легуве начинается с  
обращения к Мнемозине (а не к памяти):

Sur l'immortel sommet de la double colline tu creas la Mémoire, auguste  
Mnemosyne;

Je chante tes bienfaits; souris à mes accords.

(Ст. 1–3; Legouvé. &d. 1813. P. 111)

(Перевод: На бессмертной вершине двойного холма Ты создала Память,  
божественная Мнемозина; // Я пою твои благодеяния; улыбнись моим аккордам.)

13, ст. 5–6. Тобою щастия мгновенья легкокрылы // Давно протекшия в мечтах мне  
снова милы. Ср. в «Les Souvenirs» Легуве:

La Mémoire en effet est un de nos trésors:

Par elle, on resaisit les heures, les années,

Dans la fuite du temps tour-à-tour entrainée;

Par elle, le passé redevient le présent.

(Ст. 4–7; Legouvé. Ёси. 1813. P. 111)

[Перевод: Память, действительно, – одно из наших богатств: // Ею (= благодаря  
ей) вновь овладевают часами, годами, // которые увлекает один за другим бег  
времени; // Ею (= благодаря ей) прошлое становится настоящим].

Творительный причинный и близкий к нему творительный падеж лица со значением  
‘благодаря’ (ср. у Боратынского: «Тобою мгновенья мне снова милы») хоть и не  
часто, но встречаются в поэзии начала XIX в. (см.: Булаховский 1954. С. 335–  
336). Ср.: О Делия! я жизнь лишь чувствую тобою [И. И. Дмитриев, «Тибулло- ва  
Элегия», ст. 62 в редакциях 1795–1818 гг. (цит. по: Пильщиков 1995б. С. 108)];  
Мне свет прелестен был тобою (В. А. Жуковский, «Мальвина», 1808, ст. 3); Тобой и  
для одной тебя // живу и жизнью наслаждаюсь; / / Тобою чувствую себя; II в тебе  
природе удивляюсь [Он же, «Песня» («Мой друг, хранитель-ангел мой...»), 1808,  
ст. 33–36 (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 119, 130)];

325

В края изгнанников... я счастлив был тобой (Батюшков, «Мечта», редакция 1817  
г., ст. 99); Тобою в чувствах оживаю [Он же, «Есть наслаждение и в дикости  
лесов...», 1819–1821, ст. 10 редакторский вариант (Батюшков. Изд. 1977. С. 256,  
349)]; Тобой узнал я, как сильна, // как восхитительна Киприда // И как  
торжественна она! [Н. М. Языков, «Аделаиде», 1826, рукописная редакция, ст. 2–4  
(Языков. Изд. 1988. С. 493)]. Ср. с объяснением такого употребления  
творительного падежа как приметы индивидуального стиля Жуковского: Вацура В. Э.  
Последняя элегия Батюшкова: История текста // Русская речь. 1993. № 2. С. 21.  
13, ст. 8–9. Люблю, задумавшись, минувших дней моих / / Воспоминать мечты,  
надежды, наслажденья <...> Ср. в элегии Жуковского «Вечер» (1806, ст. 45–46):  
Сижу задумавшись; в душе моей мечты // К протекшим временам лечу  
воспоминаньем... (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 76).

13, ст. 10. <...> Минуты радости, минуты огорченья. Ср. у Легуве:

Eh! jetant sur ses jours un regard complaisant,

Qui n'aite à remonter le fleuve de la vie!

Qui n'aite à voir, devant son ame recueillie,

Comme un mouvant tableau, re passer lentement ses instants de plaisir, et tôte  
de tourment!

(Ст. 8–12; Legouvé. fd. 1813. P 111)

(Перевод: Ах! бросая снисходительный взгляд на свои дни, // кто не любит плыть  
назад по реке жизни! // кто не любит смотреть, как перед его сосредоточенной  
душой // Подобно движущейся картине вновь медленно проходят / / Мгновения

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
радости и даже мгновения страдания!)

13, ст. 11–12. Не раз волшебною взлелеянный мечтой // Я в ночь безмолвную  
беседовал с тобой. Ср. обращение к музе в вольном переводе Н. И. Гне- дича из  
III книги «Потерянного Рая» Дж. Мильтона («Мильтон, сетующий на свою слепоту»,  
1805, ст. 20): <...> в одном безмолвии беседую с тобой (Гнедич. Изд. 1956. С.  
75). Тема мечты, отсутствующая в «Les Souvenirs» Легуве, восходит к элегии  
Батюшкова «Мечта» (см. выше, комментарий к № 13, ст. 1–2). Волшебною мечтой –  
ср. в «Мечте» (ст. 109): Волшебница моя! дары твои бесценны <...> (Батюшков.  
Изд. 1977. С. 256). См. также комментарий к № 13, ст. 63.

13, ст. 13–14. И в дни щастливые на час перенесенный, // Дремал утешенный и с  
жизнью примиренный. У Легуве этому соответствует:

Il semble que du temps on arrete la trace;  
On croit joindre a ses jours tous ceux qu'on se retrace;  
Et de leur cours rapide on se sent console.

(См. 13–15; Legouve. Ёси. 1813. P. 111)

326

(Перевод: Вам кажется, что вы удержали отпечаток времени; // Вам верится, что к  
своим дням вы присоединили все те, которые вы вспоминаете, / / // чувствуете  
себя утешенным их быстрым движением.)

13, ст. 15. Так, всем обязан я твоим приветным сном. Этот стих не имеет аналогов  
в ближайших литературных источниках поэмы Боратынского.

13, ст. 16. Тебя я петь хочу; – дай жизнь моим струнам. Эта строка соответствует  
цитируемому выше 3-му стиху из поэмы Легуве: /e chante tes bienfaits; souris  
a mes accords (я пою твои благодеяния; улыбнись моим аккордам). Ср. также ст.  
15–17 из батюшковской «Мечты»: Явись, богиня, мне, и с трепетом священным //  
Коснуса я струнам, // Тобой одушевленным! (Батюшков. Изд. 1977. С. 253).

13, ст. 17–20. Эти стихи не имеют аналогов в ближайших литературных источниках  
поэмы Боратынского.

13, ст. 17. Цевнице вторь моей <...> В существующих комментариях к «Отрывкам из  
Поэмы: Воспоминания» говорится: «Цевница – свирель» (Изд. 1989. С. 392; Изд.  
1989. С. 392; изд. 2000. С. 494). Однако из текста Боратынского ясно, что под  
цевницей имеется в виду не духовой, а струнный инструмент: наряду со значением  
'свирель' (САР. ч. VI. Стб. 1219) это слово имело в XIX в. и другое,  
церковнославянское значение 'лира; арфа' (Дьяченко 1900. С. 805; Цейтлин и др.  
1994. С. 772; Пильщиков 2000. С. 385). Ср. в VII элегии Д. В. Давыдова (1817,  
ст. 1–2): Нет! полно пробегать с улыбкою любви // Перстами легкими цевницу  
золотую (Давыдов. Изд. 1984. С. 83). У А. С. Пушкина, который в большинстве  
случаев употребляет слово цевница в значении 'свирель', есть контексты, где речь  
может идти только о лире; ср., например, в «Тени фон-Визина» (1815, ст. 296): И  
Феб цевницею златою // Почтил любимца своего (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 164).  
<...> твой голос сердцу внятен. См. комментарий к № 26, ст. 1–2.

13, ст. 19–20. Ах! кто о прежних днях порой не вспоминаль? / / Кто жизнь  
печальную мечтой не украшал? По наблюдению А. Б. Пеньковского, в поэтическом  
языке пушкинской эпохи мечта в аналогичных контекстах – не 'создание  
воображения', а «высокий поэтический эквивалент нейтрального воспоминание,  
ключами к семантике которого <...> регулярно выступают знаки прошедшего времени  
и памяти» [Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря: «Так  
уносились мы мечтой / К началу жизни молодой»: («Евгений Онегин», 1, XLVII,  
13–14) // В печати].

13, ст. 21–26. Смотрите: – Вот старик седой, изнеможенный, // На ветхих костылях  
под ношей лет согбенный, // Он с жизнью сопряжен страданием однимъ; // Уже  
могилы дверь отверста перед нимъ; – // Но он живет еще! – он помнит дни златые!  
// Он помнит резвости и радости младья! Ср. в «Les Souvenirs» Легуве:

327

Regardez ce vieillard sous les ans accable;  
Si l'on oublioit tout, sa voix foible et tremblante,  
Ses yeux appesantis, sa marche defaillante,  
De la mort a son ame offreroient le tableau;  
Mais, grace aux souvenirs, du bord de son tombeau Rejetant a son gre ses regards  
en arriere,

Il revient sur ses jours, et rouvre sa carriere:  
Il s'entoure des biens qu'il gouta si long-temps;  
Sa vieillesse sourit aux jeux de son printemps;  
Et, dans Tillusion dont son ame est ravie,  
Il repousse sa tombe, et s'attache a la vie.

(См. 16–26; Legouve. Id. 1813. P. 111–112)

(Перевод: Взгляните на этого старца, согбенного под годами; // Если бы всё  
забывалось, то его слабый и дрожащий голос, // Его отяжелевший взор, его

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *va*  
нетвердая походка // Преподнесли бы его душе картину смерти; // Но благодаря  
Воспоминаниям, стоя на краю могилы // И бросая по своему желанию взгляды назад,  
// Он вспоминает свои дни, он вновь начинает свой жизненный путь: // Он окружает  
себя благами, которые вкушал так долго; // Его старость улыбается играм его  
молодости; // Ив иллюзии, которой увлечена его душа, // Он отталкивает от себя  
могилу и цепляется за жизнь.)  
13, ст. 27–28, 39. С товарищем седым, за чашей круговой, // Мечтает о былом, и  
вновь цветет душой <...> Но любит вспоминать он были прежних лет. Ср.: У  
светлого огня, с подругою молодою, // Я б юность вспомянул за чашей круговою, //  
И были и дела давно протекших дней! [К. Н. Батюшков, «Тибуллова Элегия XI из I  
книги», 1810, ст. 65–67 (Батюшков. Изд. 1977. С. 226)].  
13, ст. 33–46. Наскучив странствием и жизни суетою <...> И тихо шепчет он: –  
«всего милей свобода!» Источник этого фрагмента неизвестен.  
13, ст. 47–48. О дети памяти! о Фебовы сыны! // Певцы бессмертные! В поэме  
Легуве этим строкам соответствует ст. 145:  
Les arts, sur-tout les arts sont fils de la Memoire.  
(Leguoue. fd. 1813. P. 117)  
(Перевод: Искусства, особенно искусства являются детьми Памяти.) Ср. программное  
стихотворение Карамзина «Послание к женщине» (1795, ст. 381–382): Славнейшие  
творцы // И Фебовы друзья, бессмертные певцы <...> (Карамзин. Изд. 1966. С. 179;  
параллель отмечена: Pilshchikov 1996. P. 85–86). феб – эпик- лес бога Аполлона,  
покровителя поэтов (греческая мифология). Фебовы сыны – поэты. Сыны, чада,  
друзья, питомцы, любимцы феба (Аполлона) – устойчивые перифрастические  
именования поэта у авторов первой трети XIX в. (ПФП. С. 26– 27, 112–113, 116–117).  
328  
13, ст. 50. «Отзыву прежних чувств и прежних впечатлений». Ср. начальные строки  
из батюшковского «Послания И. М. Муравьеву-Алостолу» (1815): Ты прав, любимец  
муз! от первых впечатлений, // От первых, свежих чувств заимлет силу гений  
(Батюшков. Изд. 1977. С. 281; об этой реминисценции см.: Пильщиков 1999. С.  
289).  
13, ст. 55–58. Когда вы кистию волшебною своей // Порывы бурные, волнение  
страстей // Прелестно, пламенно и верно выражали, // Вы отголоску их в самих  
себе внимали. Сжатый пересказ полутора десятков строк Легуве; ср.:  
Quand ces peintres, dont Rome a prepare la gloire,  
Ont voulu reproduire en leur savants tableaux Le courroux des autans qui  
soulevent les flots,  
Les eclats d'un volcan, le choc de deux armees,  
Le vol de l'incendie aux ailes enflammees,  
Les sillons de la foudre eclatant dans les cieux,  
Ces grands objets alors etoient-ils sous leurs yeux?  
Non, iis n'etoient presents qu'aux yeux de leurs pensee.  
<...> S'ils ont, sous des couleurs fideles, eloquentes,  
Trace du coeur humain les passions brulantes,  
Cest qu'ils avoient senti ce qu'ils ont exprime:  
Pour bien peindre Tamour ii faut avoir aime.  
(См. 146–153, 157–160; Legouue. td. 1813. P. 117)  
[Перевод: Когда эти художники, чью славу подготовил Рим, // Хотели воспроизвести  
в своих искусных картинах // Гнев ветров, поднимающих волны, // Раскаты вулкана,  
столкновение двух армий, // Полет пожара на пылающих крыльях, // Извивы молнии,  
вспыхивающей в небе, // Были ли у них перед глазами все эти величественные  
предметы? // Нет, они только представлялись их умственному взору <...> Если они  
в верных красноречивых красках // Начертали пламенные страсти человеческого  
сердца, // Это потому, что они чувствовали то, что выражали: // Чтобы хорошо  
нарисовать любовь, нужно полюбить (= иметь опыт любви).] Фразеология русского  
подражания, кажется, заимствована из стихотворения Савинского «На кончину  
Озерова»: Давно своей всеильной власти // Ты покорял сердца людей, // Когда  
живописуя страсти // Волшебной кистию своей, // Многообразны их отливы // Умел  
искусно оттенять, // И пламенной души порывы // Душам холодным сообщать [Труды  
ВОЛРС. 1818. ч. II. № 2. С. 217 (= Соревнователь Просвещения и Благотворения)].  
13, ст. 59 .Ах, скольких стоит слез безсмертия венец! Во французском подлиннике  
речь идет о Расине (ст. 161–170), о которм, в частности, говорится: Tes vers  
<...> se mouilloient de tes pleurs = твои стихи <...> были смочены твоими  
слезами (ст. 167–168).  
329  
13, ст. 63. Но все покоится в безмолвии ночном (ср. № 13, ст. 12: я в нон  
безмолвную беседовал с тобой). Ср. в батюшковской «Мечте» (ст. 18–19): Явился!  
ждет тебя задумчивый пиит, // В безмолвии ночном сидящий у лампы (Батюшков.  
Изд. 1977. С. 253).

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *bagatelle* 13, ст. 64–66. <...> И вежди томные сомкнулись тихим сном. // Воспоминания небесный, светлый Гений // К нам ниспускается на крыльях сновидений. Ср. в «*Les Souvenirs*»:

*Mais sur Thomme assoupi Morphee est descendu;  
Sa paupiere est fermee, et son corps etendu.  
Qui remplira le vide ou le sommeil le plonge?  
Les Souvenirs portes sur les ailes d'un songe.*  
(См. 79–82; Legouve. Ёси. 1813. Р. 114)

(Перевод: Но на усыпленного человека нисходит Морфей; // Его веки сомкнуты, а его тело простерто. // Что заполнит пустоту, в которую его погрузил сон? // Воспоминания, несомые на крыльях сновидения.)

13, ст. 67–70. В пленительных мечтах, одушевленных им, // И к играм и к трудам обычным мы спешим: // Пастух берет свирель, – владелец багряницу, // Художник кисть свою, – поэт свою цевницу (о цевнице см. выше, комментарий к № 13, ст. 17). Во французском оригинале те же персонажи (кроме владельца ‘властелина, правителя’), но несколько иные атрибуты:

*Dans ces tableaux trompeurs, par eux seuls animes,  
Il reprend ses travaux, ses jeux accoutumes.  
Le berger endormi tient encor sa houlette,  
Le poëte son luth, le peintre sa palette <...>*  
(См. 83–86; Legouve. Ё<1.1813. Р. 114)

[Перевод: На этих обманчивых картинах, лишь ими (Воспоминаниями) одушевленных, // Он (человек) возвращается к своим трудам, своим привычным играм. // Спящий пастух еще держит свой посох, // Поэт – свою лютню, художник – свою палитру...] Далее у Легуве упоминаются друг полей (*fami des champs*, ст. 87–88), охотник (*le chasseur*, ст. 89), воин (*le guerrier*, ст. 90), любовник (*l'amant*, ст. 91–92) и друг, оплакивающий умершего друга (ст. 93–95). Из всех этих персонажей в русском тексте появляется только воин (ст. 71–72).

13, ст. 71–72. Потомок рыцарей, взлелеянный войной, // Сверкающим мечом махает над главой. Ср.: *Le guerrier d'un vain bronze affronte le tonnerre* = Воин тщетной медью противостоит грому («*Les Souvenirs*», ст. 90). Остальные детали описания заимствованы, по-видимому, из стихотворения Батюшкова «Сон воинов» (1811, ст. 19–22): Иный чудовище сражает – // Бесплодно меч его сверкает; // Махнул еще, его рука // Подъята вверх... окостенела <...> (Ба- тюшков. Изд. 1977. С. 290; отмечено: Пильщиков 1995а. С. 371 примеч. 12).

330

13, ст. 75–80. Доколе памяти животворящий свет // Еще не озарил туманной бездны лет, // Текли в неизвестности века и поколенья; // Все было жертвою безгласного забвенья; // Дела великия не славились молвой, // Под камнем гробовым незнаем тлел герой. Текли – здесь прош. вр. от церковнославянизма теши ‘идти, проходить’ (в соответствии с франц. *passoient*). Баратынский опускает «мотивирующую» метафору *le flambeau de l'histoire* ‘светильник истории’; ср. у Легуве: *Il <le souvenir> fit plus; de l'histoire il crea le flambeau.*

*Avant qu'on vit briller cette clarte feconde,  
Les temps se succedoient dans une nuit profonde;  
Les peuples, tour-a-tour par l'oubli devores,  
Sur la terre passoient l'un de l'autre ignores;  
Les grands evenements n'avoient point d'interpretes;  
Les debris etoient morts, et les tombes muettes.*  
(См. 172–178; Legouve. Id. 1813. Р. 118)

[Перевод: Более того, оно (Воспоминание) создало светильник истории. // Пока не засиял этот животворящий свет, // Времена следовали друг за другом в глубокой ночи; // Народы, по очереди пожираемые забвением, // Проходили по земле, не ведая один о другом; // Великие дела не имели сказителей; // Обломки были мертвы, а могилы немые.]

Этот фрагмент русского переложения может быть сопоставлен с обращением к Памяти (*Mente*) в XXXVI строфе из I первой песни «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо в переводе Батюшкова (1808): О память светлая! тобою озарены // Протекши времена и подвиги забвенны, // О память, мне свои хранилища открой! // Чьи ратники сии? Кто славный их герой? (Батюшков. Изд. 1964. С. 86–87).

13, ст. 81–84. Преданья свет блеснул, – и камни глас прияли, // Века минувшие из тьмы своей возстали; // Народы поздние урокам внемлют их, // Как гласу мудрому наставников седых. Ср. в «*Les Souvenirs*»:

*L'histoire luit; soudain les temps ont recule;  
L'ombre a fui; les tombeaux, les debris ont parle;  
Les generations s'entendent et s'instruisent;  
Et de l'esprit humain les travaux s'etemisent.*  
(См. 179–182; Legouve. Ёз. 1813. Р. 118)

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *Bara*  
[Перевод: История засияла; внезапно времена отступили; // Мрак исчез; гробницы, обломки заговорили; // Поколения внемлют и получают знания (= наставления); 11 и труды чело́веческого духа увековечиваются.] Боратынский редуцирует тему «говорящих руин», к которой вернется ниже (см. № 13, ст. 105–106).

331

13, ст. 85–86. Рассказы дивные! волшебныя картины! // Свободный, гордый Рим! блестящие Афины! Сопоставление с французским оригиналом позволяет ввести конъектуру в ст. 85 (Рассказы вместо Кавказы; см. текстологические примечания):  
*O charmes de l'étude! 6 sublimes recits!*

*Dans quels transports le sage, a son foyer assis,  
Suit les nombreux combats et d'Athene et de Rome;  
A travers deux mille ans applaudit au grand homme.*

(См. 183–186; Legouve. Id. 1813. P. 118)

(Перевод: О прелести учения! о возвышенные рассказы! // В каком восторге мудрей,, сидя у своего очага, // Следит за многочисленными битвами Афин и Рима, // Через две тысячи лет рукоплещет великому человеку.) 186-й стих из поэмы Легуве отразился в финале «Воспоминаний» Боратынского (ст. 199–200: <...> слышит Гений // Рукоплескания грядущих поколений).

13, ст. 87–94. Великолепный ряд триумфов и честей! и т. д. Источник этого фрагмента неизвестен.

13, ст. 88–89. С каким волнением внимал я с юных дней // Безсмертным повестям Плутарха, Фукидида! Плутарх (Πλοῦταρχος?, ок. 45 – ок. 125) – греческий историк и писатель-моралист, автор множества сочинений, среди которых наибольшей известностью пользуются «Сравнительные жизнеописания» (параллельные биографии героев Греции и Рима). Фукидид (Φουκιδίδης; ок. 460 – ок. 400 до н. э.) – афинский историк, оставивший подробное повествование о Пелопоннесской войне (война между Афинами и Спартой, 431–404 до н. э.).

13, ст. 90. Я Персов поражал с дружиной Леонида. Спартанский царь Леонид (Λεωνίδης) возглавлял отряд из 300 воинов, погибший в сражении против армии персидского царя Ксеркса при Фермопилах в 480 г. до н. э.

13, ст. 91–92. С отцом Виргинии отмщением пылал, // Казалось груд мою пронзил его кинжал. Виргиния (Virginia или Verginia) – дочь римского центуриона Луция Виргиния, ставшая жертвой похоти децимвира Аппия Клавдия, который приказал отдать ее в рабство одному из своих клиентов. Виргиний зарезал свою дочь со словами «Только так я могу сохранить тебе свободу», после чего поднял восстание, приведшее к падению децимвирата в 449 г. до н. э. (Тит Ливий, «История Рима», кн. III, 44–58).

13, ст. 94. В восторге трепетал при имени Катона. Марк Порций Катон Младший, или Утический (Marcus Porcius Cato Minor, или Uticensis, ок. 95–46 до н. э.) – римский политик и военачальник, чье имя стало символом мужества и стойкости, противник Гая Юлия Цезаря, покончивший с собой после победы Цезаря над сторонниками Гнея Помпея при Тапсе.

332

13, ст. 97–101. Но любопытный ум в одной ли тьме преданий // Найдет источники уроков и познаний? – // Нетъ; все вокруг меня гласит о прежних днях. // Блуждая странником в незнаемых краях, // Я всюду шествую минувшим окруженный. Ср. в «Les Souvenirs» Легуве:

*Mais n'est-il pour l'esprit, de s'instruire jaloux,  
Que la voix de Cléo? Non, grace a la Memoire,  
L'univers est encore une vivante histoire.*

*Que loin de ses foyers le savant elance Le parcoure, il voyage entoure du passe.*  
(См. 256–260; Legouve. Ed. 1813. P. 121)

[Перевод: Но разве для ума, стремящегося к наставлению (= учению), // Нет ничего, кроме голоса Клео? Нет, благодаря Памяти // Сам мир становится живой историей. // И мудрей,, устремившись вдаль от своего очага, // Объезжает его и странствует, окруженный прошлым.]

13, ст. 100–102. Блуждая странником в незнаемых краях <...> Я вопрошаю прах дряхлеющей вселенной. Образ странника, отсутствующий у Легуве, связан прежде всего с лирическим повествователем из элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814, ст. 106–109): Но странник в сих местах 11 Не тщетно камни вопрошает // И руны тайные, останки на скалах // Угрюмой древности, читает (Батюшков. Изд. 1977. С. 205; см. об этом: Пильщиков 1995а. С. 366). Выражение прах дряхлеющей вселенной восходит к оде Г. Р. Державина «Водопад» (1794, ст. 67–68): Не зрим ли всякой день гробов, // Седин дряхлеющей вселенной? (Державин. Изд. 1933. С. 165; отмечено: Пильщиков 1992б. С. 24 примеч. 10; см. также: Пильщиков 1995а. С. 373 примеч. 25). Глагол *interroger* «вопросить» – постоянный элемент в стихах, посвященных теме «беседы с развалинами». Помимо приведенной выше цитаты из элегии Батюшкова, ср., например, у Ж.-Ф. Лагарпа в поэтической

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *barатынский* речи (discours) «Sur les Grecs anciens et modernes» («О древних и новых греках», 1772, ст. 181–182): J'interroge ses murs jadis chers du sort; // Je rencontre par-tout le silence et la mort = Я вопрошаю эти стены, некогда любимые судьбой; 11 Я везде встречаю молчание и смерть (La Harpe. Ed. 1820. P. 274); у А. Бертена в элегии «Путешествия» («Les Voyages»): Pour de lointains climats abandonnons ces lieux; // Courons interroger les champs de l'Italie <...> = В дальние края уедем из этих мест; // Поспешим вопрошать поля Италии <...> [«Les Amours», 1780–1785; кн. II, элегия И, ст. 23–24 (Bertin. Ed. 1879. P. 74)]; а также глагол interroger в «Les Jardins» Делиля (см. ниже, комментарий к № 13, ст. 102–106).

13, ст. 102–106. <...> Я вопрошаю прах дряхлеющей вселенной: // И грады, и поля, и сей безмолвный ряд // Рукою времени набросанных громад. // Событий прежних лет свидетель молчаливый // / Со мной беседует их прахъ

333

красноречивый. Здесь Боратынский подражает двум фрагментам из поэмы Делиля «Les Jardins» (подробнее см.: Пильщиков 1995а. С. 366–367). Первый фрагмент (песнь IV, ст. 421–425):

L'aspect desordonne de ces grands corps epars,  
Leur forme pittoresque, attachent les regards;  
Pars eux le cours des ans est marque sur la terre;  
Detruits par les volcans, ou l'orage ou la guerre,  
Iis instruisent toujours, consolent quelquefois.  
(Delille 1801. P. 105)

[Перевод: Беспорядочный вид этих разбросанных громад, // Их живописная форма привлекают взгляд; // Ими (= благодаря им) на земле отмечается течение лет; // Разрушенные вулканами, или бурей, или войной, // Они всегда наставляют и иногда утешают; ср. общие словесные темы у Легуве (fesprit, de sinstruire jaloux) и у Делиля (iis instruisent toujours).] Ср. в переводе А. Ф. Воейкова («Сады», песнь IV, ст. 442–446):

Громады стен, столпов, набросанных веками,  
И в дикости своей обворожают взгляд;  
Оне следы веков промчавшихся хранят!  
Добыча варваров, войны, землетрясения,  
От них отрадные приемлем наставленья.

(Делиль. Изд. 1988. С. 157)

Боратынский заимствовал у Воейкова русские эквиваленты французского сочетания *grands corps* (громады) и определения *epars* (набросанные).

Во втором фрагменте («Les Jardins», песнь IV, ст. 493–496) Делиль противопоставляет декоративные и подлинные развалины:

Mais un debris reel interesse mes yeux;  
Jadis contemporain de nos simples aieux,  
J'aime a l'interroger, je me plais a le croire;  
Des peuples et des temps il me redit Thistoire.

(Delille 1801. P. 108)

(Перевод: Но мой взор интересуется настоящий обломок; // Некогда <он был> современником наших простых предков; 11 Я люблю его вопрошать, мне нравится ему верить; // Он мне рассказывает историю людей и времен.) Ср. в переводе Воейкова («Сады», песнь IV, ст. 518–521):

В обломке истинном видна судьбы превратность:  
Он современником был наших праотцов;

334

Я с ним беседую о нравах тех веков; Люблю я вопрошать, люблю его ответы; Он повторяет мне деяния и леты.

(Делиль. Изд. 1988. С. 159)

13, ст. 103. Ряд – этого слова нет ни в поэме Делиля, ни в переводе Воейкова.

Ср. в элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814, ст. 15–16, 73–74): Твердыни мшистые с гранитными зубцами // И длинный ряд гробов; И там, где камней ряд, седым одетый мхом, // Помост обрушенный являет <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 202, 204).

13, ст. 105. Событий прежних лет свидетель молчаливый. Ср. у Воейкова в переводе «Садов» (песнь IV, ст. 470–471): <...> Свидетель грозных битв и дивных походов // Баярдов, Генрихов и славы древних лет (Делиль. Изд. 1988. С. 158); у Батюшкова в элегии «Переход через Рейн. 1814» (1817, ст. 17): Свидетель древности, событий всех времен <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 320).

13, ст. 106. Прах красноречивый. Это выражение употребил Батюшков в элегическом послании «К другу» (1815, ст. 12) и в элегии «Умирающий Тасс» (1817, ст. 29–34): Друзья, о! дайте мне взглянуть на пышный Рим <...> О древнее квиритов пепелище! // Земля священная героев и чудес! // Развалины и прах красноречивый! (Батюшков.



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *Vara* изд. 1977. С. 250, 326). Оборот красноречивый прах встречается и в воейковском переводе «Садов» (песнь II, ст. 677): О сколь красноречив могил великих прах! (Делиль. Изд. 1988. С. 129); это переводческая вольность: в подлиннике сказано *Veloquent westminster* ‘красноречивый Вестминстер’ (Пильщиков 1995а. С. 373 примеч. 26).

13, ст. 107–113. Здесь отвечают мне оракулы времен и проч. Источник этого фрагмента неизвестен.

13, ст. 108–109. Смотрите, – видитель дымится Карфаген! // Полнеба Африки пожарами пылает! Карфаген (лат. *Carthago*, род. пад. *Carthaginis*) – город-государство на северном побережье Африки, разрушенный римлянами в конце 3-ей Пунической войны в 146 г. до н. э.

Смотрите <...> См. ниже, комментарий к № 13, ст. 117–120.

13, ст. 110. С протяжным грохотом Пальмира упадет! Пальмира (п&х[лирос) – город в Сирии, расцвет и возвышение которого приходится на время правления царя Одената и царицы Зенобии (III в. н. э.). Пальмира была частично разрушена римским императором Аврелианом в 272/273 г.; ее руины сохранились до нашего времени.

13, ст. 112. <...> Мелькают предо мной события веков. Ср. у А. С. Пушкина в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814, ст. 39–40): Протекшие лета мелькают пред очами, //Ив тихом восхищеньи дух (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 79).

335

13, ст. Из. Печать минувшаго. Это сочетание восходит к поэме Делиля; ср. в подлиннике (песнь IV, ст. 484): <...> *du temps* *Гинимitable empreinte* <...> (Delille 1801. P. 107) – ив переводе Воейкова (песнь IV, ст. 507): Неподражаема для нас печать времен (Делиль. Изд. 1988. С. 159).

13, ст. 114. Поля Авзонии! державный пепел Рима! Этот стих находит соответствия в обоих французских источниках. Ср. в «*Les Souvenirs*» (ст. 261): *O champs de l'Arreppip! 6 fleuves d'Ausonie!* = О поля Апеннин! о реки Авзонии! (Legouve. Ed. 1813. P. 121); во II песни «*Les Jardins*» (ст. 643): *O plaines de Ia Crece! 6 champs de l'Ausonie!* = О равнины Греции! о поля Авзонии! (Delille 1801. P. 58); в IV песни «*Les Jardins*» (ст. 499): *O champs de l'Italie! 6 campagnes de Rome!* = О поля Италии! о поля Рима! (Delille 1801. P. 108) – и соответственно в переводе Воейкова: Авзонские поля! Темпейские долины! (песнь II, ст. 719); О Римские поля! Священная пустыня <...> [песнь IV, ст. 525 (Делиль. Изд. 1988. С. 130, 159)].

Авзония (*Ausonia*) – область Италии, расположенная между Лациумом и Кампанией, в районе Кум; уже в античную эпоху Авзония становится обозначением всей Италии.

13, ст. 115. Глашатаи чудес и славы прежних лет! Ср. в послании Жуковского «Императору Александру» (опубликовано в 1815 г., ст. 158): <...> И славу прежних лет, и славу лет грядущих (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 370); у Воейкова в переводе «Садов» (песнь IV, ст. 471): <...> Баярдов, Генрихов и славы древних лет (Делиль. Изд. 1988. С. 158); у Батюшкова в элегии «Умиравший Тасс» (ст. 85): <...> Я пел величие и славу прежних дней <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 328).

13, ст. 116. С благословеньем вас приветствует поэт. Этот стих не имеет аналогов в ближайших литературных источниках поэмы Боратынского.

13, ст. 117–120. Смотрите, – как века незримо пролетая, // Твердыни древняя и горы подавляя, // Бросая гроб на гроб, свергая храм на храм, // Остатки гордые являют Рима нам. Переложение ст. 504–507 из IV песни «*Les Jardins*»:

*Voyez de toutes parts comment le cours des ages Dispersant, déchirant de précieux lambeaux,*

*Jetant temple sur temple, et tombeau sur tombeau,*

*De Rome étale au loin la ruine immortelle.*

(Delille 1801. P. 108)

[Перевод: Смотрите, как со всех сторон течение времен (= веков), // Разбрасывая, разрывая драгоценные обрывки, // Бросая храм на храм и гробницу на гробницу, // Являет нам вдали бессмертную руину Рима.] Ср. в переводе Воейкова («Сады», песнь IV, ст. 530–534):

336

Смотри, времен потоки На храм бросают храм и гроб на гроб кладут;  
Стремятся в ярости, ломают, рушат, рвут На части древности останки драгоценны,  
И открывают Рим в развалинах нетленный.

(Делиль. Изд. 1988. С. 159)

В отличие от Воейкова Боратынский сохраняет метрико-синтаксическую структуру оригинала. Кроме того, Боратынский оказывается точнее в ряде грамматических деталей; ср.: *Voyez* <...> *comment* – Смотрите, как <...> (Боратынский) – Смотри <...> (Воейков); *Jetant* <...> – Бросая <...> (Боратынский) – Бросают <...>

(Воейков) и т. д. (подробнее см.: Пильщиков 1995а. С. 368). Об эпитете гордые (№ 13, ст. 120) см. ниже, в комментарии к № 13, ст. 121–126.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *bagar* 13, ст. 121–126. Великолепная, бессмертная громада! // Вот здесь висящих рек шумели водопады; // Вот здесь входили в Рим когорты Плебеян, // Обремененная богатством дальних стран; // Чертогов, портиков везде я зрю обломки, // Где начертал резец Римлян деянья громки. Переложение ст. 508–512 из IV песни «*Les Jardins*» (за выпуском ст. 510):

*Ces portiques, ces ares, ou la pierre fidele Garde du peuple-roi les exploits eclatants;*

*Leur masse indestructible a fatigue le temps;*

*Des fleuves suspendus ici mugissoit l'onde,*

*Sous ces portes passoient les depouilles du monde.*

(Delille 1801. P. 108–109)

[Перевод: Эти портики, эти арки, где верный камень // хранит громкие (= блистательные) деяния царственного народа; // Их нерушимая масса утомила время; // Здесь ревели волна висящих рек, // Под этими портиками проходили трофеи со всего мира.] Существительное громады (см. о нем выше, в комментарии к № 13, ст. 102–106) не имеет соответствий во французском оригинале, но присутствует в переводе Воейкова; отсюда же в поэму Боратынского попало прилагательное гордые (№ 13, ст. 120) – ср. у Воейкова («Сады», песнь IV, ст. 535–541):

Громады гордые, портики, своды врат,

Где камни верные потомству говорят,

Сколь слава Римская блистательно сияла:

Их мышца времени, не сокруша, устала.

Тут воды над водой по сводам сим текли;

А здесь, в сии врата вожди в триумфе шли,

Влеклись сокровища и в плен цари, царицы <...>

(Делиль. Изд. 1988. С. 159)

22. Боратынский. Том 1

337

13, ст. 122. Плеоназм «водопады висящих рек» – результат гиперкорректного перевода: Боратынский передал парафраз *des fleuves suspendus* ‘висящих рек’, а затем разъяснил его (отсюда водопады вместо *gonde* ‘волна’).

13, ст. 123. Когорты Плебеян. В описании триумфального шествия в переводе Воейкова упомянуты вожди, в переводе Боратынского – Плебеяне; в подлиннике нет ни тех, ни других. Плебеяне – плебеи (лат. *plebeii*, *plebis*, *plebs*), низшее, свободное сословие в древнем Риме. Когорты (лат. *cohortes*) – здесь ‘войска’ (*cohors* ‘когорта’ – ¼ часть легиона).

13, ст. 125. Чертогов, портиков везде я зрю обломки. Ср. также в «*Les Souvenirs*» Легуве (ст. 304): *Voilà donc ces remparts! ce portique si beau!* – Итак, вот эти стены! вот этот столь прекрасный портик! (Legouve. Ed. 1813. P. 123).

13, ст. 126. Деянья громки (Боратынский) ближе к *les exploits eclatants*, чем слава <...> блистательно сияла (Воейков).

13, ст. 127–128. Не смела времени разрушить их рука, // И возлегли на них усталые века. Оборот *Иа main du temps* («*Les Jardins*», песнь IV, ст. 519) перенес в этот фрагмент Воейков: Их мышца времени, не сокруша, устала («Сады», песнь IV, ст. 538); слово мышца употреблено здесь в церковнославянском значении ‘рука’ (ср.: САР. Ч. III. Стб. 925).

13, ст. 134–143. фрагмент «Воспоминаний», посвященный Греции, существенно отличается от соответствующего фрагмента из «*Les Souvenirs*» Легуве (ст. 298–330; сопоставление см.: Хетсо 1973. С. 283–284). В этом месте ощущается влияние стихотворной «речи» Ж.-Ф. Лагарпа «*Sur les Grecs anciens et modernes*» («О древних и новых греках», 1772). Пафос Легуве сводится к тому, что Греция в полной мере хранит память об античности; пафос Лагарпа и Боратынского – в том, что современная Греция, попавшая под турецкое владычество, утратила величие древней Эллады (см. об этом: Пильщиков 1995а. С. 365, 370 примеч. 5).

13, ст. 135. Отчизна светлая героев и богов! Ср.: *Tout est grand homme ou dieu dans ces riches decombres* = В этих богатых развалинах всё – великий человек или бог (Legouve. Ed. 1813. P. 123). Ср. также в «*Les voyages*» Бертена: <...> *ses <de ГИИИ> heros et ses dieux* = <...> ее (Италии) героев и богов (Bertin. Ed. 1879. P. 74); и мн. др.

13, ст. 136–137. Толпы рабов. Ср. тему рабства (*esclavage*, *servitude*) у Лагарпа в «*Sur les Grecs anciens et modernes*», ст. 43, 89, 91, 100, 158 и др. (La Harpe. Ed. 1821. P. 270–273). Эллада – см. комментарий к № 45.1, ст. 16.

13, ст. 138–139. Ко храму ветхому Дианы иль Паллады // Шалаш пристроил свой ленивый рыбовод! Диана (*Diana*) – в римской мифологии богиня лесов, отождествляемая с греческими Артемидой (богиней охоты и покровительницей девственниц) и Селеной (богиней луны). Паллада (*Παλλάς*, род. пад. *Παλλάδος*) – эпиклес Афины, греческой богини мудрости и справедливой войны. Ср. сходные образы в «*Sur les Grecs anciens et modernes*» Лагарпа (ст. 45–48): *L'auguste*

338

est le camp des spahis. // Le maison de Socrate est celle тип deruis; // Et le Ture ignorant ivre des vins de Gnide, // S'endort sur les tombeaux d'Alcee et d'Euripide = Божественный ареопаг стал солдатским лагерем. // Дом Сократа стал домом нищего; // И невежественный турок, опьяненный книдскими винами, // Спит на могилах Алкея и Еврипида (La Harpe. Ed. 1821. P. 270).

13, ст. 140. Ты-б не узнал, Солон, страну своих отцов. Ср. у Лагарпа в «Sur les Grecs anciens et modernes» (ст. 35–36): Tu la cherches en vain cette fameuse Athene, // Ou gouverna Solon, ou tonna Demosthene = Ты тщетно ищешь там эти знаменитые Афины, // Где правил Солон, где гремел Демосфен (La Harpe. Ed. 1821. P. 269). Солон (Εοχσον, VI в. до н. э.) – афинский законодатель, которого античная традиция причисляла к семи греческим мудрецам.

13, ст. 141–143. Под чуждым скипетром главой она поникла <...> Все губит, все мертвит невежества ярем. Ср. лексику и фразеологию лагарпа («Sur les Grecs anciens et modernes»): Tout languit, tout expire, et sur ces bords celebres // L'affreuse barbarie epaissit ses tenebres = Всё чахнет, всё умирает, и на этих знаменитых берегах // ужасное варварство сгущает свой мрак (ст. 87–88); II <le Grec> gemit accable du poids de ses entraues = Он (грек) стонет, согбенный под тяжестью своих оков (ст. 95); <...> Et fignorance assise au trone des sultans = И невежество сидит на троне султанов (ст. 102); <...> Et que le sceptre est vil aux mains de fignorance! = И как ничтожен скипетр в руках невежества! (ст. 187; La Harpe. Ed. 1821. P. 271, 272, 274).

13, ст. 142. Никто не слышит там о подвигах Перикла. Перикл (Περτχxfjs, ок. 490–429 до н. э.) – величайший афинский политический деятель и военачальник, чья жизнь известна нам по рассказам Фукидида и Плутарха. Перикл упоминается у Лагарпа в «Sur les Grecs anciens et modernes», ст. 164 (La Harpe. Ed. 1821. P. 274).

13, ст. 144. Но не ужель для нас язык развалин немь? Самое раннее обращение Боратынского к теме «языка руин» (см.: Пильщиков 1992б. С. 13–16). В ближайших литературных источниках поэмы Боратынского эта метафора отсутствует.

13, ст. 149–153. Ищастлив, щастлив и тот, кому дано судьбою // От странствий отдохнуть под кровлею родною, // Увидеть милую, священную страну, // И Где жизни он провел прекрасную весну, // Провел невинное, безоблачное детство. Этому пассажи соответствует следующий фрагмент из «Les Souvenirs» Легуве:

Non moins heureux celui qui peut revoir l'asile  
Dont la paix protegea son enfance tranquille!  
Du monde vers ce lieu que j'aime a ш'ёсаррег!  
Des mes premiers plaisirs je reviens ш'оссирег.  
(Ст. 345–348; Legouve. Ёси. 1813. P. 124–125)

22\*

339

(Перевод: Не менее счастлив тот, кто может вновь увидеть кров, // чье спокойствие защищало его безмятежное детство! // Сюда я люблю скрываться от света! // Я возвращаюсь занять себя своими первыми удовольствиями.) Ср. также параллельное место в послании Боратынского к А. И. Шляхтинскому: Ты помнишь милую страну, // Где жизнь и радость мы узнали, // Где зрели первую весну <...>? (см. комментарий к № 12.1, ст. 9–12).

13, ст. 156–159, 163–167. <...> И в берегах крутых сверкающий ручей, // И светлые луга, и темная дубрава, // И сельских жителей приветливые нравы. – // Приятно вспоминать младенческие дни когда, едва вздохнув для жизни неизвестной, // Я с тихой радостью взглянул на мир прелестный, – // С каким восторгом я природу обнимал! // Как свет прекрасен был! – увы! тогда не знал // Я буйственных страстей в безопасности невинной. Очень вольный пересказ «Les Souvenirs» (с заменой ряда реалий):

Ce mur, que je frappois d'une balle docile,  
Cette pierre applanie, ou, d'une corde agile,  
Sous mes pieds bondissants ma main doubloit les tours,  
Chaque objet me ramene a ces aimables jours ou les plaisirs sont vifs, les peines sont legeres,

Ou Гоп croit tous les cceurs genereux et sinceres,  
Ou Gate, vierge encor, dans le sommeil des sens,  
Des folles passions ignore les tourments.

(Ст. 349–356; Legouve. Ёз. 1813. P. 125)

(Перевод: Эта стена, в которую я бросал послушным мячиком, // Этот плоский камень, где проворная скакалка // Крутилась под моими скачущими ногами, // Каждый предмет уносит меня к тем милым дням, // Когда радости живы, огорчения легки, // Когда верится, что все сердца благородны и искренни, // Когда душа,

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский (всего еще невинная, во сне чувств // Не знает мучений безумных страстей.)

Приятно вспоминать младенческие дни (Ср. начало стихотворной сказки И. И. Дмитриева «Воздушные башни» (1794): Утешно вспоминать под старость детски леты, // Забавы, резвости, различные предметы, // Которые тогда увеселяли нас! (Дмитриев. Изд. 1967. С. 168).

13, ст. 168–190. Дитя, взлелеянный природою пустынной, // Ее одну лишь зрел, внимал одной лишь ей <...> Я слишком щастлив был спокойствием незнанья <...> Часы невидимо мелькали надо мной Традиционный набор мотивов утраченной сельской простоты и детского восприятия мира. Конкретный источник этого фрагмента неизвестен.

340

из, ст. 178–190.0 комплексе рустико-элегических мотивов, реализованных в этом фрагменте, см.: Пильщиков 1994а. С. 34–36.

13, ст. 178. О суждено ли мне увидеть край родной <...> Одна из многочисленных у раннего Боратынского вариаций на тему Горация: O rus, quando ego te adspiciam <...> = O деревня, когда я тебя увижу <...> (Sermones, кн. II, сатира VI, ст. 60). См. также комментарий к № 13.2, ст. 9.

13, ст. 182. Не нужны почести, не нужно злато мне. См. комментарий к № 34, ст. 19.

13, ст. 183. Отдайте прадедов мне скромную обитель. Вариация на тему Тибулла (кн. I, элегия III, ст. 27–28) в переводе Батюшкова: Отдай, богиня, мне родимые поля, // Отдай знакомый шум домашнего ручья <...> [«Элегия из Тибулла. Вольный перевод», опубликован в 1815 г., ст. 45–46 (Батюшков. Изд. 1977. С. 207)].

13, ст. 185. Не позавидую надменным богачам. Единственный стих в этом фрагменте, переключившийся с «Les Souvenirs» Легуве: <...> Ой Гоп ne connoit pas l'orgueil de Goriieпse = <...> Когда еще не знаешь надменности богатства (ст. 357; Legouve. Ed. 1813. P. 125).

13, ст. 189–190. И песни нежные, и мирный эмиам II Я буду посвящать отеческим богам. См. комментарий к № 12.2, ст. 24.

13, ст. 191–193. Так перешедши жизнь незнаемой тропою, // Свой подвиг совершив, устало главою // Склонюсь я наконец ко смертному одру. Здесь подвиг означает не 'героический поступок' (как в № 13, ст. 142: о подвигах Перикла), а 'жизненный путь'; соответственно, совершит подвиг значит 'закончить жизненный путь' (об этом слове и о сочетаниях, в которое оно входит, см.: Виноградов 1989). Ср. у А. С. Пушкина («Труд», 1830, ст. 3): <...> Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный <...> (Пушкин. Ак. Т. 3, кн. 1. С. 230); у М. Лермонтова («Ужасная судьба отца и сына...», 1831, ст. 5–6): <...> Но ты свершил свой подвиг, мой отец, // Постигнут ты желанною кончиной (Лермонтов. Ак. Т. 1. С. 234); и позже у самого Боратынского («На что вы, дни! Юдольный мир явленья...»): <...> Свой подвиг ты свершила прежде тела, // Безумная душа! (№ 204, ст. 7–8).

13, ст. 194–195. Для дружбы, для любви, для памяти умру; // И все умрет со мной! Цитата из стихотворения Батюшкова «Веселый час» (1810, ст. 74): Умру, и все умрет со мной!.. (Батюшков. Изд. 1977. С. 229; отмечено: Пильщиков 1995а. С. 371 примеч. 12). Подробнее см. комментарий к № 25.2, ст. 63.

13, ст. 195. Любимцы Феба. См. выше, комментарий к № 13, ст. 47–48.

13, ст. 200. Рукоплескания грядущих поколений. См. выше, комментарий к № 13, ст. 85–86.

И. А. Пильщиков

341

14

14.1. «И так, мой милый, не шутя...»

14.2. Б-му (при отъезде его в армию) («И так, безпечно досуга...»)

14.3. К \*\*\*\* при отъезде в армию («И так, мой милый, не шутя...»)

Заглавие в «Невском Зрителе»: «Брату при отъезде в армию».

Адресат послания, Ираклий Абрамович Боратынский (1802–1859) – родной брат поэта, непосредственно следующий за ним по старшинству. Был выпущен из Пажеского корпуса прапорщиком в Конно-Егерский короля Вюртембергского полк 31 декабря 1819 г. (очевидно, это стало поводом для написания послания) и прибыл в полк 1 марта 1820 г.; 17 апреля 1820 г. переведен поручиком в Курляндский уланский полк. Впоследствии сделал значительную карьеру: дослужился до ге- нерал-майорского чина (1842), был военным и гражданским губернатором Ярославля, затем – военным губернатором Казани, с 1858 г. – сенатором (ИП. С. 333; Летопись. С. 93, 419). Адресация стихотворения другому брату, Льву Абрамовичу Боратынскому (Изд. 1884. С. 13), несомненно, ошибочна: Л. А. Боратынский (1805–1858) был выпущен из Пажеского корпуса лишь 10 февраля 1820 г. (ИП. С. 333; Летопись. С. 419), а 3 февраля 1820 г. послание «Брату при отъезде в армию» было уже опубликовано (см. текстологические примечания).

При переработке стихотворения для Изд. 1827 Боратынский значительно усилил

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *барата* комическую составляющую (см. ниже комментарии к № 14.1, ст. 4, 5–6, 8 и др.). 14.1, ст. 3. Ус мечтательный крутя <...> Усы – неперменный атрибут литературного портрета конного воина (в особенности гусара). Усы упоминаются в гусарских стихах Д. В. Давыдова [«Бурцову. Призывание на пунш» («Бурцов, ера, забияка...»), «Гусарский пир», 1804], в подражаниях им [ср. стихотворение К. Н. Батюшкова «Разлука» («Гусар, на саблю опираясь...»), опубликовано в 1815 г.] и в стихотворениях, обращенных к Давыдову (ср. послание П. А. Вяземского «К партизану-поэту», 1815). К сочетанию крушить ус ср. у А. С. Пушкина: <...> А грозный ус крутишь другой («Усы», 1816, ст. 42); <...> крутят усы и шпорами бренчат <...> [«Послание к кн. Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...»), 1819, ст. 32]; Он стал крутить свой длинный ус; И стал крутить свой длинный ус («Гусар», 1833, ст. 21, 113) и др. (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 179; Т. 2, кн. 1. С. 115; Т. 3, кн. 1. С. 300, 303). Ср. у самого Баратынского в поэме «Бал» (ст. 31): <...> Гусар крутит свои усы (см. в настоящем издании раздел «Поэмы»).

14.1, ст. 4. На шибко-скачущей телеге. Пародия гомеровских эпитетов (Ъхжетт)\*; ‘быстролетящий, быстроскачущий’ («Илиада», песнь VIII, ст. 42; X, ст. 535; XIII, ст. 24; и др.) и еиахарѣцо\*; ‘хорошо скачущий’ («Илиада», песнь XIII, ст. 31). Вероятно, эти составные эпитеты были восприняты Баратынским через пе-  
342

ревод «Илиады», сделанный Н. И. Гнедичем (1813–1829). Ср., например, *Iliad.*, XII, ст. 118–120 и XIII, ст. 24 в переводе Гнедича: Мчался он влево к судам мореходным, туда, где ахейцы // С бранного поля бежали на легких своих колесницах; // Правил туда он своих быстроскачущих коней <...>; К стану ахейскому мчались быстроскакучие кони (Гнедич. Изд. 1956. С. 534, 546). В таком контексте примитивная русская телега становится сниженным эквивалентом боевой колесницы. В ранней редакции стихотворения (№ 14.2) этого бурлескного образа нет.

Написание телега вместо этимологически корректного телега отражает неустойчивость орфографии этого слова в первой половине XIX в. В 1830 г. А. С. Пушкин задавался не разрешимым в то время вопросом: «Пишут: телега, телега. Не правильнее ли: телега <...>?» (Пушкин. Ак. Т. II. С. 148).

14.1, ст. 5–6. От нас увы! далеко прочь // О нас увы! не сожалея <...> Каламбурная анафора (От нас увы! – О нас увы!), отсутствовавшая в ранней редакции послания.

14.1, ст. 7. Летишь курьером день и ночь. Курьером (от франц. *courrier* и/или нем. *Kurier*) – то есть скоро, стремительно, как на курьерских лошадях (самый быстрый вид почтовых лошадей).

14.1, ст. 8. Туда, туда, к шатрам Арея! Пародия знаменитого рефрена *Dahin, dahin!*.. (= Туда, туда!..) песни Миньоны «*Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen*...» из романа И.-В. Гёте «*Wilhelm Meisters Lehrjahre*» («Годы учения Вильгельма Мейстера», 1796; см. также комментарий к № 61, ст. 40–42); в ранней редакции стихотворения эта цитата отсутствует. Арей, или Арес (*vArg*)<sup>Λ</sup> – бог войны в греческой мифологии. Шатры – см. комментарий к № 29.1, ст. 5–6.

14.1, ст. 16. Воинственный наряд. См. ниже, комментарий к № 14.2, ст. 9–12.

14.1, ст. 24. Пламень роковой. См. ниже, комментарий к № 14.2, ст. 19.

14.1, ст. 27. Любовник брани. См. ниже, комментарий к № 14.2, ст. 13.

14.1, ст. 28. Ступай, служи богине бед. «Богиня бедъ» – вероятно, Беллона (*Bellona*), богиня войны в римской мифологии.

14.2, ст. 6. <...> И воин мой, противным страх <...> «Противные» – ‘противники, неприятели’ (САР. Ч. V. Стб. 661–662).

14.2, ст. 7. Надвинув шлем, с мечем в руках <...> О шлеме и мече как условных обозначениях военного снаряжения в поэзии первой четверти XIX в. см.: ПФП. С. 360, 364.

14.2, ст. 9–12. Иди! – воинственный наряд // Приличен юности отважной <...> Люблю красивый вахтпарад. Воинственный – то же, что военный, воинский (САР. Ч. I. Стб. 640–641; СЛРЯ XVIII в. Вып. 4. С. 31). Ср. аналогичные образы и выражения у А. С. Пушкина в стихотворении «Товарищам» (1817, ст. 9–14): Иной, под кивер спрятав ум, // Уже в воинственном наряде // Гусарской саблею махнул – // В крещенской утренней прохладе // Красиво мерзнет на параде, // А греться едет в караул (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 259; СП. Т. 1. С. 335).

343

14.2, ст. 12. Вахтпарад. См. комментарий к № 10.1, ст. 4.

14.2, ст. 13. Люблю питомцев шумной славы. Ср. также любовник брани (№ 14.1, ст. 27; 14.2, ст. 25; 14.3, ст. 28). О традиционных генитивных перифразах, обозначающих лиц, связанных с военной деятельностью (питомцы, любовники, сыны + славы, брани, бранной славы) см.: ОНС. С. 25; ПФП. С. 92–93, 95.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский 14.2, ст. 17. Вскипел кровавый бой. Прилагательное кровавый – в поэзии пушкинской эпохи постоянный эпитет слов, обозначающих военные действия (бон, битва, брань). «Частота употребления эпитета кровавый сближает его по четкости отсылочных, уточняющих функций со словами военный, бранный, боевой» (ПФП. С. 94).

14.2, ст. 19. <...> Летящих в пламен роковой <...> Слово пламень – одно из наиболее частотных слов-символов, связанных с темой войны, которая в поэзии первой четверти XIX в. описывается как «огненная» стихия, воплощающаяся в таких словах, как пламень, огонь, жар, пыл и т. д. (см.: ПФП. С. 94).

14.2, ст. 32. <...> В любви и в брани победитель! Реминисценция «Стихов на покорение Дербента...» Г. Р. Державина (1796, ст. 1–4): Герой, который мной воспет, // Что счастья наделен рукою // И храбростью и красотой // В любви и в брани для побед! (Державин. Изд. 1933. С. 180).

14.3, ст. 18. Люблю я Марсовы шатры. Марс (Mars, Mavors) – бог войны в римской мифологии, отождествляемый с греческим Аресом (Ареем). В ст. 8 (см. № 14.3, ст. 8; № 14.1, ст. 8) эти же шатры названы шатрами Арея; при подготовке Изд. 1835 Боратынский избавился от двуименности античного божества: Люблю я бранные шатры <...> (№ 14.1, ст. 18).

И. А. Пильщиков  
15  
15.1. «Он близок, близок день свиданья...»  
15.2. Элегия («Уже ли близок час свиданья!..»)  
Заглавие в Изд. 1827: «Ропот».  
Самое раннее стихотворение Боратынского, опубликованное с жанровым определением элегия. По неподтвержденному указанию С. А. Рачинского [см.: Материалы 1916. С. VI (2-й паг.)], стихотворение было адресовано Варваре Николаевне Кучиной (о ней см. комментарий к № 2). При подготовке Изд. 1827 элегия была значительно сокращена (14 стихов вместо 24), а ее мотивная структура подверглась радикальной переработке (сопоставление ранней и поздней редакции см.: Альми 1961. С. 39).  
Композицию поздней редакции элегии проанализировал М. Л. Гаспаров. Два начальных стиха по содержанию представляют собой экспозицию, рисующую исходную ситуацию, а по радостной интонации – ложный ход, намечающий возможное разрешение этой ситуации. Риторическим вопросом в ст. 3–4 начинается отказ от ложного хода; в заключительных стихах предлагается иной, истинный ход: Все мнится, счастлив я ошибкой // И не к лицу веселье мне (см.: Гаспаров 1989. С. 45).

15.1, ст. 1–4. Он близок, близок день свиданья, // Тебя, мой друг, увижу я! // Скажи: восторгом ожиданья, // Что-жь не трепещет грудь моя? Начальные стихи элегии подверглись переработке, в результате которой их смысл изменился на противоположный (см. № 15.2.1–4).

15.1, ст. 3–4. См. комментарий к № 44.2, ст. 9–12.  
15.1, ст. 12. Судьбы ласкающей улыбкой 11я наслаждаюсь не вполне. В первоначальном тексте мотива судьбы не было, и соответствующее место читалось иначе: Я наслаждаюсь не вполне 11 Ея <то есть радости. – И. П.> пленительной улыбкой (№ 15.2, ст. 21–22).

15.2, ст. 1–4. Уже ли близок час свиданья! // Тебя ль мой друг увижу я! // как грудь волнуется моя // Тоскою смутной ожиданья! Вариация начальных строк элегии Э. Парни «Reflexion amoureuse» («Poesies erotiques», 1777–1781; кн. III, элегия И): /e vais ia voir <...> Mon coeur emu palpite = я ее увижу <...> Мое взволнованное сердце трепещет (Parny. Ed. 1862. P. 87). Это стихотворение Парни Боратынский позже перевел под заглавием «Ожидание» («Она придет! к ее устам...») – см. комментарии к № 106.

15.2, ст. 5–12. Родная хата, край родной, // С пелен знакомья дубравы <...> В эичэм фрагменте реализована та же рустическая топика, которую мы находим в элегическом послании к А. И. Шляхтинскому (см. в настоящем издании № 12.2), а позже – в «Сельской Элегии» (№ 34), в элегии «Бдение» (№ 41.2) и других стихотворениях этого тематического цикла. В окончательном тексте «Ропота» (№ 15.1) «сельские» мотивы элиминированы.

15.2, ст. 5. Хата. См. комментарий к № 34, ст. 20.  
15.2, ст. 9. Я их увижу! Вариация на тему Горация: O rus, quando ego te adspiciam <...> = О деревня, когда я тебя увижу <...> (Sermones, кн. И, сатира VI, ст. 60). См. также комментарий к № 13, ст. 178.  
15.2, ст. 9. <...> друг бесценный (чтение «Невского Зрителя») vs <...> друг бесценной (чтение «Сына Отечества»). Вариант «Сына Отечества» дает графически точную рифму бесценной (им. пад. муж. р.) : пробужденной (род. пад. жен. р.). О «глазных» рифмах см. комментарий к № 34, ст. 27–28.  
Сочетание друг бесценный (применительно к возлюбленной) восходит к элегическому

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в сборнике лексикону К. Н. Батюшкова: Улыбнися, друг бесценной <...> («Привидение. Из Парни», 1810, ст. 35); мой друг бесценный («ложный страх. Подражание Парни», 1810, ст. 1); друг милой и бесценной [«Элегия из Тибулла. Вольный

345

перевод», опубликован в 1815 г., ст. 115 (Батюшков. Изд. 1977. С. 218, 293, 209)]. От Батюшкова это употребление переняли младшие поэты; ср. у А. С. Пушкина: Нет, нет, мой друг бесценный // Еще при мне мой верный меч [«Руслан и Людмила», 1820; песнь II, ст. 140–141 (Пушкин. Ак. Т. 4. С. 26)]; позже у Боратынского: Явилась ты, мой друг бесценный («Переселение душ», ст. 340; см. в настоящем издании раздел «Поэмы»); и др. Ср. также в стихотворениях В. А. Жуковского «Мой друг бесценный, будь спокойна!..» (1806, ст. 1) и «М\* на Новый год при подарке книги» (1807, ст. 4), не публиковавшихся при жизни автора (см.: Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 87, 115).

15.2, ст. 15. Девы наслаждения. Генитивный атрибут французского типа; ср. франц. *femme de plaisir*, *fille de plaisir*, *fille de joie* ‘распутная или публичная женщина\* (см.: Виноградов 1935. С. 288).

И. А. Пильщиков

16

16.1. «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...»

16.2. Эпиграмма («Хоть глуповат под час Дамон...»)

В Изд. 1827: Эпиграмма («Поэт Графов в стихах тяжеловат...»).

Пуанта, общая для всех редакций эпиграммы (Не виноват пред светом он – // Пред ним природа виновата!; Ей, ей! не он пред светом виноват, И/А перед ним природа виновата) имеет, вероятно, западноевропейское происхождение (источник не установлен). По наблюдению А. А. Добрицына, ближайшую русскую параллель к стихотворению Боратынского представляет «Надпись к портрету Оленина» М. В. Милонова (1818 ?):

Поэтов небольших великий меценат И человек в миниатюре –

Но в этом он не виноват,

А только стыд натуре.

(РЭ. С. 243)

Адресат первой редакции комментируемой эпиграммы («Хоть глуповат под час Дамон...») неизвестен. Герой ее носит то же имя Дамон, что и герой написанной несколько ранее эпиграммы на П. И. Шаликова «Дамон! ты начал – продолжай...» (см. в настоящем издании № 8). Эпитет милый в ст. 2 (Люблю я милого собрата – цитата из послания В. А. Жуковского «к Батюшкову», 1812, ст. 5) хорошо увязывается с эпиграмматическим образом Шаликова (см. комментарии к № 8) и может указывать на того же адресата. Однако слишком общий характер эпиграммы и отсутствие документальных свидетельств не позволяют сделать окончательных выводов.

346

Адресат второй редакции («Поэт Графов в стихах тяжеловат...») – граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835). Даже если Боратынский не имел в виду Хвостова (что маловероятно), читатели эпиграммы могли считать адресатом только его: в эпиграмматике 1810-х и 1820-х годов Графов – устойчивое именование Хвостова, подразумевающее одновременно и его графоманию, и его графский титул. См. эпиграммы, в которых Хвостов назван Графовым: И. А. Крылов, «На перевод поэмы „L'Ахтроетique"» (Пантеон Русской Поэзии. СПб., 1814. Ч. III. Кн. 5. С. 106; РЭ. С. 191); А. Е. Измайлов, «„Что так ты похудел?" – „Не сплю вот третью ночь..."», 1814 (РЭ. С. 232); П. А. Вяземский, «Эпиграмма» («Ага! Плутовка мышь попалась, нет спасенья...») (Собрание Русских Стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев Российских и из многих Русских журналов. Ч. V. М., 1811. С. 221; РЭ. С. 264) – а также послания А. С. Пушкина «к другу стихотворцу», ст. 37 (Вестник Европы. 1814. Ч. LXXVI. № 13. С. 10), «Моему Аристарху» (1815, ст. 41) и др. (см.: Пушкин Ак. Т. 1. С. 26, 153). Эпитет милый заменен в новой редакции эпитетом незлобный, прекрасно характеризующим личность Хвостова, который терпеливо сносил многочисленные насмешки и легко прощал своих обидчиков. Соответственно была изменена характеристика адресата в начальном стихе: глуповатый Шаликов (?) превратился в тяжеловатого Хвостова.

Неудивительно, что Хвостов принял эпиграмму на свой счет. 28 ноября 1827 г. он писал Боратынскому (было ли это письмо отправлено адресату, неизвестно): «Милостивый государь Евгений Абрамович! Снова благодаря вас за удостоверение меня присылкою ваших сочинений в прошедшем годе, долгом себе поставляю благодарить вас за удовольствие, которое вы мне доставили напечатанием ваших стихотворений. Я книгу сию ту минуту лишь она показалась купил, и первый, и с большим удовольствием прочитал. Много в ней прекрасных статей: Финляндия, послания Гнедину, творцу душевныя к Дельвигу, падения листов и другие отличая вашу славу принесут удовольствие читателям. Я не отпущу, что мне весьма полюбилась

эпиграмма очень замысловатая:  
Поэт Графов в стихах тяжеловат,  
Но я люблю не злобного собрата;  
Ей! ей! не он пред светом виноват,  
А перед ним природа виновата.

Стихи ваши на моего Графова, коего я поместил в науку стихотворной, столь хороши, что я сделал к ним прибавление, которое относится к тем писателям, кои чужды изящного, потому что не ищут его, и мою шуточку прилагаю у сего к вам первому. Есть ли она полюбится можете ею поссудиться издателям Альманахов, а я сам при первом случае этого не пропущу.

Ты, Баратынский, прав, пусть слог тяжеловат.  
Коль мал, посредствен дар, Графов не виноват.

347

Винoven тот певец неугомонный хват,  
Кто с Фебом, музами живет за панибрата,  
Рассудку объявля в стихах своих разлад,  
В один сливает ключ и небеса и ад.  
Кто мыслит, чувствует без цели наугад,  
И благонравия устав отринуть рад,  
Коль кто восторга чужд и чужд любви собрата,  
Не может тот сказать: природа виновата.

Я за удовольствие себе поставлю препроводить к вам еще печатную мою переписку стихами с г. Языковым. Будьте к ней благосклонны, продолжайте как начали меня любить и верьте почтению и преданности с коими есть и буду и проч.» (Летопись. С. 199). Благодарность, высказанная Хвостовым в начале письма, связана с тем, что в середине февраля 1826 г., сразу после выхода отдельного издания «Эды» и «Пиров» (СПб., 1826) А. А. Дельвиг или П. А. Плетнев доставили Хвостову экземпляр книги, видимо, с дарственной надписью от лица Баратынского. Об этом свидетельствует запись, сделанная Хвостовым от 16 февраля 1826 г.: «<...> получил в подарок от Евгения Абрамовича Баратынского стихотворение Эда – и другое Пыры. Сочинение прекрасное, делающее честь Питомцу Муз. Слог, кроме некоторых простонародных выражений, и чист и плавлен. В поэме Эда признаться надобно, что менее чувствительности, нежели в Чернеце Козлова. А в Пирах не столько веселой игривости, сколько у Пушкина» (Летопись. С. 177). Отвечая Баратынскому, Хвостов делает вид, что эпиграмма целит не лично в него, Хвостова, а в «моего Графова, коего я поместил в науку стихотворной», то есть в персонажа из его перевода «L'Art poétique» Н. Буало-Депрео: Милее Бредорет надуту дерзновенный, // Чем площадной Графов, морозом порожденный (Наука о стихотворстве: В 4 песнях / Сочинение Г. Боало; Пер. Д. Хвостова. 5-е изд. СПб., 1824. С. 69).

В окончательной редакции эпиграмма Баратынского приобретает характерный для его позднего творчества обобщенный, безадресный характер. Фамилия Писцов – это перевод, или, точнее, ближайший аналог фамилии Графов (от греч. урасроо ‘пишу’; ср. урасрj ‘писание’ и урасреи^ ‘писец’). Однако вариант Писцов исключает ассоциацию со словом граф и с личностью гр. Д. И. Хвостова.

О. В. Голубева, И. А. Пильщиков

17

К Кюхельбекеру («Прости, Поэт! судьбина вновь...»)

Стихотворение адресовано Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру (1797–1846), близкому знакомому Баратынского, лицейскому другу А. А. Дельвига и А. С. Пуш

348

кина, поэту, драматургу, литературному критику, будущему соиздателю альманаха «Мнемозина».

С Кюхельбекером и с Дельвигом Баратынского познакомили в конце 1818 или в начале 1819 г. А. И. Шляхтинский и А. А. Рачинский – двоюродный брат Баратынского и его будущий зять, в то время подпрапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, который знал Кюхельбекера и Дельвига по «Священной артели» И. Г. Бурцова (ИП. С. 121; Летопись. С. 89). С осени 1817 по август 1820 г. Кюхельбекер преподавал российскую словесность в петербургском Благородном пансионе при Главном педагогическом институте (с 1819 г. – Петербургский университет) и жил в мезонине Пансиона, на набережной Фонтанки, неподалеку от Семеновских рот, где Баратынский квартировал со Шляхтинским, а затем с Дельвигом (см. комментарии к №№ 10 и 12). По воспоминаниям Н. А. Маркевича (см.: Маркевич. Изд. 1980. С. 295), в 1819 г. Кюхельбекер приносил воспитанникам Пансиона послания Баратынского к Шляхтинскому и к А. Н. Креницыну (см. текстологические примечания и комментарии к №№ 12 и 9). Видимо, при посредничестве Кюхельбекера Баратынский начал печататься в журнале «Сын Отечества» (см. комментарии к № 9). Новый 1820-й год Баратынский, Кюхельбекер и Дельвиг встречали вместе у П. Л. Яковлева



Братание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
(Летопись. С. 93,103).

Послание «К Кюхельбекеру» написано в связи с отъездом Боратынского в г. Фридрихсгам в Финляндии – к месту дислокации Нейшлотского пехотного полка, куда он был переведен из лейб-гвардии Егерского полка унтер-офицером приказом от 3 января 1820 г. (Летопись. С. 93–94). Дата 18 января. 1820, выставленная под стихотворением, вероятно, означает день поступления стихотворения в редакцию «Сына Отечества» (более сомнительно предположение о том, что дата указывает на день отъезда Боратынского из Петербурга – см.: Летопись. С. 94). В ответном послании Кюхельбекера «К Евгению», которое осталось не опубликованным при жизни автора и адресата, варьируются темы дружбы поэтов и несправедливой судьбы, заданные посланием Боратынского:

С наморщенным челом, потухшими глазами  
Глядит на светлый мир стоический глупец –  
Что для него весна с любовью и мечтами И что бессмертия венец?  
«Все в жизни суета, и наш удел терпенье!» –  
Впросонках говорит жиреющий Зенон –  
И дураку толпа приносит удивленье,  
Для черни прорицатель он!  
А я пою тебя, страдалец возвышенный,  
Постигнутый Судьбы железною рукой,  
Добыча злых глупцов и зависти презренной,  
Но вечно пламенный душой!

349

И если я когда был полон вдохновенья –  
И не вотще душа моя Ловила Пиэрид живые песнопенья,  
Бессмертна будет песнь сия!  
Узнают племена, как ты друзей и радость,  
Любовь и славу пел, –  
А злоба между тем твою губила младость,  
И Музы от тебя не отвращали стрел;  
Я сам, незапно Зевсом пораженный,  
И очернен дыханьем клеветы, –  
Тогда лишь понял изумленный,  
Как был велик в несчастье ты!  
И лавр, Каменной мне обещанный когда-то,  
Но юной полнотой твоих душевных сил И сладостью стихов пылающих отъятой Тебе я  
радостный вручил.

(Кюхельбекер. Изд. 1939. С. 41–42)

Те же темы затрагиваются в стихотворении Кюхельбекера «Поэты», прочитанном на заседании Вольного Общества любителей Российской словесности 22 марта 1820 г. и напечатанном в «Соревнователе Просвещения и Благотворения» (Труды ВОЛРС. 1820. Ч. X. Кн. 4. С. 71–78). Стихотворение адресовано Дельвигу (О Дельвиг, Дельвиг! что награда / / И дел высоких, и стихов?); в нем упоминаются два поэта-изгнанника – Боратынский (.мой Евгений) и Пушкин (юный Корифей, // Певец, любви, певец Руслана). В конце Кюхельбекер обращается к своим друзьям:

Так! не умрет и наш союз,  
Свободный, радостный и гордый,  
И в счастье и в несчастье твердый,  
Союз любимцев вечных Муз!

После этого стихотворения дружеский круг Боратынского, Дельвига, Пушкина и Кюхельбекера получил название «союза поэтов» (название полемической пародии Б. М. Федорова – см. комментарии к № 70).

В сентябре 1820 г. Кюхельбекер (в качестве секретаря А. Л. Нарышкина) отправился путешествовать по Европе, откуда вернулся в августе 1821 г. В конце августа или в начале сентября Боратынский, прибывший вместе с Нейшлотским полком из Финляндии в Петербург, вместе с Кюхельбекером и Дельвигом бывал в салоне С. Д. Пономаревой (см.: Вацуро. СДП. С. 171–179; ИП. С. 183–188; Летопись. С. 109). После событий 14 декабря 1825 г. Кюхельбекер был арестован; десять лет (до 1835 г.) он провел в тюрьме, а остаток жизни – в ссылке в Сибири.

И. А. Пильщиков

350

После 1821 г. Боратынский и Кюхельбекер уже не встречались, но, безусловно, помнили друг о друге. Так, в июне 1824 г. Дельвиг писал Кюхельбекеру: «Плетнев и Баратынский целуют тебя и уверяют, что они все те же, что и были: любят своего милого Вильгельма и тихонько пописывают элегии» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 283). В начале 1825 г. Боратынский отправил из Гельсингфорса в Москву для публикации в «Мнемозине» несколько стихотворений (см. комментарии к №№ 92, 93 и 94), сопроводив стихи письмом, приветствующим журналистскую деятельность

Баратынский к Кюхельбекера: «Давно, и слишком давно, я к тебе не писал <...> Я читал с истинным удовольствием в 3-й части „Мнемозины“ разговор твой с Булгариным <имеется в виду статья „Разговор с Ф. В. Булгариным“ (Мнемозина. 1824. Ч. III. С. 157–177)», ответ на критику Булгариным (Литературные листки. 1824. Ч. III. № 15. С. 73–83) статьи Кюхельбекера „О направлении поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие“ (Мнемозина. 1824. Ч. II. С. 29–44)». Вот как должно писать комические статьи! Статья твоя исполнена умеренности, учтивости и, во многих местах, истинного красноречия. Мнения твои мне кажутся неоспоримо справедливыми. Тебе отвечали глупо и лицемерно. – Не оставляй твоего издания и продолжай говорить правду» (Изд. 1951. С. 475–476, ср. 598; Летопись. С. 149). О Кюхельбекере Боратынский рассказывал Н. В. Путьте в письме от 20-х чисел февраля 1825 г.: «<...> он человек занимательный по многим отношениям и рано или поздно в роде Руссо очень будет замечен между нашими писателями. Он с большими дарованиями, и характер его очень сходен с характером женеваского чудака: та же чувствительность и недоверчивость, то же беспокойное самолюбие, влекущее к неумеренным мнениям, дабы отличиться особенным образом мыслей; и порою та же восторженная любовь к правде, к добру, к прекрасному, которой он готов все принести на жертву. Человек вместе достойный уважения и сожаления, рожденный для любви к славе (может быть, и для славы) и для несчастья» (Изд. 1951. С. 476–477).

Дружеская симпатия Боратынского и Кюхельбекера была, безусловно, сильнее литературной – характерно, как в декабре 1825 г. Боратынский писал Пушкину о «драматической шутке» Кюхельбекера «Шекспировы духи»: «Духов Кюхельбекера читал. Не дурно, да и не хорошо. Веселость его не весела, а поэзия его бедна и косноязычна» (Пушкин. Ак. Т. 13. С. 253). Кюхельбекер, в свою очередь, судя по его дневниковым записям от 5 августа 1832 г. и от 4 июня 1837 г., отводил Боратынскому скромное место в русской литературе – в одном случае Боратынский причислен к подражателям Пушкина: «Замечания Скотта о его подражателях очень справедливы и оправдываются тем, что испытал и наш Пушкин. Люди с талантом, не одинаковой степени, но все же с талантом, – Баратынский, Языков, Козлов, Шишков младший, – и другие, вовсе без таланта, умели перенять его слог; до Пушкина, правда, никто из них не дошел, но все и каждый порознь нанесли вред Пушкину, потому что публике наконец надоел пушкинский слог»; в другом месте Боратынский назван «надеждой и опорой нашей словесности», но только после Пушкина,

351

А. А. Бестужева-Марлинского, Н. В. Кукольника и О. И. Сенковского (Кюхельбекер. Изд. 1979. С. 169, 364).

О. В. Голубева

17, ст. 1. Прости, Поэт! Ср. начальные слова послания А. С. Пушкина «К Жуковскому» (1816): Благослови, поэт!... (Пушкин. Ак. Т. 1. О. 194).

17, ст. 3. Музы. См. комментарий к № 10.1, ст. 3.

17, ст. 10. И грусть и сладость упованья! Слово упованье – примета поэтического стиля В. А. Жуковского (см. комментарий к № 9, ст. 6–8).

17, ст. 14. В отчизне бранного Одена – то есть в Скандинавии (в данном случае – в Финляндии). Оден (др.-исл. Обипп) – в скандинавской мифологии глава богов, покровитель военных дружин (см. комментарий к № 25.1, ст. 20).

17, ст. 17. Богиня – судьба (ср. ст. И).

17, ст. 19–20. Пускай пред ней сольются там // Друзей согласны моления!

Характерное курсивное выделение, придающее особый смысл наречию там ('в ином мире, на небесах'), отсылает к словоупотреблению Жуковского: И вовеки надо мною // Не сольется, как поднес, // Небо светлое с землею... // Там не будет вечно здесь («Путешественник», 1809, ст. 37–40); Всевышний Царь, благослови! 11 А вы, друзья, лобзанье // В завет: здесь верныя любви, 11 Там сладкого свиданья! («Певец во стане Русских воинов», 1812, ст. 665–668, 669–672); Но время все умчало, / / И здесь – навеки там! («К Ив. Ив. Дмитриеву», 1813, ст. 19–20); <...> Стремясь к небесам, // В их тайну проникает // И, радуясь, сливает // Неведомое нам // В магическое там! [«Уединение. (Отрывок)», 1813, ст. 72–76]; Что мрачно здесь, то будет ясно там! («Старцу Эверсу», 1815, ст. 43); Ах! найдется ль, кто мне скажет, // Очарованное Там? («Весеннее чувство», 1816, ст. 23–24); и др. (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. 1. С. 148, 244, 260, 264; Т. 2. С. 14, 31).

И. А. Пильщиков

18

18.1. «Где ты, безпечный другъ? где ты, о Дельвиг мой...»

18.2. Послание к Б... Дельвигу («Где ты, безпечный другъ? где ты, о Дельвиг мой...»)

Заглавие в Изд. 1827: «Делию» (об этом условном имени см. комментарии к № 36). Второе послание Боратынского к Антону Антоновичу Дельвигу (см. также комментарии

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага к №№ 10, 36, 61, 68). Об отношениях Боратынского и Дельвига см. комментарии к № 10. Очевидно, «Послание к Б... Дельвигу» как-то связано с по-

352

сланием Дельвига «Евгению» [«Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и она улетела)...», 1820; опубликовано в 1853 г.]; последовательность сочинения этих двух стихотворений неизвестна (ср.: Летопись. С. 94).

Стихотворение написано «жильберовой строфой» (четверостишиями разноstopного ямба с формулой 6–4–6–4, названными так благодаря знаменитой предсмертной оде Н. Жильбера, 1780) с рифмовкой аВАВ. Такая строфа была использована К. Н. Батюшковым в стихотворении «К другу» (опубликовано в 1817 г.), которое стало одним из непосредственных источников послания Боратынского (Томашевский 1958. С. 69). «Баратынский откровенно варьирует Батюшкова <...> Да и все его стихотворение – типичный для молодого Баратынского монтаж из разных текстов <Батюшкова>: помимо послания „К другу“, здесь использованы и „На развалинах замка в Швеции“, и „Мои Пенаты“, и „Умирающий Тасс“ <...> К Батюшкову подключается Жуковский – его „Вечер“ и элегическое послание „Тургеневу. В ответ на его письмо“ <...> и даже Державин» (Проскурин 1999. С. 206). Указание И. Н. Медведевой (Изд. 1936. Т. I. С. 235) на близость послания Боратынского к элегии Э. Парни «А mes amis» («Моим друзьям») не подтверждается сопоставлением текстов. 18.1, ст. 1 б. Где ты, безпечный друг? где ты, о Дельвиг мой, // Товарищ радостей минувших, // Товарищ ясных дней, не давно надо мной // Мечтой веселою мелькнувших? // Ужель душе твоей так скоро чуждым стал // Друг отлученный, друг далекой <...>? Ср. в элегии В. А. Жуковского «Вечер» (1806, ст. 49–51, 58, 65): Где вы, мои друзья, вы, спутники мои? // Ужели никогда не зреть соединенья? // Ужель иссякнули всех радостей струи? // О вы, погибши наслажденья! <...> И где же вы, друзья? <...> А мы... ужель дерзнем другу другу чужды быть? (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. 1. С. 76–77). Биографической основой комментируемых строк послания Боратынского является, по-видимому, долговременное отсутствие писем от Дельвига; ср. в письме Дельвига Боратынскому от марта – мая 1828 г.: «Теперь только понимаю, какую цену имели для тебя мои письма в Финляндии. Понимаю и каюсь, что редко писал к тебе. Не наказывай меня тем же» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 330; отмечено: Изд. 1936. Т. I. С. 235).

18.1, ст. 2. Товарищ радостей минувших. Автореминисценция из послания «К Креницыну» (1819): Товарищ радостей младых <...> в объятиях твоих, // Мнь дни минувшие <...> предстали! (№ 9, ст. 1–4).

18.1, ст. 4. Мечта (здесь и ниже, в № 18.1, ст. 16) – «привидение, призрак; пустое, ложное, явление, обманчивое видение» (САР. Ч. III. Стб. 762).

18.1, ст. 6–8. <...> Друг отлученный, друг далекой, // На финских берегах, между пустынных скал, // Бродящий с грустью одинокой? фразеология и рифмовка восходят к балладе Жуковского «Светлана» (опубликована в 1813 г.; ст. 30–32): <...> Милый друг далёко; // Мне судьбина умереть // В грусти одинокой (Жуковский. Изд. 1959–1960. Т. 2. С. 19). Со ст. 7–8 ср. элегию

23. Боратынский Том 1

353

К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814, ст. 9–11): Я здесь, на сих скалах, висящих над водой <...> Задумчиво брожу <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 202).

18.1, ст. 11–12. Ужель не ищешь ты в кругу своих друзей // Судьбой отторженного брата? Ср. поэтическую фразеологию Батюшкова: Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей // Сияла Лила красотою? («К другу», ст. 29–30); Напрасно от берегов пленительных невы // Отторженный судьбою <...> [«Разлука» («Напрасно покидал страну моих отцов...»), опубликовано в 1817 г.; ст. 9–10]; <...> Отторжен был судьбой <...> [«Умирающий Тасс», 1817, ст. 35 (Батюшков. Изд. 1977. С. 251, 231, 327)].

18.1, ст. 13–16. Ты помнишь-ли те дни, когда рука с рукой, // Пылая жаждой сладострастья, // Мы жизни вверились и общею тропой // Помчались за мечтою счастья? Ср. употребление фразеологизма рука с рукой в стихотворениях 1810-х годов: И в час сердечной муки, // Когда, рука с рукой, // В тоске безмолвной, други <...> Идут, осиротелы, // В свой терем опустелый; -Летать, рука с рукой // С утраченным филоном (Жуковский, «К Б<лудо-в>у», 1810, ст. 50–63, 120–121); // Три сестры <...> Сидят рука с рукой [«Уединение. (Отрывок)», 1813, ст. 63–68]; Бывало, он, с отцом рука с рукой, // Входил в наш круг – м радость с ним являлась («Тургеневу, в ответ на его письмо», ст. 41); Сиротка и старик убогой, // Без трепета, рука с рукой, // Пошли погибельной дорогой (Он же, «Сиротка», 1813, ст. 26–28); На брань пошли рука с рукой // Владыки и народы; Рука с рукой! вождю вослед! // В одну, друзья, дорогу! [«Певец в Кремле», 1816, ст. 60–61, 468–469 (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. 1. С. 150–151, 152, 282, 291; Т. 2. С. 38, 50)]; И с ним, рука с рукою, // Гимн радости поет!.. [Батюшков, «Мои Пенаты»,

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский 1811–1812, ст. 207–208 (Батюшков. Изд. 1977. С. 266)]; <...> рука с рукою, // С нежной Хлоей приходил <...> (А. С. Пушкин, «Блаженство», ст. 30–31); Стекитесь резвою толпою, // Главы в венках, рука с рукою <...> (Он же, «Моё завещание. Друзьям», 1815, ст. 71–72); В последний раз, быт может, я с тобой, // Задумчиво внимая шум дубравный, // Над озером иду рука с рукою. // Где вы, лета беспечности недав- ной? [Он же, «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осымнадцатой весной...»), 1817, ст. 2–5 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 55, 128, 254)]; и др.

18.1, ст. 14. Сладострастье. Повышенная частотность этого слова в элегическом лексиконе раннего Боратынского (примеры см.: Shaw 1975. P. 365) стала предметом пародии М. Н. Загоскина (см. комментарий к № 54, ст. 14).

18.1, ст. 15–16. Мы <...> общею тропой // Помчались за мечтою счастья. Реминисценция послания Жуковского «Тургеневу, в ответ на его письмо» (1813, ст. 49–50): <...> мы ж каждый по тропам // Незнаемым за счастьем полетели <...> (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. 1. С. 282). Мечта – см. выше, комментарий к № 18.1, ст. 4.

354

18.1, ст. 17–20. «Что в славе? что в молве? на время жизнь дана!» // За полной чашей мы твердили, // И весело в струях блестящего вина, // Забвенье сладостное пили. Выражение пит забвение восходит к «Энеиде» Вергилия: *oblivia potere* ‘пить забвение (то есть воды Леты, приносящие забвение)’ (песнь VI, ст. 715). В значении ‘забываться в наслаждениях’ оно употреблялось в «легкой поэзии» начала XIX в., в частности у Батюшкова («Счастливец», 1810, ст. 37–38): Счастья шаткого любимец // С нимфами забвенье пьет (Батюшков. Изд. 1977. С. 300). Ср. также: Забвенье сладостное пили (Баратынский) – Мы пили чашу сладострастья [Батюшков, «К другу», ст. 4 (Батюшков. Изд. 1977. С. 250)].

18.1, ст. 21. И все в глубоком сне! Реминисценция элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (ст. 5): И все в глубоком сне поморие кругом (Батюшков. Изд. 1977. С. 202).

18.1, ст. 23. На стогнах тишина! «Стогна» – церковнославянизм, обозначающий ‘улицу\*’, ‘площадь\*’ и – шире – ‘городскую территорию\*’ (Мурьяное М. Ф. Стогны града // Русская речь. 1985. № 2. С. 145–149).

18.1, ст. 23–24. <...> сияют при луне // Дворцы и башни Петрограда. Ср. картину ночного Петербурга в оде Державина «Видение Мурзы» (опубликована в 1791 г.; ст. 13–22): Вокруг вся область почивала, // Петрополь с башнями дремал <...> Природа в тишину глубоко // Ив крепком погруженна сне, // Мертва казалась слуху, оку, // На высоте и в глубине; // Лишь веяли одни зефиры, // Прохладу чувствам принося <...> (Державин. Изд. 1933. С. 69). Башни Петрограда упоминаются и у других поэтов конца XVIII – начала XIX в. (см., например: А. Ф. Востоков, «К Теону. Осень 1801 года», ст. 3). Ср. также: <...> И при луне из-за деревьев // Являлись кровы башен [Жуковский, «Вадим», 1817, ст. 683–684 (Жуковский. Изд. 1959–1960. Т. 2. С. 129)]. «Зарисовка спящего Петрограда – прелюдия <...> к эротической сценке, символизирующей насильно отнятые радости (эту сценку Баратынский целиком монтирует из материала батюшковских „Моих Пенатов“», – замечает О. А. Проскурин (Проскурин 1999. С. 206); последнее утверждение нуждается в корректировке (см. ниже комментарии к № 18.1, ст. 29–32, ст. 45–48).

18.1, ст. 25–26. К знакомцу доброму стучится Купидон, // Пуст дремлет труженик усталый! Купидон – см. ниже, комментарий к № 18.2, ст. 25. Пуст – здесь уступительный союз со значением ‘хотя\*’. Труженик усталый – ср. это же выражение в отрывках из поэмы «Воспоминание» (№ 13, ст. 34) и в «Сельской Элегии» («Я возвращуся к вам, поля моих отцов...»; № 34, ст. 10).

18.1, ст. 29–32. «Взгляни! ты видишь-ли: покинув ложе сна, // Перед окном, полу-одета, // Томленья страстного в душе своей полна, // Счастливица ждет моя Аилета?» Лилета, Лиля (№ 18.1, ст. 45) – условное поэтическое имя, вошедшее в литературный обиход на рубеже XVIII – XIX вв.; ср.

23\*  
355

стихотворение Н. М. Карамзина «К Лиле» («Ты плачешь, лилета?...», 1796); и др. Своей популярностью оно было не в последнюю очередь обязано стихотворениям К. Н. Батюшкова «Мои Пенаты» (1811–1812, ст. 69 и далее) и «К другу» (ст. 29–30). Кроме того, Лилета – одно из самых частых имен в лицейских стихах Дельвига: см. «К Лилете» (1814), «Хата» (1815), «К князю Горчакову» (1815), «Тихая жизнь» (1816), «К Лилете. (Зимой)» (1816), «Досада» («Как песенка моя понравилась Лилете...», 1814–1817), «фани. (Горацианскаяода)» (1814–1817) и др. Мы находим это имя и в обращенном к Боратынскому послании «Евгению» (1820): Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и она улетела), Когда мы с Амуром и Вахром Тихо, но смело прокрались в терем Лилеты? И что же! Бессмертные нам изменили!

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
(Ст. 1–4; Дельвиг. Изд. 1986. С. 149)

18.1, ст. 30, 32. Полу-одета : Лилета. Рифма восходит к «Моим Пенатам»  
Батюшкова (ст. 69–72):

И ты, моя Лилета,

В смиренной уголок Приди под вечерок Тайком переодета!

(Батюшков. Изд. 1977. С. 262)

18.1, ст. 41. Давно румяный Феб прогнал ночную тень. Феб – здесь ‘солнце’ (см.  
комментарий к 10.2, ст. 16).

18.1, ст. 43. Баловень забав. О перифрастических сочетаниях с опорным словом  
баловень см.: ПФП. С. 26, 30–31. Ср. позднюю редакцию послания «Дельвигу» («Так,  
любезный мой Гораций...»), где о Дельвиге сказано: Вольный баловень забавы (№  
10.1, ст. 27). См. также комментарий к № 18.2, ст. 43.

18.1, ст. 45–48. И Лила спит еще: любовьию горят // Младья свежая ланиты, 11 и  
мнится, поцелуй сквозь тонкий сон манят // Ея уста полу-открыты. Ср. в «Моих  
Пенатах» Батюшкова (ст. 116–130):

А Лила почивает На ложе из цветов...

И ветер тиховойной С груди ее лилейной Сдул дымчатый покров <...>

Я Лилы пью дыханье На пламенных устах,

Как роз благоуханье,

Как нектар на пирах!..

(Батюшков. Изд. 1977. С. 263–264)

356

Младья свежая ланиты <...> Ея уста полу-открыты – реминисценция баллады  
Жуковского «Вадим» (ст. 427–428): <...> И свежий блеск ланит младых, //И уст  
полуоткрытых (Жуковский. Изд. 1959–1960. Т. 2. С. 122).

18.1, ст. 49. Где чаш веселый стук? Ср. у Батюшкова («К другу», ст. 5– 6): Но  
где минутный шум веселья и пиров? // В вине потопленные чаши? (Батюшков. Изд.  
1977. С. 250).

18.2, ст. 23–24. Лишь слабо теплится в туманной вышине // Дианы бледная  
лампада. Диана (Diana) – в римской мифологии богиня лесов, отождествляемая, в  
том числе, с греческой Селеной (богиней луны); здесь ‘луна’. Уподобление луны  
лампаде широко распространено в русской поэзии первой четверти XIX в.  
(многочисленные примеры см.: ПФП. С. 56, 70–71, 142).

18.2, ст. 25. Малютка Купидон. Купидон – в римской мифологии бог любви (см.  
комментарий к № 23.1, ст. 14–15). Ср. в стихотворении Батюшкова «Любовь в  
челноке» (1810–1811; опубликовано в 1815), где описывается Купидон/Амур (ст. 7,  
13, 28, 40): Ах, малютка мой несчастный!; Жалко мне малютки стало; А малютка...  
улетел!; Знать, малютка... страшный бог! (Батюшков. Изд. 1977. С. 297–298). Амур  
также назван малюткой в стихотворении Жуковского «Амур и Мудрость» (1814,  
опубликовано в 1827 г.).

18.2, ст. 29. Смотрите, видител <...> Ср. аналогичную конструкцию: Смотрите, –  
видител дымится Карæген! («Отрывки из Поэмы: Воспоминания»: № 13, ст. 108; о  
генелизе этого фрагмента см. комментарий к № 13, ст. 108–109, ст. 117–120.

18.2, ст. 43. Баловни Харит. Хариты – см. комментарий к № 10.1, ст. 25. В  
поздней редакции послания Хариты заменены забавами (см. выше, комментарий к №  
18.1, ст. 43).

И. А. Пильщиков

19

К-ву («Любви веселой проповедник...»)

Послание адресовано Александру Абрамовичу Крылову (1798 или 1793 – 1829),  
поэту-элегическому, сотруднику Вольного общества любителей российской словесности (с  
4 марта 1818 г.) и Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (с  
23 января 1819 г.). В 1820–1821 гг. Крылов был близок к «левому» крылу ВОЛРС и  
поддерживал приятельские отношения с Боратынским, А. А. Дельвигом, В. К.  
Кюхельбекером и П. А. Плетневым – см. послание Дельвига «Крылову» (1820 или  
1821), послание Крылова «К Кюхельбекеру» (1821), стихотворение  
357

Плетнева «Невеста поэта» (1821) и ответное послание Крылова «К Плетневу» (1822).  
Тем не менее в том же 1821 г. Крылов выступил против «союза» Боратынского,  
Дельвига и Кюхельбекера со стихотворным памфлетом «Вакхические поэты», на  
который Боратынский ответил посланием «К\*\*\*» («Кто жаждет славы, милый мой!..» –  
см. в настоящем издании № 45.2 и комментарии к № 45). Об А. А. Крылове и его  
роли в литературной жизни начала 1820-х годов см.: Вацура 1972; Вацура 1994б.  
19, ст. 1. Любви веселой проповедник. Вопреки чтению большинства критических  
изданий (см. текстологические примечания) прилагательное веселой – женского, а  
не мужского рода: скорее всего, речь идет не о «веселом проповеднике любви», а о  
«проповеднике веселой любви». Ср. у А. С. Пушкина в элегии 1817 г. «К \*\*\*», или  
«Уныние» («Не спрашивай, за чем унылой думой...», ст. 6): <...> Я разлюбил

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *вaga*  
веселую любовь <...> (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 42); у В. С. Филимонова в  
поэме «Дурацкий колпак» (1828; гл. II, § 12, ст. 7): <...> Любви веселой я не  
знал (Поэты 1820–1830. С. 146). Следует также принять во внимание тот факт, что  
в единственном источнике текста комментируемого стихотворения прилагательные  
мужского рода в ст. 2 и 3 имеют в именительном падеже окончание -ьш, а не -ой:  
любезный говорун, глубокомысленный шалун (при товарищ милый в ст. 8, друг милый  
в ст. 9 и альков уютной в ст. 13).

19, ст. 4. Назона правнук и наследник! Публий Овидий Назон (Publius Ovidius  
Naso, 43 до н. э. – ок. 18 н. э.) – римский поэт эпохи Августа, упомянутый здесь  
как автор эротических произведений, из которых наиболее известны «Любовные  
элегии» («Amores»), «Героиды» («Heroides») и дидактическая поэма «Наука любви»  
 («Ars amatoria», или «Ars amandi»).

19, ст. 6–7. До рокового новоселья // Пожить нехудо для веселья. В лирике конца  
1810-х и начала 1820-х годов новоселье – обычный эвфемизм, обозначающий смерть  
(Виноградов 1935. С. 273) и часто рифмуемый с «весельем». Ср. у Пушкина: когда  
ж пойду на новоселье // (Заснуть ведь общий всем удел) // Скажи: «дай бог ему  
веселье! // Он в жизни хоть любить умел» («К Н. Г. Ломоносову», 1814, ст.  
23–26); Не пугай нас, милый друг, // Гроба близким новосельем [«Кривцову», 1817,  
ст. 1–2 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 76; Т. 2, кн. 1. С. 50)]; у самого Баратынского в  
стихотворении «Большой»: Что нужды! до новоселья // Поживем и пошалим, // В  
память прежнего веселья // Шумный кубок осушим (№ 39, ст. 17–20); и др.

19, ст. 9. Наука счастья нам знакома. Словосочетание наука счастья пародирует  
название поэмы Овидия («Наука любви»).

19, ст. 10–и. Скорей зови // Богиню милую любви! – то есть Афродиту (греческая  
мифология), или Венеру (римская мифология).

358

19, ст. 12. Скорее ветренного Мома! Мом (Мооро<sup>Λ</sup>) – бог порицания и злословия  
(греческая мифология); в позднейшей интерпретации – бог веселой насмешки  
(видимо, по созвучию с Комом – богом веселых пиров).

19, ст. 17. Летящий миг лови украдкой. Вариация на тему хрестоматийной оды  
Горация к Левконое: Dum loquimur, fugerit invida // aetas: carpe diem, quam  
minimus credula postero = Пока говорим, убежит завистливое // время: лови день,  
и меньше доверяй будущему (Carmina, кн. I, ода XI, ст. 7–8).

19, ст. 17. Игея, Вакх еще с тобой! В первой публикации и во всех изданиях  
(кроме Изд. 2000): и Гея, Вакх <...> у В. Э. Вацуро, предложившего конъектуру  
Игея (см.: Вацуро 1986. С. 21–22), были все основания заподозрить порчу текста:  
появление в одном ряду с Афродитой и Вакхом богини земли Г ей не поддается  
удовлетворительному истолкованию. Игея, Гигея или Гигея (греч. *tuteta*, *tuеios*  
'здоровье') – богиня здоровья в греческой мифологии; ср. в оде Г. Р. Державина  
«Богине здравия» (1795, ст. 1–2): Здравья богиня благая, // Ввек ты со мною,  
Гигея, живи! (Державин. Изд. 1957. С. 225). Вакх (Вах<sup>Λ</sup>ος) – одно из имен  
Диониса, бога виноградарства и виноделия (греческая мифология).

Вместе с другими божествами, олицетворяющими здоровье, веселье, вино и любовь,  
Игея упоминается в лицейских стихах Дельвига. Ср. в его послании «К князю  
Г<орчакову>» (1815):

Здравия полный фиал Игея сокрыла в тумане,  
Резвый Эрот и хариты с тоскою бегут от тебя:  
Бледная тихо болезнь на ложе твое наклонилась,  
Сон сменяется стоном, молением друзей – тишина.  
Тщетно ты слабую длань к богине младой простираешь,  
Тщетно! – не внемлет Игея, молчит, свой целительный взор  
Облаком мрачным затмила, и Скорбь на тебя изливает С колкой улыбкою злобы  
болезни и скуки сосуд.

Юноша! что не сзовешь веселий и острого Мома?

С ними Эрот и хариты к тебе возвратятся толпой;

Лирой, звенящею радость, отгонят болезни и скуки И опрокинут со смехом целебный  
фиал на тебя.

Дружба даст помощи руку; Вакх оживит твои силы;

Лица неволью промолвится, скажет, краснея, «люблю»,

С трепетом тайным к тебе прижимаясь невинною грудью,

И поцелуй увенчает блаженное время любви.

(Дельвиг. Изд. 1986. С. 101–102)

В «Дифирамбе» («Други, пусть года несутся...», 1814–1817):

Громкий смех над докторами!

При плесканьи полных чаш

359

Верьте мне, Игея с нами,

Сам Лизей\* целитель наш!

<...>

Выпили? Еще! Веселье Пышет розой по щекам,  
И беспечное похмелье Уж манит Эрота к нам.

(Дельвиг. Изд. 1986. С. 117–118)

Ср. сходный круг образов в послании Дельвига «Крылову»:

Уж я не тот поэт беспечный,  
Товарищ резвый светлых дней,  
Когда Эрот и Бассарей\*\*

Мне говорили: друг, мы вечны!

Пусть дни и годы скоротечны,  
Но мы с тобой – люби и пей!

Ушли, ушли лета златые,

Когда от чаши круговой Эрот, хариты молодые И смехи шумною толпой Меня влекли к ногам Эльвиры.

Крылов, в то время голос мой,

Под звуки вдохновенной лиры,

Непринужденно веселил Веселостью непринужденной.

А ныне твой поэт, лишенный Неопытных, но смелых крил,

Венком поблекшим украшенный,

На землю бедную ступил,

И опыт хладный заключил Его в жестокие объятия.

В боязни Фебова проклятья Ленюся я стихи писать,

Лишь иногда во дни ненастья Люблю о ведре вспоминать И мной неведомого счастья

Поэтам-юношам желать.

(Дельвиг. Изд. 1986. С. 153–154)

19, ст. 20. Пред нами чаша жизни сладкой. Традиционное словосочетание; ср. у Н.

М. Карамзина: <...> резвый Купидон // И скромный Гименей навек соединяют //

Любовников сердца // И чашу жизни их блаженством наполняют [«Послание к

женщинам», 1795, ст. 192–195 (Карамзин. Изд. 1966. С. 174)]; у Пушкина

\* Лиэй (Лиано? 'освободитель') – эпиклес Вакха–Диониса.

\*\* Бахус (примеч. А. А. Дельвига).

360

кина: Пусть остылой жизни чашу // Тянет медленно другой <...> («Кривцову», 1817,

ст. 5–6); Давно ли тайными судьбами // Нам жизни чаша подана! // Еще для нас

она полна <...> [«Нет, нет, напрасны ваши пени...», 1819, ст. 6–8 (Пушкин. Ак.

Т. 2, кн. 1. С. 50, 92)]. Другие примеры см.: ПФП. С. 158–160.

19, ст. 24. <...> И дом подземный скроет нас! Готовый штамп поэтического языка

начала XIX в. (Виноградов 1941. С. 134; ПФП. С. 157). Ср., например: <...>

Доколь, сражен стрелой незримой, // В подземный ты не снидешь дом <...> [Пушкин,

«К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...»), 1814, ст. 78–79 (Пушкин. Ак. Т. 1.

С. 74)].

И. А. Пильщиков

20

20.1. «Разстались мы; на миг очарованьем...»

20.2. Элегия («На краткий миг пленяет в жизни радость...»)

Заглавие в Изд. 1827: «Разлука».

По неподтвержденному указанию С. А. Рачинского [см.: Материалы 1916. С. VI (2-й

паг.)], стихотворение было адресовано Варваре Николаевне Кучиной (о ней см.

комментарии к № 2). Биографическая реконструкция в данном случае затруднительна:

в стихотворении описана типичная элегическая ситуация. В частности, произведение

Баратынского обнаруживает несомненное сходство с элегией Э. Парни «Que le

bonheur arrive lentement!» («Poesies erotiques», 1777–1781, кн. IV, элегия И;

отмечено в Изд. 1936. Т. II. С. 229). Эту элегию переводили К. Н. Батюшков

[«Элегия» («Как счастье медленно приходит...»), 1805], В. М. Перевощиков

[«Элегия Парни» («В печальной юности я жил одно мгновенье...»), 1810] и А. Г.

Родзянка [«Элегия» («Как медленно приходит счастье...»), 1823, опубликована в

1972 г.]. О Баратынском и Парни см. комментарии к № 106.

При подготовке Изд. 1827 элегия была сокращена вдвое (8 стихов вместо 16) и

существенно переработана. Сопоставление ранней и поздней редакции см.: Изд.

1957. С. 27–28.

20.1, ст. 1–4. В ранней редакции этим четырем строкам соответствовало 12

стихов (см. № 20.2, ст. 1–12). <...> на миг очарованьем, // На краткий миг была

мне жизнь моя; // Словам любви внимать не буду я, // Не буду я дышат любви

дыханьем! О «движении повторов» в этом стихотворении см.: Семенко 1970. С.

275–276. По такому же принципу был организован развернутый зачин ранней

редакции: На краткий миг <...> На краткой миг <...> уж нет <...> Ужь он исчез

<...> Уже ль <...> Уже ль <...> (20.2, ст. 1–12).

361

20.1, ст. 2. На краткий миг была мне жизнь моя. Ср. 4-й стих из элегии Парни «Que le bonheur arrive lentement!..»: Si fai vecu, ce ne fut qu'un moment = Если я жил, то всего лишь миг (Parny. Ed. 1862. P. 116) – и русские переводы: В печальной юности я жил одно мгновенье (Перевощиков; ФЭ. С. 456); Мне было жить на миг дано! (Родзинка; ФЭ. С. 457).

20.1, ст. 5–8. Я все имел, лишился вдруг всего; // Лишь начал сон... исчезло сновиденье! // Одно теперь унылое смущенье // Осталось мне от счастья моего. Парафраза строк А. Бертена («Les Amours», 1780–1785; кн. III, элегия 13, ст. 7–13): Mon bonheur s'est évapori: // Je perds vos touchantes caresses, // Hélas! et de ces biens, dont fai trop peu joui, // Il ne me reste que ta flamme <...> Et la triste douceur de nourrir dans mon ame // L'eternel souvenir d'un bonheur qui n'est plus = Мое счастье исчезло: // Я лишаюсь ваших трогательных ласк, // Увы! и от этих благ, которыми я слишком мало наслаждался, // Мне не осталось ничего, кроме моего пламени <...> И унылой сладости питать в своей душе // Вечную память о счастье, которого больше нет (Vertin. fd. 1879. P. 117).

Сходную констелляцию мотивов находим у Пушкина в элегии 1817 г. «К \*\*\*», или «Уныние» («Не спрашивай, за чем унылой думой...», ст. 9–12): Кто счастье знал, уж не узнает счастья. // На краткой миг блаженство нам дано: // От юности, от нег и сладострастья // Останется уныние одно... (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 42; параллель отмечена: Филиппович 1916. С. 325). Ср. также финал элегии Парни «Que le bonheur arrive lentement!..» (ст. 19–22): /'ai toutperdu <...> У ai tout perdu: i amour seul est reste = Я всё потерял <...> Я всё потерял: осталась одна любовь (Parny. Ed. 1862. P. 117) – и переводы Батюшкова, Перевощикова и Родзинки: На свете всё я потерял <...> Любовь одна во мне осталась (ФЭ. С. 133); Всего лишился я! <...> со мной одна любовь живет! (ФЭ. С. 457); Я всё навеки потерял <...> восторгов рай исчез <...> Одна любовь со мной осталась! (ФЭ. С. 457).

20.2, ст. 6–10. Уж он исчез – блаженства сон мгновенной <...> Не вечность ли меж нами протекла? Ср.: И буря дней моих исчезла как мечта!.. // Осталось мрачно вспоминанье... // Между протекшего есть вечная черта: // Нас сблизит с ним одно мечтанье [К. Н. Батюшков, «Воспоминания 1807 года», 1809 (заглавие в «Опытах в Стихах и Прозе» – «Воспоминание»), ст. 23–26 (Батюшков. Изд. 1977. С. 211)]. Реминисценцию из этой же элегии Батюшкова И. М. Семенко обнаружила у А. С. Пушкина («Под небом голубым страны своей родной...», 1826, ст. 4): Но недоступная черта меж нами есть (Пушкин. Ак. Т. 3, кн. 1. С. 20; Семенко 1970. С. 236). «В отличие от Батюшкова, Пушкин и Баратынский отрицают возможность этого „сближения“. У них между минувшим и настоящим пропасть, аналогичная пропасти между иллюзорным и действительным» (Семенко 1970. С. 237). Стихотворение Пушкина и в других аспектах проявляет сходство с элегиями Баратынского (см.: Проскурин 1999. С. 202).

362

20.2, ст. 7–8. И я один, и на груди стесненной // Лежит тоска разлуки годовой. А. М. Песков усматривает здесь автобиографическую аллюзию: «Вероятно, отъезжая в Финляндию, Баратынский надеялся на то, что по истечении года унтер-офицерской службы он получит чин офицера», и, значит, «в сочиненной <...> перед отъездом в Финляндию или вскоре после отъезда „Элегии“» говорится о предполагаемом «годовом отсутствии» (Летопись. С. 94). Скорее это место следует понимать так: прошел год с тех пор, как поэт расстался со своей возлюбленной. См. также текстологические примечания к № 20.2.

И. А. Пильщиков

21

21.1. «Незнаю? милая, незнаю!..»

21.2. «Мадригаль». К девушке, которая – на вопрос, как ее зовут – отвечала: не знаю («Не знаю! милое не знаю...»)

Это четверостишие пользовалось популярностью и неоднократно перепечатывалось (см. текстологические примечания). Баратынский счел нужным включить его в оба сборника своих стихотворений. Републикация мадригала в Изд. 1835 вызвала резкую отповедь В. Г. Белинского: «Может ли поэт нашего времени написать, а если уже имел несчастье написать, то поместить в полном собрании своих сочинений, например, вот такое стихотвореньице» – далее цитируется текст мадригала «Незнаю? милая, незнаю!..» (Телескоп. 1835. Ч. 27. № 9; цит. по: Белинский. Изд. 1953–1959. Т. I. С. 326).

И. П.

22

22.1. «Твой детский вызов мне приятен...»

22.2. Лице («Твой детской вызов мне приятен...»)

Согласно семейному преданию, стихотворение было адресовано финляндской знакомой Баратынского Елизавете Куприановой (лицо неустановленное). В альбоме «Tendresse» рядом с заглавием С. А. Рачинский сделал помету карандашом: «Елизавете



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *вара*  
Куприяновой?» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5. л. 28; Материалы 1916. С. 5– 6). На  
экземпляре изд. 1827, хранившегося в Татевском архиве Рачинских, возле  
стихотворения «Лиде» рукою С. А. Рачинского было «написано и зачеркнуто:  
Куприяновой и еще ниже поставлено: Ф и н л я н к е» (Материалы. С. VI 2-й паг.).  
При подготовке изд. 1827 стихотворение было существенно переработано

363

но: в первой части выпущено 9 строк (№ 22.2, ст. 5–13), а 8 заключительных строк  
(№ 22.2, ст. 28–35) заменены десятью новыми (№ 22.2, ст. 19–28). Замечания о  
соотношении двух редакций см.: изд. 1914–1915. Т. II. С. 285.

22.1, ст. 4. Язык поэтов и богов. Язык богов – общее название поэзии,  
широко употребительное в конце XVIII – начале XIX в. (многочисленные примеры  
см.: ПФП. С. 125 примеч. 37).

22.1, ст. 10. Хариты – см. комментарий к № 10.1, ст. 25. Эрот – бог любви в  
греческой мифологии; то же, что римский Амур, или Купидон (см. комментарий к №  
23.1, ст. 14–15) – ср. Купидон в первой редакции комментируемого стихотворения  
(№ 22.2, ст. 10). Ветренный Эрот – этот эпитет был применен к богу любви К. Н.  
Батюшковым в «Послании Г<рафу> В<елеурско>му» (опубликовано в 1815 г.; ст. 12):  
ветренный Амур (Батюшков. Изд. 1977. С. 270). См. также комментарий к № 30.1,  
ст. 2.

22.1, ст. и. Дриады (Дриаде<;) – нимфы деревьев (греческая мифология). Фавны  
(Fauni) – божества лесов и полей (римская мифология). В античной литературе  
дриады и другие нимфы нередко упоминались в одном ряду с мужскими  
миксантропическими божествами – сатирами и силенами (у греков) или фавнами (у  
римлян): <...> Faunique <...> Dryadesque puellae = <...> и Фавны <...> и девы  
Дриады (Вергилий, «Георгики», кн. I, ст. 11); <...> semideae Dryades Faunique  
bicornes = <...> полубогини Дриады и двурогие фавны (Овидий, «Героиды». Послание  
IV, ст. 49). Аналогичные примеры можно отыскать в русской поэзии первой четверти  
XIX в. (см.: Пильщиков И. А. Дриады // Онегинская энциклопедия. М., 1999. Т. I.  
С. 370).

22.1, ст. 14–18. Поодаль Музы между тем <...> Но их собор в то время нем. Музы  
– см. комментарий к № 10.1, ст. 3. Собор – «собрание многих в одно место» (САР.  
ч. VI. Стб. 310). Ср. описание Парнаса у М. В. Ломоносова («Ода надень  
восшествия ... 1746 гда», ст. 3–4): <...> Где воды протекают ясны 11 и  
прохлаждают Муз собор (Ломоносов. Изд. 1959. С. 137). У Г. Р. Державина («Песнь  
любителю художеств», 1791, ст. 80): <...> На них <ту- чах. – И. П.> сидит  
небесных Муз собор. Ср. в этом же стихотворении: <...> Во след тебе забав собор,  
// Певец приятных хор, // Наяды пляшут и Фауны (ст. 170–172; Державин. Изд.  
1933. С. 133, 135).

22.1, ст. 23 .И той не редко, чье воззренье // Дарует лире вдохновенье, // Не  
поверяет он его. Воззренье – здесь ‘взгляд, взор’ (ср.: СЛРЯ XVIII в. Вып. 4. С.  
10).

22.2, ст. 7–8. И все мы знаем, что Киприда // В Цитере школ не завела. Киприда  
(греч. *Κυπρίδα*, род. пад. *Κυπρίδα* ‘киприанка’) – эпитет богини любви  
Афродиты, родившейся из морской пены вблизи о. Кипр. Цитера, или кифера (лат.  
*Cythera*; греч. *Κυθέρρα*) – остров на юге Греции, где находился один из храмов  
Афродиты.

364

22.2, ст. 10. Читать не любит Купидон. См. комментарий к № 23.1, ст. 14–15.

22.2, ст. 33. Феб (греч. *Φαέτος* ‘светозарный’) – эпитет бога Аполлона,  
покровителя поэтов (греческая мифология).

И. А. Пильщиков

23

23.1. Подражание Лафару («Свободу дав тоске моей...»)

23.2. Элегия («Заснули рощи над потоком...»)

23.3. Элегия («Дремала роща над потоком...»)

Заглавие в изд. 1827: «Утешение».

Подражание мадригалу Ш.-О. Лафара «A Madame Ia Comtesse de Caylus» («Госпоже  
графине де Келюс»; см.: Лонгинов 1864. Стб. 117). Окончательная редакция (№  
23.1) ближе к французскому оригиналу, чем версии 1820–1821 гг. (№ 23.2, 23.3).

Некоторые сегменты стихотворения Боратынского независимы от Лафара. Так,  
источником ст. 9–12 первоначальной редакции «Утешения» послужила элегия Ш.-.  
Мильвуа «La chute des feuilles» («Падение листьев»), позже переведенная  
Боратынским на русский язык (см. комментарии к № 74).

Приводим оригинальный текст французского мадригала по изданию *Œuvres de  
Chaulieu et du marquis de La Fare*. Paris, 1803. P. 49.

A Madame la Comtesse de Caylus

M'abandonnant a la tristesse,

Sans esperance, sans desir,

*Je regrettois les sensibles plaisirs Dont la douceur enchantà ma jeunesse.*

*5 Sont-ils perdus, disoit-je, sans retour?*

*Et n'es-tu pas cruel, Amour,*

*Toi que je fis des mon enfance Le maitre de mes plus beaux jours,*

*D'en laisser terminer le cours io Par Tennyeuse indifference?*

*Alors j'aperçus dans les airs L'enfant maitre de Tunivers,*

*Qui, plein d'une joie inhumaine,*

*Me dit en souriant: Tircis, ne te plains plus: из Je vais mettre fin a ta peine,*

*Je te promets un regard de Caylus.*

365

Маркиз Шарль-Огюст де Лафар (Charles Auguste de La Fare, 1644–1712) –

французский лирик, автор эпикурейских любовных стихов, друг и сподвижник аббата

Шольё, один из предшественников «легкой поэзии» XVIII в. В своем «Послании Клио»

(«*Épître de Clío*») П.-К. Нивель де Ла Шоссе отмечал заслуги Шольё и Лафара в

создании «чистого стиля» и «галантного языка»: *Ce style rig, ce langage galant,*

// *Qu'avec Chaulieu, La Fare eut en partage (Nivelle de La Chaussée [P.-C.]*

*Œuvres. Paris, 1762. P. 151).* Вольтер называл Лафара соперником Тибулла

(«*Épître XXVII. A Monsieur Pallu, Conseilleur d'Etat*») и восклицал: *La Fare,*

*Apollon, Гатоиг, // Vous etes de tête famille = Лафар, Аполлон, Амур, // Вы есе*

*– из одной семьи (Voltaire. Ed. 1876–1891. T. X. P. 260).* К. Н. Батюшков в

«Похвальном слове сну» (1809–1816) упоминает в одном ряду имена четырех поэтов

(«знаменитых ленивцев») – «Анакреона, Лафонтена, Шолио, Лафара» (Батюшков. Изд.

1977. С. 128). В поздней редакции послания А. С. Пушкина «Моему Аристарху»

(1815– 1817) именем Лафара было заменено имя Анакреона: Наш друг Лафар, Шолье,

Парни <первоначально: Анакреон, Шолье, Парни. – И. П.>, // Враги труда, забот,

печали <...> Своих любовниц, воспевали и проч. (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 154, 374).

23.1, ст. 1–4. Свободу дав тоске моей, // Уединенный, я недавно // О

наслажденьях прежних дней // Жалел и плакал своенравно. Вольный перевод четырех

начальных строк мадригала графине де Келюс (ср. подстрочный перевод: *Предавшись*

*унынию, // Без надежды, без желанья., II Я сожалел о нежных наслаждениях, //*

*Сладостью которых была очарована моя молодость).* В ранних редакциях

стихотворение Боратынского начиналось восемью строками, которые не имеют

аналогов у Лафара (см. № 23.2, ст. 1–8; № 23.3, ст. 1–8).

23.1, ст. 5–8. Этот фрагмент дважды подвергался переработке, изменившись почти

до неузнаваемости (см. ниже, комментарии к № 23.2, ст. 9–10, 11, 12; № 23.3, ст.

9–12). В мадригале Лафара этому четверостишию отдаленно соответствует всего одна

строка: *Неужели удовольствия утрачены, – говорил я, – безвозвратно?* (ст. 5).

23.1, ст. 10–13. <...> Отныне с праздною душой, // Живых восторгов легкой

рой II я заменяю холодной думой // И сердца мертвой тишиной! У Лафара далее (ст.

6–10) следует апострофа – упрек Амуру (перевод: *И не жесток ли ты, Амур, II Ты,*

*которого я с детства // Выбрал наставником своих прекраснейших дней, // <Не*

*жесток ли ты в том,> что позволил прервать их течение // Скучному безразличию?)*

В стихотворении Боратынского Амур (Купидон) впервые упоминается пятью строками

ниже (№ 23.1, ст. 14–15).

23.1, ст. 14–15. Тогда с улыбкою коварной // Предстал внезапно Купидон. Ср.

у Лафара: *Тогда я увидел в воздухе // Младенца – властителя вселенной* (ст.

11–12). Купидон (франц. *Cupidon*; лат. *Cupido* – калька греч. *ἔρως*; ‘желание,

*страсть')* – в римской мифологии бог любви, сын богини любви Венеры; он же

366

Амур (лат. *Amor* ‘любовь'). С улыбкою коварной – ср. в оригинале: <...> *plein*

*d'une joie inhumaine <...> en souriant <...> = <...> полон жестокой радости*

*<...> улыбаясь <...>* (ст. 13–14).

23.1, ст. 16–18. О чем вздыхаешь, молвил он, // О чем грустишь, неблагодарной?

// Забудь печальные мечты. Ср. в мадригале графине де Келюс: *Амур сказал мне,*

*улыбаясь: Тирсис, не сетуй; II Я положу конец твоим страданиям* (ст. 14–15).

Герой стихотворения Лафара обращается с упреками к Амуру (этот момент остался у

Боратынского «за текстом»), а героя «Утешения» Амур– Купидон в ответ на эти

самые укоры называет неблагодарным (слова с таким значением во французском

подлиннике нет). В изд. 1827 стих *Забудь печальные мечты* образует неожиданный

*pendant* 14-му стиху «Разуверения»: *Забудь бывалыя мечты* (№ 54, ст. 14). Ср.

также: <...> *О наслажденьях прежних дней* (№ 23.1, ст. 3) – <...> *Все обольщенья*

*прежних дней!* (№ 54, ст. 4).

23.1, ст. 19. Я вечно юн, и я с тобою! Этот стих не находит аналогов во

французском оригинале.

23.1, ст. 21. Не веришь мне? взгляни на Хлою! Французский мадригал завершается

словами Амура: *Я обещаю тебе взгляд Келюс.* В стихотворении Боратынского реальный

адресат заменен условным персонажем с традиционным поэтическим именем (ср.: Изд.

1936. т. и. с. 232; Хетсо 1973. с. 284–285).

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *baratynsky* 23.2, ст. 5–8. Сыны души моей большой, // Сыны полуночного бденья... смутная виденья. Перифразы с опорными словами сын(ы), доч, дитя, дети и т. д., обозначающие различного рода явления и состояния и представляющие их как следствие или порождение других явлений и состояний, были широко распространены в русской поэзии первой четверти XIX в. (см.: ОНС. С. 31).

23.2, ст. 9–10. «И так исчезли» думал я, // Весенних лет мечты златяя. Ключевое слово в этих стихах – исчезли («мечты весенних лет»). Ср. в «падении листьев» Мильвуа: *Et fai vu <...> S\*evanouir top beau printemps = И я увидел, как <...> Исчезает моя прекрасная весна (Millevoye. Ed. 1843. P. 25) – и в подражании Боратынского («Падение листьев», ранняя редакция): <...> исчез мой век молодой (№ 73.2, ст. 19). В более раннем подражании М. В. Милонова («Падение листьев. Элегия», 1811, редакция «Сатир, посланий и других мелких стихотворений» 1819 г.; ст. 23–24) этот фрагмент «*La Chute des feuilles*» принял следующий вид: Как призрак легкий, улетели // Златые дни весны моей! (ФЭ. С. 241). У Боратынского в первой редакции комментируемого стихотворения эпитет златые передан мечтам, а в позднейшей версии «Падения листьев» – снам: Вы улетели, сны златые // Мгновенной юности моей! (№ 73.1, ст. 21–22). Об окказиональной синонимии мечта = сон и о воздействии версии Милонова на перевод Боратынского из Мильвуа см. комментарии к № 73.*

367

23.2, ст. И. Часы приспели роковые. Ср. у Боратынского в ранней редакции «Падения листьев»: О прорицанье роковое! <...> С ненастной осенью приспееет, // Вещало ты, мой смертной час (№ 73.1, ст. И–14).

23.2, ст. 12. Я вянет молодость моя! Эта строка представляет собой близкий перевод 20-го стиха из «*La Chute des feuilles*» в редакции 1811 г.: *Ta jeunesse sera fletrie = Твоя молодость увянет (Millevoye. Ed. 1843. P. 22)*. При этом в подражании Лафару (!) строка Мильвуа переведена точнее, чем во всех трех переводах «Падения листьев», сделанных Боратынским в 1823–1826 гг. (см. комментарий к № 73.1, ст. 19).

23.2, ст. 13. Невольник истины угрюмой. Ср. фразеологию франц. *esclave de qch* ‘невольник чего-л.’ (см.: Виноградов 1941. С. 141). Это выражение отсутствует в ближайших литературных источниках стихотворения Боратынского. В поздней редакции это место изменено: Наставлен истиной угрюмой <...>

23.3, ст. 9–12. Все обмануло, думал я, // Чем сердце пламенное жило, // что восхищало, что томило, // И вянет молодость моя! По сравнению с первоначальной редакцией в неприкосновенности в комментируемом фрагменте остался только последний из процитированных стихов. При подготовке Изд. 1827 Боратынский ликвидировал и этот – единственный оставшийся – след «*La Chute des feuilles*»: <...> Что восхищало, что томило, // Что было цветом бытия! (№ 23.1, ст. 8). В ст. 9 : 11 характерен отказ от графически неточной рифмы златяя : роковые (см. комментарий к № 34, ст. 28).

И. А. Пильщиков

24

Весна (Элегия) («Мечты волшебныя, вы скрылись от очей!..»)

По наблюдению В. Э. Вацура (см.: Вацура. Лирика пушкинской поры. С. 205–206), элегическая ситуация, описанная в стихотворении Боратынского, восходит к сонету Ф. Петрарки «*Zephiro torna, e '1 bel tempo rimena...*»:

*Zephiro torna, e '1 bel tempo rimena,  
E i fiori et l'erbe, sua dolce famiglia,  
Et garrir Progne et pianger Philomena,  
Et primavera candida et vermiglia.*

*Ridono i prati, e '1 ciel si rasserena <...>*

*Ma per me, lasso, tomano i piu gravi Sospiri <...>*

368

(Перевод: Зефир возвращается и ведет с собой прекрасную пору, 11 и цветы с травами, свою нежную семью, // и щебечущую Прокну, и стенающую Филомелу, // и белую и алую весну. // Смеются луга и проясняется небо... Но для меня, увы, возвращаются тяжелейшие // Вздохи...) Другим образцом стала для Боратынского элегия К. Н. Батюшкова «Последняя весна» (1816; отмечено: Хетсо 1973. С. 338): В полях блистает Май веселый!

Ручей свободно зажурчал,  
И яркий голос Филомелы угрюмый бор очаровал:

Все новой жизни пьет дыханье!

Певец любви, лишь ты уныл!

(Ст. 1–6; Батюшков. Изд. 1977. С. 128)

Элегия Боратынского написана «жильберовой строкой» с рифмовкой абаВ (см. комментарии к №№ 18 и 29).

Композицию стихотворения проанализировала Л. Л. Шестакова. Поэт отступает от

Боратынский Евгений Александрович. Сочинения и письма. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в широкой распространенной сюжетно композиционной схеме «пейзажная экспозиция – описание внутреннего состояния героя» (ср. «Последнюю весну» Батюшкова). У Боратынского тема весны задана заглавием, однако начальная строфа посвящена печальным раздумьям лирического повествователя, а пейзажная зарисовка дается во втором четверостишии. Этот принцип проведен через всё стихотворение: «смена контрастных линий (природа – герой) происходит несколько раз». Третья строфа связана со второй отношениями прямого противопоставления (Май воскреснул – Я вяну). Так же соотносятся друг с другом шестая и пятая строфа (Всё дышет радостью – Лишь я, как будто чужд Природе и Весне). Четвертый катрен, который, так же как и первый, содержит апострофу (О, где вы, призраки невозвратимых лет и т. д. – ср.: Мечты волшебны, вы скрылись от очей!), служит введением к пятому и шестому четверостишию, подобно тому как первое четверостишие служит введением ко второму и третьему (Шестакова 2000. С. 60–61; лингвостилистический анализ элегии см.: Там же. С. 61–63).

24, ст. 1. Вы скрылись от очей!.. См. комментарий к № 9, ст. 28.

24, ст. 3–4. <...> юности моей // Поблели утренния розы! Ср. символику и фразеологию франц. *la rose* (см.: Виноградов 1941. С. 133); ср. у А. С. Пушкина: *Иль юности златой // Вотще даны мне розы <...>* («Городок», 1815, ст. 291–292); *я ей принес увядши розы // Отрадных юношеских дней* [«Стансы. (Из Вольтера)», 1817, ст. 33–34] и др. (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 103, 249).

24, ст. 5–6. Благоуханной Май воскреснул на лугах, 11 и пробудилась Филомела. Ср. «Последнюю весну» Батюшкова, ст. 1, 3. Воскреснул – в лите

24. Боратынский. Том 1

369

ратурном и поэтическом языке первой половины XIX в. совершенные и причастные формы глаголов с инфинитивом на -ну- образовывались без опущения этого суффикса значительно чаще, чем в нынешнее время. Эти формы свободно употреблялись наравне с формами без суффикса -ну- (см.: Буслаев 1858. Ч. I. С. 86; Истомин 1895. С. 53–54; Булаховский 1954. С. 118–119).

Филомела (греч. *Díxofjirjxa*) – здесь ‘соловей’, в соответствии с позднейшей интерпретацией древнегреческого мифа о Филомеле и Прокне, изложенного в «Метаморфозах» Овидия (кн. VI, ст. 424–670). Батюшков пересказывает этот миф в примечании к басне «Филомела и Прогна. (Из Лафонтена)»: «Филомела и Прогна, дочери Пандиона. Терей, супруг последней, влюбился в Филомелу, заключил ее в замок, во Фракии находящийся, обесчестил и отрезал язык. Боги, сжалившись над участию несчастных сестер, превратили Филомелу в соловья, а Прогну в ласточку» (Вестник Европы. 1811. Ч. LX. № 23. С. 186). Существовала и другая версия античного мифа, согласно которой, наоборот, Прокна превратилась в соловья, а Филомела – в ласточку (Аполлодор, «Библиотека», кн. III, гл. XIV, § 8). В XVIII–XIX вв. преобладала первая трактовка – ср., например, у

В. А. Жуковского в стихотворении «Пред судилище Миноса...» (1815, ст. 34–35): <...> По-еллински Филомела, / И по-русски соловей (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 395); и мн. др.

24, ст. 7. Флора (лат. *Flora* ‘цветущая’ от // *os*, род. пад. *floris* ‘цветок’) – в римской мифологии богиня цветов и цветения.

24, ст. 12. Я вяну – вянет всё со мною! Вяну – см. комментарий к № И, ст. 4. Вянет всё со мною – вариация формулы из стихотворения Батюшкова «Веселый час» (1810, ст. 74): Умру, и все умрет со мной!.. (Батюшков. Изд. 1977. С. 229; см. комментарий к № 13, ст. 194–195).

24, ст. 16. Сладострастье. См. комментарии к № 18.1, ст. 14 и № 54, ст. 14.

24, ст. 17–21. В дыхании весны всё жизнь младую пьет <...> Лишь я, как будто чужд Природе и Весне! Ср. «Последнюю весну» Батюшкова, ст. 5–6.

24, ст. 19–20. Всё <.. .> ждет // Обетованного свиданья! – то есть ‘обещанного’.

И. А. Пильщиков

25

25.1. Финляндия («В свои разселины вы приняли певца...»)

25.2. Финляндия («Громады вечных скал, гранитныя пустыни...»)

Написано в первые месяцы 1820 г. во Фридрихсгаме (Финляндия). Н. М. Коншин рассказывал: «Я помню один зимний вечер <в начале 1820 г. – И. П.>, на дворе

370

была буря; внимающее молчание окружало нашего Скальда <Боратынского. – И. П.>, когда он, восторженный, читал нам на торжественный распев, по манере изученной у Гнедича, взятой от греков, принятой и Пушкиным и всеми знаменитостями того времени, – когда он пропел нам свой гимн к Финляндии» (Коншин. Изд. 1958. С. 392). 19 апреля 1820 г. Боратынский, возможно, присутствовал на заседании 43-летнего общества любителей российской словесности в С.-Петербурге, где представил элегию «Финляндия» и мадригал «Финским красавицамъ» (в настоящем издании – № 26; см.: журналы Волрс. С. 376–377; летопись. С. 97–98). Элегия

Братание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский барата  
принадлежала к числу самых популярных произведений Боратынского (ею открываются  
Изд. 1827 и Изд. 1835), создав ему репутацию «певца Финляндии» (см.: Полевой  
1827. С. 224; Сомов 1828. С. 17).

На элегии Боратынского сказались влияние двух «скандинавско-оссианических»  
произведений – элегии К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814) и  
«Песни Барда над гробом Славян-победителей» В. А. Жуковского (1806), а также  
описаний северной природы в батюшковском «Отрывке из писем русского офицера о  
Финляндии» (1809, 1816), упомянутом в предисловии к «финляндской повести»  
Боратынского «Эда». О литературном контексте «финляндии» см.: Изд. 1957. С.  
21–22; Альми 1961. С. 31–32; Хетсо 1973. С. 340 и далее; Шарыпкин 1972. С.  
149–150; Тойбин 1988. С. 49–50; Pilshchikov 1996. P. 78. Сопоставление ранней и  
поздней редакции см.: Изд. 1914–1915. Т. II. С. 285–288. Материалы для  
комментария к элегии см.: Пильщиков 2002.

25.1, ст. 1–2. Мотив прибытия в чужую страну, присутствующий в обеих редакциях  
элегии (ср. № 25.2, ст. 1–2), имеет автобиографический характер: в январе 1820  
г. (ненадолго до написания стихотворения) Боратынский был переведен унтер-  
офицером в Нейшлотский пехотный полк, квартировавшийся во Фридрихсгаме  
(Летопись, с. 94–95).

25.1, ст. 2. Граниты финские, граниты вековые; ср. гранитные пустыни (№ 25.2,  
ст. 1). Гранитные скалы (горы, утесы) – лейтмотив в «Отрывке из писем русского  
офицера о Финляндии» Батюшкова (5 употреблений в редакции «Опытов в Стихах и  
Прозе»): «Здесь глубокие длинные озера омывают волнами утесы гранитные <...> там  
– целые развалины древних гранитных гор»; «<...> гранитные, неподвижные скалы,  
которые несколько веков презирают порыв бурь и ярость волн»; «<Источник> стрелю  
протекает по каменному дну между скал гранитных»; «Солнечные лучи медленно  
умирают на гранитных скалах <...>» (Батюшков. Изд. 1977. С. 95–96, 101). В  
эпilogе поэмы Боратынского «Эды» (1824) использовано словосочетание финские  
граниты (ст. 35), а сама Финляндия названа гранитным краем (ст. 1; см. в  
настоящем издании раздел «Поэмы»). Ср. этот же мотив в самой поэме (примеры см.:  
Shaw 1975. P. 200).

25.1, ст. 3–4. Земли ледяного венца // Богатыри сторожевые. В рецензии на Изд.  
1827 Ф. В. Булгарин писал: «Ледяной венец земли: это выражение пере-

24\*

371

носить мысль вашу к полюсам и определяет одним почерком физическую природу  
страны <Финляндии. – И. П.>» (Северная Пчела. 1827. 3 дек. № 145). Образа  
стражей (богатыри сторожевые) в ранней редакции стихотворения не было; он  
перенесен в элегию из поэмы «Эда» (в редакции 1824–1825 гг. – ст. 52–53):  
Огромным сторожем стоит <...> гранит пирамидальный (см. в настоящем издании  
раздел «Поэмы»). Ср. у Батюшкова в «Отрывке из писем русского офицера о  
Финляндии»: «<...> высокие, пирамидальные утесы, по берегам стоящие, на-  
чертываются длинными полосами в зеркале вод» (Батюшков. Изд. 1977. С. 96;  
последняя параллель отмечена: Воеие 1994. P. 38).

25.1, ст. 6. Громады. См. ниже комментарий к № 25.2, ст. 1.

25.1, ст. 12–14. Тут с каменной горы, к нему дремучий бор // Сошел тяжелыми  
стопами, // Сошел – и смотрится в зеркале гладких вод! О выражении зеркало вод  
см. ниже, комментарий к № 25.2, ст. 14; ср.: ПФП. С. 46 примеч. 16. В  
«Финляндии» употребление этой метафоры не нарушает единства смыслового ряда: лес  
(бор) глядится (№ 25.2, ст. 14) или смотрится (№ 25.2, ст. 14) в зеркало водной  
поверхности. Ср. у Г. Р. Державина в оде «Изображение фели- цы» (1789, ст.  
129–134): Изобрази <...> как рощи, холмы, башни, кроны, // От горнего златясь  
огня, // Из мрака восстают, блистают 11 и смотрятся в зеркало вод (Державин.  
Изд. 1933. С. 77). В поздней редакции «финляндии» просопопея усилена развернутой  
глагольной метафорой: бор «сошел тяжелыми стопами» к берегу залива (ср.: Хетсо  
1973. С. 348).

25.1, ст. 15–19. Уж поздно, день погась; но ясен неба свод, // На скалы  
финския без мрака ночь нисходит // И только что себе в убор // Алмазных звезд  
ненужный хор // На небосклон она выводит! Картина финской ночи значительно  
изменена по сравнению с первоначальной редакцией (ср. № 25.2, ст. 15–24). В  
рецензии Булгарина на Изд. 1827 пояснен смысл определения ненужный (хор звезд):  
«Как хорошо изображена северная ночь! Она нисходит без мрака; звезды не нужны,  
чтоб освещать путь странника <...> эти звезды являются только для украшения, а  
не для пользы. Ненужный хор звезд – выражение совершенно новое» (Северная Пчела.  
1827. 6 дек. № 146). Рецензент, очевидно, говорил только о новизне эпитета,  
поскольку метафора хор звезд (лат. chorus astrorum) известна еще с античности –  
см., например, в «Ахиллеиде» Стация (кн. I, ст. 643–644).

25.1, ст. 20. Отечество Одиновых детей – скандинавия (здесь – финляндия). Оди́н  
или Оден (др.-исл. Оди́пп) – в скандинавской мифологии вождь богов, покровитель

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в ар-  
военных дружин, почитавшийся божеством сражений (см.: Рихтер 1819. С. 299–300).  
Ср. в первой редакции «Финляндии»: Сыны Оденовы, любимцы бранной славы (№ 25.2,  
ст. 32) – и в послании Боратынского «К Кюхельбекеру»: <...> с пустынных, финских  
гор, // В отчизне бранного Одена <...> (№ 17, ст. 13–14). У Батюшкова в элегии  
«На развалинах замка в  
372

Швеции», в ст. 25 (о скандинавском воине): Одена храбрый внук; в ст. 31 (об  
Одене): бог, властитель брани (Батюшков. Изд. 1977. С. 203).

25.1, ст. 24–25. Умолк призывный щит, не слышен Скальда глас, //  
Воспламененный дуб угас. Скальд – певец и поэт в древней Скандинавии; то же, что  
бард у кельтов (Рихтер 1819. С. 287, 289 примеч. \*\*). Не слышен Скальда глас –  
ср. автоцитату из элегии Батюшкова «Мечта» в его «Отрывке из писем русского  
офицера о Финляндии»: «<...> может быть, на сей скале воздвигнут был храм Одена.  
Здесь поэт любит мечтать о временах протекших и погружаться мыслями в оные веки  
варварства, великодушия и славы <...> Здесь, погруженный в сладкую задумчивость

–  
В полночный час

Он слышит скальда глас <...>»

(Батюшков. Изд. 1977. С. 98)

Воспламененный дуб – элемент «оссианического» пейзажа. Подобно многим своим  
современникам, Боратынский не проводил различий между финнами, скандинавами и  
кельтами (см.: Плетнев 1842. С. 147; Грот, Плетнев. Переписка. Т. I. С. 238–239;  
и др.). Ритуальное возжигание дубов у древних кельтов описано в «Поэмах Оссиана»  
(«The Poems of Ossian», 1761–1773) Дж. Макферсона («Fingal», кн. VI; «Temora»,  
кн. II–III; и др.); ср. в переводе Е. И. Кострова: «Ночь спустилась; сто  
возженных дубов озаряют поле»; «<...> я воспламенил дуб на высоте холма. Ветры  
Моры разстилают пламень далече»; «Тако пели Барды на высоте Моры, в часы  
молчаливой ночи. Пламень ста дубов разстилается и озаряет окрестность; пиршество  
уготовано» (Оссиан. Пер. Кострова. Ч. II. С. 74, 89, 113). Эта деталь нередко  
встречается в поэзии русского оссианизма (см.: Левин 1980. С. 37, 43 примеч.  
10). Так у Г. Р. Державина в первой строфе оды «На победы над французами в  
Италии...» (1799): Пред ними <Бардами. – И. П.> сто дубов горят (Державин. Изд.  
1933. С. 242). Поэт поясняет: «У северных народов было обыкновение торжествовать  
их победы <...> при зажженных дубахъ» (Державин. Изд. 1864–1883. Т. III. С.  
674). Ср. у Батюшкова в скандинавском контексте элегии «На развалинах замка в  
Швеции» (ст. 53–54): Уж Скальды пиршество готовят на холмах, // Уж дубы в  
пламени <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 204). О Боратынском, Батюшкове и Оссиане  
см. также: Хетсо 1973. С. 340–346.

Призывный щит – еще одна подробность военного быта древних кельтов, поведенная  
Оссианом («Fingal», кн. I–II; и др.) и неоднократно повторенная его русскими  
подражателями (см.: Левин 1980. С. 37). Державин, поясняя начальные строки своей  
оды 1799 г. (Удар во сребренный, священный, // Далеко-звонкий, Валка! щит),  
писал: «Древние северные народы <...> воззвещали войну и сбирались на оную по  
ударению в щить» (Державин. Изд. 1864–1883. Т. III. С. 674). Ср. реплику «хора  
бардов» из трагедии В. А. Озерова «Фингал» (1805; действие I,  
373

явление 1, ст. 41–42, 45): Ударил в медяный щит, // Ко брани глас обыкновенный  
<...> Дубы столетни загорелись (Озеров 1807. С. 3).

25.1, ст. 31. О вы, носившие от берега к берегу бои <...> (ср. 25.2, ст. 42: не  
слышен стук мечей; давно умолкли бои...). Бои – обычное для XVIII и первой  
четверти XIX в. накорневое ударение (Булаховский 1954. С. 177). Ср. у  
Боратынского в послании «Б-му (при отъезде его в армию)»: <...> Поёт за чашей  
славу боев (№ 14.2, ст. 23). Флективное ударение в этом слове (кулачные бой;  
рифма: свои) встречается у Боратынского в эпиграмме «Войной журнальною безчестит  
без причины...» (см. в настоящем издании № 102, ст. 4).

25.1, ст. 32. Куда вы скрылися, полночные герои? Полночные – ‘северные’ (САР.  
ч. IV. Стб. 1436). Ср. у Батюшкова («На развалинах замка в Швеции», ст. 97 и  
далее): Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх, // Земел полночных исполины  
<...>? (Батюшков. Изд. 1977. С. 205). Ранее у Жуковского в «Песни Барда над  
гробом Славян-победителей» (1806, ст. 34–36): Как пали сильные? Как сильных гром  
утих? // Где вы, сыны побед? Где славных воев сила? // Ответствуй, мрачная  
бестрепетных могила!.. (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 80). Ср. в первой  
редакции «Финляндии»: <...> ответствуйте! вам слышен голос мой <...> (№ 25.1,  
ст. 47); там же использован субстантив сильные (о нем см. комментарий к № 48,  
ст. 8.): <...> Люблю вспоминать о сильных прежних дней <...> (№ 25.1, ст. 26).  
25.1, ст. 33. Ваш след исчез в родной стране (ср. № 25.2, ст. 33: Следы  
минушаго исчезли в сих местах). Этот мотив заимствован из батюшковского  
«Отрывка из писем русского офицера о Финляндии»: «Какие народы населяли в

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *Варг*  
древности землю сию? Где признаки их бытия? Где следы их? Время все изгладило»  
(Батюшков. Изд. 1977. С. 97; см. об этом: Хетсо 1973. С. 346).

25.1, ст. 34–37. Вы –ль, на скалы ея вперив скорбящи очи, // Плывете в облаках  
туманною толпой? и т. д. См. ниже, комментарий к № 25.2, ст. 45–48.

25.1, ст. 44. <...> что слава наших дней <...> Старшие поэты применяли это  
выражение к событиям эпохи наполеоновских войн. Жуковский употребил его в 1806  
г. в «Песни Барда над гробом Славян-победителей»: О незабвенные, о слава наших  
дней <...> (ст. 234, о русской армии) – и в 1812 г. в «Певце во стане Русских  
воинов» (ст. 177): Раевский, слава наших дней <...> (Жуковский. Изд. 1999–2000.  
Т. I. С. 85, 230); Батюшков – в послании «К Дашко-ву» (ст. 21–22,  
об изгнании французов из Москвы): <...> Свидетели протекшей славы // И новой  
славы наших дней (Батюшков. Изд. 1977. С. 237).

25.1, ст. 46–47. О, все своей чредой исчезнет в бездне лет! // Для всех один  
закон, закон уничтоженья <...> (ср. № 25.2, ст. 29–30: Ничто не прочно на земли!  
// Ложатся грады в прах и рушатся державы!). Тему неумолимого закона времени  
Баратынский разрабатывал в отрывках из поэмы  
374

«Воспоминания»: Познайте тления незыблемый закон! <...> «Все гибнет, все падет,  
– и грады, и державы».... (ст. 131–133; этот фрагмент не находит соответствий в  
непосредственных источниках поэмы – «Les Souvenirs» Г. Легуве и «Les Jardins» Ж.  
Делиля).

25.1, ст. 56–57. Мгновенье мне принадлежит, // Как я принадлежу мгновенью! О  
хиазмах (Мгновенье | мне принадлежит – я принадлежу | мгновенью) и других видах  
инверсии в произведениях Баратынского см.: Сендерович 1989.

25.2, ст. 1. Громады вечных скал, гранитная пустыня <...> Ср. описание  
северной природы в батюшковском «Послании И. М. М<sup>у</sup>равьеву–А<sup>к</sup>постолу» (1815,  
ст. 41–42): <...> Ревущие со скал угрюмых водопады, // Пустыни снежные, льдов  
вечные громады <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 283). Эти строки отозвались и в  
«Эде»: На горы каменные там // Поверглись каменные горы; // Синяя, всходят до  
небес // Их своенравныя громады; // На них шумит сосновый лесъ; // С них бурно  
льются водопады (в редакции 1824–1825 гг. – ст. 43–48). О слове громады в  
контексте скандинавской топики см. также комментарий к № 35.1, ст. 21–24. Ранее  
к словесной теме каменных громад Баратынский обращался в «Воспоминанияхъ» (см.  
комментарии к № 13, ст. 102–106  
и 121–126).

25.2, ст. 2. Вы дали страннику убежище и кров! Ср. то же ключевое слово у  
Батюшкова в элегии «На развалинах замка в Швеции» (1814, ст. 106–107): Но  
странник в сих местах // Не тщетно камни вопрошает <...> (Батюшков. Изд. 1977.  
С. 205) и у Баратынского в отрывках из поэмы «Воспоминания» (см. комментарии к №  
13, ст. 100–102).

25.2, ст. 3–4. <...> обманчивых даров // Слепой, взыскательной и ветреной  
богини! Имеется в виду Фортуна (лат. Fortuna), богиня случая и удачи (римская  
мифология). Ср. у К. Н. Батюшкова в «Ответе Г<sup>к</sup>неди<sup>к</sup>чу» (1810): Он отслужил  
слепой богине, // Бесплодных матери сует (ст. 3–4); у него же в послании «Мои  
Пенаты» (1811–1812, ст. 135–136): <...> Богинею слепую // Забыт я от пелен  
(Батюшков. Изд. 1977. С. 274, 264); в ответном послании Жуковского «К Батюшкову»  
(1812, ст. 229–231): <...> Хотя перед слепую // Богинею покою // Не тратит  
своего (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 192); у А. А. Дельвига в  
стихотворении «К Диону» (1814, ст. 22–24): Пуст за слепую богиней Лициний  
гоняется вечно, // Пуст и обнимет ее. Фортуна косы всеразящей // Не отвратит от  
главы (Дельвиг. Изд. 1986. С. 71).

25.2, ст. 10–13. Пустынный неба свод, угрюмый вид Природы, // О каменный  
брег дробящийся воды // и дремлющий над ними бор! // Скалы далекия подернулись  
туманом <...> Здесь ощущается влияние элегии П. А. Плетнева «Гробница Державина»  
(наблюдение Н. Н. Мазур): Молчит угрюмый бор,  
375

одетый ночи мглой, // И дремлет брег над Волховской пучиной; // Последний  
отзыв волн, уснувших под скалой, // Умолк в бегу за дальнею равниной; // Туманы  
разлились по злачным берегам // и зыблются прозрачной пеленою <...> (Сын  
Отечества. 1819. Ч. 54. № XXV. С. 273). В поздней редакции «Финляндии» ст. 10–13  
полностью переработаны.

25.2, ст. 14. В зеркале зыбких вод <...> Это выражение использовал Жуковский в  
балладе «Людмила» (1808, ст. 103): <...> И зеркало зыбких вод <...> (Жуковский.  
Изд. 1959–1960. Т. 2. С. 9). Ср. у него же в послании «К Вяземскому. Ответ на  
его послание к друзьям» (опубликовано в 1815 г.; ст. 127): <...> По зыбкому  
зерцалу вод! (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 362) – и у Баратынского в  
«Осени»: <...> в зеркале зыбком вод <...> (№ 213, ст. 3).

25.2, ст. 15. Все тихо! все молчит! Ср. у Жуковского в элегии «Вечер» (1806,

брани сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
ст. 25): Все тихо; роши спят; в окрестности покой <...> (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 76); у Батюшкова в элегии «На развалинах замка в Швеции» (ст. 17): Все тихо; мертвый сон в обители глухой <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 202; параллель отмечена: Хетсо 1973. С. 347); у А. С. Пушкина в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814, ст. 135–136): <...> Не блещут уж в огнях берега и светлы роши; // Всё мертво, всё молчит (Пушкин. Ак. Т. I. С. 82).

25.2, ст. 23. Люблю сидеть один над сумрачною бездною. Бездна – в XVIII и первой трети XIX в. традиционный поэтический синоним моря, концентрирующий в себе содержание перифраз бездна моря, бездна морская и т. п. (см.: ПФП. С. 41–42, 63). О конструкции над бездною см.: Виноградов 1941. С. 149–150.

25.2, ст. 25–26. Здесь в думу важную неволью погруженной, // Люблю вспоминать о сильных прежних дней <...> Ср. в «Воспоминаниях в Царском Селе» (ст. 33–34, 37–38): Здесь каждый шаг в душе рождает // Воспоминанья прежних лет <...> и в думу углублен, над злочными берегами // Сидит <Росс. – И. П.> в безмолвии, склоняя ветрам слух (Пушкин. Ак. Т. I. С. 79). См. также комментарий к № 25.1, ст. 32.

25.2, ст. 27. О бурной жизни их, сред копий, сред мечей <...> Цитата из элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (ст. 101–104): Где вы, отважные толпы богатырей, // Вы, дикие сыны и брани и свободы, // Возникшие в снегах, сред ужасов природы, // Среди копий, сред мечей? (Батюшков. Изд. 1977. С. 205; отмечено: Хетсо 1973. С. 347). До Батюшкова сходное выражение употребил Д. В. Давыдов в послании «Бурцову» («В дымном поле, на биваке...», 1804, ст. 12): <...> Среди копий и мечей (Давыдов. Изд. 1984. С. 57).

25.2, ст. 32. Сыны Оденовы. См. выше, комментарий к № 25.1, ст. 20.

25.2, ст. 34. Отзывы праздные не вторят песни Скальда. Скальд – см. выше, комментарий к № 25.1, ст. 24–25. Отзыв – здесь ‘отголосок, гул, эхо’ [ср.: САР. Ч. IV. Стб. 542, 505 (s. v. отзыв, отголосок)]. Это один из самых частотных акустических образов в «Поэмах Оссиана» (см. комментарий к № 44.1, ст. 4). Оссиановский ландшафт «отзывается» пению бардов: «Песнь, зовущая ко  
376  
брани <...> продолжается в отзывах Кромлы»; «Воспойте похвалу дщери Сарновой:; пусть отзывы холмов повторяют всечасно имя Комалы» «<...> звуки голосов наших услышатся иногда в пустыни, и камни повторят слабые отзывы песней наших»; и др. (Оссиан. Пер. Кострова. Ч. I. С. 82, 210, 225). «Словарь Академии Российской» допускает две акцентные формы комментируемого слова: отзыв и отзыв. Они встречаются в рамках одного текста – как, например, у С. П. Шевырева в стихотворении «Я есмь», на которое Боратынский «указал»

А. С. Пушкину в письме от января 1826 г. (Пушкин. Ак. Т. 13. С. 254), и даже в смежных строках – так у Боратынского в XIV строфе второй редакции стихотворения «Осень» (№ 213.1, ст. 138–139; см. об этом: Булаховский 1954. С. 144–145; Пильщиков 1999. С. 283).

25.2, ст. 35. Молва умолкнула о спутниках Роальда. Имя викинга заимствовано из элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (ст. 97–100): Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх, // Земел полнощных исполины, // Роальда спутники, на бранных челноках // Протекши дальные пучины? (Батюшков. Изд. 1977. С. 205; цитация отмечена: Хетсо 1973. С. 347). Умолкнула – см. комментарий к № 24, ст. 5–6.

25.2, ст. 45–48. Не вы ли, бледные, вперив на звезды очи, // Плывете в облаках туманною толпой? // Не вы-ль? ответствуйте! вам слышен голос мой; // Одушевите сумрак ночи <...> Полет теней погибших воинов – распространенный оссианический мотив (см.: Левин 1980. С. 89–90). Не вы ли <...> Плывете в облаках туманною толпой? – Такая же вопросительная апострофа у Жуковского в «Песни Барда над гробом Славян-победителей» (ст. 173–174): Не вы ль, низверженных полунощные лики, // Не вы ли, призраки могущих, предо мной? (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 83–84). Ср. также: <...> Лежат низверженные лики! («Финляндия», № 25.2, ст. 40; № 25.1, ст. 29). Другой источник строк Боратынского – начало песни Скальда из стихотворения Батюшкова «Мечта», приведенной в «Отрывке из писем русского офицера о Финляндии»: Чья тень, чья тень <...> Там с девами плывет в туманных облаках? (Батюшков. Изд. 1977. С. 98). Сам Батюшков позаимствовал эти образы из адресованного ему послания Н. И. Гнедича: Вдали там легка тень Мальвины, // С златою арфою в руках, // Обнявшись с тению Мойны, // Плывут в туманных облаках (Вестник Европы. 1810. Ч. XLIX. № 3. С. 185).

Очи : ночи. Ср. рифму полуночи : очи и глагол вперит в описании полета воздушных полков из «Певца во стане Русских воинов» Жуковского (1812, ст. 53–60): Но кто сей рьяный великан, // Сей витязь полуночи? // Друзья, на спящий вражий стан // Вперил он страшны очи! // Его завидя в облаках <...> Взлетели тени с воем (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 226–227) – а также рифму ночи : очи и эпитет бледный в 72-й строфе его же баллады «Двенадцать спящих дев» («Громовой»,



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский (вариант 1810): и видится бродяща тень // Тогда в пус

377

тыне ночи: // Как бледный на тумане день 11 Ее сияют очи (Жуковский. Изд. 1959–1960. Т. 2. С. 108).

25.2, ст. 61. <...> Могу'ль себя томит неясною тоскою? (вариант «Соревнователя Просвещения и Благотворения»); <...> Могу ль себя томить гадательной тоскою? (вариант «Сына Отечества»). По мнению Н. Н. Мазур, здесь Боратынский имеет в виду «то состояние неопределенности чувств» («*cet etat du vague des passions*»), о котором говорит А.-Ф.-Р. Шатобриан в «Гении христианства» («*Genie du christianisme, ou Beantes de la religion chretienne*», 1802; ч. II, кн. III, кн. IX). В конце 1810-х и в самом начале 1820-х годов Боратынский внимательно читал трактат Шатобриана и переводил из него отдельные главы (см.: Хетсо 1973. С. 270–274).

25.2, ст. 63. Пусть все разрушится; пусть все умрет со мною. Формула Умру <...> и всё со мной! была найдена Батюшковым в стихотворении «Совет друзьям», опубликованом в 1806 г. (Батюшков. Изд. 1964. С. 76); окончательный вид она приобрела во второй, полностью переработанной редакции стихотворения («Веселый час», 1810; ст. 74): Умру, и всё умрет со мной!.. (Батюшков. Изд. 1977. С. 229). Боратынский воспроизвел батюшковскую формулу в отрывках из поэмы «Воспоминания»: Для дружбы, для любви, для памяти умру; // И все умрет со мной! (№ 13, ст. 194–195). Чуть позже ею воспользовался Пушкин в стихотворении «Война» (1821, ст. 21). В дефинитивной редакции «финляндии» Баратынский отказался от ставшего клишированным хода.

И. А. Пильщиков

26

финским красавицам (Мадригаль)

26, ст. 1–2. Так – ваш язык еще мне нов, // Но взоры милых сердцу внятны. Смысл противопоставления: ваш язык (речь идет о шведском языке, а не о финском) мне непонятен, но моему сердцу понятен язык ваших взоров. Возможно, это пародия ст. 39–40 из стихотворения Н. М. Карамзина «К верной» (1796): Другим язык сей непонятен; // Но голос сердца сердцу внятен (Карамзин. Изд. 1966. С. 209; подробнее см.: Pîlshchikov 1996. P. 90–91 п. 18).

26, ст. 7–8. я сын фрегеи, может быть, // Сильнее будет сына Лады! Смысл противопоставления: русским красавицам не удалось возбудить во мне любовь; может быть, это удастся финским красавицам. фрегея, фрейя или фрея (др.- исл. *Freya* 'госпожа') – в скандинавской мифологии «богиня любви и первая по власти после Царицы – богини фригги»; «фрея, подобно Афродите греков, явилась на свет из волнь» (Рихтер 1820. С. 27). Сын фрегеи – несуществующий скандинавский бог любви, созданный *ad hoc* по аналогии с Эротом-Купидоном, сыном Афродиты-Венеры (см. комментарий к № 10.1, ст. 5–6) и в параллель «сыну

378

Лады». Сын Лады – Лель, бог любви в составленном русскими мифологами XVIII в. «древнеславянском» пантеоне, в котором римскому Амуру соответствует Лель (Леля), а богине любви Венере – Лада (Ладю). Имя Лады впервые появляется в глоссах к старочешскому памятнику «*Mater verborum*» (Иванов, Топоров 1982. С. 454). О Леле см. также комментарий к № 63, ст. 5.

И. А. Пильщиков

27

27.1. «Живи смелей, товарищ мой...»

27.2. К-ну («Живи смелей, товарищ мой...»)

Заглавие в Изд. 1827: «Добрый совет. К -ну».

Первое из трех посланий Боратынского к его другу и однополчанину Николаю Михайловичу Коншину (1793–1859).

Н. М. Коншин – поэт, вступивший на литературное поприще под непосредственным влиянием Боратынского; впоследствии автор мемуаров, озаглавленных «Воспоминания о Боратынском, или Четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823» (опубликованы в 1958 г.). С 1819 по 1823 г. (с февраля 1821 г. – в чине капитана) Коншин служил в Нейшлотском пехотном полку, куда в январе 1820 г. был переведен унтер-офицером Боратынский. Их познакомил командир полка Е. А. Лутковский. Позже Коншин так описал эту встречу: «<...> мы разговорились сначала про Петербург, про театр, про лицей и Пушкина, и наконец про литературу. Лицо Боратынского оживлялось поминутно, он обрадовался, что и здесь можно разделить себя, помечтать и поболтать. Через два часа, переговора и то и другое, мы дружно обнялись <...> Скоро образовалась между нами литературная дружба <...> я выпросил его к себе в роту, мы поселились вместе» (Коншин. Изд. 1958. С. 390–391).

Стихотворная дружеская переписка Коншина и Боратынского приходится на февраль – август 1820 г. (см.: ИП. С. 355; летопись. С. 95). По реконструкции

Братание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
В. Э. Вацуру (см.: Вацуру 1988. С. 158–159), последовательность сочинения посланий такова: Баратынский, «К–ну» («Живи смелей, товарищ мой...») – см. в настоящем издании № 27.2; Коншин, «Баратынскому. Ответ» («Поэт, твой дружественный глас...») – Труды ВОРС. 1821. Ч. XII. Кн. XII. С. 324; Поэты 1820–1830. Т. 1. С. 351; Баратынский, «К Коншину» («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...») – см. в настоящем издании № 28.2; Коншин, «Баратынскому (при выступлении из лагеря в деревню)» («Забудем, друг мой, шумный стан...») – Поэты 1820–1830. Т. 1. С. 352; Баратынский, «<Элегия> (Н. М. К.)» («Пора покинуть, милый друг...») – см. в настоящем издании № 30.2; Коншин, «Баратынскому» («Куда девался, мой Поэт?..») – Благонамеренный. 1820. Ч. XI. № XVII. С. 329; Поэты 1820–1830. Т. 1. С. 350–351. Вполне вероятно, одна

379

ко, что два последних стихотворения написаны независимо друг от друга (см. комментарии к № 30). В. Э. Вацуру предполагал, что ответом на последнее послание Коншина могло быть стихотворение Баратынского «Чувствительны мне дружеския пени...» (в настоящем издании см. № 31). Еще одно послание Коншина – «Баратынскому» («Напрасно я, друг милый мой...») – относится, вероятно, к 1823 г. (см.: Поэты 1820–1830. Т. 1. С. 361–362, 743). См. также текстологические примечания к №№ 27.2, 28.2, 30.2, 31.2

Во второй половине лета или в начале осени 1820 г. Баратынский путешествовал вместе с Коншиным по Финляндии – к водопаду Иматра и в Роченсальм (см.: Летопись. С. 100). С мая 1821 г. до конца июля 1822 г. Нейшлотский полк находился на караулах в Петербурге, и Баратынский познакомил Коншина со своими петербургскими друзьями: тот бывал на субботах П. А. Плетнева (см. упоминание об этом в письме Коншина к Плетневу: Русская Старина. 1909. Т. 137. Кн. I. С. 177) и в собраниях вольного общества любителей российской словесности, сотрудником которого стал в 1821 г. (см.: Журналы ВОРС. С. 415). В июле 1822 г. Коншин написал послание «К нашим», обращенное к Баратынскому, Дельвигу и их общим приятелям – гвардейским офицерам П. Н. Чернышеву и И. А. Болтину (см.: Поэты 1820–30. Т. 1. С. 352–355). Возможно, в июле 1822 г. Коншин участвовал в сочинении куплетов «Певцы 15 класса» (см. в настоящем издании раздел «Коллективное»).

По возвращении в Финляндию, с февраля 1823 г., Баратынский квартировал вместе с Коншиным в Роченсальме, «в особом домике, упертом окнами в каменную гору» (Коншин. Изд. 1958. С. 398). Летом или осенью 1823 г. Баратынский и Коншин составили сатирические куплеты «с колкими прибавлениями» насчет роченсаль- мской публики – видимо, что-то в духе «Певцов 15 класса» (текст не сохранился). В 10-х числах сентября 1823 г. в Роченсальм к Баратынскому приехал

А. А. Дельвиг вместе с В. А. Эртелем и Н. И. Павлицевым; «несколько дней прожито было поэтически в кругу полкового общества» (Коншин. Изд. 1958. С. 400). Видимо, в это время была сочинена коллективная «Застольная песня» («Ничто не бессмертно, не прочно...»), опубликованная в альманахе Коншина и Е. Ф. Розена «Царское Село» на 1830 год (С. 138) с подзаголовком «Посвящена Баратынскому и Коншину». 23 ноября 1823 г. Коншин вышел в отставку и в январе 1824 г, навсегда покинул Финляндию.

После возвращения из Финляндии Баратынский жил преимущественно в Москве; Коншин в 1824–1827 гг. служил в Костроме и Твери, а в 1829–1837 гг. – в Царском Селе. Встреч между ними не было, но они изредка переписывались (первым обычно писал Коншин, Баратынский отвечал дружески тепло). В октябре 1829 г. Баратынский предоставил Коншину несколько стихотворений для публикации в альманахе «Царское Село» (см. комментарии к №№ 91, 150, 151 и 152). Сведений о переписке Баратынского с Коншиным в 1830-х – начале 1840-х годов нет. В декабре 1839 г., когда Коншин приезжал на несколько дней в Москву, Баратынский и Коншин отобедали в Английском клубе и затем провели вечер у Баратынских (Коншин.

380

Изд. 1958. С. 404). О Н. М. Коншине и его отношениях с Баратынским см. также: Кирпичников 1897; Вацуру 1988; Вацуру 1994а; ИП. С. 159–166, 236–240.

О. В. Голубева

27.1, ст. 7. В бездне лет. Ср. это же сочетание в отрывках из поэмы «Воспоминания» (№ 13, ст. 76); оно отсутствует в непосредственном источнике этого фрагмента поэмы – «Les Souvenirs» Г. Легуве (см. комментарий к № 13, ст. 75–80).

27.1, ст. и. лета (ArjGrj) – по представлениям древних греков, одна из рек в Аиде (подземном царстве). См. также комментарии к № 37.1, ст. 7–8 и № 74.

27.1, ст. 13. Корнет – младший офицерский чин в кавалерии, соответствующий XIV классу по Табели о рангах (в гвардии – XII классу).

27.1, ст. 15. <...> И в рубище Анахорета. См. ниже, комментарий к № 27.2, ст. 18.

Брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
27.1, ст. 17. Логи пролетное мгновение! Вариация на тему XI оды Горация из I  
книги (см. комментарий к № 19, ст. 17).  
27, ст. 20. Муза. См. комментарий к № 10.1, ст. 3.  
27.2, ст. 10. Что жизнь? – медлительный недуг. О метафорах «недуга» и  
«врачевания» в лирике Боратынского см.: Коровин 1980. С. 63.  
27.2, ст. 12. Эреб (греч. ερε<; 'мрак') – одно из обозначений подземного мира  
(греческая мифология). См. также комментарий к № 73.1, ст. 16.  
27.2, ст. 18. Пустынь – 'уединенное место, где поселяется отшельник; жилище  
отшельника, скит\ Анахорет (позднелат. anachoreta от греч. ишу<x>рг\и:г\(;)) –  
'отшельник'.

И. А. Пильщиков

28

28.1. «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...»

28.2. «Поверь, мой милой друг, страданье нужно нам...»

Ранняя редакция

Заглавие в «Сыне Отечества»: «К Коншину». Заглавие в Изд. 1827: «К–ну».

Стихотворение обращено к Николаю Михайловичу Коншину (см. о нем комментарии к № 27) и является ответом на его послание «Поэт, твой дружественный глас...», которое, в свою очередь, представляет собой ответ на первое послание Боратынского к Коншину – «Живи смелей, товарищ мой...» (см. в настоящем издании № 27 и комментарии к нему). Стихотворение коншина было впервые опубликовано с пропуском четырех строк и без подписи под заглавием «Боратынскому. Ответ» (см.: Труды ВОЛРС. 1821. Ч. XII. Кн. XII. С. 324). Приводим полный текст стихотворения по публикации В. Э. Вацура:

381

Поэт, твой дружественный глас  
Достиг до узничьей темницы  
И в сердце жизнь отозвалась на звук знакомя цевницы.  
Давно уж, скуки снедь немой,  
Оно без чувства хладно билось;  
Но снова чувство оживилось О счастья тихою тоской!  
Куда девались, друг–поэт,  
Сии порывы к наслажденью,  
Сей мир волшебный юных лет И вера сердцем сновиденю!  
В объятьях ветреных Лаис Любить способность онемела;  
Страсть к славе, к жизни охладела,  
Желанья роем унеслись!  
К нам путь завяла метель Свободе, резвому веселью,  
И жизни жесткая кудель Полубольной прядется Ленью.  
Один лишь Силы звучный глас Смущает мрачное безмолвье,  
И краснощекое Здоровье Вспорхнуло с Радостью от нас!  
(Поэты 1820–1830. Т. 1. С. 351)

Лингвостилистический анализ стихотворения Боратынского см.: Guskі 1982.

с. 213–224.

28.1, ст. 1–4. Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам, // Не испытал его, не лъзя понят и счастья: // Живой источник сладострастья // Дарован в нем его сынам. Типичная для Боратынского удаленная постановка местоимения, которая иногда приводит к синтаксической неоднозначности (см. об этом: Винокур 1927. С. 78–79). О перифразах с опорным словом сын(ы) см.: ОНС. С. 23–34.

28.1, ст. 19. Мучительный недуг (ср. ст. 27: все недуги). См. комментарий к № 27.2, ст. 10.

28.1, ст. 25 и далее. Как будет сладко, милый мой, // Поверит нежности чувствительной подруги, / / Скажу–ль? все раны, все недуги <...> По недоразумению эти стихи можно понять так: поэт «верит в нежность своей подруги» (ср. пунктуацию в изд. 1982. С. 113; изд. 2000. С. 140). Но на самом деле речь о другом: лирический субъект «поверяет» (то есть 'доверительно сообщает') нечто 382

«нежности своей подруги». Ср. в ранней редакции стихотворения: Как будет сладко, милой мой, // Поверить нежности чувствительной подруги // Все нужды, всю тоску, все раны, все недуги <...> (№ 28.2, ст. 25 и далее); ср. также глагол несов. вида поверят в № 28.1 (и 28.2), ст. 16: <...> как сладко поверять // Печаль души своей внимательному другу? (см.: Пильщиков 2000. С. 381).

28.1, ст. 32. Целебный воздух жизни новой! Сочетание «новая жизнь» в контексте темы любви и духовного возрождения отсылает, вероятно, к названию книги Данте Алигьери «Vita nuova» (наблюдение Н. Н. Мазур).

28.1, ст. 36. Им дали чувственность, а чувство дали нам. Это каламбурное противопоставление так полюбилось Боратынскому, что он повторил его в предисловии к отдельному изданию поэмы «Наложница»: «<...> в эротической поэзии

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
чувственность обыкновенно уравнивается чувством <...>» (Баратынский Е.  
Наложница. М., 1831. С. XIX).

И. А. Пильщиков

29

29.1. «Разсеивает грусть веселый шум пиров...»

29.2. Уныние («Разсеивает грусть веселый шум пиров...»)

29.3. Лагерь («Разсеивает грусть пиров веселый шум...»)

Последнее из трех стихотворений Боратынского, написанных «жильберовой строфой» с  
рифмовкой аВАВ (см. комментарии к №№ 18 и 24; ср.: Томашевский 1958.

С. 69; Шахвердов 1979. С. 323).

Текст, помещенный в настоящем издании под № 29.3 – это единственная из  
опубликованных в изд. 1869 (и не публиковавшихся ранее) редакций стихотворений  
Боратынского, в которой правка проведена последовательно с первого до последнего  
стиха. «Пошаговый» характер исправлений не оставляет сомнений в позднейшем  
происхождении этой редакции. Ср.: В семействе дружеском любезных шалунов (№  
29.2, ст. 3) → в семействе дружеском соратных шалунов (№ 29.1, ст. 3) → Сред  
братьев полковых <...> (№ 29.3, ст. 3); Я уповал ожить душою (№ 29.2, ст. 4) →  
Мечтал воскреснут я душою (№ 29.1, ст. 4) → Хотел воскреснут я душою (№ 29.3,  
ст. 4); дружеский фиал (№ 29.2, ст. 7) → пенистый фиал (№ 29.1, ст. 7) →  
пенистый бокал (№ 29.3, ст. 7); и т. д. Источник, с которого Н. Л. Боратынская  
перенесла авторскую правку в свою копию, неизвестен (см. текстологические  
примечания). Вполне вероятно, что новое заглавие, как и во многих других  
случаях, дала стихотворению Н. Л. Боратынская.

29.1, ст. 2. Круговая чаша – конвенциональный элемент в описании дружеской  
пирушки. Ср. у Баратынского в поэме «Пир» (редакция 1820 г., ст. 227): <...>  
Шуметь за чашей круговую <...> (см. в насгоящем издании раздел «Поэмы»).

383

Этот же образ встречается у раннего Пушкина («Пирующие студенты», 1814; «К Н. Г.  
Ломоносову», 1814; «Городок», 1815; «Мне вас не жаль, года весны моей...», 1820;  
«В. ф. Раевскому», 1822), у А. А. Дельвига («Крылову», 1820–1821) и у других  
поэтов 1810–х – 1820–х годов.

29.1, ст. 5–6. Туман полуночный на холмы возлегал, // Шатры над озером  
дремали. Ср. описание ночного стана на берегу реки Аль у К. Н. Батюшкова в  
«Воспоминаниях 1807 года» (1809, ст. 3–12; заглавие в «Опытах в Стихах и Прозе»  
– «Воспоминание»): Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях, // Когда весь  
стан дремал в покое, // И ратник, опершись на копие стальное, // Смотрел в  
туманну даль! Луна на небесах // Во всем величии блистала, // И низкий мой шалаш  
сквозь ветви освещала; // Аль светлый чуть струю ленивую катил, // Ив зеркальных  
водах являл весь стан и роши; // Едва дымился огонь в часы туманной ночи, //  
Близ кущи ратника, который сном почил (Батюшков. Изд. 1977. С. 210–211).

Шатер – «намет над палаткою» (САР. Ч. VI. Стб. 1342); деталь армейского быта,  
опозитивированная в военной лирике 1810–х годов. Ср.: <...> Но в поле, под  
шатрами, // Друзей вспоминая <...> (В. А. Жуковский, «К Блудову», 1810, ст.  
6–7); На поле бранном тишина, // Огни между шатрами <...>; <...> В шатрах, на  
поле чести <...>; О/ будь же, други, святость уз // Закон наш под шатрами [Он  
же, «Певец во стане Русских воинов», 1812, ст. 1–2, 126, 445–446 = 449–450  
(Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. 1. С. 149, 225, 229, 237–238)]; <...> и в шуме  
грозных битв, под тению шатров <...> [Батюшков, «Разлука» («Напрасно покидал  
страну моих отцов...»), опубликовано в 1817 г., ст. 3]; Как сладко слышать у  
шатра // Вечерней пушки гул далекий [Он же, «К Н<и>-ките», опубликовано в 1817  
г.; ст. 13–14 (Батюшков. Изд. 1977. С. 231, 303)]; Они <гусары. – И. П.> живут в  
своих шатрах (А. С. Пушкин, «Послание

В. Л. Пушкину», 1817, ст. 62). Позже у Пушкина («Кто из богов мне  
возвратил...», 1835; ст. 6–7): <...> С кем я тревоги боевые // В шатре за чашей  
забывал <...> (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 251; Т. 3, кн. 1. С. 389).

29.1, ст. 7. Пенистый (или дружеский, № 29.2, ст. 7) фиал – то же, что чаша  
круговая (ст. 2). Фиал (греч. φιαχτ) – ‘чаша’.

29.1, ст. 9. Но что-же? вне себя я тщетно жить хотел. Жить вне себя – ‘жить с  
другими, среди других’; ср. у Ж.-Ж. Руссо в «Рассуждении о происхождении и  
основаниях неравенства между людьми» (1755): «<...> le sauvage vit en lui-même; le  
homme sociable, toujours hors de lui, il ne sait vivre que dans Горипиоп des  
autres» = «<...> дикарь живет в самом себе; общественный человек – всегда вне  
себя, он может жить только во мнении других» (Rousseau /.-/. Discours sur l’  
origine et les fondements de l’inégalité parmi les hommes. Paris, 1983. P. 173;  
параллель отмечена: Пильщиков 1992б. С. 28 примеч. 24). О выражении жить вне  
себя см. также: Семенко 1970. С. 246.

384

29.1, ст. 10. Вино и Вакха мы хвалили. Сочетание вино и Вакха звучит

Бранение сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *барато*  
плеонастически: Вакх – бог виноградарства и виноделия (см. комментарий к № 19,  
ст. 17).

29.1, ст. 15. Одну пенал свою, уныние одно <...> Ср. финал пушкинского  
«Уныния» («Не спрашивай, зачем унылой думой...», 1817): От юности, от нег и  
сладострастья // Останется уныние одно... (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 42; см.  
комментарий к № 20.1, ст. 5–8).

И. А. Пильщиков

30

30.1. «Пора покинуть, милый друг...»

30.2. <Элегия> (Н. М. К.) («Пора покинуть, милый друг...»)

30.3. «Не лъзя ль найти любви надежной...»

Заглавие в Изд. 1827: «К ...ну».

Последнее из трех посланий Боратынского к Николаю Михайловичу Коншину (см. о нем  
комментарий к № 27). Стихотворение носит ярко выраженный элегический характер –  
показательно, что оно было впервые опубликовано вместе со стихотворением  
«Прощай, отчизна непогоды...» под общим заглавием «Элегии». Из всех трех  
стихотворений, обращенных к Коншину, только оно вошло в раздел элегий издания  
1827 г. (кн. III). Второе послание Боратынского к Коншину («Поверь, мой милый  
друг, страданье нужно нам...») попало в раздел «Послания», а самое раннее («Живи  
смелей, товарищ мой...») – в «Смесь».

Стихотворение «Пора покинуть, милый друг...» написано в ответ на послание  
Коншина «Баратынскому (при выступлении из лагеря в деревню)»:

Забудем, друг мой, шумный стан И хлопотливые разводы,  
Для нас блаженный отдых дан На лоне матери-природы.  
По свежей зелени полян Пойдем учить любви прекрасных,  
И скроемся от дней ненастных Под мирной кровлей поселян.  
Но что-то всё не веселит;

Ах, что-то всё не то, что было!

Уже восторг в груди молчит И сердце ко всему остыло;

Как будто радость отнята,

Как будто нет уж наслажденья!

25. Боратынский. Том 1

385

Исчезла жизнь воображенья,

Способность чувствовать не та!

Итак, уносит всё с собой Пора прелестная мечтаний!

В восторге юности златой,

В толпе ребяческой желаний Давно ль я весело скакал Над жизни светлую струею И с  
доверяющей душою Младую радость обнимал!

(Поэты 1820–1830. Т. 1. С. 352)

Судя по заглавию и начальной строке стихотворения Коншина, оно было написано  
после 1 июля 1820 г., когда Нейшлотский полк покинул летний лагерь войск  
Отдельного Финляндского корпуса близ Вильманстранда (см.: Летопись. С. 98).  
Поскольку под следующим посланием Коншина Боратынскому («Куда девался, мой  
Пъэт?...») стоит дата 1 августа 1820 (см.: Поэты 1820–1830. Т. 1. С. 351), то  
послание «Забудем, друг мой, шумный стан...» можно уверенно датировать июлем  
1820 г. Ответное послание Боратынского «Пора покинуть, милый друг...» могло быть  
написано как в июле, так и в августе (или даже позже) – по крайней мере, к 1  
августа Коншин еще его не получил: куда девался, мой Поэт? // Где ты, любимец  
Граций томной? // Умолк, умолк, и вести нет! (Благонамеренный. 1820. Ч. XI. №  
XVII. С. 329). Некоторые детали текста позволяют считать наиболее вероятным  
временем создания стихотворения «Пора покинуть, милый друг...» вторую половину  
августа 1820 г. (см. ниже, комментарий к № 30.2, ст. 22–25).

30.1, ст. 2. Знамена ветренной киприды. Киприда – эпиклес богини любви Афродиты  
(см. комментарий к № 22.2, ст. 7–8). Ветренная Киприда – ср. тот же эпитет,  
примененный к божеству любви, в стихотворении Боратынского «Твой детский вызов  
мне приятен...»): ветренный Эрот [вероятный протоисточник – «Послание Г<рафу>  
В<елеурско>му» К. Н. Батюшкова (см. комментарий к № 22.1, ст. 10)]. Ср. позже у  
А. С. Пушкина («Евгений Онегин», 1, XXV, 12): <...> Подобный ветреной Венере  
(Пушкин. Ак. Т. 6. С. 15).

30.1, ст. 10–и. Теперь ни в чем, любезный мой, // Нам изступленья не пристало!  
Слово изступленья употреблено здесь в значении 'крайняя степень ка- кого-л.  
состояния' (ср.: СЛРЯ XVIII в. Вып. 9. С. 147).

30.1, ст. 18. <...> Пресытас ласками Цирцей <...> Цирцея (франц. *Circe*, лат.  
*Circe*), или Кирка (греч. *Κίρκη*) – волшебница, влюбившаяся в Одиссея и  
удерживавшая его на острове Эя («Одиссея», песнь X). В поэтическом языке первой  
четверти XIX в. это имя нередко использовалось в значении нарицательного  
существительного. Ср. у Батюшкова («Ответ Г<неди>чу», 1810, ст. 5–6): увы,

мой друг! я в дни младые // Цирцеям так же отслужил! (Батюшков. Изд. 1977. С. 274); у Пушкина («Евгений Онегин» 1, XXXIII, 10 вариант): <...> Лобзать уста младых Цирцей (Пушкин. Ак. Т. 6. С. 261); и др.  
30.1, ст. 19–25. См. ниже, комментарии к № 30.2, ст. 19–22, ст. 22–25.  
30.1, ст. 28–29. <...> Случится ль ведро ил ненастье // На перепутье бытия? Ср. аналогичную метафорику в послании А. А. Дельвига «Крылову» (1820–1821): <...> Лишь иногда во дни ненастья // Люблю о ведре вспоминать <...> (Дельвиг. Изд. 1986. С. 154) – и ранее у Г. Р. Державина: О ты, великомерно счастье! // Источник наших бед, утех, // Кому и в ведро и в ненастье // Мавр, Лопарь, пастыри, цари <...> В сердцах их зиждут олтари! («На счастье», 1789; ст. 4–10); И так, доколь еще ненастье // Не помрачит красных дней! <...> [«Приглашение к обеду»/1795; ст. 51–52 (Державин. Изд. 1933. С. 139, 203)].  
30.1, ст. 30. Где-ж обреченная судьбою? Обреченная – здесь ‘предназначенная’; ср.: «ОБРЕКАТЬ <...> предназначать, предопределять кому что» (САР. Ч. IV. Стб. 110).

30.1, ст. 31–32. На чьей груди я успокою // Свою усталую главу? В ранней редакции: <...> Мою усталую главу? (№ 30.2, ст. 32). При подготовке Изд. 1827 Баратынский последовательно заменил возвратными формами притяжательные местоимения 1-го лица, указывающие на отношение к агенсу; исключения единичны, обратные случаи отсутствуют (отмечено: Пильщиков 2000. С. 379).

30.2, ст. 19–22. Шепчу я часто с умиленьем, // В тоске задумчивой моей: // Нельзя-ль найти любви надежной? // Нельзя-ль найти подруги нежной <...> Эти строки процитировал Пушкин в послании «Алексееву» (1821, ст. 17–22):

Прошел веселый жизни праздник.

Как мой задумчивый проказник,

Как Баратынский, я твержу:

«Нельзя ль найти подруги нежной?

Нельзя ль найти любви надежной?»

И ничего не нахожу.

(Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 228)

30.2, ст. 22–25. Нельзя-ль найти подруги нежной, // С кем могь-бы, в счастливой глуши, // Предаться неге безмятежной // И чистым радостям души. Возможно, Баратынский перефразирует здесь эпизод встречи Руслана с ханом Ратмиром из V песни «Руслана и Людмилы» Пушкина (ст. 349–352, 394–396): Ратмир в пустыне безмятежной // Людмилу, славу позабыл // И им навеки изменил // В объятиях подруги нежной; Отшельник мирный и безвестный, // Остался в счастливой глуши // С тобой, друг милый, друг прелест

ию

387

ньш, //С тобою, сеет моей души (Пушкин. Ак. Т. 4. С. 69–70). Если это так, то послание Коншину написано не ранее середины – конца августа 1820 г.: отдельное издание «Руслана и Людмилы» было выпущено из типографии Н. И. Греча 10 августа (Могилянский 1956. С. 390). Вольное или невольное заимствование Баратынского могло бы объяснить интерес Пушкина к этому фрагменту послания «Пора покинуть, милый друг...»

И. Л. Пильщиков

31

31.1. «Чувствительны мне дружеския пени...»

31.2. Эпилог («Чувствительны мне дружеския пени...»)

Заглавие в «Новостях Литературы»: «К \*\*\*».

Установить точное время создания первой редакции стихотворения невозможно. Е. Н. Купреянова и И. Н. Медведева предлагали датировать ее 1822 годом, «наиболее бесплодным для поэта. За этот год Баратынский напечатал только четыре стихотворения» (Изд. 1936. Т. II. С. 234–235). В. Э. Вацура (см.: Вацура 1988. С. 159), предположил, что стихотворение «Чувствительны мне дружеския пени...» было написано еще в 1820 г. в ответ на послание Николая Михайловича Коншина «Баратынскому»:

Куда девался мой поэт?

Где ты, любимец граций томный? Умолк, умолк, и вести нет!

А я букет цветочков скромный Наместо лавровых венков Творцу элегий посвящаю И вместе с ними приплетаю Своих десятка два стихов.

Мой друг, благодари богов за дар поэзии прекрасный;

Но дар сей будет – дар напрасный В шуму невежд и болтунов.

Уже тобой забыта лира;

Паук заткал ее струны;

Цевница и свисток сатира Лежат в пыли, погребены У ног бездушного кумира;

Забыты боги и Темира И сладкие о счастье сны!

А я, в глуши уединенья,  
Дыша свободой моей,  
388

Младой красавице полей Даю уроки наслажденья.

Пою и Вакха, и вино;

Пишу стихи, читаю, плачу.

Поэт! на время всё дано –

Так время ль тратить наудачу?

(Поэты 1820–1830. Т. 1. С. 350–351)

Десятка два стихов – очевидно, не автобиографическая деталь, а литературная условность; ср. в послании В. А. Жуковского «К Батюшкову» (1812, ст. 5–7): Отдам поклон Пенату, //И милому собрату // В подарок пук стихов (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 186). О Н. М. Коншине см. комментарии к № 27. О поэтической переписке Коншина с Боратынским см. комментарии к №№ 27, 28 и 30.

Стихотворением «Чувствительны мне дружеския пени...» в Изд. 1827 заканчивается третья (и последняя) книга элегий – отсюда заглавие «Эпилогъ». Индивидуальной чертой Изд. 1827, выделяющей его на фоне других русских стихотворных сборников первой трети XIX столетия, было разделение «Элегий» на три «книги». Боратынский ориентировался на издания ведущих французских лириков второй половины XVIII и начала XIX в. – «Poesies erotiques» Э. Парни (1777–1781, в 4 кн.), «Les Amours» А. Бертена (1780–1785, в 3 кн.) и «Elegies» ш.-. Миль-вуа (1812–1815, в 3 кн.). Одним из образцов для «Эпилога» послужила элегия Парни «Les Adieux»

(«Прощание»), завершающая III книгу «Poesies erotiques». Характерный мотив, сближающий стихотворения Боратынского и Парни – одновременный отказ от поэзии и от любви:

Ah! Plus de chansons, plus d'amours.

Eleonore! Oui, pour toujours

Pres de toi je suspends ma lyre.

(См. 6–8; Parny. Ёи. 1862. Р. 93)

(Перевод: Ах! довольно песен, довольно любви. // Элеонора!.. Да, навсегда // Возле тебя я оставляю свою лиру.)

Первоначальная редакция комментируемого стихотворения была опубликована в мае 1823 г. под заглавием «К \*\*\*» («К <Коншину ?>»). Однако в автографе текст той же самой редакции имеет заглавие «Эпилогъ», затем использованное в Изд. 1827.

Значит, уже на достаточно раннем этапе подготовки своего поэтического сборника Боратынский решил сделать «Чувствительны мне дружеския пени...» завершающим стихотворением всей книги или какого-то отдела.

Предложение об издании сборника поэт получил осенью 1823 г. от А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева. 5 сентября 1823 г. Бестужев писал из Петербурга П. А. Вя-

389  
земскому: «Здесь был Баратынский, у которого мы купили его сочинения за 1000 рублей» (ЛН. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 207). Состав и композиция рукописного сборника нам не известны, но из письма Боратынского к Бестужеву и Рылееву, написанного в конце 1823 или в начале 1824 г. (см.: Летопись. С. 127) ясно, что уже в этом сборнике элегии были разделены на несколько книг: «Милые собратья Бестужев и Рылеев! Извините, что не писал к вам вместе с присылкою остальной моей дряни, как бы следовало честному человеку <...> Позвольте приступить к делу. Возьмите на себя, любезные братья, классифицировать мои пьесы. В первой тетради они у меня переписаны без всякого порядка, особенно вторая книга элегий имеет нужду в пересмотре; я желал бы, чтобы мои пьесы по своему расположению представляли некоторую связь между собою, к чему они до известной степени способны <...> о други и братья! постарайтесь в чистеньком наряде представить деток моих свету, – книги, как и людей, часто принимают по платью» (Изд. 1951. С. 469–470). Вполне вероятно, что «Эпилогъ» занимал в невышедшей книге то же место, которое он позже занял в Изд. 1827.

В конце марта 1824 г. Ф. В. Булгарин поместил объявление о готовящемся издании (см.: Литературные листки. 1824. Ч. I. № 5. С. 194–195), однако в связи с хлопотами о производстве Боратынского в офицеры подготовка сборника затянулась, а после пребывания поэта в Петербурге (с 10 июня по 5 или 6 августа 1824 г.) прервалась. Вероятно, свою роль сыграла конкуренция между двумя литературными группировками – издателями альманаха «Полярная звезда» (1823–1825) Бестужевым и Рылеевым, с одной стороны, и основателями альманаха «Северные цветы» (1825–1832) А. Ф. Воейковым и А. А. Дельвигом, с другой. Боратынский был активным участником обоих изданий, но к лету 1824 г. его личные отношения с Рылеевым и Бестужевым явно расстроились. 20 сентября 1824 г. Рылеев жаловался Вяземскому, что Воейков с Дельвигом «научили Баратынского увезти тетрадь, проданную давно нам, будто нечаянно» (ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 223; ср.: ЛН. М., 1954. Т. 59. С. 148). Можно думать, что запись стихотворения «Чувствительны мне дружеския пени...» в ранней

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в редакции под заглавием «Эпилог» была сделана во время подготовки первого, невышедшего сборника (то есть в 1823 или 1824 г.), а переработка «Эпилога» относится к более позднему времени (конец 1824 – конец 1826 г.).

Стихотворение «Чувствительны мне дружеския пени...» было переведено Боратынским на французский язык («*Merci, amis, pour votre indignation flatteuse...*»). Это самое раннее из стихотворений Боратынского, вошедших в корпус автопереводов 1840-х годов (см. комментарии к разделу «Прозаические автопереводы стихотворений на французский язык»).

31.1, ст. 1–4. Чувствительны мне дружеския пени, // Но искренно забыл я Геликон // И признаюсь: не прихотливой лени // Мне нравится приманчи-  
390

вый закон. Рифма (дружеския) пени : лени присутствует уже в первой редакции «Эпилога», где ст. 3–4 читаются несколько иначе: <...> И, признаюсь, закоренелый в лени, // Не каюся, люблю мой праздный сон. Ср. у В. В. Капниста в послании «Батюшкову» (1817, ст. 5–8): Почто ж замолк ты? Дружбы пени // Прими без ропота, мой друг! // Почто, предавшись томной лени, // Паривший усыпил ты дух? (Капнист. Изд. 1973. С. 259). Подробнее о связи стихотворения Боратынского с посланием Капниста см.: Pilshchikov 1996. P. 94–95.

31.1, ст. 2. Но искренно забыл я Геликон. Ср. этот же оборот в «Послании к Н. И. Гнедичу» К. Н. Батюшкова (опубликовано в 1809 г.; ст. 12–14): <...> твой на Севере приятель, // Веселий и любви своей летописатель, // Беспечность полюбя, забыл и Геликон (Батюшков. Изд. 1964. С. 70). Геликон (Ἑlixov) – гора в Беотии, место обитания Муз (греческая мифология). Во французском автопереводе Боратынского это место звучит так: «<...> mais franchement je renonce a ia lyre» = «но я искренне отрекаюсь от лиры» (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 191).

31.1, ст. 5–6. Охота петь уж не владеет мною: // Она прошла, погасла, как любовь. Ср. «Les Adieux» Парни, ст. 6 (Ah, plus de chansons, plus d'amour!).

31.1, ст. 7. Опят любит, играть струнами вновь <...> В поздней редакции этого стиха проведена та же параллель «поэзия – любовь». Ср. в автопереводе: «Chanter encore, aimer encore...» = «Еще петь, еще любить...» (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 191)

31.1, ст. 12–13. я не хочу притворным изступленьем // Обманывать ни юных дев, ни Муз. Девы метонимически представляют любовь, Музы (см. комментарий к № 10.1, ст. 3) служат символом поэзии. Прозаический автоперевод проясняет основание сравнения: «<...> je ne veux pas tromper par des transports empruntes ni les douces filles de la terre, ni les austeres vierges de ГНѢИисоп» = «<...> я не хочу обманывать поддельным исступлением ни нежных дочерей земли, ни строгих дев Геликона» (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 191).

И. А. Пильщиков

32

«Младья Грации сплели тебе венок...»

Альбомное стихотворение, очевидно, не предназначавшееся для публикации. Обращено к Анне Васильевне Лутковской (ок. 1804 – 1879), знакомой и дальней родственнице поэта.

391

А. В. Лутковская (в замужестве Морозова) – дочь Василия Алексеевича Лутковского и Елизаветы Николаевны Боратынской (о ней см.: Летопись. С. 418), племянница Егора (Георгия) Алексеевича Лутковского – командира Нейшлотского полка, в котором служил Боратынский (см. о нем комментарии к № 78). В первой половине 1820-х годов А. В. Лутковская жила в Финляндии; Боратынский познакомился с ней в доме ее отца или дядюшки. Особенно часто Боратынский виделся с Лутковской в 1823–1824 гг. В конце сентября или в начале октября 1824 г. он пишет Н. М. Коншину: «Волочусь от безделья за Анетой, обыкновенно по воскресеньям у Лутковского» (Летопись. С. 143).

За время знакомства Боратынский вписал в альбом Лутковской несколько стихотворений (см. в настоящем издании №№ 3.1, 82; ср. также №№ 33, 42.3). Два из них – «Тебяль изобразить и ты-ль изобразима?..» (№ 3.1) и «Вы слишком многими любимы...» (№ 42.3) – были ранее обращены к другим особам (В. Н. Кучиной и С. Д. Пономаревой) и затем переадресованы Лутковской. Ей же было переадресовано еще одно стихотворение, посвященное Пономаревой – «Слепой поклонник красоты...» (№ 57.2). Кроме того, высказывалось предположение (см.: Летопись. С. 124), что Лутковской посвящено стихотворение «К Аннете» (№108).

32, ст. 1. Грации – богини красоты в римской мифологии (см. комментарий к № 10.1, ст. 3).

32, ст. 4. Миртовой листок. Римляне считали мирт деревом Венеры – богини любви (Seyffert 1957. P. 681).

32, ст. 6. Он лучших чувств моих залогом будет ей <дружбе>. Слово залог использовано здесь в значении ‘свидетельство, доказательство чего-л/’ (ср.: СЛРЯ



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский 1818–1822 гг. XVIII в. Вып. 8. С. 8).

32, ст. 7–8. <...> были прежних дней // Да поздно милая вспомянет. Ср. у Боратынского в отрывках из поэмы «Воспоминания»: <...> Но любит вспоминать он были прежних лет <...> (№ 13, ст. 39) – и позже в стихотворении «Тебе на память, в книге сей...» (редакция Изд. 1827): <...> И прошлых счастливых годов // Вспомянешь были золотыя (№ 12.1, ст. 20–21).

32, ст. 9. <...> Да поздно юных снов утратит легкой рой <...> Ср. у Боратынского в переводе из Лафара: Живых восторгов легкой рой (№ 23.2, ст. 15; № 23.3, ст. 15; ср. № 23.1, ст. 11) – и позже в стихотворении «Дориде»: <...> Исчезнет легкий рой веселий и забав <...> (№ 65.2, ст. 31). Такое употребление слова рой развилось в русском языке начала XIX в. под влиянием фразеологии французского *essaim* 'рой' (примеры из стихотворений Пушкина и Боратынского см.: Виноградов 1935. С. 311–312; французские примеры см.: Nabokov 1964. vol. 2. P. 118–119).

И. А. Пильщиков

392

33

«Мила как Грация, скромна...»

Адресат стихотворения, вероятно, скрывается за инициалами Н. С. (так подписана копия в альбоме А. В. Лутковской) и С. Н. Н. (так стихотворение озаглавлено в копии Н. Л. Боратынской). Предположение о том, что стихотворение обращено к С. Д. Пономаревой (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 250; Изд. 1982. С. 587; Изд. 1989. С. 405), не выдерживает критики (см.: Летопись. С. 124). Заглавие «В Альбом Софии», под которым стихотворение было напечатано в «Славянине», скорее всего, носит мистифицирующий характер, но может и указывать на реального адресата (тогда С. в ее инициалах – это имя, а не фамилия). Предположение о том, что стихотворение адресовано А. В. Лутковской (Летопись. С. 188) также не находит документальных подтверждений (как выяснилось, текст не был вписан в альбом самим поэтом).

Возможно, стихотворение «Мила как Грация...» было отдано А. Ф. Воейкову еще в 1822–1823 гг. для публикации в «Новостях Литературы», но своевременно в печати не появилось, а затем, когда «Новости Литературы» перестали выходить, Воейков опубликовал его в своем новом журнале «Славянин». Там же были впервые напечатаны и некоторые другие произведения Боратынского, относящиеся к первой половине 1820-х годов, – это стихотворение «Она» (см. текстологические примечания к № 85) и перевод из «Гения христианства» А.-Ф.-Р. Шатобриана: Лого- графия и происшествия Исторические, доказывающие истину Библейской Хронологии. (Изг Шатобриана) / Пер. Б-ий // Славянин. 1830. Ч. XIII. № III. С. 222–234. Стихотворение написано редким размером – разностопным ямбом с формулой 4–2–4–2 и римовкой авав.

33, ст. 1. Грация – см. комментарии к № 10.1, ст. 3; № 32, ст. 1.

33, ст. 2. Сандрильона (франц. *Cendrillon* от *cendre* 'зола\*') – Золушка, героиня сказки Шарля Перро (*Charles Perrault*) «Сандрильона, или Туфелька, отороченная мехом» («*Cendrillon, ou La petite pantoufle de vair*») из сборника «Сказки матушки-гусыни» («*Contes de la mere Гоие*», 1697). В примечании к первопечатному тексту стихотворения сказано: «В опере Сандрилиона, Король влюбляется и женится на Сандрилионе». По мотивам сказки Перро было написано несколько опер. Помимо забытой к началу XIX в. оперы «*Cendrillon*» (1759) Жана-Луи Ларюэта (*Jean-Louis La Ruette*) по либретто Ансома (*Anseaume*), это, во-первых, «*Cendrillon*» (1810) Никола Изуара (*Nicolas Isouard*) по либретто Шарля-Гийома Этьена (*Charles-Guillaume Etienne*), во-вторых, «*Cendrillon*» (1810) Даниэля Штейбельта (*Daniel Steibelt*) по тому же либретто (русский перевод А. В. Лукницкого, 1814) и, нако-

393

нец, «*La Cenerentola*» (1817) Джоаккино Россини (*Gioacchino Rossini*) по либретто Джакомо Ферретти (*Jacopo Ferretti*), основанном на либретто Этьена. Комментаторы Боратынского упоминают оперы Штейбельта (Изд. 1936. Т. II. С. 258; Изд. 1951. С. 559; Изд. 1982. С. 587; Изд. 1989. С. 405) и Россини (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 250; Изд. 1951. С. 559).

33, ст. 7–8. Быт Королем желаль~бы я, // А не Поэтом. У Перро на главной героине женится королевский сын, а в либретто Этьена и в обеих его переделках (русской и итальянской) – салернский принц Рамиро, так что не вполне понятно, почему в стихотворении Боратынского речь заходит о «Короле».

И. А. Пильщиков

34

«Я возвращуся к вам, поля моих отцов...»

Заглавие в «Сыне Отечества»: «Сельская Элегия». Заглавие в Изд. 1827: «Родина». По свидетельству М. Л. Гофмана, Настасья Львовна Боратынская в биографической записке о своем муже, хранившейся в Казанском архиве, утверждала, что в этой

Боратынского в сборнике сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *Barатынский* в элегии поэт обращается к сельцу Подвойскому – имению Богдана Андреевича Боратынского в Смоленской губернии (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 223). М. Л. Гофман считал более вероятным предположение, что Боратынский имеет в виду не Подвойское, а свою родину – усадьбу Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии (Там же; ср.: Изд. 1951. С. 551; Изд. 1982. С. 578; и др.). Современная швейцарская исследовательница относит элегию «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...» к жанру «усадебной поэзии» (см.: Rakusa 1973. S. 143). Гели б это было так, то «Сельская Элегия» обнаруживала бы сходство с такими стихотворениями, как «Есть милая страна, есть угол на земле...» и «Я посетил тебя, пленительная сень...» (№№ 119 и 180), в которых описывается реальный пейзаж. Впрочем, еще М. Л. Гофман заметил: «<...> вернее же всего, стихотворение это навеяно не столько личными переживаниями, сколько литературными образцами» (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 223).

Таковыми образцами послужили для Боратынского стихотворения римского поэта Альфия Тибулла (см.: Пильщиков 1994а). У истоков русской тибуллианы стоит «Подражание Первой Тибулловой элегии» («Пускай кто многими землями обладает...») И. И. Дмитриева (1795), сделанное с латинского текста *Tibuli. 1,1* в редакции Иосифа Скалигера (1577) с учетом французского перевода этой же элегии (1773), выполненного Ж.-Ф. Лагарпом (см.: Пильщиков 1995б). Опыт Дмитриева учитывал К. Н. Батюшков, который перевел, в том числе, десятую (по нумерации Скалиге-

394 ра – одиннадцатую) элегию первой книги Тибулла (1810). Ориентацией Боратынского на *Tibuli. I, 1, Tibuli. II, 10* и их русские версии объясняется не только тематическое, но и композиционное своеобразие комментируемой элегии, которая существенно отличается от схем, реализованных в других элегиях первой книги Изд. 1827 (Гаспаров 1989. С. 47). Помимо стихотворений Тибулла в круг ассоциаций вовлекаются тематически и стилистически связанные с ними тексты: это произведения Горация, элегии «французского Тибулла» – Парни, переводные и оригинальные стихотворения «российского Парни» и «маленького Тибулла» – Батюшкова и т. д. С другой стороны, упоминание домашних икон (ст. 3) и евангельская аллюзия в ст. 8 (см. комментарии) открывает возможность прочтения элегии Боратынского через призму библейской символики (см.: Пильщиков 1994а. С. 31–32, 37–38).

34, ст. 1. Я возвращуся к вам, поля моих отцов <...> Ср. в послании А. И. Шляхтинскому: <...> Я кончу век в стране чужой // И не увижу кров родимый, 11 А ты к отеческим полям // С полей победы возвращенный <...> (№ 12.2, ст. 19–22). Это же место в поздней редакции: <...> И, как узнать? в стране чужой // Окончу мой век унылый; // А ты придешь в дом отцов, 11А ты узришь поля родная <...> (№ 12.1, ст. 16–19). В отрывках из поэмы «Воспоминания»: О суждено ли мне увидеть край родной <...>? (№ 12.1, ст. 178). Этот мотив восходит к VI сатире Горация из II книги (ст. 60: *O rus, quando ego te adspiciam?* = О деревня, когда я тебя увижу?); в тибуллианский контекст он был введен Батюшковым («Тибуллова Элегия XI из I книги», 1810, ст. 63–64): О боги! если б я // Узрел еще мои родительски поля! (Батюшков. Изд. 1977. С. 226; подробнее см.: Пильщиков 1994а. С. 34–35). Поля моих отцов – генитивный атрибут, образованный по французской модели (*les champs de ses peres*).

Отсылки к Тибуллу и Горацию были неотъемлемым элементом рустической элегии и послания о преимуществах сельской жизни. Ср. в стихотворении Н. Д. Иванчина-Писарева «Возращение в деревню»: «О родственных полей прелестная картины! // Когда увижу вас?» Гораций говорил <...> «кто в городе живет, тот сердца не имеет»; // Чувствительный Тибулл правдиво нам сказал <...> Подобно им и я, и я всегда желал // В обитель сельскую от вихря удалиться <...> Места, свидетели моих забав игривых! // Я возвратился к вам, вас, милья, пою! <...> Дубравы родины! раскиньте сень свою! (Вестник Европы. 1813. Ч. LXXI. № 19. С. 175).

34, ст. 3. Я возвращуся к вам, домашняя иконы! Ср. в элегии П. А. Плетнева «К моей родине» (1819, ст. 92–94): С каким бы восхищеньем, // Заботы бросив все на берегах Невы, // Домашним образом я поклонился [Сын Отечества. 1820. Ч. 59. № 3 (номер датирован 17 января). С. 132]. Плетнев также ориентируется на латинский образец: он подражает стихам Катуллы к Сирмионской

395 вилле (*Catuli. XXXI, st. 7–10*), в которых речь идет о возвращении к своему Лару (<...> *venimus Larem ad nostrum* <...> – эти строки вынесены в эпиграф к Плетневской элегии). О параллельной теме от(е)ческих Лар (*patrii Lares*) в элегиях Тибулла и в русской тибуллиане см.: Пильщиков 1994а. С. 36–37. Внимание Боратынского к элегии Плетнева могла привлечь высокая оценка, которую дал ей В. К. Кюхельбекер (см.: Кюхельбекер В. Взгляд на текущую словесность // Невский зритель. 1820. Ч. I. февраль. С. 113–116). Другие параллели между стихотворениями Боратынского и Плетнева отмечены в комментариях к № 34, ст. 16–

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *bagatelle* 18 и ст. 42–44.

34, ст. 4–6. Пускай другие чтут приличия законы; // Пускай другие чтут ревнивый суд невежд; // Свободный наконец от суетных надежд <...> Пр отивопоставление «*alius* (другой) vs *ego* (я)» – общее место у римских поэтов эпохи Августа и, в частности, у Горация и Тибулла (см.: Breguet E. Le theme «*alius... ego*» chez les poètes latins // *Revue des études latines*. 1962. Т. 40. P. 128–136). В *Tibullus*. 1,1, ст. 1–4 эта оппозиция вводится с помощью местоимения *alius* ‘другой’ и глаголов в сослагательном наклонении. Во французских переводах этого фрагмента используется конструкция *qu’un autre...* (пуст другой...), в русских переводах – оптативная конструкция с частицей пускай (у Дмитриева и Батюшкова) или пуст (у В. Г. Анастасевича, 1806). См. также комментарий к № 34, ст. 25–29.

Свободный etc. Ср. II эпод Горация (ст. 1–4) и вариации. Так, у Э. Парни в элегии «*Ma Retraite*» («Мое уединение»; «*Poesies erotiques*», 1777–1781; кн. III, элегия 4): /e suis libre; fêchappe a ces soins fatiguants, // A ces devoirs jaloux qui surchargent la vie. // Aux tyranniques lois d’un monde que foublie // Je ne soumettraï plus mes goûts independants = я свободен; я ускользнул от этих утомительных забот, // От этих ревнивых обязанностей, которые обременяют жизнь. // Тираническим законам забытого мною мира // Я больше не подчиню своих независимых вкусов [ст. 5–8 (нумерация стихов по «*Œuvres*» 1808 г.); Рашу. Ed. 1862. P. 72]. У А. С. Пушкина в стихотворении «Деревня» («Уединение», 1819, ст. 21–24): я здесь, от суетных оков освобожденный, // Учуся в истинне блаженство находит, // Свободною душой закон боготворит, // Роптанью не внимать толпы непросвещенной <...> (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 89–90).

34, ст. 6–7. Свободный наконец от суетных надежд, // От безпокойных снов, от ветреных желаний. В ранней редакции иное распределение эпитетов: <...> от ветреных надежд <...> от суетных желаний. Ветренный – «непостоянный, неосновательный» (САР. Ч. I. Стб. 1054). Суетный – «тщетный, пустой, напрасный, бесполезный»; языковой пример: «Суетная надежда» (САР. Ч. VI. Стб. 593). Ср. у Н. М. Карамзина в «Послании к А. А. Плещееву» (опубликовано в 1796 г.; ст. 142–143): <...> как можно лучше, тише жить, // Без всяких суетных желаний <...> (Карамзин. Изд. 1966. С. 144).

396

34, ст. 8. Испив безвременно всю чашу испытаний <...> Евангельская реминисценция: «МОЖЕТА ЛИ ПИТИ МАУJTF, ЮЖЕ АЗ ИМАМ ПИТИ»; «МАУJTF OI/BW МОЮ ИСПIЕТА» (Мф 20, 22–23; мк 10, 38–39; ср. Мф 26, 39; 26, 42; мк 14, 16; лк 22, 42; ин 18,11).

34, ст. 9. Призрак счастья. Выражение Вольтера [«*Precis de l’Ecclesiaste*» («Изложение Экклезиаста»), 1759, ст. 21]: *Brillant* опиион, *fantome de bonheur* = Блистательное мнение, призрак счастья (Voltaire. Ed. 1876–1891. Т. VIII. P. 403).

34, ст. 10–и. Усталый труженик, спешу к родной стране // Заснуть желанным сном, под кровлею родимой. Автореминисценция из «Воспоминаний» 1819 г.: Наскучив странствием и жизни суетою, // Усталый труженик под кровлею родною // Вкушает сладостный бездействия покой (№ 13, ст. 33–35); Щастлив, щастлив и тот, кому дано судьбою // От странствий отдохнут под кровлею родною (№ 13, ст. 149–150). Спешу к родной стране. См. комментарий к № 35.1, ст. 18.

Заснут желанным сном, под кровлею родимой. Ритмико-грамматическая формула; ср. у И. И. Дмитриева в послании «К друзьям моим...» («В Москве ль я наконец? со мною ли друзья?...», опубликовано в 1803 г.; ст. 6): <...> Вкусить покойный сон под кровом, где родился <...> (Дмитриев. Изд. 1967. С. 154).

34, ст. 14. <...> в стране чужой. См. комментарий к № 12.3, ст. 1.

34, ст. 16–18. Как в пристани пловец, испытанный ненастьем, // С улыбкой слушает, над бездною возсев, // И бури грозный свист и волн мятежный рев <...> Сравнение с пловцом, спасшимся от бури, широко распространено в европейской литературе, начиная с «Божественной комедии» Данте Алигьери («*Inferno*», песнь И, ст. 22 и далее); ср. реминисценцию у Батюшкова [«Воспоминания. Отрывок» («Я чувствую, мой дар в поэзии погас...»), ст. 15 и далее]. В контексте рустической элегии этот образ появляется, например, в стихотворении А. А. Никитина «К Родине»: Блажен пловец морей, избегший лютых бед, // И мирной пристани достигший вождельно <...> [Соревнователь просвещения и Благотворения (Труды ВОЛРС). 1818. Ч. II. № III. С. 373 (подо.: А. – Н.)\ А. А. Никитин – секретарь ВОЛРС]. Ср. у Плетнева [«К моей родине. (Элегия)», ст. 71–74]: Вы тщетно стали бы, перебегая свет, // Искать себе приюту от ненастья! // Пускай челнок ваш в пристани стоит // И пенные под ним не ропщут волны! (Сын Отечества. 1820. Ч. 59. № 3. С. 131). Над бездною. См. комментарий к № 25.2, ст. 23.

34, ст. 19. <...> Так, небо не моля о почестях и злате <...> формула, найденная Батюшковым в подражании *Tibullus*. III, 3: Бессмертны! слышали вы скромный мой обет! // Молил ли вас когда о почестях и злате? («Тибуллова Элегия III. Из III

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *Vara* книги», 1809, ст. 4–5) – и повторенная с вариацией в переводе Tibuli. 1,10 (11): <...> ни почестей, ни злата [«Тибуллова Элегия XI из I книги», 1810, ст. 25 (Батюшков. Изд. 1977. С. 219, 224)]. Ср. у Боратынского в отрывках из поэмы «Воспоминания»: Не нужны почести, не нужно злато мне  
397

<...> (№ 13, ст. 182). Параллельная линия – формула ни злата, ни честей у М. В. Милонова в переводе Tibuli. III, 3 «Кнеере: (Подражание третьей Тибул- ловой Элегии)» (Санктпетербургский вестник. 1812. Ч. I. № 2. С. 164–165), ее вариант без злата и честей у Батюшкова [«Мои Пенаты», 1811–1812, ст. 144; «Послание И. М. Муравьеву»–А«постолу», 1815, ст. 91 (Батюшков. Изд. 1977. С. 264, 284)] и ее многочисленные отражения у Пушкина и других младших поэтов.

34, ст. 20. Спокойный домосед. Выражение Батюшкова: <...> Блажен стократ, кто с сельскими богами, // Спокойный домосед, земной вкушает рай, // И шага не ступая за хижину убогу, // К себе богиню быстроногу <фортуна. – И. П.> // В молитвах не зовет! [«Воспоминания 1807 года», 1809 (заглавие в «Опытах в Стихах и Прозе» – «Воспоминание»), ст. 36–40]; см. также сказку «Странствователь и домосед» (1815), ст. 2 (Батюшков. Изд. 1977. С. 211, 308). Ср. в IX элегии Д. В. Давыдова (1818, ст. 17–19): <...> В уединении спокойный домосед // И мирный семьянин, не постыжусь порою // Поднят смиренный плуг солдатскою рукою (Давыдов. Изд. 1984. С. 89). Ср. это же словосочетание в контексте августианской рустики – у А. Ф. Воейкова в «Послании к брату»: «О дом родительский! о тихия поля! // Уединения таинственная сладость!» // Гораций восклицал, об родине грустя: // «Увижу ли я вась? вкушу ли в жизни радость? <...> Успеул <...> укрывшись от хлопот, // Дожить остаток дней спокойным домоседомъ?» // Тоскующий Тибулл вздыхая говорил: И «Чтоб век жить в городе – быть должно с медным сердцем!» // Виргилий об полях отеческих грустил (Вестник Европы. 1819. Ч. СШ. № 13.

С. 173). См. «Буколики» Вергилия (эклога I, ст. 3, 67–69); ср. «Георгики», кн. II, ст. 458 и далее. Ср. те же античные реминисценции у Иванчина-Писарева (см. выше, комментарий к № 34, ст. 1–2).

<...> в моей безвестной хате. Это место вызвало резкую критику Ф. В. Булгарина: «Я встречаю в нем <в стихотворении „Родина“. – И. П.> слово хата, которое употребляется многими Поэтами весьма некстати, в Русских стихах. Это слово ввели в Литературу сыны Малороссии, вместо хижины. Если мы позволим себе без нужды вводить в Великороссийское наречие областныя слова, то скоро вместо роши, увидим гай и т. п.» (Северная Пчела. 1827. 6 дек. № 146).

34, ст. 22. <...> В кругу друзей своих, в кругу семьи своей <...> В ранней редакции: <...> В кругу друзей моих, в кругу семьи моей <...> См. комментарий к № 30.1, ст. 31–32.

34, ст. 25–29. Пускай летит к шатрам безтрепетный герой <...> Я с детства полюбил сладчайшие труды. Лексическая и ритмическая цитата из Tibuli. 1,10 (11), ст. 29–31 в переводе Батюшкова (редакция «Опытов в Стихах и Прозе», ст. 43–45): Пускай, скажу, в полях неистовый герой, // Обрызган кровию, выигрывает бой; // А мне <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 225; ср.: *Alius sit fortis in armis, // Sternat et adversos Marte favente duces, // Ut mihi <...>*). И Батюшков,  
398

и Боратынский учитывают параллели Tibuli. I, 10 (11), ст. 29–31 ~ Tibuli. I, 1, ст. 1–4 ~ Tibuli. 1,1, ст. 53–55 и перевод Дмитриева (ст. 46–51): Пускай мес-сале льстят оружия успехи <...> Ая <...> (Дмитриев. Изд. 1967. С. 143; ср.: *Te bellare decet terra, Messala, marique <...> Me retinent <...>*). Ср. это же клише в Дмитриевском «Послании к Н. М. Карамзину» (1795, 28–30): Пускай младый герой <...> Пылает и дрожит, и ищет алчным взглядом // Копья, чтобы лететь потрясть землей и адом (Дмитриев. Изд. 1967. С. 122). О противопоставлениях «я – другой» у Дмитриева, Батюшкова и Боратынского см. также: Пильщиков 1994а. С. 31.

К шатрам. См. комментарий к № 29.1, ст. 5–6.

Летит. Ср. франц. клише *voler aux combats* ‘лететь на битвы’ и многочисленные русские контексты: <...> летел под знамя брани // Искать ил славы, ил конца [Батюшков, «Воспоминания. Отрывок», опубликованы в 1817 г.; ст. 28–29 (Батюшков. Изд. 1977. С. 213)]; <...> Летит на голос славы бранной (Боратынский; см. в настоящем издании № 14.2, ст. 8); и мн. др. Ср. шуточную трактовку этой же темы у Боратынского: <...> Твой Поэт летит Героем // Вместо Пинда – на развод! (№ 10.2, ст. 21–22).

34, ст. 27–28. <...> С волненьем учится, губя часы златые, // Науке размерят окопы боевые. В первоначальной редакции: <...> Науке созидать твердыни боевые. Очевидно, стих был изменен ради графической точности рифмы [златые (муж. р.) : боевые (жен. р.) > златые (муж. р.) : боевые (муж. р.)]. Г. О. Винокур отмечал, что «принципу глазной рифмы принадлежало в печатных изданиях пушкинского времени очень большое значение. Есть писатели, которые строго следовали этому принципу и в своих рукописях. Таков, повидимому, Баратынский» (Винокур 1941. С. 478).

34, ст. 30–31. Прилежный, мирный плуг, взрывающий бразды, // Почтеннее меча <...> Реминисценция из *Tibuli*. 1,10 (11), ст. 49–50 в переводе Батюшкова (ст. 73–75): В дни мира острый плуг и заступ нам священны, II А меч, кровавый меч, и шлемы оперенны, // Снедает ржавчина безмолвно на стенах (Батюшков. Изд. 1977. С. 226; ср.: *Pace bidens vomerque nitent, at tristia duri // militis in tenebris occupat arma situs*). «Плуг и заступ» (*bidens vomerque*) в противопоставлении «мечу» и другим видам оружия – это античный топос (ближайшая параллель к Тибуллу – Овидий, «Фасты», кн. IV, ст. 927–928). Заступ упоминается в комментируемой элегии трижды (см. № 34, ст. 44, 51, 60). У Боратынского опущен важный элемент этого топоса – ржавчина, покрывающая оружие в мирное время. Ср. в аналогичных контекстах: <...> висит полузаржавый // Меч прадедов тупой <...> [Батюшков, «Мои Пенаты», ст. 31–32 (Батюшков. Изд. 1977. С. 261)]; <...> Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые, // В колчанах скрытые, забудут свой полет; // Счастливый селянин, не зная бурных бед, // По нивам повлечет плуг, миром изощренный <...> [Пушкин, «На возвращение Государя императора из Парижа в 1815 году», ст. 74–77 (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 147)]; и др.

399

34, ст. 33–34. Оратай, ветхих дней достигший над сохой, // В заботах сладостных наставник будет мой. Мотив «учения у земледельца», нередко встречающийся в посланиях о преимуществах сельской жизни; ср. у А. Ф. Воейкова в послании «К моему старосте» (1807, ст. 99): как рад бы я придти учиться у тебя! (Вестник Европы. 1812. Ч. LXVI. № 21/22. С. 20); у М. В. Милонова в «Послании к земледельцам» (1810, ст. 33): Пуст света мудрые придут учиться к вам <...> (Милонов. Изд. 1983. С. 198).

34, ст. 36. Утучнят наследственные нивы – ср. в «Послании к земледельцам» Милонова (ст. 17): Не выль, поля луга и утучняя нивы <...> (Милонов. Изд. 1983. С. 197). Утучнят – «говоря о земле: удобрять тукомъ» (САР. Ч. VI. Стб. 1067); тук (буквально ‘жир’) применительно к садовой и пахотной земле означает любое удобрение (САР. Ч. VI. Стб. 805).

34, ст. 38. Усердный пестун мой <...> Пестун – ‘воспитатель, дядька’ (СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. С. 26). В исходной редакции было: Прилежный яков мой! Строки 38 сл. обращены к воспитателю поэта, итальянцу Джачинто Боргезе (*Giacinto Borghese*, во франц. написании – *Bories*). Ему же адресовано позднее стихотворение Боратынского «Дядьке итальянцу» (1844), которым завершается традиция послания к слуге-учителю (ср. Воейков, «К моему старосте»), идущая от «Послания к слугам моим...» Д. И. Фонвизина (опубликовано в 1769 г.): Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет? // И как мне в оном жить, подай ты мне совет. // Любезный дядька мой, наставник и учитель <...> (Фонвизин. Изд. 1959. Т. 1. С. 269). Стихотворение Фонвизина пользовалось исключительной популярностью – по свидетельству М. А. Дмитриева, его «знали наизусть» (Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. 2-м тиснением. М., 1869. С. 50).

34, ст. 42–44. Я сам, когда с небес роскошная весна // Повеет нею воскреснувшей природе, // С тяжелым заступом явлюсь в огороде. Реминисценция из *Tibuli*. 1,1, ст. 7–8, 29 (= 1,1, ст. 9–и по нумерации Скалигера) в переводе Дмитриева (ст. 9–13): <...> то в скромном огороде // Душисты рву цветы и гимн пою Природе <...> То гряды, не стыдясь, сам заступом копаю (Дмитриев. Изд. 1967. С. 142). Ср. эти же словесные темы у Пушкина («Послание к Юдину», 54–58) и у Плетнева [«К моей родине. (Элегия)», ст. 51–52]: <...> Иль, с заступом в руках, копал свой огород, // Малину в нем, смородину сажая <...> (Сын Отечества. 1820. Ч. 59, № 3. С. 131–132).

В огороде. Косвенным свидетельством цитатной природы слова огород служит тот факт, что «Родина» – это единственный текст Боратынского, в котором оно встречается (см.: Shaw 1975. P. 298). Выражение в скромном огороде Дмитриев взял не из латинского подлинника, а из французского переложения Лагарпа (*retroit enclos*; см.: Пильщиков 1995б. С. 92). Заступом – см. выше, комментарий к № 34, ст. 30–31.

400

Я сам <...> явлюсь <...> Тибулл говорит *ipse* ‘сам’ (кн. I, элегия 1, ст. 7), подчеркивая, что такого рода деятельность не соответствует достоинству римского всадника (Smith K. F. Notes // *The Elegies of Albius Tibullus*. N. Y., 1913. P. 187). Боратынский, несомненно, держал в памяти и параллель *Tibuli*. I, 10 (11), ст. 28 (*myrto vinctus et ipse caput*) в переводе Батюшкова (ст. 41–42): Я сам, увенчанный и в ризы облеченный, // Явлюсь на утрие пред ваш олтар священный (Батюшков. Изд. 1977. С. 225). Об этих и других античных параллелях к анализируемым стихотворениям Дмитриева, Батюшкова и Боратынского см.: Пильщиков 1994а. С. 33.

34, ст. 45. Приду с тобой садит капусту и цветы (вариант «Сына Отечества»). Мотив восходит к «Опытам» Монтеня [ч. I, гл. XX (XIX)]: «*Je veux <...> que la*

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *vous mort me trouvez plantant mes choux, mais nonchalant c'est elle, & encor plus de mon jardin imparfait*» = «Я хочу <...> чтобы смерть меня застала за посадкой капусты, и при этом равнодушным к смерти и уж тем более к моему несовершенному огороду» (Montaigne M. de. *Les Essais*. Paris, 1604. P. 54; Монтень М. *Опыты*. 2-е изд. М., 1979: Т. I. С. 84). Ср. сходные аллюзии в письмах Батюшкова Н. И. Гнедичу (март и май 1817): «<...> стану поливать левкой и садить капусту»; «жить дома и садить капусту я умею, но у меня нет ни дома, ни капусты» (Батюшков К. Н. *Сочинения*. СПб., 1886. Т. III. С. 424, 438). В его же письме к А. Н. Батюшковой от 29 сентября 1817 года есть дословные совпадения со стихом Боратынского: «Лучше всего, милый друг, садить капусту и цветы в своем огороде, пока можно» (Там же. С. 472). Очевидно, мы имеем дело с влиянием какого-то неидентифицированного (французского?) текста-посредника. См. также Nabokov 1964. Vol. 3. P. 15. 34, ст. 47. Богиня пажитей признательней фортуны! «Словарь Академии Российской» дает слову пажить единственное определение: «Пастбище; луг или поле, куда для корма гоняют скот пастись» (САР. Ч. IV. Стб. 766). В стихотворении Боратынского это слово, очевидно, использовано в широком значении 'поля'. Выражение богиня пажитей (так же, как франц. *la deesse des champs* 'богиня полей; сельская богиня') может относиться к любому женскому божеству древнеримского сельского пантеона: Палее (богине – покровительнице коз и овец), Церере (богине урожая) и др. (см.: Пильщиков 1994а. С. 42 примеч. 47). Фортуна (лат. *Fortuna*) – богиня случая и удачи в римской мифологии. В тексте «Сына Отечества» это слово набрано с заглавной буквы – как имя собственное мифологического персонажа. 34, ст. 48. Свирель и струны (то есть струны лиры) – символы буколической и элегической поэзии. В первой редакции сельская элегия Боратынского завершалась словами: <...> меж лирой и цевницей (ст. 60). Цевница – здесь 'свирель\*' (об этом слове см. комментарий к № 13, ст. 17). 34, ст. 49–50. Оне доступны всем, и мне за легкий труд // Плодами сочными обильно воздадут. Ср. символику плодов в I элегии Тибулла: *<Spes> frugum semper aservos // Praebeat = <Надежда> горы плодов всегда // ниспощ* 26. Боратынский Том 1 401 лет (Tibuli. 1,1, ст. 9–10) – ив евангельских притчах: «<...> селиное НА доври земли <...> плод приносить» (Мф 13, 23); «<...> ВОЗДАДАТ ЕМ\* плоды во време– НА СВОА» (Мф 21, 41; см. также Мф 3,10; 7,16–20; 12, 33; 13, 8; 21, 43; ин 4, 36; 15, 2–8; подробнее см.: Пильщиков 1994а. С. 33, 37–38). 34, ст. 51. От гряд и заступа спешу к полям и плугу. См. выше, комментарии к № 34, ст. 30–31, ст. 42–44. 34, ст. 54–55. <...> я сам, друзья мои, // У берега насажу лесок уединенный <...> О словечке сам см. выше, комментарии к № 34, ст. 42–44. 34, ст. 58–60. Там дружба некогда сокроет пепел мой, // И вместо мрамора, положит на гробницу // И мирный заступ мой, и мирную цевницу. Финал комментируемого стихотворения Боратынского варьирует финал «Моих Пенатов» Батюшкова (ст. 309 и далее): <...> Ил бросьте на гробницы // Богов домашних лик, // Две чаши, две цевницы, // С листьями повилк. Ср. там же (ст. 297–308): Товарищи любезны! <...> цветами // Усейте мирный прах (Батюшков. Изд. 1977. С. 269; о воздействии «Моих Пенатов» на комментируемое стихотворение см. также: Пильщиков 1994а. С. 36–37). За пределами стихотворения Боратынского остается мотив насаждения цветов, восходящий к А. Бертену (см.: Pîlshchikov 1994а. P. 73–74; Пильщиков 1994б. С. 106–107 примеч. 55). И. А. Пильщиков 35 35.1. «Прощай, отчизна непогоды...» 35.2. <Элегия> («Прощай, отчизна непогоды...») Заглавие в Изд. 1827: «Отъездъ» (последняя элегия второй книги). Биографическая основа стихотворения – отъезд Боратынского из Финляндии в конце 1820 г. Поэт получил отпуск с 11 декабря 1820 г. до 1 марта 1821 г. и, уезжая, надеялся, что за это время будет произведен в офицеры (это позволило бы ему выйти в отставку и не возвращаться в Финляндию). Тогда же, в конце 1820 г., командир Нейшлотского полка Е. А. Лутковский представил Боратынского к производству в прапорщики, но Александр I в производстве отказал (см.: ИП. С. 167–168, 170, 343; *Летопись*. С. 101–105). Н. М. Коншин вспоминал: «Отказ о производстве ожесточил его <Боратынского. – И. П.>, сколько добрая, младенческая душа его умела роптать, он роптал и досадовал» (Коншин. Изд, 1958. С. 394). Материалы для комментария к элегии см.: Пильщиков 2002. 35.1, ст. 1–6. См. ниже, комментарий к № 35.2, ст. 1–5, ст. 6. 402 35.1, ст. 9–12. <...> Где отлученный от отчизны // Враждебно судьбой, // Изнемогал без укоризны // Изгнанник молодой <...> Яркий образ поэта –

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *barata* «изгнанника» и «несчастливца» был создан К. Н. Батюшковым в элегии «Умирающий Тасс» (1817); см. в ней фрагмент: <...> Младенцем был уже изгнанник етс. (ст. 46) – и слова Тассо, процитированные Батюшковым в примечании к этому стихотворению: «Поздно теперь жаловаться на фортуна, всегда враждебную» (Батюшков. Изд. 1977. С. 327, 332). Ср. также комментарий Батюшкова к этому месту: «Фортуна, коварная до конца <...>» (Там же) – и тассианско-батюшковские аллюзии в послании Боратынского А. И. Шляхтинскому: Но где ж Певец, тобой любимый? // Он совершил судьбы завет, // Судьбы враждебной с юных лет – // И до конца непримиримой! (№ 12.2, ст. 25–28).

35.1, ст. 13. <...> Где позабыт молвой гремучей <...> Молва названа гремучей в соответствии с эпическим топосом («шумная Молва»); ср. <Fama> stridens ‘стрекочущая, шумная’ (Вергилий, «Энеида», песнь IV, ст. 185), а также bruyante ‘шумная, гремящая’ и аналогичные эпитеты во французских переводах и подражаниях. С тем же вергилианским топосом и его французскими вариациями связаны другие эпитеты молвы у Боратынского (см.: Shaw 1975. P. 272): болтливая (№ 27.1 и 27.2, ст. 4; ср. Virg. Aeneid., IV, ст. 183) и разновещающая (№ 55, ст. 7; см. комментарий), а также приложение вестница молва (поэма «Пирь», ст. 56 редакции 1820 г.; см. в настоящем издании раздел «Поэмы»). В автографе отрывка из «Пировъ» (альбом «Tendresse») слово Молва написано с заглавной буквы – как имя собственное мифологического персонажа (см.: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 2. № 5. л. 49; Материалы 1916. С. 9). Существительного со значением ‘вестница’ у Вергилия нет – оно возникло во французской переводческой традиции (Ia messagege; см.: Пильщиков И. А. Четыре заметки о литературных цитатах в произведениях Батюшкова // Изв. РАН. Сер. ЛИТ. и яз. 1999. Т. 58. № 2. С. 55–56).

Позабыт молвой. Этот же мотив мы встречаем в первой редакции «Финляндии»: Забытый от людей, забытый от молвы <...> (№ 25.2, ст. 5); ср. в еще более ранних отрывках из поэмы «Воспоминания» (1819): <...> Забытый от людей блажит уединенье <...>; <...> Забытый от людей, дубрав безвестных житель <...> (№ 13, ст. 37.184). В первой редакции послания Е. А. Лутковскому: Молвой забытый, о досада! (ст. 78.2, ст. 51). Об отражении этого мотива у А. С. Пушкина см.: Шапир 2002. С. 95 примеч. 4.

35.1, ст. 18. <...> Спешу к стране родной <...> Этот же оборот находим в элегии «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...» (ст. 10), где мотив возвращения на родину появляется в окружении автореминисценций из «Воспоминаний» 1819 г. (см. комментарий к № 34, ст. 10–И). Ср. противопоставление родной и чужой страны в элегии «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...» (№ 34, ст. 10–14) и в комментируемом стихотворении (№ 35.1, ст. 17–20; подробнее см.: Пильщиков 1994а. С. 35, 43 примеч. 67–68). Ср. также в элегии Батюшкова «На разва-

26\*

403

линах замка в Швеции» (1814, ст. 49): Ах, юноша! спешу к отеческим брегам <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 204).

35.1, ст. 21–24. <...> И камней мшистых громады, // И вид полей нагих, // И вековые водопады, I / И шум угрюмый их! Это постоянные элементы финской топики в стихотворениях Боратынского (см. комментарий к № 25.2, ст. 1). Ср. также кавказский (!) пейзаж в послании В. А. Жуковского «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...», 1814, ст. 111–из): <...> Утесов мшистые громады, // Бегущи с ревом водопады // Во мрак пучин с гранитных скал <...> (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 309; параллели см.: Виноградов 1941. С. 129) – и описание Финляндии в послании Боратынского «Н. И. Гнедичу»: Леса угрюмые, громады мшистых гор, // Пришельца новаго пугающие взор (№ 77.2, ст. 42–43; № 111 и 113, ст. 41–42).

35.1, ст. 25–28. Я вспомню с тайным сладострастьем // Пустынную страну, // Где я в размовке с тихим счастьем / / Провел мою весну. Сладострастье – см. комментарий к № 18.1, ст. 14; № 54, ст. 14. Мою весну – см. комментарий к № 12.1, ст. 9–12. Рифму страну : весну Боратынский использовал в двух произведениях 1819 г. – в отрывках из поэмы «Воспоминания» (№ 13, ст. 151–153) и в элегическом послании, адресованном А. И. Шляхтинскому (№ 12.2, ст. 9–12). Послание Шляхтинскому было републиковано под заглавием «Прощание» в 3-м номере XV части «Соревнователя Просвещения и Благоговения»; в предыдущем выпуске «Соревнователя» напечатана элегия «Прощай, отчизна непогоды...». Подготавливая Изд. 1827, Боратынский значительно переработал свое послание (см. в настоящем издании № 12.1), однако стихов 9–12 правка не коснулась – параллелизм двух стихотворений был сохранен.

<...> Пустынную страну (ст. 26) – в ранней редакции: <...> Печальную страну. Соответственно, ст. 2 (Угрюмая страна) при переработке элегии был заменен: Печальная страна. Эпитет угрюмый был передан «шуму водопадов» (ст. 24: <...> И шум угрюмый их!) – первоначально было немолчный (<...> И шум немолчный их...).

35.1, ст. 31–32. <...> Не изменил питомец феба // Ни Музам, ни себе. Феб – бог Аполлон, покровитель поэтов в греческой мифологии (см. комментарий к № 22.2, ст. 33). Питомец феба – поэт (см. комментарий к № 13, ст. 47–48). Музы – богини поэзии (см. комментарий к № 10.1, ст. 3); они сопровождают Аполлона–Мусагета ('предводителя Муз').

35.2, ст. 1–5. Прощай, отчизна непогоды, // Угрюмая страна, // Где мрачен вид нагой природы, // Безжизненна весна, // Где солнце пасмурно сияет <...> (в поздней редакции: <...> Где солнце не хотя сияет <...>). Словами: «Я видел страну <...> где природа бедна и угрюма, где солнце греет постоянно – только в течение двух месяцев» – начинается «Отрывок из писем русского офицера о фин

ляндии» Батюшкова (редакция «Опытов в Стихах и Прозе» 1817 г.); ср. далее: «Здесь повсюду земля кажет вид опустошения и бесплодия, повсюду мрачна и угрюма» (Батюшков. Изд. 1977. С. 95). У Боратынского в ранней редакции элегии «Финляндия»: <...> Пустынный неба свод, угрюмый вид Природы (№ 25.2, ст. 10). Ср. у Пушкина в эпизоде Финна и Наины из I песни «Руслана и Людмилы» (ст. 312), опубликованном в «Невском Зрителе» в марте 1820 г.: Угрюмый край (о Финляндии; цит. по: Пушкин. Ак. Т. 4. С. 14). Строки Батюшкова и Боратынского позже стали одним из литературных источников описания дикой финской природы в «Медном Всаднике» (см.: Шапир 2002. С. 92–93).

35.2, ст. 6. <...> Где сосен вечный шум <...> Акустический образ, который вскоре попал в элегию «Финляндия» (вариант «Сына Отечества» 1821 г.): <...> и сосен шум глухой и волн неясный лепет <...> (ст. 18). В первоначальном варианте («Соревнователь Просвещения и Благотворения», 1820) 18-й стих читался иначе: <...> И роши шум глухой и волн неясной лепет <...> Подготовливая Изд. 1827, поэт подверг это место радикальной переделке (см. комментарий к № 25.1, ст. 15–19), и генетическая связь между двумя северными элегиями оказалась затушеванной. Ср. также строки из «финляндской повести» Боратынского «Эда» (см. в настоящем издании раздел «Поэмы»): На горы каменные там // Поверглись каменные горы <...> На них шумит сосновый лесъ; // С них бурно льются водопады (в редакции 1824–1825 гг. – ст. 43–48; ср. комментарий к № 25.2, ст. 1). По всей видимости, общим источником для всех этих описаний стал всё тот же «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии»: «<...> глубокие длинные озера омывают волнами утесы гранитные, на которых ветер с шумом качает сосновые роши» (Батюшков. Изд. 1977. С. 95).

35.2, ст. 18–20. <...> Хвала, о Музы, вам – // Вы, благосклонныя, любилы // Внимать моим струнам! Ср. образ «благосклонных Муз» в заключительной строке из послания Пушкина «Овидию» (окончено 26 декабря 1821 г.): <...> И музы мирные мне были благосклонны (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 221).

И. А. Пильщиков

36

«Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найдти...»

Заглавие в «Соревнователе Просвещения и Благотворения»: «К Делию. Ода. (С Латинскаго)». Заглавие в изд. 1827: «Дельвигу».

Третье послание Боратынского к Антону Антоновичу Дельвигу (см. также комментарии к №№ 10, 18, 61, 68). Об отношениях Боратынского и Дельвига см. ком

405

ментарии к № 10. Делий – греческое имя Δῆλιος; ('делосский') или искаженное латинское имя Dellius (Квинт Деллий – адресат III оды из II книги Горация). Очевидно, это условное имя было дано Дельвигу по одному лишь созвучию с его фамилией; ср. «Послание к Б... Дельвигу» («Где ты, безпечный другъ? где ты, о Дельвиг мой...»), которое в изд. 1827 получило заглавие «Делию» (см. № 18).

По наблюдению Н. Н. Мазур, ближайшим литературным источником комментируемого стихотворения стало «Послание к Коринне о счастии» С. Д. Нецаева (Вестник Европы. 1819. Ч. CV. № II. С. 171–172). Указание на латинский источник послания «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найдти...» – мистификация, довольно обычная в поэзии 1810–х – 1820–х годов. Такого рода подзаголовки носили, скорее, жанровый характер и мало кого могли ввести в заблуждение.

36, ст. 4. <...> С земными детьми Прометей. Прометей (Προμηθεΐς) – в греческой мифологии сын титана напета (Япета), двоюродный брат верховного олимпийского бога Зевса (см. также комментарий к № 59.1, ст. 26–31). По одной из версий мифа о Прометее, он вылепил людей из земли или глины, смешав ее с водой (Овидий, «Метаморфозы», кн. I, ст. 82–83; Аполлодор, «Библиотека», кн. I, гл. VII, § 1; Павсаний, «Описание Греции», кн. X, гл. IV, § 4).

36, ст. 5–6. Похищенной искрой создание свое // Дерзнул оживить безразсудный. Переосмысление античного мифа, согласно которому Прометей украл у богов огонь и дал его людям (Гесиод, «Теогония», ст. 562–569; Эсхил, «Прометей прикованный», 109–113; Аполлодор, «Библиотека», кн. I, гл. VII, § 1; Павсаний, «Описание



Боратынский Евгений Александрович. Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в ага Греции», кн. II, гл. XIX, § 5). За это он был жестоко наказан Зевсом (см. комментарий к № 59.1, ст. 32).

36, ст. 7–8. Безсмертных он презрел и страшная казнь // Постигнула чад святотатства. Разгневанный Зевс не только наказал Прометея, но и воспользовался его проступком, чтобы наказать людей (см.: Гесиод, «Теогония», ст. 570 и далее). Постигнула – см. комментарий к № 24, ст. 5–6.

36, ст. И. Недуг бытия. См. комментарий к № 27.2, ст. 10.

36, ст. 17–20. Но в искре небесной прияли мы жизнь, // Нам памятно небо родное, // В желании счастья мы вечно к нему // Стремимся неясным желаньем!... Согласно Овидию, Прометей соединил в людях земное и небесное начало – и поэтому создал их смотрящими в небо («Метаморфозы», кн. I, ст. 78–86).

36, ст. 25–26. <...> алчный Тантал // Сгарает сред влаги прохладной <...> Определение алчный употреблено здесь в значении ‘сильно желающий, жаждущий чего-л.’ (ср.: СЛРЯ XVIII в. Вып. 1. С. 53). Тантал (Tavγαχο<;) – фригийский царь, наказанный за свои многочисленные преступления вечными муками, из которых Боратынский называет одну: стоя по горло в воде, жаждущий Тантал лишен возможности напиться, так как вода всегда отступает от его губ. Эту же муку

406 (и только ее) упоминает Тибулл, описывая Тартар в III элегии I книги (ст. 77–78). Ср. это место в переводе К. Н. Батюшкова, ставшем, по-видимому, непосредственным источником комментируемых строк Боратынского: <...> Там в жажде пламенной Тантал бесчеловечной // Над холодной рекой сгарает и дрожит... [«Элегия из Тибулла. Вольный перевод», опубликован в 1815 г.; ст. 108–109 (Батюшков. Изд. 1977. С. 209)].

Прометея и Тантала несколько раз упоминает вместе Гораций (Carmina, кн. II, ода 13, ст. 37–38; кн. II, ода 35–38; эпод XVII, ст. 65–67). У других античных авторов параллели между этими персонажами не проводятся.

И. А. Пильщиков

37

37.1. Елизийския поля («Бежит неверное здоровье...»)

37.2. Елисейския поля («Бежит неверное здоровье...»)

Заглавие в Изд. 1827: «Элизийския поля».

Время создания элегии (около 1821 г.) указано Боратынским в письме к И. И. Козлову (апрель 1825): «Элисейские поля <sic!> писаны назад тому года четыре: это французская шалость, годная только для Альманаха» (цитируется по оригиналу письма из собрания К. В. Пигарева, хранящегося у А. К. Бегониной; ср.: Изд. 1951. С. 481). Не исключено, что стихотворение дорабатывалось в конце 1824 или в начале 1825 г. для публикации в «Полярной Звезде».

Елизийския (Элизийския, Елисейския, Элисейския) поля (лат. Elysii campi, калька греч. Ἑλίουσιος Ἰσθίου ‘Элизийские поля’), иначе Элизей, Элизий, Элизиум – часть подземного царства, где пребывают тени блаженных (греческая и римская мифология).

О литературном контексте элегии Боратынского см.: Пильщиков 1994б; Pilshchikov 1994а. О характеристике, которую поэт дал собственному стихотворению (французская шалость), см. ниже, комментарий к № 37.1, ст. 18.

37.1, ст. 1. Бежит неверное здоровье <...> Начальная строка «Элизийских полей» повторяет первую строку знаменитой элегии Э. Парни «Le Revenant» («Выходец с того света»; «Poesies erotiques», 1777–1781; кн. I, элегия 9): Ma sanie fuit: cette infidele // Ne promet pas de revenir <...> = Мое здоровье бежит; эта неверная II не обещает вернуться (Рашу. Ed. 1862. P. 23; отмечено: ФЭ. С. 612). Стихотворение Парни было переведено на русский язык К. Н. Батюшковым («Привидение», 1810), однако зачин батюшковского подражания передает французский оригинал слишком вольно: Посмотрите! в двадцать лет // Бледность щеки

407

покрывает <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 217; подробнее см.: Пильщиков 1994б. С. 86; Pilshchikov 1994. P. 63). О других реминисценциях из «Le Revenant» и в комментируемом стихотворении см. ниже, комментарий к № 37.1, ст. 31–33.

37.1, ст. 5. Киприда. См. комментарий к № 22.2, ст. 7–8.

37.1, ст. 6. Пробьют урочные часы. А. С. Пушкин вспомнил эту строку, описывая смерть Ленского («Евгений Онегин», 6, XXX, 12–14; см.: Пильщиков 1994б. С. 104 примеч. 37; Pilshchikov 1994. P. 84 п. 15). О мотиве боя часов см. комментарий к № 73.1, ст. 17–18.

37.1, ст. 7–8. <...> И низойдет к брегам Аида // Певец веселья и красоты. Аид, Айдес (№ 37.1 и 37.2, ст. 50) (эпич. ион. Ἰσθίου<;, атт. сЧаи8г<;) – подземное царство, в котором пребывают души умерших (греческая и римская мифология). В Аиде протекают пять рек: Коцит, Стикс, Ахерон(т), (Пири)флегетон и Лета (в «Энеиде» Вергилия упоминаются также Стигийские болота). Низойдет – см. комментарий к № 79, ст. 51–52.

37.1, ст. 9 и далее. Простите, ветренные друзья <...> Предсмертное прощание с друзьями – устойчивый мотив во французской и русской лирике XVIII – первой четверти XIX вв. (примеры см.: Пильщиков 1994б. С. 92; Pilshchikov 1994. P. 70–71). Однако «друзья» в «Елизийских полях» – это не условные элегические персонажи, а реальные адресаты стихотворения Боратынского: А. А. Дельвиг, А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер (члены лицейского кружка молодых поэтов, с которыми Боратынский сблизился в 1819 г. – см. комментарии к №10и17). Начиная с 9-го стиха стилистика «унылой» элегии неожиданно сменяется стилистикой дружеского послания. Читатели начала XIX в. ощущали эту двойственность; так, Н. М. Коншин определял жанр «Елизийских полей» как «элегическое послание» (Коншин. Изд. 1958. С. 389).

37.1, ст. 10. <...> Делил я шумные досуги <...> Автореминисценция из поэмы «Пир» (см. в настоящем издании раздел «Поэмы»): Тот домик помните – ль, друзья, // Где наша верная семья, // Оставя скуку за порогом, // Соединялась в шумный круг // И без чинов с румяным богом // Делила радостный досуг? (ст. 108–из редакции 1820 г.; эти строки обращены к Пушкину и Дельвигу).

37.1, ст. 12. <...> Разгульной юности моей! Автореминисценция из элегии «Прощанье» (1819): Простите, милые досуги // Разгульной юности моей <...> (№ 1, № 1–2).

37.1, ст. 13. Я не боюсь новоселья. См. комментарий к № 19, ст. 6–7.

37.1, ст. 18. На шаловливой лире. Слова шалости, шалуны и подобные – неотъемлемый элемент описаний светского и кружкового времяпровождения у молодого Боратынского (см. № 19, ст. 3; № 27.2, ст. 17; № 29.2, ст. 3; № 30.2, ст. 13; №38, ст. 1; etc. – ср.: Shaw 1975. P. 416) и у его друзей-поэтов. Ср. в сходном контексте у Пушкина в послании «Кривцову» (1817, ст. 1–20):

408

<...> У пафосския царицы Свежий выпросим венок,

Лишний миг у верной лени,

Круговой нальем сосуд –

И толпою наши тени к тихой лете убегут.

Смертный миг наш будет светел;

И подруги шалунов Соберут их легкой пепел В урны праздные пиров.

(Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 50; параллель отмечена: Фришман 1966. С. 27–28).

Эпитет шаловливая (лира) напрямую соотносится с авторским жанровым

«определением» «Елизийских полей» (французская шалость). В сатирическом послании Н. И. Гнедичу Боратынский поясняет, что шалости – это «стихотворная безделка», не имеющие «возвышенной цели» (69.1, ст. 2, 5): высокая, серьезная поэзия противопоставляется легкой, несерьезной [ср. заглавия сборников Н. М. Карамзина («Мои безделки», 1794), И. И. Дмитриева («И мои безделки», 1795) и др.].

Шалостями называли свою литературную продукцию арзамасцы. Один из разделов «Выдержек из Остафьевского Архива», печатавшихся П. А. Вяземским в 1860-х годах в «Русском Архиве», называется «Литературная арзамасская шалость». Публикации был предпослан эпиграф из речи Д. Н. Блудова на юбилее Вяземского (1861):

«Вспомним, не без улыбки, и об наших – сказать-ли? литературных шалостях, потому между прочим, что в них не редко бывало много живости и ума» (Русский Архив. 1866. № 3. Стб. 473). Ср. также пушкинскую характеристику послания Батюшкова «К Жуковскому»: «<...> достойно блестящих и небрежных шалостей фр.<анцузского> остроумия» (Пушкин. Ак. Т. 12. С. 276).

37.1, ст. 20. <...> Покойной Дафне и Темире <...> В других стихах Боратынского мы не находим имени Темиры, а имя Дафна встречается только в произведениях, написанных позже, чем «Елизийские поля» (см. № 89.2, ст. 27 и № 45.1, ст. 35).

Эти условные имена взяты из поэтического лексикона Дельвига (см.: Пильщиков 1994б. С. 94–95; Pilshchikov 1994. P. 74–75). Ср. у Дельвига в «Утешении бедного поэта» (опубликовано в 1819 г.; ст. 45–48): кто был Лидий? Где Темира // С Дафною цвела? // Из чего и даже лира // Сделана была? [Дельвиг. Изд. 1986. С. 386; это стихотворение вписано рукою Боратынского в семейный альбом Боратынских «Tendresse» (Материалы 1916. С. 12)]; у него же в «горацианской оде» «Фани» (1814–1817, ст. 5–8): Темира, Дафна и Лилета // давно, как сон, забыты мной, // И их для памяти поэта // Хранит лишь стих удачный мой (Дельвиг. Изд. 1986. С. 123). Не опубликованная при жизни автора, «ода» была хорошо известна лицейским и послелицейским друзьям Дельвига; А. С. Пушкин

409

кин цитировал ее в «отрывке из Евгения Онегина», озаглавленном «Женщины» и опубликованном в «Московском Вестнике» в 1827 г.: Словами вещего поэта // Сказать и мне позволено: // Темира, Дафна и Лилета – // Как сон, забыты мной давно (Пушкин. Ак. Т. 6. С. 647, ср. 592; отмечено: Дельвиг [А. А.] неизданные стихотворения / Под ред. М. Л. Гофмана. Пб., 1922. С. 124). Ср. у Боратынского в

«Оправдании»: <...> То Делию, то Дафну, толилету <...> (№ 89.2, ст. 27; № 89.1, ст. 17). Об имени Лилета см. комментарий к № 18.1, ст. 29–32.

37.1, ст. 22–24. В первоначальном тексте это место читалось иначе (см. ниже, комментарии к № 37.2, ст. 22–24).

37.1, ст. 22. О Дельви́г! слезы мне не нужны <...> Об отношениях Боратынского с Антоном Антоновичем Дельви́гом см. комментарии к № 10.

37.1, ст. 23. В закоцитной стороне. Это же прилагательное употребил Дельви́г в стихотворении «Н. И. Гнедичу» (1823, ст. 1–2): Муза вчера мне, певец, принесла закоцитную новость: // В темный недавно Айдес тень славянина пришла <...> (Дельви́г. Изд. 1986. С. 29; отмечено: Алексеев М. П. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. С. 51). Закоцитный – ‘находящийся за Коцитом’ (см. комментарий к № 37.1, ст. 7–8).

37.1, ст. 24. <...> Прием радушный будет мне <...> В лицейском стихотворении Дельви́га «Элизиум поэтов» покойные стихотворцы обвиняют сверего молодого собрата, проводившего время на дружеских пирах (ст. 36), в том, что он ступил <...> за Кипрою (ст. 23–24) и Бахуса манил к себе рукой (ст. 32), после чего выносят ему суровый приговор (ст. 41–42): и твой удел у Пин да пресмыкаться, // Не будешь ты к нам Фебом приобщен! (Дельви́г. Изд. 1986. С. 119–120). Боратынский уверяет, что поклонника Вахха и Киприды (ср. № 37.1 и 37.2, ст. 5 и 39), напротив, ожидает на том свете куда более радушный прием. Ср. у Боратынского в заключительном двустии послания «Богдановичу»: Тогда безпечных муз безпечного питомца // Прими, философ мой, как старога знакомца (№ 83.2, ст. 97–98; ср. № 83.1, ст. 101–102).

37.1, ст. 25. Музы. См. комментарий к № 10.1, ст. 3.

37.1, ст. 27. <...> Где благоденствуют поэты <...> В ранней редакции: У тихих вод спокойной Леты <...> Ср. в начальном двустии послания «Богдановичу»: В садах Элизия, у вод счастливой Леты, // Где благоденствуют отжившие поэты <...> (№ 83.2 и 83.1, ст. 1–2). В изд. 1827 Боратынский последовательно сближает «Елизийския поля» с посланием «Богдановичу» (об этом см.: Пильщиков 1994б. С. 98–99; Pílshchikov 1994. P. 79–80).

37.1, ст. 28–30. <...> Прочту Кату́ллу и Парни // Мои небрежные куплеты, 11 и улыбнутся мне они. Гай Валерий Кату́лл (И в. до н. э.) в полном соответствии с упрощенным образом этого римского поэта, который сложился к середине XVIII столетия, присутствует здесь как автор легких любовных стихотворений (ср.: Кибальник С. А. Кату́лл в русской поэзии XVIII – первой трети XIX в. // 410 Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л., 1983. С. 45–72). Сходную роль играет в стихотворении имя Эвариста Парни. Упоминание французского поэта, кроме того, непосредственно предшествует второй цитате из «Le Revenant» (см. комментарии к № 37.1, ст. 1 и ст. 31–35). О Боратынском и Парни см. комментарии к № 106.

37.1, ст. 31–35. Когда из таинственной сени, // От темных Орко-вых полей, // Здесь навещат своих друзей // Порою могут наши тени, // Я навещу, о други, вас <...> Ритмико-лексико-синтаксическая цитата из «Le Revenant» Парни, ст. II–13 (ср. комментарий к № 37.1, ст. 1): Sidu sein de la nuit profonde // On peut revenir en ce monde, // Je reviendrai, n en doutez pas = Если от лона глубокой ночи // Можно возвращаться в этот мир, // Я вернусь, не сомневайтесь в этом (Parny. Ed. 1862. P. 23). Ср.: /e reviendrai, / nep doutez pas – я навещу, / о други, вас (еще одна графическая переключка: сень – sein). Эту же конструкцию воспроизвел Пушкин в неоконченной «Тавриде», где обыгрываются темы Элизия и выходца с того света (см.: Пильщиков 1994б. С. 87; Pílshchikov 1994а. P. 65). Когда (ст. 31) – ‘если’ (условное значение).

Из таинственной сени (31) : тени (34) – рифменное клише, часто использовавшееся при описании «явления с того света». Ср.: <...> И тихий дух твой прилетит // Из таинственной сени, II и трепет сердца возвестит // Ей близость дружней тени [В. А. Жуковский, «Певец во стане Русских воинов», 1812, ст. 365–368 (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 235)]; Пускай веселы тени // Любимых мне певцов, // Оставляя тайны сени // Стигийских берегов <...> [Батюшков, «Мои Пенаты», 1811–1812, ст. 165–168 (Батюшков. Изд. 1977. С. 265)]; <...> Жильцы духовной сени – // Невозвратимых тени [Жуковский, «К Батюшкову», 1812, ст. 421–422 (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 197)]; <...> из тайной сени // Приходят дружеския тени <...> [Он же, «Послание к Воейкову», редакция 1814 г., ст. 91–92 (Вестник Европы. 1814. Ч. 74. № 6)]; и др. Ср. также у Пушкина («Овидию», 1821, ст. 93–94): <...> Брегов забвения оставя хладну сен, // К нему слетит моя признательная тень (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 220). И Пушкин в послании «Овидию» (а до этого – в послании «Городок», и Боратынский в «Елизийских полях») переворачивают традиционную ситуацию, описанную в «Моих пенатах» Батюшкова и их

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *variante* прототипе – «Обители» Ж.-Б.-Л. Грессе («La Chartreuse», 1735): вместо того, чтобы рассказывать о посещении поэта мертвецами-классиками, они рисуют себя умершими певцами, чья тень потом навещает потомков или друзей. Об акцентологическом дублете таинственный – таинственный см.: Булаховский 1954. С. 202.

Если «Елизийские поля» действительно были написаны в 1821 г., то стихотворение может получить дополнительную биографическую интерпретацию: «возвращение с того света» – это возвращение из Финляндии. По крайней мере, в письме к С. С. Уварову от 12 марта 1821 г. Баратынский сравнивал свое будущее возвращение на родину с «воскресением мертвого» (Хетсо 1973. С. 582; см. об этом: Пиль

411

щиков 1994а. С. 44 примеч. 85; Пильщиков 1994б. С. 102–103 примеч. 16; Pîlshchikov 1994а. Р. 83 п. 11).

37.1, ст. 32. <...> От темных Орковых полей <...> В сходном контексте это выражение было использовано Батюшковым в элегии «Выздоровление» (опубликована в 1817 г.; ст. 14–15): <...> из области печали, // От Орковых полей, от Леты берегов <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 214). Однако у Батюшкова речь идет не об Элизийских полях, а о другой части Орка – о «полях скорби», или «полях слез» (*lugentes campi* – Вергилий, «Энеида», песнь VI, ст. 441). Орк (лат. *Orcus*) – царство мертвых в римской мифологии, соответствующее греческому Аиду (ср. выше, комментарий к № 37.1, ст. 7–8). По представлениям древних Элизий является частью Аида-Орка.

37.1, ст. 36. Сыны забавы и веселья. Ср. аналогичные кружковые «самоопределения» в других произведениях Баратынского начала 1820-х годов: <...> сынам веселья <...> (поэма «Пир», ст. 130 редакции 1820 г.); Друзья веселья и забав, // Мы не повесы записные (послание «Булгарину»; № 46.2, ст. 3–4; см. об этом: Пильщиков 1994б. С. 93; Pîlshchikov 1994а. Р. 72). О «семантической нивелиро-ванности опорных слов в составе данной фразеологической модели» (ср.: сыны, друзья и проч.) см.: ПФП. С. 27.

37.1, ст. 39. <...> Вакха славит. См. комментарий к № 19, ст. 17.

37.1, ст. 40. <...> А к вам молитва об одном <...> («Полярная звезда», Изд. 1835); <...> А к вам прошение об одном <...> (Изд. 1827). Ср. полисемию франц. *prière* ‘просьба, мольба; молитва’.

37.1, ст. 48. Закон губительный Зевеса. Ср. у Батюшкова в подражании «Le Revenant» Парни («Привидение», ст. 5–8): Что же медлит! Ведь Зевеса // Плач и стон не укротит. // Смерти мрачной занавеса // Упадёт – и я забыт! (Батюшков. Изд. 1977. С. 217). Зевес, Зевс (*Zeus*) – в греческой мифологии верховный олимпийский бог, чьей власти подчиняются небожители и смертные.

37.1, ст. 50–51. Мы встретим вас у врат Айдеса // Знакомой дружеской толпой. Ср. в «Пирах» Баратынского: <...> Сберементес дружеской толпой // Под мирный кров домашней сени (редакция 1820 г., ст. 205–206). В «Елизийских полях» домашняя сен превращается в таинственную сень Айдеса. С другой стороны, встречу в загробном мире можно рассматривать как инверсию традиционной ситуации, описанной, например, у Батюшкова в финале «Моих Пенатов» (друзья провожают поэта в мир иной; ст. 297–298, 305–307): Товарищи любезны! // Не сетуйте о нас <...> Но вы толпами // При месячных лучах // Сберитесь <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 269). Ср. у Пушкина в «Моем завещании. Друзьям» (1815, ст. 67–71): На тихий праздник погребенья <...> Стекитесь резвою толпою (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 128). Этот мотив восходит ко французской *poesie fugitive*; ср., например, финал стихотворения Н.-Ж. Леонара «La Solitude» (сб. «*Idylles et poemes champêtres*», 1775; ст. 166, 170–171, 174): *O mes amis <...> Ne vous etonne point si ton vous dit un jour // Que je viens de descendre au tenebreux empire <...> Si vous foulez*

412

*ta tombe <...> = O друзья мои <...> Не удивляйтесь, если вам однажды скажут, // Что я низошел в сумрачное царство <...> Если вы окружите толпой мою могилу <...>* (Leonard. *fd.* 1910. Р. 75); и др. (подробнее см.: Пильщиков 1994б. С. 94, 106–107 примеч. 55; Pîlshchikov 1994а. Р. 73–74).

Айдес. См. выше, комментарий к № 37.1, ст. 7–8.

37.2, ст. 22–24. Од... слёзы мне не нужны; // Любим я жребием – и весь // Я не умру ни там, ни здесь. Д... – Дельвиг. Весь // Я не умру – цитата из «Памятника» Горация: *Non omnis moriar* (*Carmina*, кн. III, ода, ст. 6). В этом контексте фраза слёзы мне не нужны (ст. 22) прочитывается как прямая отсылка к Горациевому «Лебедю»: *Absint inani funere neniae // Luctusque turpes et querimoniae; // Compesce clamorem ac sepulcri // Mitte supervacuos honores =* Пуст не будет на моих мнимых похоронах ни погребальных песен, // Ни позорных стенаний, ни сетований; // Сдерживай свой вопль и гробнице // Не воздавай ненужных почестей (*Carmina*, кн. II, ода 20, ст. 21–24). Ср. у Батюшкова в финале «Моих

Бранение сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский «Варг Пенатов» (ст. 297–300): <...> Товарищи любезны! II Не сетуйте о нас. // К чему рыданья слезны, // Наемных ликов глас? (Батюшков. Изд. 1977. С. 269). Совмещение двух классических цитат не противоречит традиции: до Баратынского параллелизм «Лебедя» и «Памятника», заключительных од II и III книг, использовал Г. Р. Державин в оде «Лебедь», опубликованной в 1808 г. (см. комментарий Г. А. Гуковского: Державин. Изд. 1933. С. 510). В «Елизийских полях» отсылки к Горациевым одам замещают имя римского поэта, которое (так и не появившись в тексте) в свою очередь заменяет собой имя Дельвига, чей образ ассоциируется у Баратынского с образом Горация (см. комментарий к № 10.1, ст. 1).

И. А. Пильщиков

38

«Так! отставного шалуна...»

Заглавие в Изд. 1827: «Товарищам».

Установить точное время создания стихотворения невозможно. М. Л. Гофман связывал это послание с женитьбой поэта в июне 1826 г. и полагал, что оно адресовано товарищам по холостой жизни – Л. С. Пушкину, С. А. Соболевскому и др. (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 269). В дальнейшем датировка была передвинута назад на том основании, что стихотворение «Так! отставного шалуна...» «по теме и настроению, а также стилистически очень близко к стихотворениям Баратынского начала 20-х годов» (Изд. 1957. С. 341). Статус «хореического» варианта неясен. Безусловно, неправ В. Я. Брюсов, полагавший, что стихотворение «Товарищам» «было первоначально набросано хореем», и лишь затем переложено в ямбы (Брюсов 1900а. 413

С. 546). За неимением каких-либо иных свидетельств кроме копий Настасьи Львовны Баратынской, остается согласиться с М. Л. Гофманом, что в какой-то момент (когда – неизвестно) Баратынский начал переделывать стихотворение, но не окончил правку, и в копиях «сохранилась эта попытка изменить размер» (Изд. 1914–1915. Т. I. С. 268).

38, ст. 1–2. Так! отставного шалуна // Вы вновь шалит не убеждайте. См. комментарий к № 37.1, ст. 18.

38, ст. 5–6. Переменяют годы нас // И с нами вместе наши нравы. См. комментарий к № 46.1, ст. 36–38.

38, ст. 9–12. Ужь вакх, увенчанный плющом, // Со мной по улицам не бродит, // И к вашим нимфам, вечерком // Меня шатаюсь не заводит. Ср. в лицейском стихотворении А. А. Дельвига «Элизиум поэтов» (ст. 33–34): И Бассарей с кистями винограда // К тебе пришел, шатаюсь на ногах (Дельвиг. Изд. 1986. С. 119). Вакх, Бассарей – имена Диониса, бога виноделия и вина (см. комментарий к № 19, ст. 17). Плющ и виноградные гроздья – атрибуты Вакха – Диониса. Нимфы – см. комментарий к № 10.2, ст. 30; здесь в переносном значении (о распутных женщинах). Ср., например, в стихотворении Батюшкова «Счастливец» (1810, ст. 37–38): Счастья шаткого любимец // С нимфами забвенья пьет (Батюшков. Изд. 1977. С. 300).

И. П.

39

Большой («Други! радость изменила...»)

39, ст. 9–10. <...> ваш друг печальный // Вянет в жизни молодой. См. комментарии к № И, ст. 4; 41.1, ст. 12.

39, ст. 15. Лила. См. комментарий к № 18.1, ст. 29–32.

39, ст. 17. Новоселье. См. комментарий к № 19, ст. 6–7.

40

40.1. Песня («Страшно воеет, завывает...»)

40.2. Русская песня («Страшно воеет, завывает...»)

В 1820-х – 1830-х годах эта песня пользовалась популярностью и неоднократно перепечатывалась в песенниках и собраниях стихотворений (см. текстологические примечания). Стилистический анализ «Песни» см.: Кальницкая А. М. Жанр «русской песни» в поэзии Е. А. Баратынского // Венок. С. 51–52.

414

40, ст. 27–28. Дай приют, земля сырая, // Разступися! Распространенный фольклорный мотив, перекочевавший в жанр литературной песни. Ср. это же выражение в стихотворении Н. И. Гнедича «Сетование Фетиды на гробе Ахилла» (1815, ст. 61), в котором использованы мотивы русских и украинских заплячек:

<...> Сырая земля, расступись <...> (Гнедич. Изд. 1956. С. 104; см.: Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964. С. 227). Ср. в позднейшей песне С. Н. Строилова «То не ветер ветку клонит...» (1840-е годы; ст. 13–16): Расступись, земля сырая, // Дай мне, молодцу, покой, // Приюти меня, родная, // В тесной келье гробовой (Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965. С. 571).

И. П.

41

41.1. «Один, и пасмурный душою...»

41.2. Бдение («Один с любимой мечтою...»)

41.3. Тоска («Один за чашей пуншевою...»)

Размер стихотворения – разностопный ямб с формулой 4–3–4–3 и рифмовкой АБАБ. Строфами такого размера написаны несколько очень известных стихотворений 1810-х годов (см.: Томашевский 1958. С. 71) – это элегия К. Н. Батюшкова «Пленный» («В местах, где Рона протекает...», 1814), состоящая из 8-стиший 4–3-стопного ямба с рифмовкой АБАБСДСД, а также стихотворение В. А. Жуковского «Мотылек» (1814), прогремевшая в свое время баллада П. А. Катенина «Убийца» (1815) и романс А. С. Пушкина «Слеза» (1815), в которых использована та же строфа, что в элегии Боратынского. Зачин стихотворения Боратынского представляет прямое подражание пушкинскому романсу, который задолго до публикации (1825) широко распространялся в списках (см.: Пушкин. Изд. 1999. С. 657–658).

41.1, ст. 1–2. Один, и пасмурный душою, // Я пред окном сидел <...> В ранней редакции: Один за чашей пуншевою // В светлице я сидел <...> (№ 41.3, ст. 1–2). Ср. начальное четверостишие романса «Слеза»:

Вчера за чашей пуншевою С гусаром я сидел,  
И молча с мрачною душою На дальний путь глядел.

(Пушкин. Ак. Т. 1. С. 149)

У Боратынского: <...> Оперся на руку главою, // В окно, не зря, глядел (№ 41.3, ст. 27–28). Ср. в «Убийце» Катенина (ст. 55–56): Глаз напролет всю

415

ночь не сводит, // И всё в окно глядит (Катенин. Изд. 1954. С. 83; указано М. В. Акимовой).

41.1, ст. 9–10. Увижу~л вас, поля родныя, // Увижу-л вас, друзья? См. комментарий к № 12.1, ст. 19; № 13, ст. 178; № 15.2, ст. 9.

41.1, ст. 9, и. Поля родныя (жен. р.) : дни младые (муж. р.). Редкая у Боратынского графически неточная рифма (см. комментарий к № 34, ст. 27–28).

41.1, ст. 12. <...> Приметно вяну я! Ср. у Батюшкова («К Г<неди>чу», редакция «Опытов в Стихах и Прозе» 1817 г., ст. 3): <...> Он приметно увядает <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 236); у Пушкина («Увы! за чем она блистает...», 1820, опубликовано в 1823 г.; ст. 3–4): Она приметно увядает // Во цвете юности живой... (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 143); у самого Боратынского («Булгарину»): Душа приметно отцветала (№ 46.2, ст. 23). См. также комментарий к № И, ст. 4.

41.1, ст. 15–16. Давно-л покинул вас – и что-же? // Двоих уж в мире нет! Ср. ту же интонацию в «Мотыльке» Жуковского (ст. 19–20): <...> И мотылек... он все с крылами. // Но красоты уж нет! (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 335).

После ст. 16 в редакции «Рецензента» следовал еще один катрен: Опустошенный смертью злобной, // Печален дом отцов и т. д. (см. № 41.3, ст. 17–20). Одним из упомянутых здесь «двоих» (Двоих уж в мире нет!) 'был родной дядя поэта Богдан Андреевич Боратынский (f 23 апреля 1820 г.). Кроме него речь может идти, во-первых, об Иване Давыдовиче Панчулидзе, муже любимой тетушки Боратынского М. А. Панчулидзевой, умершем, предположительно, в 1820 г. (см.: Летопись. С. 418); во-вторых, о дочери И. Д. и М. А. Панчулидзевых Екатерине, умершей в 1820 г. (см.: Там же); в-третьих, о воспитателе-итальянце Джа-чинто Боргезе, к которому обращены слова Прилежный Яков мой! из «Сельской Элегии» 1820 г. (см. комментарии к № 34, ст. 38; косвенным свидетельством его смерти в первой половине 1821 г. является тот факт, что в семейных документах 1820–1830-х годов его имя не упоминается).

41.1, ст. 17–20. и мне назначена могила! // умру в чужой стране, // умру и ветренная лила // Не вспомнит обо мне! Умерший поэт, забытый своей возлюбленной, – ситуация, которая «с несомненностью указывает на „Падение листьев“ Мильвуа как на прототип этой элегии» (Гаспаров 1989. С. 43). О «падении листьев» см. комментарий к № 73. В чужой стране – см. комментарий к № 12.3, ст. 1. Лила – см. комментарий к № 18.1, ст. 29–32.

41.1, ст. 24. Оборот в окно не зря глядел высмеяли Д. Врс-в (Б. М. Федоров) в стихотворении «Союз поэтов» (Благонамеренный. 1822. Ч. XIX. № XXXIX. С. 514) и Житель Васильевского Острова (Н. А. Цертелев) в статье-памфлете «Новая школа словесности: (Отрывок из моего Журнала)», где стих из элегии Боратынского приведен как пример «некоей, так сказать, противуесте-

416

ственности изображений, приятно <sic!> изумляющих читателя» (Благонамеренный. 1823. Ч. XXI. № VI. С. 437). Между тем за десять лет до Боратынского деепричастие от глагола зреть употребил В. А. Жуковский в балладе «Двенадцать спящих дев» («Громобой», 1810, ст. 776): глаза, не зря, смотрели (Жуковский. Изд. 1959–1960. Т. 2. С. 106). До начала 1820-х годов этот «невольный каламбур» не обращал на себя внимания (Томашевский 1959. С. 89; ср.: Изд. 1936. Т. II. С. 231; Вацууро 1988. С. 157). Выпады Федорова и Цертелева имел в виду Пушкин, вспомнивший «об

Боратынский Евгений Александрович. Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в известном шуточках покойного Благонамеренного» в своей заметке 1828 г. о «Бале» Боратынского (Пушкин. Ак. Т. И. С. 74).

41.2, ст. 27–28. И звучной песнью громкой петел // Мне утро возвещал. Словосочетание громкой петел, также вызвавшее неудовольствие Цертелева (см.: Благонамеренный. 1823. Ч. XXI. № VI. С. 437), заимствовано из той же самой строфы «Громобоя» (ст. 769–770): уж вестник утра в высоте; // И слышен громкий петел (Жуковский. Изд. 1959–1960. Т. 2. С. 106). В изд. 1827 Боратынский это место изменил: И громкой песнью ранний петел // Мне утро возвещал (№ 41.1, ст. 27–28).

41.3, ст. 20. <...> Веселый шум пиров. Автореминисценция из элегии «Уныние» («Разсеивает грусть веселый шум пиров...», № 29.2).

И. А. Пильщиков

42

42.1. В Альбом («Вы слишком многими любимы...»)

42.2. В Альбом («Вы слишком многими любимы...»). Ранняя редакция

42.3. «Вы слишком многими любимы...»

По предположению Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой (Изд. 1936. Т. II. С. 239), принятому всеми последующими комментаторами и биографами Боратынского, первоначально стихотворение «Вы слишком многими любимы...» было обращено к С. Д. Пономаревой. Если это так, то его следует датировать временем первого знакомства Боратынского с Пономаревой, состоявшегося в Петербурге в 20-х числах февраля 1821 г. (см.: Летопись. С. 103; с такой датировкой согласуется и факт публикации стихотворения в «Соревнователе Просвещения и Благотворения» 7 марта 1821 г.). Принято считать, что стихотворение «Вы слишком многими любимы...» позднее было переадресовано А. В. Лутковской (Изд. 1982. С. 658; Изд. 1989. С. 397; и др.); аналогичные «двойчатки» см.: №№ 3 и 57. Это предположение может быть

27. Боратынский Том 1

417

оспорено, поскольку выяснилось, что текст не был вписан в альбом Лутковской самим поэтом. О времени, когда была сделана запись, судить трудно: это могло произойти в 1823 или даже 1824 г. (ср.: Изд. 1914–1913. Т. I. С. 224; ип. С. 359), и

тогда альбомную редакцию следует считать промежуточной по отношению к текстам «Соревнователя» и Изд. 1827. Не исключено, однако, что запись относится к более раннему времени и предшествует как публикации в «Соревнователе», так и знакомству Боратынского с Пономаревой (см. текстологические примечания к № 42.3; ср.: Летопись. С. 124). Об А. В. Лутковской см. комментарии к № 32.

И. П.

Софья Дмитриевна Пономарева, урожденная Позняк (1794–1824) – хозяйка домашнего литературного салона, адресат цикла любовных стихотворений Боратынского (см. в настоящем издании №№ 42–43, 56–65). Дочь Д. П. Позняка, сенатского обер-секретаря; в 1814 г. из-за стесненного материального положения семьи была выдана замуж за А. И. Пономарева, капитана в отставке, канцелярского чиновника средней руки, получившего большое состояние от отца, богатого откупщика. С. Д. Пономарева была хорошо образована: «бойко говорила она на четырех европейских языках <французском, английском, немецком, итальянском> и владела превосходно русским, что тогда было редкостью; легкая иностранная литература и наша домашняя были ей вполне знакомы» (Свербеев. Изд. 1899. Т. 1. С. 225). Она обладала острым, насмешливым умом и привлекательной внешностью. «Всякий, кто только знал ее, был к ней неравнодушен более или менее. В ней, с добротой сердца и веселым характером, соединялась бездна самого милаго, природного кокетства, перемешанного с каким-то ей только свойственным детским проказничеством. Она не любила женского общества, даже не умела в нем держать себя, и предпочитала мужское, особенно общество молодых блестящих людей и литераторов» (Панаев 1867. С. 265).

В доме Пономаревых бывали Н. И. Гнедич, Н. И. Бахтин, Д. Н. Свербеев, связанные с отцом и мужем С. Д. Пономаревой родственными либо служебными отношениями. В 1820 г. вокруг нее составилось литературное общество – «Сословие друзей просвещения», объединившее сочинителей круга «Благонамеренного»:

А. Е. Измайлова, В. И. Панаева, Н. Ф. Остолопова, О. М. Сомова, братьев Д. М. и

А. М. Княжевичей, П. Л. Яковлева (племянника Измайлова и брата лицеиста М. Л. Яковлева). Инициалы литературного общества совпадали с инициалами самой Пономаревой: С. Д. П.

Частому появлению в гостиной Пономаревой Боратынского, А. А. Дельвига и

В. К. Кухельбекера, видимо, способствовал П. Л. Яковлев, вернувшийся в Петербург из Бухары в мае 1821 г., а инициатором сближения с «союзом поэтов», вероятно, была сама Пономарева. И Боратынскому, и Дельвигу было суждено пережить

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
сильное увлечение С. Д. П., развивавшееся по законам любовно-литературной игры,  
418

умело режиссируемой «своенравной Софией». Об отношениях Боратынского с  
С. Д. Пономаревой см.: Вацуро. СДП. С. 177–202; ип. С. 171–174, 187–199;  
а также вступительную статью к настоящему изданию.

42.1, ст. 8. Адресь-календарь – издаваемая ежегодно роспись должностных лиц,  
«показывающая о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при  
начале сего года в каком звании или в какой должности состоит» (Адрес-  
календарь Российский на лето от Рождества Христова 1765. СПб. [Т. л.]).  
О. В. Голубева

43

«Приманкой ласковых речей...»

Заглавие в Изд. 1827: «К . . . о». Заглавие в «Новостях Литературы» (1823): «Хлое».  
Заглавие в альманахе «Урания» (1826): «Климене».

Адресат стихотворения указан в Изд. 1869 (С. 42): «С. Д. П.», то есть Софья  
Дмитриевна Пономарева (см. о ней комментарий к № 42). Исходя из этого,  
стихотворение следует датировать временем первого знакомства Боратынского с  
Пономаревой, состоявшегося в Петербурге в 20-х числах февраля 1821 г. (см.:  
Летопись. С. 103). 7 марта 1821 г. комментируемое стихотворение было  
представлено на заседании вольного общества любителей российской словесности под  
заглавием «К К...о» (ср. сходное заглавие в Изд. 1827).

По предположению В. Э. Вацуро, заглавие «К К...о» расшифровывается: «К Калипсо»  
(см.: Вацуро. СДП. С. 68–69). Калипсо (Косхифсо) – в греческой мифологии  
красавица нимфа, царица острова Огигии, которая в течение семи лет насильно  
держала Одиссея в гроте глубокоом, желая, чтоб сделался ей он супругом  
(«Одиссея», кн. I, ст. 15; пер. В. В. Вересаева); см. V книгу «Одиссеи». Хлоя  
(Χχογj) и Климена (Κχιρjνrj) – условные поэтические имена греческого  
происхождения. Первое из них было ранее использовано Боратынским в переводе из  
Ла- фара (см. № 23.2 и 23.3, ст. 25), второе – в стихотворении 1822 г. «На звук  
цевницы голосистой...» (см. № 66, ст. 21). Характерна двукратная смена условных  
имен героини: С. Д. Пономарева не названа своим настоящим именем ни в одном из  
посвященных ей печатных стихотворений Боратынского (стихотворение «О своенравная  
София!..» в прижизненных публикациях incipit «О своенравная Аглая!..»).

Письмо К. Ф. Рылеева Боратынскому от 6 октября 1823 г. как будто  
свидетельствует, что стихотворение «Приманкой ласковых речей...» («К Хлое»)  
первоначально предназначалось не для «Новостей Литературы», а для «Полярной  
Звезды»

27\*

419

на 1824 г. (см.: Грен 1861. С. 314; Летопись. С. 127–128). Хотя письмо Рылеева  
дошло до нас только в передаче А. Е. Грена, известного своими фальсификациями  
(см. примечания к №№ 72.2 и 80.2), оно может считаться подлинным (см.:  
Филиппович 1917. С. 18; Альтшуллер 1995. С. 29–31). С другой стороны, не  
исключено, что стихотворением «К Хлое» Рылеев по ошибке называет стихотворение  
Боратынского «Аглае» (см. в настоящем издании № 58.1), также посвященное С. Д.  
Пономаревой и действительно напечатанное в «Полярной Звезде» на 1824 г. рядом со  
стихотворением В. Ведеревского «К Хлое» (Альтшуллер 1995. С. 30).

43, ст. 1–4. Приманкой ласковых речей // Вам не лишит меня разсудка! //  
Конечно, многих вы милей, // Но вас любить плохая шутка! Ср. разговор Одиссея с  
Калипсо, уговаривающей его остаться на острове:

«<...> Да и можно ль с богиней Меряться женщине смертной земною своей красотой?»  
Нимфе Калипсо в ответ сказал Одиссей многоумный:

«Не рассердись на меня, богиня-владычица! Знаю Сам хорошо я, насколько жалка по  
сравненью с тобою Ростом и видом своим разумная Пенелопея.

Смертна она – ни смерти, ни старости ты не подвластна.

Все ж и при этом желаю и рвусь я все дни непрерывно Снова вернуться домой и день  
возвращенья увидеть».

(«Одиссея», кн. V, ст. 212–220; пер. В. В. Вересаева)

Сходство сюжетной ситуации стихотворения Боратынского с «Одиссеей» заключается в  
том, что в обоих случаях инициатором любовной связи выступает женщина, в то  
время как герой отказывается от ее любви.

И. А. Пильчиков

44

44.1. «Шуми, шуми с крутой вершины...»

44.2. Водопад («Шуми, шуми с крутой вершины...»)

По воспоминаниям Н. М. Коншина, в элегии «Водопад» отразились впечатления поэта  
от посещения водопада Иматра в июле 1820 г. (Коншин. Изд. 1958. С. 393; Хетсо  
1973. С. 351; Изд. 1982. С. 597–598; Летопись. С. 100). До публикации мемуаров



Брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *Bara*  
Коншина считалось, что в этом стихотворении «речь идет о водопаде Хэг-форс, от  
которого крепость Кюмень, где служил Баратынский, была в двух километрах» (Изд.  
1936. Т. I. С. LVIII; Т. II. С. 227). Ближайшим литературным источ  
420

ником элегии Боратынского стала одноименная ода Г. Р. Державина (1794) – высшее  
достижение державинского оссианизма (Левин. С. 37).

В композиции элегии организующую роль играет повтор первого катрена (Хет-со  
1973. С. 350–351). Первые шестнадцать строк «могли бы быть зачином большого  
стихотворения <...> но продолжения не следует, стихотворение обрывается, и обрыв  
маскируется кольцевым повторением начальной строфы» (Гаспаров 1989. С. 46).

Таков механизм деформации исходного (державинского) материала: одический зачин  
переосмысливается как лирический фрагмент, цельность которого поддерживается  
симметрической композицией. 1-я и 5-я строфы заполнены восклицательными  
предложениями с глаголами в повелительном наклонении; строфы 2-я и 4-я состоят  
из повествовательных предложений с глаголами в изъявительном наклонении (в  
поздней редакции третьи стихи обоих катренов начинаются с союза и); центральная,  
3-я строфа содержит два вопросительных предложения, каждое из которых занимает  
по два стиха (ср.: Воеие 1994. Р. 40–41).

О литературном контексте «Водопада» Боратынского см.: Pilshchikov 1996. Р.  
78–82; Пильщиков 1999. С. 284–287. О звуковой инструментовке стихотворения см.:  
Хетсо 1973. С. 350. Материалы для комментария к элегии см.: Пильщиков 2002.

44.1, ст. 1. Шумы, шуми с крутой вершины <...> Ср. в державинском «Водопаде»  
(ст. 415): Шумы, шуми, о водопад! (Державин. Изд. 1933. С. 176). Вероятно,  
Боратынский помнил ст. 57 из элегии Батюшкова «Пленный» (1814): Шумы, шуми  
волнами, Рона <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 244; совпадения с Державиным и  
Батюшковым отмечены: Хетсо 1973. С. 349). Параллельная линия – отражение этой же  
державинско-батюшковской темы у А. С. Пушкина («Погасло дневное светило...»,  
1820, ст. 3, 15, 39): Шумы, шуми, послушное ветрило! (Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1.  
С. 146–147; об этом см.: Проскурин 1999. С. 62–63, 388 примеч. 15).

44.1, ст. 2. <...> Не умолкай, поток седой! Ср. в оде Державина: Луч чрез поток  
сверкает скоро (ст. 9); Седая пена по брегам <...> (ст. 13; Державин. Изд. 1933.  
С. 163). Все эти элементы («шум» водопада, «седой поток») собрал воедино А. А.  
Дельви́г, который, воспользовавшись державинскими образами в своем лицейском  
стихотворении «К фантазии» (ст. 23–24), стал посредником между Державиным и  
Боратынским: <...> Где в бездну с мрачного навеса // Седой поток шумит (Дельви́г.  
Изд. 1986. С. 112).

44.1, ст. 3–4. Соединяй протяжный вой // С протяжным отзывом долины. Отзыв –  
здесь ‘отголосок, гул, эхо’ (ср.: САР. Ч. IV. Стб. 542, 505). В элегию  
Боратынского мотив отзыва-эха попал через посредство русских имитаций и  
переводов Оссиана – в первую очередь, образцового для своего времени перевода Е.  
И. Кострова, сделанного с французского переложения П. Летурнера (ев  
421

ропеизмом эхо русский переводчик не пользовался): «<...> источники шумят,  
повторяя громкие отзывы конь»; «<...> леса безмолвствуют, и <...> отзывы  
углубляются в долину»; «<...> ветры шумят в отзывах окрестных»; «Источник  
гремит, но я слышу также согласные отзывы»; «<...> скалы сии исполнены отзывов и  
водопадов блестящих»; «<...> да глас арфы возбудит отзывы долин»; ит. д.  
(Оссиан. Пер. Кострова. Ч. I. С. 83, 130, 181, 236; Ч. II. С. 154, 192). О слове  
отзыв см. также комментарий к № 25.2, ст. 34.

44.1, ст. 5–8. Я слышу: свищет Аквилон, // Качает елию скрипучей, // и с  
непогодой ревучей // Твой рев мятежный соглашон. И лексика, и синтаксис здесь  
державинские: Он слышит: сокрушилась ель <...> (Державин, «Водопад», ст. 169);  
<...> Рев ветров, скрип дерев дебелых <...> (ст. 165); Он <волк. – И. П.> воеет  
согласись с тобой <водопадом. – И. П.> (ст. 30; Державин. Изд. 1933. С.  
167, 164). Набор конкретных «оссианических» деталей у Боратынского не уникален:  
те же державинские цитаты встречаются в других произведениях русского оссиа-  
низма [см.: Державин. Изд. 1864–1883. Т. I. С. 470–471 (примеч. Я. К. Грота)].  
Ср. в трагедии В. А. Озерова «Фингал» (1805; действие I, явление 3, ст.  
173–174): Со мною говорят и ветров страшный рев, // И моря грозный шум, и томный  
скрип дерев (Озеров 1807. С. 9); в поэме С. П. Жихарева «Октябрьская ночь, или  
Барды» (1807, ст. 5–6, 13): Я слышу шум вдали глухой: // То эхо по дубрям  
разносит ветров вой <...>; <...> Внимая скрипу древ дебелых <...> (цит. по:  
Жихарев С. П. Октябрьская ночь, или Барды // Дж. Макферсон. Поэмы Оссиана /  
Изд. подгот. Д. Левин. Л., 1983. С. 366); и др. (см. об этом: Пильщиков 1999.  
С. 286–287). В окончательной редакции «Водопада» Боратынского сходство с  
державинской одой усилено по сравнению с первоначальным текстом (см. № 44.2, ст.  
5–8).

Аквилон (лат. Aquilo, род. пад. Aquilonis) – в римской мифологии бог бурного

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *barata* северного ветра: *Insurgat Aquilo, quantus altis montibus // frangit trementes ilices =* Да вздымается Аквилон, который на высоких горах // сокрушает дрожащие дубы (Гораций, эпод X, ст. 6–7). Ср. у позднего Боратынского («Дядьке Итальянцу», 1844): Наш бурнодышущий полночный <то есть ‘северный’>. – И. П.> аквилон (№ 230, ст. 126).

44.1, ст. 16. <...> Речь безглагольную твою. Об этом оксюморе см.: Пильщиков 1992б. С. 12, ср. 8; Алтабаева Е. В. Семантико-стилистические особенности поэтической системы Е. А. Боратынского // Венок. С. 130–131.

44.2, ст. 9–10. С каким то смутным ожиданьем // В их говор вслушиваюсь я <...> Автореминисценция из «Элегии» 1819 г. («Уже ли близок час свиданья!..»): Как грудь волнуется моя // Тоскою смутной ожиданья! (№ 15.2, ст. 3–4). С последним стихотворением «Водопад» обнаруживает неожиданно тесную связь. В Изд. 1827 3-й и 4-й стихи «Элегии» (получившей заглавие «Ропоть»)

422  
были изменены: Скажи: восторгом ожиданья, // Что-ж не трепещет грудь моя? (№ 15.1, ст. 3–4). Соответственно был переделан и 11-й стих «Водопада»: За нем трепещет грудь моя <...> (№ 44.1, ст. И).

44.2, ст. И–14. <...> Куда -то вдаль душа моя // Летит надеждой и желаньем. // Как очарованный стою // Над дымной бездною твоею <...> Автореминисценция из «Финляндии» 1820 г.: Люблю сидеть один над сумрачною бездною, // Молчать – и в дал лететь душой (№ 25.2, ст. 23–24). Над бездною (-ою) – см. комментарий к № 25.2, ст. 23.

44.2, ст. 16. <...> Музыку важную твою. «Колебание ударений музыка и музыка, наблюдающееся в XVIII веке как отражение влияний польского и французского, продолжается до тридцатых годов XIX века» (Булаховский 1954. С. 190).

И. А. Пильщиков

45

45.1. «Чтоб очаровывать сердца...»

45.2. К \*\*\* («Кто жаждет славы, милый мой!..»)

Заглавие в Изд. 1827: «К –ву. Ответь».

По убедительному предположению В. Э. Вацура (см.: Вацура 1972. С. 168), послание представляет собой ответ на стихотворный памфлет Александра Абрамовича Крылова «Вакхические поэты», зачитанный в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств 26 мая 1821 г. (Поэты 1820–1830. Т. 1. С. 243, 725) и опубликованный в «Благонамеренном» (1821. Ч. XIV. № X. С. 140–141):

Невольной страстью увлеченный,

я должен, я хочу писать!

Скажи, любимец Муз почтенный,

Какой мне род стихов избрать,

чтоб славы истинной дожидаться?

я не привык от юных лет в стихах и в свете притворяться:

Мне пить вино охоты нет,

А без вина какой Поэт теперь за лиру может взяться?

Пускай завистники кричат,

что Музы не должны быть пьяны;

У нас теперь в стихах звучат так громко рюмки и стаканы;

что крики злобы заглушат!

в том дарованья нет приметы,

423

Кто недруг чаще круговой;

Все наши модные Поэты в ней потопляют Гений свой;

Забыв уставы Аполлона,

они в вине лишь знают вкус,

и Вакх с вершины Геликона грозит согнать несчастных Муз!

Но я досель на лире скромной вина еще не воспевалъ;

Итак могу ли ждать похвалъ?

я ввек пойду стезею темной,

в дали от счастливых певцовъ;

я никогда не буду с ними Среди мечтательных пиров стучать бокалами пустыми!

Но чтожь!.. к чему напрасный вздохъ?

уже Парнасса грозный бог,

исполненный негодованья на дерзостных жрецов своих,

сказал: «да будут их посланья так сухи, как бокалы их!»

и страшный приговор свершился!

не внемлют Музы их мольбамъ;

пред ними с шумом затворился Безсмертия высокой храм!

Пускай трудятся: их творенья читателей обнимут сном,

и поглотит река забвенья Венец, обрызганный вином!

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *baratynsky* <...> Кто недруг чаше круговой <...> – см. комментарий к № 29.1, ст. 2. Об отношениях А. А. Крылова с «союзом поэтов» см. комментарий к № 19. О стихотворной полемике Крылова и Боратынского см.: Вацуро 1972. С. 163–168.

45.1, ст. 1. Кто жаждет славы, милый мой! // Тот не всегда себя прославит. Ср. у А. А. Крылова: <...> Какой мне род стихов избрать, // Чтоб славы истинной дожждаться? («Вакхические поэты», ст. 4–5); см. его же послание «Н. Н. Уньковскому» (Вацуро 1972. С. 168).

45.1, ст. 5. Парнасс, Парнас (греч. *Παρνασσός\**; позже *Παρνασσός\**; ср. франц. *Parnasse*) – гора в Греции, место поэтического вдохновения. В начале XIX в. было распространено написание этого слова с двумя с (Чернышев 1914. С. 126).

45.1, ст. 10. Старик Анакреон – Анакреонт (*Ἀνακρέων*, VI–V вв. до н. э.), знаменитый древнегреческий лирик, певец любви, вина и пиров. Стихам Анакреонта подражали уже в античности, его имя дало название «анакреонтической» традиции в европейской поэзии XVI–XIX вв. Анакреонт назван «стариком», поскольку до 424 жил до глубокой старости, и, по преданию, не изменил ни своим гедонистическим привычкам, ни основным темам своей поэзии.

45.1, ст. И. Сын верный неги и прохлады. Ср. у А. С. Пушкина в стихотворении «Пирующие студенты» (1814, ст. 21–24): Апостол неги и прохлады, // Мой добрый Галин, vale! 11 Гы эпикуров младший брат, / Душа твоя в бокале (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 59). О перифрастических сочетаниях с опорным словом сын см. комментарий к № 28.1, ст. 1–4; и др.

45.1, ст. 12. Амфоров звон. Амфора (обычно жен. р.) – сосуд с двумя ручками; здесь кувшин для хранения вина (лат. *amphora*, из греч.). Род. пад. амфоров (вместо амфорь) – необычная форма, отмеченная только у Боратынского (Истомин 1895. С. 67–68).

45.1, ст. 14. См. ниже, комментарий к № 45.2, ст. 14.

45.1, ст. 15. Богини песней – Музы (см. комментарий к № 10.1, ст. 3).

45.1, ст. 16. Эллада (греч. *Ἑλλάς\**; род. пад. *Ἑλλάδος*;) – Греция.

45.1, ст. 18. Вершина Пинда – место пребывания Муз (греческая мифология; см. комментарий к № 10.1, ст. 22).

45.1, ст. 21. Аполлон упомянут здесь как покровитель поэтов (греческая мифология).

45.1, ст. 23. Геликон. См. комментарий к № 30Л, ст. 2.

45.1, ст. 26. Фофанов – условное имя с комической окраской, произведенное от слова «фофан <...> протак, простофиля, дурак, глупец» (Даль. Изд. 1903–1909. Стб. 1152–1153).

45.1, ст. 30. Батюшков, Парни. Константин Николаевич Батюшков (1787– 1855) и Эварист Дезире Дефорж де Парни (*Evariste Desire De Forges de Parny*, 1753–1814) упомянуты здесь как главные представители «легкой поэзии» – прежде всего как авторы эротических элегий, которые «повстречали славу в Цитере» (№ 45.1, ст. 33). В восприятии современников поэзия Батюшкова ассоциировалось с поэзией Тибулла и Парни; ср. в послании А. С. Пушкина «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...» 1814, ст. 17): Не слышен наш Парни Российской!... (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 72); и МН. др. В свою очередь, за Парни издавна укрепилось прозвище «французский Тибулл», данное ему Вольтером. Ср. у Пушкина в элегии «Любовь одна – веселье жизни хладной...» (1816, ст. 20): Наследники Тибулла и Парни! (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 214). Имя Тибулла появляется в комментируемом стихотворении ниже, в ст. 35. О Боратынском и Парни см. комментарий к № 106.

45.1, ст. 33. Цитера – остров в Греции, где находился один из храмов богини любви Афродиты (см. комментарий к № 10.1, ст. 5–6). Здесь Цитера символизирует любовь и любовную лирику.

45.1, ст. 34. Хлоя (ХХБУ|) и Дафна (дафVУ)) – условные поэтические имена греческого происхождения (ср. комментарий к № 43 и 37.1, ст. 20; см. также: Гусманов И. Г. Античные имена и образы в лирике Е. А. Боратынского // Венок. С. 157–158).

425

45.1, ст. 35–37. <...> Возми Тибуллову цевницу, // Воспой победы красоты, // Воспой души своей царицу <...> Альбий Тибулл (*Albius Tibullus*, 50–19 до н. э.) – римский поэт эпохи Августа, автор двух книг элегий (до середины XIX в. Тибуллу также приписывались III и IV книги так называемого Тибуллианского корпуса). В 1810-х и в начале 1820-х годов Тибулл в России благодаря переводам Батюшкова был наиболее популярным латинским элегиком. О Боратынском и Тибулле см. комментарий к № 34.

Цевницей в поэзии XVIII–XIX вв. называли, во-первых, свирель, во-вторых, струнный инструмент – как правило, лиру (см. комментарий к № 13, ст. 17). С рустической элегией Тибулла могли ассоциироваться оба инструмента: лира – как символ элегической поэзии, свирель – как символ поэзии буколической (см.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *variante*  
комментарий к № 34, ст. 48).

45.1, ст. 38–41. <...> Когда же любишь стук мечей, / / С высокой музой О мира / / Пускай поет вражды царей / / Твоя воинственная лира. Любовнопасторальная поэзия Тибулла противопоставлена в стихотворении Боратынского высокой и воинственной (то есть эпической и героической) поэзии Гомера. Омир – чтение имени с/0(ЛГ)ро^А Томер' по системе Рейхлина, основанной на византийском произношении. В 1820–е – 1830–е годы этот вариант транскрипции постепенно переходит в разряд поэтизмов, а стилистически нейтральным становится эразмовское чтение Гомер. Муза Омира – Каллиопа, муза эпической поэзии (греческая мифология).

45.1, ст. 42. Равны все музы красотой. Комментаторы Изд. 1936 (т. II. с. 249) сопоставляют эту строку со знаменитым афоризмом Вольтера из предисловия к комедии «*Enfant prodigue*» («Блудный сын», 1737): «<...> tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux» = «Все жанры хороши, кроме скучного» (Voltaire. *Œuvres complètes*. 1876–1891. Т. III. Р. 3).

45.1, ст. 45. Феб – Аполлон (см. комментарий к № 22.2, ст. 33).

45.2, ст. И. Утех любовник постоянной. Ср. у Пушкина в «Послании к Галичу» 1815 г. («Где ты, ленивец мой?..», ст. 2): Любовник наслажденья! <...> (Пушкин. Ак. Т. 1. С. 134). О перифрастических сочетаниях с опорным словом любовник и словами, обозначающими действия и состояния, в поэзии первой четверти XIX в. см.: ПфП. С. 23, 26–27.

45.2, ст. 14. Поколов звон. Покал (нем. *roka*) – то же, что бокал (франц. *bois*); см.: СЛРЯ XVIII в. Вып. 2. С. 94).

45.2, ст. 16. Толпа молодых забав. То же, что толпа красавиц в ст. 45.2, ст. 12.

45.2, ст. 24. Неисповедим Фебов суд. О «суде» Феба–Аполлона см. комментарии к № 71.

45.2, ст. 44. Возвышенная лира. «Возвышенность» (франц. *sublimate*, эквивалент греч. *ифо\$*) – одна из важнейших эстетических категорий французского классицизма (это понятие восходит к трактату Псевдо–Лонгина «О возвышенном»).

,426  
«Возвышенным» (*sublime*) должен быть, в том числе, стиль эпопеи (см., например: Marmontel/–F. *Poétique française*. Paris, 1763. Р. 28–30, 123, 126–137 и др.).

И. А. Пильщиков

46

46.1. «Приятель строгой, ты не прав...»

46.2. Булгарину («Нет, нет, Булгарин! ты не прав...»)

46.3. К .... («Нет, нет! мой Ментор, ты неправ...»)

Послание адресовано Фаддею Венедиктовичу Булгарину (1789–1859) – писателю, журналисту, в скором будущем издателю «Литературных Листков» (1823– 1824) и соиздателю (с 1825 г. – совместно с Н. И. Гречем) журнала «Северный Архив» (1822–1829) и газеты «Северная Пчела» (1825–1859).

По всей видимости, Боратынский познакомился с Булгариным в мае 1821 г. на собраниях Вольного общества любителей российской словесности (так, они оба присутствовали на заседании, состоявшемся 30 или 31 мая 1821 г. – см.: Сомов. Дневник 1821. С. 105, 345; Летопись С. 106–107). Тогда же (не позже первых чисел июня) было написано комментируемое стихотворение, опубликованное в «Сыне Отечества» и июня 1821 г. (ценз. разр. номера – 7 июня). По предположению Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой, послание Боратынского «является ответом на устное высказывание Булгарина, в духе порицания эпикурейства и легкомыслия ПОЭЗИИ молодых поэтов пушкинского круга» (Изд. 1936. Т. II. С. 252). Однако Булгарин сам был большим жизнелюбом, и порицать «эпикурейство» как таковое вряд ли мог. Расхождения между Булгариным и Боратынским, по-видимому, были связаны с тем, что Булгарин по-иному понимал предназначение художественного творчества (по своим взглядам Булгарин – поздний просветитель, явно предпочитающий литературу дидактическую; ср. излюбленный им жанр нравописательного романа). В это время Булгарин и Боратынский по-приятельски близки. Известно, например, что 13 июня 1821 г. после собрания ВОЛРС Боратынский и Дельвиг вместе с другими «состязателями» отправились к Булгарину на чай (см.: Сомов. Дневник 1821. С. 133–134, 369; Летопись С. 108). Отношения испортились, когда после ссоры Булгарина с А. А. Дельвигом в июне 1824 г. Булгарин напечатал в «Литературных Листках» (1824. 8 сентября. № 16) памфлет «Литературные призраки», направленный против Дельвига и Боратынского (см.: ЛН. М., 1954. Т. 59. С. 147– 152; Вацуро. СС. С. 28–29, 255; Летопись С. 139, 142–143).

Начиная с Изд. 1827 в републикациях комментируемого послания имя Булгарина снято. В рецензии на Изд. 1827 Булгарин писал: «Из Посланий лучшая к Н. И. Гнедичу, к Дельвигу <...> и ко мне. Послание ко мне было напечатано вь

427

Сыне Отечества и перепечатано в Образцовых Сочинениях с моим именем: к Булгарину; имя мое было даже в стихе. По переселении Поэта в Москву, он стал писать ко мне Послания другаго рода, а в прежнем, имя мое заменено точками в заглавии, а в стихе, я пожалован в Менторы. Пользуюсь этим почетным званием, и советую Поэту более следовать внушению своего гения, нежели внушениям Журнальных сыщиков. Это будет лучше, и для него и для публики» [Северная Пчела. 1827. 8 декабря. № 147 (подпись: Ф. Б.)]. Посланиями «другаго рода» рецензент называет адресованную ему эпиграмму Боратынского «Что ни болтай, а я великой муж!..» (№ 115) и совместную эпиграмму Боратынского и А. С. Пушкина «Журналист Фиг-лярин и Истина» (см. в настоящем издании раздел «Коллективное»). Кроме того, Булгарину адресованы эпиграммы Боратынского «В своих листах душонкой ты кривишь...» (№ 114), «Поверьте мне – фиглярин моралист...» (№ 148) и «Так, он ленивец, он негодник...» (№ 157). Об отношении Булгарина с Боратынским и кругом Пушкина – Дельвига см. комментарии к упомянутым произведениям, а также комментарии к эпиграмме «В восторженном невежестве своем...» (№ 149).

И. А. Пильщиков, А. И. Федута

46.1, ст. 3. Друзья веселья и забав. См. комментарий к № 37.1, ст. 36.

46.1, ст. 4. <...> Мы не повесы записные! По характеристике . М. Лотмана, слово повеса «имело в 1810-е гг. почти терминологическое значение. Оно применялось к кругу разгульной молодежи, в поведении которой сочетались бесшабашная веселость, презрение к светским приличиям и некоторый привкус политической оппозиционности» (Лотман 1980. С. 121). Ср. у А. С. Пушкина: «Пирующие студенты» (1814, ст. 42, 65), «Послание к кн. Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...», 1819, ст. 12), «Юрьеву» («Любимеццветреныхлаис...», 1817–1820, ст. 22) и др.

46.1, ст. 8. <...> Пока дышалось, дышали <...> Эффектная контаминация двух латинских поговорок: «Dum vivimus vivamus» («Будем жить, пока живем») и «Dum spiro spero» («Пока дышу, надеюсь»). См. также комментарий к № 90.2, ст. 23–24.

46.1, ст. 9. <...> Любили шумные пиры <...> Автобиографическая деталь и литературная автореминисценция: когда создавалось послание «Булгарину», уже увидела свет прославившая Боратынского поэма «Пиры», зачитанная в собрании Вольного общества любителей российской словесности 13 декабря 1820 г. и опубликованная в «Соревнователе Просвещения и Благотворения» в конце марта 1821 г. (Журналы ВОЛРС. С. 390; Летопись. С. 101, 105).

46.1, ст. 10–11. <...> Гостей веселых той поры, // Забавы, шалости любили <...> Эти стихи могут быть поняты двояко: либо «мы любили веселых гостей той поры, а также забавы и шалости», либо «мы любили веселых гостей той поры – забавы и шалости». Именно в последнем смысле истолковал это место редактор «Нового собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах»

428

(1821), где соответствующие строки напечатаны с такой пунктуацией: <...> Гостей веселых той поры – // Забавы, шалости любили <...> В первопечатном тексте послания («Сын Отечества», 1821) в конце ст. 10 вообще нет знака препинания (<...> Гостей веселых той поры // Забавы, шалости любили <...>), что de facto означает: «мы любили забавы и шалости веселых гостей той поры».

46.1, ст. 14–15. <...> Во имя лучших из богов, 11 Во имя Вакха и Кип-риды <...> См. комментарии к № 19, ст. 17; № 22.2, ст. 7–8; № 37.1, ст. 24.

46.1, ст. 16. Шалуны. См. комментарий к № 37.1, ст. 18.

46.1, ст. 23. В душе больной от пищи многой <...> Ср. у Вольтера в «Изложении Экклезиаста» («Precis de Г Ecclesiaste», 1759, ст. 27): J'accablai ton esprit de игор de nourriture <...>– Я обременил свой дух слишком многой пищей (Voltaire. Ed. 1876–1891. Т. VIII. P. 403).

46.2, ст. 36–38. Подумай, мы ли 11 Переменили жизнь свою, // Иль годы нас переменили? Ср. в стихотворении «Товарищамъ»: Переменяют годы нас 11 И с нами вместе наши нравы (№ 38, ст. 5–6). Реминисценция латинской пословицы «Tempora mutantur et nos mutamur in illis» = «Времена меняются, и мы меняемся с ними» (об этой паремии см.: Бабичев, Боровский 1997. С. 792–793).

46.2, ст. 23. Душа приметно отцветала. См. комментарий к № 41.1, ст. 12.

46.2, ст. 35. <...> Педанта школы появленье. Слово педант (ср. франц. pedant) использовано здесь в буквальном значении ‘учитель’ (Словарь современного русского литературного языка. М. – Л., 1959. Т. IX. Стб. 350; ср.: Dictionnaire de l'Academie frangoise. 4e ed. Paris, 1762. Т. II. P. 334). О значениях, которые слово педант имело в пушкинскую эпоху, см.: Добро домов И. Г., Пильщиков И. А. Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина» // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 256–270.

46.3, ст. 1. Ментор (Ментсор) – в греческой мифологии друг Одиссея и воспитатель его сына Телемаха.

И. А. Пильщиков

47.1. Цветок («С восходом солнечным Людмила...»)

47.2. Цветок («Порою утренней Людмила...»)

По наблюдению М. И. Шапира, главным и чуть ли не единственным художественным приемом в этом стихотворении является композиционная симметрия. Прimitивная лирическая тема излагается в семи катренах; три первых и три последних четверостишия имеют по одной тавтологической рифме (цветок : цветокъ), а в центральном катрене тавтологичны обе рифмы (знаю : знаю; цветок : цветокъ).

429

47.1, ст. 1. Людмила – условное поэтическое имя, заимствованное из «русской баллады» В. А. Жуковского «Людмила» (1808).

47.1, ст. 21. Услад – имя «древнеславянского» языческого бога, появившееся на свет благодаря ошибке далматинского историка М. Орбини, автора книги «Славянское царство» (1601; русский перевод: «Книга Историография...», 1722). Только в 1833 г. А. Ф. Вельтман разъяснил, что имя Услад возникло в результате неправильного прочтения словосочетания ус злат ‘золотой ус’ из «Повести временных лет» (Вельтман А. Ф. О лжеидолах Усладе и Зимицерле // Телескоп. 1833. № 16. С. 569–570; см. об этом: Добродомов И. Г., Шувалова Е. И. Окна в забытый мир прошлого // Русский язык в школе. 2000. № 2. С. 101). Услад – распространенное условное имя в русской поэзии первой четверти XIX в. По наблюдению М. В. Акимовой, ближайшую параллель к именам героев стихотворения Боратынского дают баллада Н. Ф. Грамматина «Услад и Всемила» (Вестник Европы. 1810. Ч. L. № 6. С. 116) и баллады П. А. Катенина «ПевецУслад» («Певец Услад любил Всемилу...», 1817).

47.1, ст. 28. У вянул. См. комментарий к № 24, ст. 5–6.

И. А. Пильщиков

48

«Ты былъ-ли, гордый Рим, земли самовластитель...»

Заглавие в Изд. 1827: «Римъ».

Тема римских развалин занимает прочное место среди традиционных тем западноевропейской поэзии (см.: Rehm W. Europäische Romdichtung. 2. Aufl. München, 1960). Во второй половине XVIII и в начале XIX в. «преромантический» интерес к руинам развивался параллельно растущему увлечению «ночными» и «кладбищенскими» мотивами (см.: Van Tieghem P. Le Preromantisme: Etudes d'histoire littéraire européenne. P., 1948. [Т. II]. P. 3–203; Mortier R. La Poétique des ruines en France: Ses origines, ses variations de la Renaissance a Victor Hugo. Geneve, 1974). О римских руинах писали, в частности, Г. Легуве в поэме «Les Souvenirs, ou les Avantages de la Memoire» («Воспоминания, или Преимущества Памяти», 1798) и Ж. Делиль в поэме «Les Jardins, ou L'Art d'embellir les paysages» («Сады, или Искусство украшения пейзажей», 1782–1801). Эти произведения послужили источниками «отрывковъ» из поэмы Боратынского «Воспоминания» (см. комментарии к № 13), с которыми элегия «Римъ» имеет целый ряд общих мотивов (отмечено: Изд. 1936. Т. II. С. 228; Изд. 1957. С. 340). Ф. В. Булгарин в рецензии на Изд. 1827 писал: «Элегия Рим – истинно Бейроновская пьеса» (Северная Пчела. 1827. 6 декабря. № 146); критик имел в виду посвященные Риму строфы из поэмы Дж. Байрона «Childe Harold's Pilgrimage» [«Странствие Чайльд-Гарольда», песнь IV (1818),

430

строфа XLVI и далее (см. об этом: Купреянова Е. Н. Примечания // Е. Баратынский. Стихотворения. Л., 1948. С. 276; Colucci 1999. P. 162)].

О «римской» теме в творчестве Боратынского см.: Potthoff 1978. S. 373–375;

Топоров В. Н. Италия в Петербурге // Италия и славянский мир:

Советско-итальянский симпозиум in honorem Professore Ettore Lo Gatto. M., 1990.

С. 61–64, 73–76. Трудно согласиться с Л. Г. Фризманом, увидевшим в «Риме»

Баратынского «аллегорию аракеевского Петербурга» (Фризман 1966. С. 12).

48, ст. 1–2. Ты былъ-ли, гордый Рим, земли самовластитель, 11 Ты былъ-ли, о свободный Римъ? Эти же эпитеты (гордый и свободный) Боратынский использовал в отрывках из поэмы «Воспоминания»: Свободный, гордый Рим! (№ 13, ст. 86);

Смотрите, – как века незримо пролетая <...> Остатки гордые являют Рима нам (№ 13, ст. 117–120). Второй из процитированных фрагментов «Воспоминаний»

заимствован из «Les Jardins» Делиля (песнь IV, ст. 504–507): Voyez <...> comment le cours des ages <...> déchirant de précieux lambeaux <...> De Rome étale au loin la ruine immortelle (Delille 1801. P. 108; см. комментарий к № 13, ст.

117–120). Ср. это же место в очень точном переводе А. Ф. Воейкова («Сады»,

1807–1815; песнь IV, ст. 530–534): Смотри, времен потоки <...> рвут <...>

древности остатки драгоценны, // И открывают Рим в развалинах нетленный (Делиль. Изд. 1988. С. 159). Боратынский заменяет прилагательные précieux ‘драгоценный’ и immortel ‘бессмертный’ (у Воейкова – нетленный) прилагательным гордый (у

Братыныч Баратынскыи вага  
Воейкова оно использовано в следующем стихе: громады гордые). Поздний  
Боратынский сохранил верность этому эпитету: Рвется душа, нетерпением объята, //  
К гордым остаткам падшаго Рима! («Небо Италии, небо Торквата...», 1844, ст.  
5–6).

48, ст. 3. К немым развалинам твоим <...> Ср. в отрывках из поэмы  
«Воспоминания»: Но не ужель для нас язык развалин немъ? // Нет, нет, лишь  
понимать умеете их молчанье <...> (№ 13, ст. 144–145). К теме «языка руин»  
Боратынский вернулся в стихотворении «Предразсудокъ» (№ 192; см.: Пильщиков  
1992б. С. 6–7, 13–16).

48, ст. 5–6. За что утратил ты величье прежних дней? // За что, державный Рим!  
тебя забыли боги? Ср. в элегии К. Н. Батюшкова «Умиравший Тасс» (1817, ст. 85):  
<...> Я пел величье и славу прежних дней <...> (Ба- тюшков. Изд. 1977. С. 328).  
У Боратынского в «Воспоминанияхъ»: Поля Авзонии! державный пепел Рима! //  
Глашатаи чудес и славы прежних лет! (№ 13, ст. 114–115). У него же в ранней  
редакции элегии «Финляндия»: <...> Люблю вспоминать о сильных прежних дней  
<...> (№ 25.2, ст. 26). Об этом топосе см.: Пильщиков 1995а. С. 367–368.

48, ст. 7. Град пышный, где твои чертоги <...> Прилагательное пышный употреблено  
здесь в значении «великолепный» (САР. Ч. V. Стб. 756); ср.: «ПЫШНОСТЬ <...>  
Тщеславное великолепие» (Там же). Этот эпитет относил к Риму

431

Батюшков (Potthoff 1978. S. 369): пышный град («Тибуллова элегия III. Из III  
книги», 1809, ст. 32), пышный Рим [«Умиравший Тасс», ст. 29; статья «Нечто о  
поэте и поэзии» (Батюшков. Изд. 1977. С. 220, 326, 24)]. В русской поэзии первой  
трети XIX в. (в частности, у Пушкина и у самого Боратынского) эпитет пышный  
нередко употреблялся применительно к русским столицам – Петербургу и Москве.  
Устойчивая корреляция между эпитетами пышный и гордый поддерживается вторым  
значением прилагательного пышный – «спесивый, чванный, гордый, надутый,  
надменный» (Даль. Изд. 1903–1909. Т. 3. Стб. 1440; ср. также польск. *pyzny*  
‘гордый’).

<...> где твои чертоги <...> Ср. мотив «ubi sunt» в эпиграмме Антипатера  
Сидонского из «Палатинской Антологии» (IX, 151), переведенной Батюшковым  
(перевод опубликован в 1820 г.): Где слава, где краса, источник зол твоих? <...>  
Где зданья пышные и храмы горделивы <...>? [ст. 1–3, о Коринфе (Батюшков. Изд.  
1977. С. 345)]. Чертоги – ср. у Боратынского в «Воспоминанияхъ»: Чертогов,  
портиков везде я зрю обломки, // Где начертал резеи, Римлян деянья громки (№ 13,  
ст. 125–126). Это перевод двустихия из «Les Jardins» Делиля (песнь IV, ст.  
508–509); в оригинале упомянуты арки (ares), а не чертоги (ср. своды врат в  
перевод Воейкова; см. комментарий к № 13, ст. 121–126).

48, ст. 8. Где сильные твои? Ср. у Батюшкова («На развалинах замка в Швеции»,  
1814, ст. 97): Где ж вы, о сильные <...>? (Батюшков. Изд. 1977. С. 205) – и  
ранее у В. А. Жуковского («Песнь Барда над гробом Славян-победителей», 1806, ст.  
34): Как пали сильные? (Жуковский. Изд. 1999–2000. Т. I. С. 80; см. также  
комментарий к № 25.1, ст. 32). Общий протосточник – 2 книга Царств, гл. 1, ст.  
19, 25, 27: «кдкш пддошд сильный». Ср. стихотворный перевод этого библейского  
эпизода: Так пали Сильные, как кедры распростерлись! // Саул, Ионафан, мнель вас  
не вспоминать? // Не от одной руки Могущие низверглись – // На вас обрушилась  
вся вражеская рать! (Ободовский Пл. Плач Давида о смерти Саула и Ионафана //  
Благонамеренный. 1822. Ч. XIX. № XXXVIII. С. 461). Сильные (в значении  
существительного) – «могучие воины, богатыри» (калька греч. οἱ *σινοστόι*; см.:  
СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 29. С. 143).

48, ст. 11. <...> Стоишь в позорище племен <...> Слово позорище употреблено  
здесь либо в значении «вид, зрелище» (САР. Ч. V. Стб. 1383), либо в значении  
«собрание» (СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 16. С. 124).

48, ст. 13. Кому еще грозишь с твоих семи холмов? «Семихолмным» (*septicollis*)  
называют древнейший палатинский Рим, в честь которого в античности справляли  
«праздник Семихолмия» (*Septimontium*), а также более поздний Сервиев Рим (часть  
города, обнесенную Сервиевой стеной), куда входили Палатин, Эскви- лин,  
Капитолий, Авентин, Квиринал и др. возвышенности (список семи «главных» холмов  
варьируется по разным источникам). См.: Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994.  
[Т.] I: До битвы при Пидне. С. 56–61.

И. А. Пильщиков

432

49

49.1. «В своих стихах он скукой дышет...»

49.2. Эпиграмма («Его творенье скукой дышет...»)

Адресат эпиграммы неизвестен. Гипотеза Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой о  
том, что эпиграмма направлена против Д. И. Хвостова, «отличавшегося не только  
графоманией, но и страстью всем читать свои стихи» (Изд. 1936. Т. II. С. 245;

Боратынский Евгений Александрович. Сочинения и письма. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Баратынский предположение об адресате повторено: Изд. 1951. С. 552; Изд. 1957. С. 338; РЭ. С. 767; Изд. 1982. С. 604; Изд. 1989. С. 395; Изд. 2000. С. 466), не находить документальных подтверждений. Еще меньше убеждает сделанное теми же исследователями сопоставление эпиграмм «В своих стихах он скукой дышет...» и «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...» (см.: Изд. 1936. Т. II. С. 244–245) – Е. Н. Купреянова и И. Н. Медведева исходили из предположения, что ранняя редакция эпиграммы «Поэт Писцов...» была адресована Хвостову, а это неверно (см. комментарии к № 16).

И. Я.

50

«Вчера ненастливая ночь...»

Заглавие в Изд. 1827: «Случай».

По жанру стихотворение близко к альбомному экспромту. Републикация стихотворения в Изд. 1835 вызвала негативную реакцию В. Г. Белинского: «Чем это сантиментальное стихотворение лучше „Триолета Лилете“, написанного Карамзиным? <...> И это поэзия?.. И это хотят нас заставить читать, нас, которые знают наизусть стихи Пушкина?.. И говорят еще иные, что XVIII век кончился!..» (Телескоп. 1835. Ч. 27. № 9; цит. по: Белинский. Изд. 1953–1959. Т. I. С. 326).

И. Я.

50, ст. 2. Лилета. См. комментарий к № 18.1, ст. 29–32.

50, ст. 11–12. <...> Побрел по слякоти, друзья, //И до зари сидел у Паши. Ср. первоначальный вариант ст. 12, записанный в альбом П. Л. Яковлева: <...> И вечер весь провел у Саши. Остроумную интерпретацию сюжета стихотворения предложил Г. Хетсо: «Ненастная погода застает его <поэта. –А. П.> у любимой им Лилеты. Девушка уговаривает его остаться у нее переночевать, подливая ему в стакан вина <...> Но вино разжигает в нем повышенную жажду к наслаждениям, и все кончается тем, что он проводит остальную часть ночи в обществе еще одной девушки» (Хетсо 1973. С. 296). Однако такая интерпретация противоречит смыслу ст. 11–12: Побрел по слякоти и сидел у Паши не есть выражение жажды наслаждений, а, напротив,

28. Боратынский. Том 1

433

ирония над собственной любовной неудачей. Соответственно, имена Паша и Саша – это, в данном контексте, не женские, а мужские имена (ср. с условно-поэтическим именованием героини стихотворения: Лилета). Не исключено, что для Изд. 1827 стихотворение передал А. А. Дельвигу не сам Боратынский, а Павел Яковлев, в чей альбом оно было вписано, – тогда замена имени Саша (в автографе) на Паша (в Изд. 1827) вполне объяснимо. Определение конкретного лица, названного в автографе именем Саша, более проблематично, особенно если учитывать неопределенную датировку стихотворения. Ранняя датировка – 1819 – позволяет предполагать по меньшей мере трех человек из круга, в который входили тогда одновременно и Яковлев и Боратынский: Александр Рачинский (см.: Летопись. С. 89), Александр Крылов (см. комментарии к № 19) и Александр Пушкин (в том же 1819 году в тот же альбом Яковлева Пушкин записал стихотворение «Веселый пир»).

А. М. П.

51

«Полуразрушенный я сам себе не нужен...»

Обстоятельства сочинения этого экспромта и записи его в альбом П. Л. Яковлева неизвестны.

51, ст. 1. Полуразрушенный я сам себе не нужен <...> Этот эпитет использовал К. Н. Батюшков в элегии «Умиравший Тасс» (1817, ст. 25): Полуразрушенный, он видит грозный нас <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 326; о прилагательном полуразрушенный см.: Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. М., 1971. С. 205).

И. П.

52

Моя жизнь

Альбомное стихотворение, не предназначавшееся автором для печати. В стихотворении перечисляются основные поэтические темы раннего Боратынского: домашнее счастье, дружеские пиры, вино, любовь. С заглавием «Моя жизнь» ср. строки из экспромта «В пустых разщетах, в грубом сне...», также вписанного в альбом П. Л. Яковлева: Честные люди, верьте мне, // Меня и жизнь мою полюбят (№ 7, ст. 3–4).

52, ст. 2. <...> С моей семьей домовитой <...> Ср. этот же эпитет, примененный к Музе поэта, в элегии «Прощай, отчизна непогоды...»: <...> Своею Музой домовитой // Он не был позабыт! (№ 35.2, ст. 15–16).

434

52, ст. 5. Люблю пиров веселой шум <...> Автореминисценция из элегии «Уныние» («Разсеваежь грусть веселый шум пиров...», № 29.2). Ср. комментарий к № 41.3, ст. 20.



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский 52, ст. 8. Вакхическая ('хмельная, алкогольная') отвага. Прилагательное вакхический образовано от имени вакха, бога виноделия и вина (см. комментарий к № 19, ст. 17).

52, ст. 9. <...> с красоткой записной <...> Прилагательное записная, вероятно, употреблено здесь в значении 'известная, общепризнанная' (ср.: Сп. Т. II. С. 84).

И. П.

53

<Элегия> («Нет, не бывает тому, что было прежде!..»)

Первая половина элегии Боратынского по теме и настроению напоминает элегию Э. Парни «Cesse de m'affliger, importune Amitie...» («Poesies erotiques», 1777–1781; кн. IV, элегия 14). Эта элегия Парни уже сопоставлялась со стихотворениями Боратынского, написанными в 1821 г. (см.: Хетсо 1973. С. 299–300). Ср.:

Cesse de m'affliger, importune Amitie;

Cest en vain que tu me rappelles Dans ce monde frivole ou je suis oublie;

Ma raison se refuse a des erreurs nouvelles.

Oses-tu me parier d'amour et de plaisirs?

Ai-je encor des projets! ai-je encor des desirs?

Ne me console point: ma tristesse m'est chere;

Laisse gemir en paix ma douleur solitaire.

<...> Le chagrin devorant a fletri ma jeunesse,

Je suis mort au plaisir, et mort a la tendresse.

Helas! j'ai trop aime; dans mon coeur epuise Le sentiment ne peut renaitre;

Non, non: vous avez fui, pour ne plus reparaitre,

Premiere illusion de mes premiers beaux jours,

Celeste enchantement des premieres amours.

(См. 1–8, 20–26; Раму. fd. 1862. Р. 122–123)

(Перевод: Перестань докучать мне, назойливая дружба; // Тщетно ты призываешь меня обратно // В этот беспечный мир, где я забыт; // Мой разум отказывается от новых заблуждений. 11 Ты смеешь говорить мне о любви и удовольствиях? // Разве у меня еще есть замыслы? разве у меня еще есть желанья? // Не утешай меня; мне дорога моя грусть; // Оставь вздыхать в покое мою одинокую скорбь.

28\*

435

<...> Моя юность увяла от неутолимой печали, // Я мертв для удовольствия, и мертв для нежности. // Увы! я слишком сильно любил; в моем обессиленном сердце / / Не может вновь родиться чувство; // Нет, нет; вы улетели, чтобы вновь не появиться, / / <Вы → первая мечта моих первых прекрасных дней, // Небесное очарование моей первой любви.)

53, ст. 9–10. Давным-давно простился я со счастьем, // желательным слепой душе моей! Об эпитете слепая ср. комментарий к № 54, ст. 9.

53, ст. И. С унылым сладострастьем. Повышенная частотность слова сладострастье в элегическом лексиконе раннего Боратынского (примеры см.: Shaw 1975. Р. 365) стала предметом пародии М. Н. Загоскина (см. комментарий к № 54, ст. 14).

53, ст. 12. <...> Гляжу я вдоль моих минувших дней. Галлицизм (ср. франц. au long des jours).

И. А. Пильщиков

54

Разуверение («Не искушай меня без нужды...»)

Одна из самых популярных элегий Боратынского, на слова которой был написан известный романс М. И. Глинки (1825). Указание С. А. Рачинского, что элегия адресована Варваре Николаевне Кучиной [см.: Материалы 1916. С. VI (2-й паг.)], не находит документальных подтверждений.

П. А. Плетнев, характеризуя творчество Боратынского в «Письме к графине С. И. С. о русских поэтах», в качестве наиболее яркого примера приводил «Разуверение»:

«Между тем, как мы воображали, что язык чувств уже не может у нас сделать новых опытов в своем искусстве, явился такой поэт, который разрушил нашу уверенность. Я говорю о Баратынском. В элегическом роде он идет новою, своею дорогою.

Соединяя в стихах своих истину чувств с удивительною точностью мыслей, он показал опыты прямо классической поэзии. Состав его стихотворений, правильность и прелесть языка, ход мыслей и сила движений сердца выше всякой критики. Он ясен, жив и глубок <...> Игривое и важное, глубокое и легкое, истинное и воображаемое: все он постигнул и выразил. Рассмотрите его элегию: Разуверение» (Северные Цветы на 1825 год. С. 65–67). Свои рассуждения Плетнев пояснял в письме к А. С. Пушкину от 7 февраля 1825 г.: «Мне хотелось сказать, что до Баратынского Батюшков и Жуковский, особенно ты, показали едва ли не все лучшие

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *баратынский* элегические формы, так, что каждый новый поэт должен бы непременно в этом роде сделаться чьим-нибудь подражателем, а Баратынский выплыл из этой опасной реки – и вот, что особенно меня удивляет в нем» (Пушкин. Ак. Т. 13. С. 140).

436

Композицию стихотворения проанализировал М. Л. Гаспаров. Начальные слова элегии представляют одновременно и экспозицию, и «ложный ход чувства», которые к тому же «совмещены с отказом, или, точнее, вмещены в отказ» от ложного хода (ст. 1–2). Далее следует истинный ход – «характеристика действительного состояния души» (ст. 3–8). Затем схема удваивается (что характерно скорее для романса, чем для элегии): «за истинным ходом вновь следует совмещение экспозиции, ложного хода и отказа» (ст. 9–12). Заключительные стихи (13–16) представляют новый истинный ход (Гаспаров 1989. С. 45).

О композиции «Разуверения» см. также: Семенко 1970. С. 276; Хетсо 1973. С. 307–309. О звуковой организации стихотворения см.: Хетсо 1973. С. 310–311. Мотивный анализ см.: Альми 1961. С. 39–41; Семенко 1970. С. 233–234; Песков 1995. С. 24, 29. Лингвостилистический анализ см.: Шестакова 1996. Сопоставление элегии Баратынского и романса Глинки см.: Макарова С. А. Е. А. Баратынский и М. И. Глинка: моделирование элегической эмоции // Венок. С. 148–150.

54, ст. 2. <...> Возвратом нежности твоей. Ср. фразеологию французского *retour* 'возвращение, возврат' (*ип retour de tendresse, ип retour d'affectiori*).

54, ст. 9–12. Первоначальная редакция этих строк была гораздо менее удачной: Слепой тоски моей не множь // Прелестным призраком былого; // Воображения больного // В его дремоте не тревожь! («Соревнователь Просвещения и Благотворения», 1821). Субстантивированное прилагательное больного (род. пад. ед. ч.) воспринимается как адъектив, определяющий существительное род. пад. ед. ч. воображения («больного воображения»).

54, ст. 9. Слепой тоски моей не множь <...> (в автографе РГАЛИ: Тоски души моей не множь!). Ср. в «Романсе» В. Н. Григорьева (1820; подражание «*La chute des feuilles*» Ш.-. Мильвуа) <...> Не умножь ее тоски <...> (ст. 29; ФЭ. С. 476). Множить тоску – сочетание, образованное на основе библейской фразеологии: «Окирку сердца лиеопу оумножишлсл» (Пс 24, 17).

Словосочетание слепая тоска вызвало насмешки у пародиста из «Благонамеренного»: «И в слепой тоске моей я исчезаю, я терзаюсь! Увы и ах!» [Прозаическая Галиматъя: (Подражание новейшим Элегическим Поэтам) // Благонамеренный. 1822. ч. XIX. № XXXVII. С. 439 (подпись: У. и А. <Увы и Ахъ>)]. Об эпитете слепой в лирике Баратынского см.: Коровин 1980. С. 61.

54, ст. 10–12. <...> Не заводи о прежнем слова, // и друг заботливый, больнова // в его дремоте не тревожь! Написание генитивной флексии (-ога) поддерживает графическую точность рифмы (о «глазных» рифмах см. комментарий к № 34, ст. 27–28).

54, ст. 14. Бывалыя мечты – это словосочетание было процитировано в сатирическом «Послании к Людмилу» М. Н. Загоскина (ср.: Летопись. С. 124–125):

Короче, модных слов, талантом освященных  
Будь полным Словарем – описывай всегда

437

Души растерзанной все бури и ненастья,  
Цвет жизни молодой – грядущаго обет,  
Бывалыя мечты – а пуще сладострастье:  
Без этого словца, в стихах спасенья нет.

[Соревнователь Просвещения и Благотворения.

1823. до I (Труды волрс. ч. XXII. кн. I). С. 78]

54, ст. 15–16. <...> в душе моей одно волненье, // А не любовь пробудишь ты. По наблюдению В. И. Коровина (см.: Коровин 1996. С. 432–436), в заключительных строках «Разуверения» перефразированы слова Сен-Пре из романа Ж.-Ж. Руссо «*Julie, ou La nouvelle Heloise*» («Юлия, или Новая Элоиза», 1761;

ч. VI, письмо VII): «*Enfin je la vois, et c'est bien assez; elle ne m'a pas laisse de Tarnour, mais de Tinquietude*» = «Наконец я ее вижу и этого вполне достаточно; она не оставила во мне любви, но <только> беспокойство» (Rousseau /.-/. *CEuvres completes*. Paris, 1793. Т. VI. Р. 183). О приеме «неполного контраста» в лирике Баратынского (<...> волненье, И/ Ане любовь <...>) см.: Альми 1961. С. 41–42.

И. А. Пильщиков

55

«Дало две доли Провидение...»

Заглавие в «Новостях Литературы»: «Стансы». Заглавие в изд. 1827: «Две доли». Размер элегии – 4-стопный ямба; эффект чередования длинных и коротких стихов, поддержанный втяжками четных строчек, создается благодаря чередованию дактилических и мужских окончаний. Ямбическим тетраметром с такой редкой рифмовкой у Баратынского написан также сонет 1824 г. «Мы пьем в любви отраву

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *bagatelle* «сладкую...» (№ 86; см.: Гаспаров 1984. С. 148–149).

55, ст. 7. Молва названа разновещающей в соответствии с эпическим топосом: она различна как правдивые, так и лживые вести (см.: Вергилий, «Энеида», песнь IV, ст. 188–190; Т. Тассо, «Освобожденный Иерусалим», песнь I, октава LXXXI, ст. 1–4; Вольтер, «Генриада», песнь I, ст. 368; песнь VIII, ст. 477). Составной эпитет разновещающая – по-видимому, новообразование Баратынского (об эпитетах в стихотворении «Две доли» см. также: Мазепа 1960. С. 71–73). С тем же вергилианским топосом и его французскими вариациями связаны другие эпитеты молвы у Баратынского (см. комментарий к № 35.1, ст. 13).

55, ст. 8. Образ «насмешливой судьбы» появляется также в стихотворении «Порою ласковую фею...» (см. комментарий к № 152, ст. 14).

438

55, ст. 9. Юноши кипящие. Прилагательное кипящие употреблено здесь в соответствии с переносным значением франц. *bouillant* 'кипящий; кипучий'. Ср. образ кипящей молодости (та *bouillante jeunesse*) в начальном стихе вольтеровского «Изложения Экклезиаста» («*Precis de l'Ecclésiaste*», 1759; Voltaire. Ed. 1876–1891. T. VIII. P. 402), отразившийся также у А. С. Пушкина в XXXIII строфе 1-й главы «Евгения Онегина»: <...> кипящей младости моей <...> (Пушкин. Ак. Т. 6. С. 19; см.: Barratt 1969. P. 447). Сочетание кипящая младость было процитировано в сатирическом «Послании к Людмиле» М. Н. Загоскина (см. комментарий к № 54, ст. 14):

<...> Оплачь потерю дней, в чужбине проведенных,  
Кипящей младости отцветшие года.

[Соревнователь Просвещения и Благотворения.

1823. № I (Труды ВолРС. Ч. XXII. кн. I). С. 78]

55, ст. 12. <...> И сердца пламенные сны. Слово сны употреблено в соответствии с семантикой франц. *reves* 'сны; мечты, грезы'.

55, ст. 17. <...> их <сновъ> рой прельстительный. См. комментарий к № 32, ст. 9.

И. А. Пильщиков

56

«Когда вы менее прекрасной...»

Стихотворение обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и вписано в ее альбом. Датировка стихотворения определяется либо временем знакомства Баратынского с Пономаревой (20-е числа февраля 1821 г.; см.: Летопись. С. 103), либо временем возобновления знакомства и начала их романа (осень 1821 г.; см.: Летопись. С. 109). Одна из записей в альбоме П. Л. Яковлева прямо относится к завязке этого романа и дает реальный комментарий к первым трем стихотворениям «пономаревского цикла» (№№ 56–58): «*Mr Boratinsky s'était avise de dire a table que lorsqu'il aurait des cheveux blanc il viendrait faire sa cour a Madame, <elle> repondit – Monsieur vous serez plutot gris que blanc*» (ПД. Ф. 244. Оп. 1. № 2. л. 14 об.; см. также: Медведева 1936. С. 117–121; Вацуро. СДП. С. 180). Перевод: «Г-н Баратынский как-то за столом сказал, что станет ухаживать за Мадам <Пономаревой>, когда волосы его побелеют; она отвечала: Сударь, Вы прежде будете пьяны, нежели белы» (каламбур построен на полисемии франц. *gris* 'серый; пьяный').

А. М. П.

439

56, ст. 2. Слово Молва, начинающееся с прописной буквы, возможно, следует толковать как имя собственное мифологического персонажа (лат. *Fama*; см. комментарий к № 35.1, ст. 13 и к № 55, ст. 7).

56, ст. 3–4. <...> Когда-бы прелестью опасной // Не столь опасны были вы....

Мотив «опасной красоты» появляется уже в ранних стихотворениях Баратынского и затем транспонируется в «пономаревский цикл». Ср. сочетание огонь опасной в стихотворении «Любовь и Дружба» (№ 4, ст. 8) и стих <...> Опасны сердцу, у ваши взгляды! в мадригале «финским красавицамъ» (№ 26, ст. 6). Этот стих Баратынский повторил с небольшим изменением в послании к Пономаревой «О своенравная София!..»: <...> Опасны сердцу ваши взоры (№ 58.2, ст. 30; № 58.1, ст. 29). В позднейших произведениях Баратынского ср. начальную строку из стихотворения 1832 г. «Н. Е. Б.» («Двойною прелестью опасна...», № 171) ист. 99

из поэмы «Бал» в редакции Изд. 1835: Страшись прелестницы опасной <...> (см. в настоящем издании раздел «Поэмы»). Сочетание прелестью опасной и рифму прекрасной : опасной повторила А. А. Дельвиг в стихотворении «Жалоба», обращенном к С. Д. Пономаревой: Вас боги создали прекрасной, // Хвала и честь за то богам; / / Но вместе с прелестью опасной / / Они холодность дали вам (Дельвиг. Изд. 1986. С. 44; отмечено: Вацуро. СДП. С. 202).

56, ст. 10. Цитерской бог – Эрот (греческая мифология), или Купидон (латинская мифология), бог любви (см. комментарий к № 10.2, ст. 30; № 23.1, ст.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский 14– 15); от названия о. Цитера (см. комментарий к № 10.1, ст. 5–6).  
56, ст. 13. Предаться нежному участию // Мне тайной голос не велит...  
Автореминисценция из послания к Н. М. Коншину («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...»): Щастливцы мнимые! способны ль вы понять // Участья нежного сердечную услугу? (№ 28.2, ст. 13–14). Ср. начальные строки стихотворения А. А. Дельвига «К Софии», обращенного к С. Д. Пономаревой: За ваше нежное участие // Большой певец благодарит: // Оно его животворит <...> (Дельвиг. Изд. 1986. С. 162; совпадения отмечены: Вацуро. СДП. С. 184–185).  
56, ст. 16. От стрел любви <...> Лук и стрелы – атрибуты Эроса-Купи- дона.  
И. А. Пильщиков

57

57.1. «Когда неопытен я был...»

57.2. «Слепой поклонник красоты...»

57.2. Л-ой («Слепой поклонник красоты...»)

Стихотворение обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой и позднее переадресовано Анне Васильевне Лутковской (см. о них комментарии к № 42 и 32). О других  
440

стихотворениях Боратынского, переадресованных Лутковской, см. комментарии к №№ 3 и 42.

Стихотворение «Слепой поклонник красоты...» тематически примыкает к элегиям «Нет, не бывает тому, что было прежде!..» (№ 53) и «Не искушай меня без нужды...» (№ 54), адресованным, разумеется, не Пономаревой, но осенью 1821 г., когда они были литературной новостью, рассчитанным прежде всего на ее внимание. Так же, как в этих элегиях, здесь говорится о разочаровании в надеждах на любовное счастье и о невозможности этого счастья в будущем. С другой стороны, стихотворение «Слепой поклонник красоты...», как и предшествовавшие ему «Вы слишком многими любимы...», «Приманкой ласковых речей...» и «Когдаб вы менее прекрасной...» (см. №№ 42, 43, 56 и комментарии к ним), провоцировало Пономареву на дальнейшее развитие любовного сюжета, тем в большей степени, что помимо стихов о душевном охлаждении («Не искушай...» и проч.), у посланий к Пономаревой был дополнительный контекст – стихотворения Боратынского, записанные в альбом П. Л. Яковлева, с которыми Пономарева, несомненно, была знакома: «Вчера ненастливая ночь...» (№ 50) и «Моя жизнь» (№ 52).

57.1, ст. 10. Купидон. См. комментарий к № 23.1, ст. 14–15.

57.1, ст. 12. Геликон. См. комментарий к № 30.1, ст. 2.

57.2, ст. 2. Любви и неги сын безпечный. См. комментарии к № 28.1, ст. 1–4;

45.1, ст. И.

А. М. П.

58

58.1. «О своенравная Аглая!..»

58.2. «О своенравная София!..»

Заглавие в «Полярной Звезде» и в Изд. 1827: «Аглае».

Стихотворение обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и относится к началу ее романа с Боратынским (см. комментарий к № 56). Аглая (греч. АуXосиос 'сияющая') – греческое имя, в том числе имя одной из трех Харит (богинь красоты в греческой мифологии). Характерна замена реального имени София условным поэтическим Аглая: С. Д. Пономарева не названа своим настоящим именем ни в одном из посвященных ей печатных стихотворений Боратынского (ср. комментарий к № 43). Начиная с изд. 1914–1915 (Т. I. С. 54–55) в основном корпусе текстов печатная редакция заменяется первоначальной рукописной редакцией со ссылкой на якобы «цензурный» характер правки, внесенной авто

441

ром (см.: Изд. 1936. Т. II. С. 249; изд. 1951. С. 557; изд. 1957. С. 344; изд. 1982. С. 604; изд. 1982. С. 401; и др.). Однако в действительности никаких фактов цензурного вмешательства в историю текста этого произведения до сих пор обнаружено не было, и речь должна идти в лучшем случае об автоцензуре; кроме того, часть переделок, безусловно, носит стилистический характер (см., например, комментарии к № 58.1, ст. 8 и ст. 15). В особенности неправомерна подмена печатной редакции рукописной в корпусе текстов Изд. 1827 (см.: Изд. 1936. Т. I. С. 98–99) и изд. 1835 (см.: изд. 1982. С. 85–86) – это вторжение в авторский текст, деформирующее его «антропонимическое пространство» (термин А. Б. Пеньковского).

58.1, ст. 8. <...> ни на сердце, ни на ум. В первоначальной редакции: <...> Ни на уменье, ни на ум (№ 58.2, ст. 8); в промежуточной: <...> Ни на безумье, ни на ум («Полярная Звезда»). Пароним к слову ум – уменье (слово, связанное с умом дальним этимологическим родством, навряд ли ясным поэту) – был заменен общеязыковым антонимом (безумье), а затем окказиональным антонимом (сердце).

58.1, ст. 15. <.. .> И остроумью и уму <...> Figura etymologica (игра с

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *вара*  
однокоренными словами *ум* и *остро-ум-ье*) заменяет первоначальное перечисление:

<...> Разсудку, шалости, уму <...> (№ 58.2, ст. 16).

58.1, ст. 29. <...> Опасны сердцу ваши взоры. См. комментарий к № 56, ст. 3–4.

58.1, ст. 32. <...> От упоения слепаго <...> Ср. комментарий к № 54, ст. 9.

58.1, ст. 35. <...> пасмурный душой <...> Это сочетание было перенесено в позднюю редакцию послания к А. И. Шляхтинскому: Один, и пасмурный душою <...> (№ 41.1, ст. 1).

58.2, ст. И. <...> Браним Указы и псалмы <...> О политическом и религиозном вольнодумстве молодых посетителей салона Пономаревой см.: Вацура. СДП. С. 181–182.

И. А. Пильщиков

59

59.1. «Мне с упоением заметным...»

59.2. К – («Зачем живыя выраженья...»)

Заглавие в Изд. 1827: «К...»,

Стихотворение обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и относится ко времени ее романа с Боратынским (о начале романа см. комментарий к № 56).

442

59.1, ст. 9–10. Не терпит Бог младых проказ // Ланит увядших, впалых глаз.

«Бог младых проказь» – Эрот (греческая мифология), или Купидон (латинская мифология), бог любви (см. комментарии к № 10.2, ст. 30; № 23.1, ст. 14–15).

Хотя орфографическая норма требовала писать с заглавной буквы только «наименования истинного Бога», тогда как «слово Бог, в означении божеств языческих, начинается строчною буквою» (Греч Н. Практическая Русская Грамматика. СПб., 1827. С. 546), многие писатели и издатели первой трети XIX в. нарушали это правило (ср.: Пильщиков, Шапир 2002. С. 78).

59.1, ст. 20–22. Меж мудрецами был чудак: // «Я мыслю» пишет он, «и так // Я несомненно существую.» Имеется в виду Рене Декарт (Rene Descartes, 1759–1650) и аксиома, сформулированная в IV части его «Рассуждения о методе» («Discours de Ia methode pour bien conduire sa raison, et chercher la verite dans les Sciences», 1637): я мыслю, следовательно, существую (франц. je pense, donc je suis; лат. cogito ergo sum).

59.1, ст. 23–25. Нет! любишь ты, и потому // Ты существуешь: я пойму // / Скорее истину такую. Непосредственный источник афоризма не установлен. Е. Н. Купреянова и И. Н. Медведева приводят без ссылки слова Вольтера: «Декарт говорил: мыслю, следовательно существую. Я же скажу: я вас люблю, следовательно существую» (Изд. 1936. Т. II. С. 255). Г. Хетсо указывает в этой же связи на Ж.-Ж. Руссо (Хетсо 1973. С. 303).

59.1, ст. 26–31. Огнем похищенным с небес // Япетов сын, гласит преданье, // Одушевил свое созданье, // И наказал его Зевес. // Неумолимый, Прометей // К скалам Кавказа приковал <...> Греческий миф о создателе людей Прометее (Прорубей\*);), сыне титана Иапета ('и остаток), Боратынский пересказывал в гюслании «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...» (см. комментарий к № 36, ст. 4). Ср. в этом стихотворении аналогичную реинтерпретацию античного мифа, согласно которому Прометей украл у богов огонь и дал его людям: Похищенной искрой созданье свое // Дерзнул оживить безразсудный <...> (№ 36, ст. 5–6; см. комментарий к этим стихам). Разгневанный Зевс (верховный олимпийский бог; см. комментарий к № 37.1, ст. 48) наказал Прометей, приковав его к Кавказскому хребту. О местонахождении этих скал сообщают Павсаний («Описание Греции», кн. V, гл. XI, § 6) и Аполлодор («Библиотека», кн. I, гл. VII, § 1).

59.1, ст. 32. <...> И сердце вран ему клевал. Древние греки полагали, что Зевс каждый день присылал к Прометею орла, выклевывавшего ему печень, которая за ночь отрастала вновь (Гесиод, «Теогония», ст. 521–525; Аполлодор, «Библиотека», кн. I, гл. VII, § 1). По наблюдению А. Б. Пеньковского, в русской рецепции античного мифа о Прометее печень заменялась «грудью» или «сердцем», а орел – коршуном, ястребом и, наконец, вороном («враном»); ср. у И. И. Дмитриева («Филемон и Бавкида», 1805, ст. 3–4): <...> Когда дух зависти, несчастным овладея, // Терзает грудь его, как вран у Промефея [Дмитриев. Изд. 1967. С. 150; см.: Пеньковский А. Б. Пушкинский текст и текст культуры: «...видел врана и голубицу излета

443

ющих, символы казни и примирения»: («Путешествие в Арзрум») // Проблемы семантического анализа: Пятое Шмелевские чтения. М., 2002. С. 77–79].

59.1, ст. 45. <...> Еще беру прельщенья меры <...> Галлицизм (франц. prendre des mesures; ср. соврем. рус. принимать меры).

59.1, ст. 47. Написание жет вместо этимологически корректного жжет отражает неустойчивость орфографии этого слова в первой половине XIX в. (встречалось

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский (а также написание жетъ).

59.2, ст. 5 и далее. Запутанный синтаксис этого фрагмента производил впечатление невнятицы, усугубленной опечаткой в тексте журнальной публикации (отсутствие запятой в конце ст. 5). В рецензии на IX книжку «Новостей Литературы» (1824) Ф. В. Булгарин писал: «<...> жаль, что Издатели испортили пьесу Г. Б-скаго, под заглавием: К – (см. стр. 40) неправильною разстановкою знаков препинания. От пятого до четырнадцатаго стиха нет никакого смысла» (Литературные листки. 1824. Ч. III. № XVII. С. 166). Подготавливая Изд. 1827, Боратынский переделал начало стихотворения (см. № 59.1, ст. 1–10).

59.2, ст. 9. Душа полна тоски ея <...> – то есть тоски любви (слово любовь находится в ст. 7). Местоимение ея (род. пад.) читается [jeja] и рифмуется с мое (ст. 11). Расхождение между фонетикой и орфографией не позволяет сделать рифму точной и фонетически, и графически. Аналогичный случай – в ст. 46: Я захожу в приют ея <...> (рифма: своё, ст. 45). Здесь графическая точность рифмы достигается благодаря неверному написанию местоимения род. пад. – ея (вместо ея). В первом случае орфография победила фонетику, во втором – фонетика орфографию.

59.2, ст. 36. Вран сердце грызть ему летал. См. выше, комментарий к № 59.1, ст. 32.

59.2, ст. 43. <...> И также ради мстить, ей ей! «К характерным особенностям морфологии первой половины XIX века должна быть отнесена сказуемая форма множ. числа ради, постепенно выходящая из употребления и заменяемая формой рады в ближайшие десятилетия» (Булаховский 1954. С. 109).

59.2, ст. 46. См. выше, комментарий к № 59.2, ст. 9.

И. А. Пильщиков

60

«Неизвинительной ошибкой...»

Заглавие в «Полярной Звезде» и в Изд. 1827: «К жестокой».

Стихотворение обращено к Софье Дмитриевне Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и относится ко времени ее романа с Боратынским (о начале романа 444

см. комментарий к № 56). В послании сконцентрированы мотивы, характерные для стихотворений Боратынского, связанных с Пономаревой. Определение жестокая калькирует французский эпитет-клише cruelle. У Боратынского (см.: Shaw 1975. P. 225) оно встречается только в послании «Я безразсуден – и не диво!..» (Дельвигу о Пономаревой): Уже-л обманут я жестокой? (№ 61, ст. 24) – ив элегии «Оправдание»: <...> прощенья у жестокой // Не вымолю! (№ 89.2, ст. 10– и); ср. в поздней редакции: Не вымолю прощенья у жестокой! (№ 89.2, ст. 6).

60, ст. 9. Ко мне примерно нежной став <...> Наречие примерно использовано здесь в значении 'образцово'.

60, ст. 11–13. <...> Дурачит пленников других // и гордой быть, как прежде были, // К толпе соперников моих? Автореминисценция из стихотворения «Приманкой ласковых речей...», обращенного к Пономаревой: Вам дорог я, твердые вы, // Но лишний пленник вам дороже <...> С толпой соперников моих 11 Я состязаться не дерзаю <...> (№ 43, ст. 9–10, 13–14). Другие употребления слова пленник в значении 'преданный поклонник' у Боратынского см.: Shaw 1975. P. 317.

60, ст. 15. Любви простое упоенье <...> Ср. в стихотворении «К –» («Зачем живья выраженья...»), обращенном к Пономаревой: <...> Но рад, что сердце нахожу // Еще способным к упоенью (№ 59.2, ст. 22–23).

60, ст. 21–22. <...> Быт с вами запросто в диванной, // В гостиной быть у ваших ног. Противопоставление гостиной (комнаты для приема гостей) и диванной (комнаты для отдыха, обставленной диванами) как мест более официального и более интимного общения находит параллели в литературе первой трети XIX в. См., например, цитату из «Московского Меркурия» (1803. Ч. IV. С. 23): «Никогда самый приятный круг в Гостиной – даже в Диванной – не одушевляет так к разговору, как компания четырех, пяти человек в карете» (цит. по: СЛРЯ XVIII в. Вып. 6. С. 126). Ср. также в повести А. С. Пушкина и В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском»: «„Но не в одной гостиной, – продолжает графиня, – есть новые уборы“, и вставая с кресел: „Не хотите ли, – говорит она, – заглянуть в диванную <...>”» (Пушкин. Изд. 1977–1979. Т. 9. С. 361).

И. А. Пильщиков

61

«Я безразсуден – и не диво!..»

Заглавие в «Полярной Звезде»: «Д – у». Заглавие в Изд. 1827: «Д–гу».

Четвертое послание Боратынского к Антону Антоновичу Дельвигу (см. также комментарии к №№ 10, 18, 36, 68). Об отношениях Боратынского и Дельвига см. 445

комментарии к № 10. Биографической основой послания стал любовный роман

Боратынского с Софьей Дмитриевной Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) – отсюда тематическая и хронологическая связь послания к Дельвигу со стихотворениями «пономаревского цикла» (см. №№ 56–59, 62, 64 и 66; ср. №№ 42–43).

61, ст. 6–7. Одно коварное искусство // Я вижу в Делии твоей. По замечанию В. Э. Вацура, «на короткий срок в посланиях 1822–1823 годов Боратынский и Дельвиг закрепят за Пономаревой два условных имени – „Дорида“ и „Делия“» (Вацура. СДП. С. 193); см. стихотворение Боратынского «Поцелуй. (Дориде)» (№ 64.2), его же послание «Дориде» (№ 65.2), в Изд. 1827 озаглавленное «Делии» (№ 65.1), и стихотворение Дельвига «К птичке, выпущенной на волю» («Во имя Делии прекрасной...», 1823). Делия (Delia) – поэтическое имя возлюбленной Альфия Тибулла, героини первой книги его элегий. О Боратынском и Тибулле см. комментарии к № 34 и № 45.1, ст. 35–37.

Коварное искусство. См. комментарий к № 65.2, ст. 12.

61, ст. 8. Не вер прелестнице лукавой! Ср. ст. 99 из поэмы «Бал» в редакции Изд. 1835: Страшись прелестницы опасной <...> (о связи этого стиха с фразеологией «пономаревского цикла» см. комментарий к № 56, ст. 3–4). В слове прелестница совмещены два значения: «1) кто прельщает, соблазняет, вовлекает в заблуждение коварными и вредными своими правилами, примером, обещаниями <...> 2) <...> красавица; кто прельщает кого красотою своею, и страсть любовную возращает» (САР. Ч. V. Стб. 218).

Лукавый – здесь в значении ‘коварный, хитрый\* (ср.: САР. Ч. III. Стб. 618). Ср. эпитет лукавый в стихотворении «О своенравная София!..», обращенном к Пономаревой: <...> Опасны сердцу ваши взоры. // Они лукавы, я слыхал <...> (№ 58.2, ст. 30–31).

61, ст. 19. <...> Огонь ланит, огонь очей <...> См. комментарии к № 62.2, ст. 3, ст. И; № 96, ст. 6; № 107, ст. 9–10.

61, ст. 24–27. Я перечитываю строки, // Где, увлечения полна, // В любви счастливые уроки // Мне самому дает она <...> Возможно, речь идет о несохранившейся любовной переписке между Боратынским и Пономаревой (Песков 1998. С. 21).

61, ст. 29. Уже-ль обманут я жестокой? См. комментарии к № 60.

61, ст. 40–42. Пойду я странником тогда // На край земли, туда, туда, // Где вечный холод обитает <...> Пародийный парафраз песни Миньоны «Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen...» («Ты знаешь край, где цветут лимоны...») из романа И.-В. Гёте «Wilhelm Meisters Lehrjahre» («Годы учения Вильгельма Мейстера», 1796) с ее знаменитым рефреном *Dahin, dahin!.. = Туда, туда!..* (отмечено: Пильщиков 2000. С. 386; см. также комментарий к № 14.1, ст. 8).

446

61, ст. 53–55. <...> Как здравым смыслом я убог! // Уже-ль обманщицу другую // Мне не пошлет в отраду Богъ? Пародийный парафраз финальных строк из II эклоги Вергилия: *A, Corydon, Corydon, quae te dementia cepit! <...> Invenies alium, si te hic fastidit, Alexim = Дх, коридон, коридон, каким ты безумием охвачен! <...> Найдешь и другого Алексиса, коль отверг тебя этот* (ст. 69–73).

И. А. Пильщиков

62

62.1. «Любви приметы...»

62.2. Догадка («Любви приметы...»)

Стихотворение связано с С. Д. Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и относится ко времени ее любовного романа с Боратынским (см.: Вацура. СДП. С. 192–193; ср. комментарии к №№ 56–61).

62.1, ст. И–14. В душе твоей // Уж нет покоя; // / Давным давно я 11 читаю в ней. Эта метафора была перенесена в «Догадку» при подготовке Изд. 1827 из стихотворения «Размолвка» (см. комментарий к № 75.2, ст. 6). В ранней редакции «Догадки» соответствующее место звучало иначе (см. № 62.2, ст. И–14).

62.2, ст. \и. Ты вся в огне <...>; ср. также: <...> И жар ланит <...> (№ 62.2, ст. 6; № 62.1, ст. 6). Те же мотивы находим в послании «Я безразсуден – и не диво!..»: <...> Огонь ланит, огонь очей <...> (№ 61, ст. 19). См. также комментарий к № 96, ст. 6.

я. я.

63

«На кровы ближнего селенья...»

Заглавие в «Благонамеренном» и в Изд. 1827: «Возвращение». Заглавие в Изд. 1884: «Возвращение (Подражание Мильвуа)».

Перевод элегии Ш.–И. Мильвуа «Le Retour» («Elegies», 1812–1815; кн. И).

Подражание той же элегии Мильвуа позже опубликовал П. Г. Сянов («Сумерки», 1829). По словам современного исследователя, Боратынскому «удалось сохра

нить удивительный лаконизм» французского стихотворения, «не пожертвовав при этом точностью» (Заборов 1983. С. 118). В Изд. 1827 и в Изд. 1835 «Возвращение» напечатано вслед за переводом из Парни «Она придет! к ея устам...» (см. в настоящем издании № 106). О Боратынском и Мильвуа см. комментарии к № 73. Приводим текст французского подлинника по изданию: Millevoye. Ed. 1843. P. 43. Sur le chaume de ces demeures Deja le soir s'est abaisse: Sortons de Tasile ou les heures Comme des instants ont passe.

5 souris, Amour, si la bergere,  
Quittant la grotte bocagere,  
En rapporte, selon mes voeux,  
Un doux souvenir dans son ame,  
Dans ses yeux une douce flamme, io Une feuille dans ses cheveux.

63, ст. 1–2. На кровы ближнего селенья // Нисходит вечер; день погас. Слово кровы употреблено здесь в прямом значении 'крыши' (Словарь русского языка: В 4 т. Изд. 3-е. М., 1986. Т. II. С. 131). День погас – переводческая амплификация; ср. у Мильвуа: На соломенныя кровы этих жилищ // Уже опустился вечер (ст. 1–2).

63, ст. 3–4. Покинем рошу, где для нас // Часы летели как мгновенья! Ср. в «Le Retour»: Покинем убежище, где часы // Проходили как мгновения (ст. 3–4).

63, ст. 5. Лель улыбнись <...> Во французском оригинале (ст. 5): Улыбнись, Амур <...> (об этой замене см.: Изд. 1936. Т. II. С. 233; Заборов. С. 118; и др.).

Лель – бог любви в составленном русскими мифологами XVIII в. «древнеславянском» пантеоне, в котором римскому Амуру соответствует Лель (Леля), а богине любви Венере – Лада (Ладо); см. «Краткий мифологический Лексикон» (1757) и «Словарь (Абевегу) Русских суеверий» (1782–1786) М. Д. Чулкова, «Описание древнего Славянского языческого Баснословия» М. В. Попова (1768, 1772) и др.

Псевдославянской мифологией насыщены «Русские сказки» В. А. Лёвшина (1780–1783) и поэмы А. Х. Востокова на темы из «древнерусской» жизни (см.: Востоков [А.]. Стихотворения / Ред., вступ. ст. и примеч. Вл. Орлова. Л., 1935. С. 389–390). Имя Леля было впервые введено в список «древних» богов польским историком XVI в. М. Меховским (Иванов, Топоров 1982. С. 454). Лада упоминается у Боратынского в мадригале «финским красавицамъ» (см. комментарий к № 26, ст. 7–8).

<...> из ней – то есть из роши. В оригинале (ст. 6): <...> Покидая лесной грот <...> (la grotte bocagere – буквально 'грот, находящийся в роще').

63, ст. 6. В Изд. 1884 (С. 130) в ст. 6 неправоммерно изменено время глагола: <...> Случится девице, е моей <...> (вместо <...> Случилось девице моей <...>).

448

Этот вариант был безоговорочно принят позднейшими редакторами (см. текстологические примечания). Е. Н. Купреянова даже назвала чтение прижизненных изданий «грамматической ошибкой» (Изд. 1957. С. 342). Между тем ощущение аграмматизма возникает лишь при неверной интерпретации союза когда, употребленного поэтом не во временном, а в условном значении – в соответствии с французским si 'если', которое находим в подлиннике Мильвуа: Улыбнись, Амур, если пастушка <...> уносит из него <...> (ст. 5–7; далее следует перечисление: воспоминание, пламень в глазах, листок).

63, ст. 7. <...> унести во взорах пламень томный <...> В русских переводах XVIII–XIX вв. слова взор, взоры нередко выступают как эквивалент франц. les yeux 'глаза' (см.: СЛРЯ XVIII в. Вып. 3. С. 137–138); ср. в «Le Retour»: <...> Dans ses yeux une douce flamme <...> = <...> Нежный пламень в своих глазах <...> (ст. 9). Эпитет томный связывает перевод из Мильвуа с фразеологией «пономаревского цикла» – ср. в стихотворении «Когдаб вы менее прекрасной...»: <...> И томной пламень сих очей <...> (№ 56, ст. 6); в ранней редакции стихотворения «Догадка»: <...> Сих взоров томность <...> (№ 62.2, ст. 13).

63, ст. 8. <...> Мечту любви в душе своей <...> В подлиннике Мильвуа: <...> Нежное воспоминание в своей душе <...> (ст. 8).

63, ст. 9. <...> И в волосах листок нескромный. Эпитет нескромный принадлежит Боратынскому. У Мильвуа сказано просто: <...> Листок в своих волосах (ст. 10).

И. А. Пильщиков

64

64.1. «Сей поцелуй, дарованный тобой...»

64.2. Поцелуй (Дориде) («Сей поцелуй, дарованный тобой...»)

Заглавие в Изд. 1827: «Поцелуй».

Стихотворение связано с С. Д. Пономаревой (см. о ней комментарий к № 42) и отражает кульминационный момент в развитии ее любовного романа с Боратынским (см.: Вацура. СДП. С. 193–194; Песков 1998. С. 21; ср. комментарий к №№ 56–62). У истоков темы поцелуя в европейской лирике стоят V и VII стихотворения Каталла. По их образцу голландский поэт Ян Эверардс (1511–1536), писавший на латинском



Боратынский. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский на языке под именем Иоанна Секунда (Iohannes Secundus), создал книгу стихов «Basia» («Поцелуй»). Во Франции тему поцелуев подхватили поэты Пляяды, позже отвергнутые школой Буало. Влияние Иоанна Секунда возвращается во второй половине XVIII столетия. Сборник стихов Клода-Жозефа Дора «Les Baisers» («Поцелуй», 1770) стал значительным литературным событием и в свою очередь

29. Боратынский. Том 1  
449

вызвал волну подражаний. Сюжету об одном-единственном поцелуе, подаренном поэту его возлюбленной и возбуждавшем в нем неутоленное желание, посвящен III «поцелуй» Иоанна Секунда («Da mihi suavium, dicebam, blanda puella...»). Стихотворение с аналогичным сюжетом, озаглавленное «L'Étincelle» («Искорка»), есть у К.-Ж. Дора (см.: Dorat C.-/. Les Baisers, precedes du Mois de Mai: Poeme. Paris, 1970. P. 59).

Дорида – условное поэтическое имя греческого происхождения (Дорида; род. пад. Дорида; «дорийская»). О посвящении «Дориде» см. комментарий к № 61, ст. 6–7. О звуковой организации стихотворения Боратынского см.: Семенко 1970. С. 285–286.

64.1, ст. 1. Сей поцелуй, дарованный тобой <...> Ср. у Дора в «L'Étincelle»: Donne-moi, ta belle maitresse, // Donne-moi, disois-je, un baiser <...> Tu n'as me le refuser <...> = Подари мне, моя прекрасная подруга, // Подари мне, сказал я, поцелуй <...> Ты не осмелилась мне в нем отказать <...> (ст. 1–4).

64.1, ст. 7. Обман исчез, нет счастья! <...> Ср.: <...> Mais que ton bonheur fut rapide! = <...> Но как скоротечно было мое счастье! (Дора, «ЕЕБпсеиие», ст. 5).

64.1, ст. 7–8. <...> и со мной // Одна любовь, одно изнеможение. Ср. финал «L'Étincelle»: Ton baiser mechapre, cruelle! Il te desir seul m'en est reste = Твой поцелуй ускользнул от меня, жестокая! // От него мне осталось одно желание (ст. 13–14).

<...> Одна любовь <...> Мотив восходит к заключительному стиху из элегии Э. Парни «Que le bonheur arrivelermentement!..» («Poesieserotiques», 1777–1781; кн. IV, элегия II, ст. 22): <...> /'ai tout perdu: Gatoig seul est reste = <...> Я всё потерял: осталась одна любовь (Pamy. Ed. 1862. P. 117; отмечено: Вацуро. СДП. С. 193; см. также комментарий к № 20.1, ст. 5–8).

И. Л. Пилиииков

65

65.1. «Зачем, о Делия! сердца младья, ты...»

65.2. Дориде («За чем нескромностью двусмысленных речей...»)

Заглавие в Изд. 1827: «Делии».

Адресат стихотворения указан в копии Н. Л. Боратынской (ПД. Ф. 33. Оп. 1. №42. Л. 14 об.): «С. Д. П.», то есть Софья Дмитриевна Пономарева (см. о ней комментарий к № 42). Ранняя редакция, озаглавленная «Дориде», относится к завершающей стадии любовного романа Боратынского и Пономаревой (см. настоящее 450

издание, с. XXIII; ср. комментарии к №№ 56–62, 64). Об имени Дорида см. комментарий к № 64. Об имени Делия см. комментарий к № 61, ст. 6–7 (см. там же о стихотворениях Боратынского и А. А. Дельвига, в которых именами Дорида и Делия названа С. Д. Пономарева).

Главная тема стихотворения Боратынского – предсказание стропливой подруге любовных неудач в старости – традиционна для античной поэзии (см., например, XXV оду из I книги Горация). Вариацией на эту тему является, в том числе, прощальное обращение Тибулла к Делии (Тибулл, кн. I, элегия VI, ст. 77–84). Тема эта обычна и для французской эротической поэзии XVIII в. (ср.: Изд. 1936. Т. II. С. 232) – так, пассажем, переведенным из Tibuli. I, 6, завершается VII элегия II книги «Les Amours» А. Бертена (1780–1785).

65.1, ст. 1–4. Зачем, о Делия! сердца младья, ты // Игрой любви и сладострастья // Исполнить силишься мучительной мечты // Недостигаемого счастья? П. О. Морозов (см.: Пушкин А. С. Сочинения и письма. СПб.: Просвещение, 1903. Т. 1. С. 531) указывает на зависимость этих строк от послания А. С. Пушкина «Прелестнице» (опубликовано в 1820 г.): к чему нескромным сим убором, // Умилным голосом и взором // Младое сердце распалить II И тихим, сладостным укором // К победе легкой вызывать? (ст. 1–5; Пушкин. Ак. Т. 2, кн. 1. С. 71).

65.1, ст. 20. Цирцея (см. комментарий к № 30.1, ст. 18) – здесь в нарицательном значении «кокетка, прелестница». Эпитет безчарная – по-видимому, неологизм Боратынского (см.: Изотов В. П., Панюшкин В. В. Новые слова Е. А. Боратынского и ненормативное словообразование // Венки. С. 141).

65.1, ст. 23. Дитя крылатое – Эрот (греческая мифология), или Купидон (латинская мифология), бог любви, которого изображали ребенком с крыльями за спиной и с луком и стрелами в руках (см. также комментарии к № 10.2, ст. 30; №

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский *Bara*  
23.1, ст. 14–15).

65.2, ст. 3. <...> Притворным пламенем коварных сих очей <...> Мотив «огня очей» появляется в послании «Я безразсуден – и не диво!..»: <...> Огонь ланит, огонь очей <...> (№ 61, ст. 19; см. ссылки в комментарии к этому стиху). Эпитет коварный является общим для характеристик, которые поэт дает Делии- Дориде в упомянутом послании и в комментируемом стихотворении (ср. ниже, комментарий к № 65.2, ст. 12). Кроме того, мотив «коварных очей» хорошо увязывается с образом кокетки – Цирцеи или Армиды; ср., например, у К. Н. Батюшкова в послании «К Дашкову» (1813, ст. 43–44): Мне петь коварные забавы // Армид и ветреных Цирцей <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 238; о синонимии этих имен в поэзии первой четверти XIX в. см.: Пильщиков И. А. Армида // Онегинская энциклопедия. М., 1999. Т. I. С. 62–64). В этом отношении показательно, что обо

29\*

451

рот для двух коварных глаз в стихотворении Боратынского «В Альбом Н. Н. на другой день его свадьбы» (№ 107, ст. 9) напрямую связан с посланием Батюшкова «Ответ Тургеневу» (опубликовано в 1817 г.), где эти слова отнесены к кокетке, названной Армидой: <...> Забудет для Армиды, // Для двух коварных глаз (ст. 5–6; Батюшков. Изд. 1977. С. 278).

65.2, ст. 10–12. Тебе неведомое чувство // Вливает в душу их, невольницу страстей, // Твое коварное искусство. Порядок слов здесь инверсирован по отношению к нейтральному: «Твое коварное искусство / / вливает в их душу (невольницу страстей) // неведомое тебе чувство». В поздней редакции основные мотивы этих стихов трансформировались в образ Цирцеи (№ 65.1, ст. 20).

65.2, ст. 12. Коварное искусство. Ту же характеристику Пономаревой находим в послании «Я безразсуден – и не диво!..»: <...> Одно коварное искусство // Я вижу в Делии твоей <...> (№ 61, ст. 6–7).

65.2, ст. 31. <...> Исчезнет легкий рой веселий и забав <...> О словосочетаниях с опорным словом рой см. комментарий к № 32, ст. 9. О сочетании веселья и забавы см. комментарий к № 37.1, ст. 36.

65.2, ст. 34. Дщери ада – Евмениды (в публикации «Новых Аонид»: Эвмениды). Эвмениды (Ei[χ]ν(8ε<; ‘милостивые’) – эвфемистическое название эриний, богинь мщения и охранительниц миропорядка в греческая мифологии (римляне называли их фуриями). Эвмениды обитают в подземном царстве (см. «Энеиду» Вергилия, песнь VI, ст. 280; и др.); в ранней редакции «Паденья листьевъ» Боратынский именует эвменид Богинями Эрева (см. 73.2, ст. 17).

И. А. Пильщиков

66

«На звук цевницы голосистой...»

Заглавие в «Полярной Звезде» и в Изд. 1827: «Весна».

66, ст. 1. Цевница – здесь ‘свирель’ (САР. Ч. VI. Стб. 1219), символизирующая буколическую поэзию (см. комментарии к № 13, ст. 17; № 34, ст. 48; № 45.1, ст. 35–37).

66, ст. 2–3. <...> Толпой забав окружена, // Летит прекрасная весна. Весна приходит в сопровождении хора нимф и граций (*iunctae Nymphis Gratiae*) – см. у Горация IV оду I книги (ст. 5–6) и VII оду IV книги (ст. 5–6). В поздней редакции послания Боратынского «Где ты, безпечный друг? где ты, о Дельвиг мой...» словом забавы заменено слово Хариты (см. комментарий к № 18.2, ст. 43; о тождестве харит и граций см. комментарий к № 10.1, ст. 3). Ср. забавы в значении

452  
‘красавицы’ в послании «К \*\*\*» («кто жаждет славы, милый мой!..»; см. комментарий к № 45.2, ст. 16).

66, ст. 6–10. Утихли вьюги и мятели, // Текут потоками снега <...> Опять зефиры налетели // На обновленные луга. Вольное подражание стихам из «Георгик» Вергилия: *Vere novo, gelidus canis cum montibus umor / / liquitur et Zephyro putris se glaeba resolvit* <...> = С новой весной, когда с седых гор холодная вода // стекает, и от зефира земля становится рыхлой <...> (кн. I, ст. 43–44). Ср. вергилианскую реминисценцию в начальных строках VII главы «Евгения Онегина»: Гонимы вешними лучами, // С окрестных гор уже снега / / Сбежали мутными ручьями // На потопленные луга (Пушкин. Ак. Т. 6. С. 139). Сопоставление стихов Пушкина, Боратынского и Вергилия см.: Nabokov 1964. Vol. 3. P. 69–70.

Слово Зефиры в тексте «Полярной Звезды» и в Изд. 1827 начинается с прописной буквы. Зефир (*Zephyros*) – в греческой мифологии бог западного ветра. Французские и русские поэты XVIII – первой трети XIX вв. называли зефирами (*les zephyurs*) мягкие теплые ветры.

66, ст. 15. Наяда (греч. *Natas*, род. пад. *Natasos*) – в греческой мифологии нимфа ручья (ср. № 66, ст. 15: <...> Заговорил ее ручей).

66, ст. 21. Климена. См. комментарии к № 43.

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский 66, ст. 24–25. Тобою младости измена // Еще судьбе не прощена! То есть: «Ты еще не простила судьбе измену молодости (= наступление старости)».

И. А. Пильщиков

67

67. Сестре («И ты покинула семейный, мирный круг...»)

Стихотворение обращено к Софии Абрамовне Боратынской (1801–1844), родной сестре поэта (домашние имена – Соша, Сошичка). С. А. Боратынская почти безвыездно жила в имении Боратынских Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии; замужем не была. Она «покинула семейный, мирный круг» и приехала в Петербург в последних числах мая 1822 г. В течение двух следующих месяцев она жила в столице, общаясь с родственниками, в том числе с дядей П. А. Боратынским и с братом Евгением, а также его друзьями и знакомыми. Сведения об этом содержатся в письмах С. А. Боратынской к матери из Петербурга в Мару за 30 мая – и августа 1822 г. (см.: Лямина 1990. С. 209–219; Летопись. С. ИЗ–118). По всей видимости, в это время и было написано стихотворение «Сестре».

67, ст. 6–8. Наперсница души от колыбельных дней; // Не тщетно нежности я веровал твоей, // Тогда еще, тогда достойный их ценитель!.... Притя

453

жательное местоимение их в сочетании их ценитель относится к существительному дни: «ценитель колыбельных дней» (см.: Винокур 1927. С. 77). Это место можно толковать не только как автобиографическую, но и как литературную аллюзию: о своих «младенческих днях» и «невинном, безоблачном детстве» поэт писал в отрывках из поэмы «Воспоминания» (см. № 13, ст. 149 и далее).

Наперсница души от колыбельных дней. Ритмико-грамматическая формула, знакомая по 6-стопным ямба К. Н. Батюшкова; ср.: <...> В беспечности златой от колыбельных дней <...> («Тибуллова Элегия XI из I книги», 1810, ст. 20); <...> Наперсник Муз, познал от колыбельных дней, / / Что должен быть жрецом Парнасских олтарей («Послание И. М. Муравьеву-Апостолу», 1815, ст. 7–8); <...> Главы изгнанника, от колыбельных дней / / Карающей богине обреченной... («Умиравший Тасс», 1817, ст. 71–72; Батюшков. Изд. 1977. С. 224, 281, 328).

67, ст. 13–15. Как чистая роса живит своей прохладой / / Среди нагих степей спасительной усладой – // Так оживишь мне чувства ты. Два существительных в творительном падеже не разделены запятыми, поскольку не являются однородными членами предложения. В первом случае творительный падеж имеет орудийное (то есть объектное) значение (живит своей прохладой 'живит с помощью прохлады'); во втором случае тот же падеж имеет квалифицирующее (то есть определительное) значение (спасительной усладой 'будучи спасительной усладой, в качестве спасительной услады').

И. А. Пильщиков

68

68.1. Дельвигу («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»)

68.2. К Дельвигу («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»)

Последнее из пяти посланий 1819–1822 г., обращенных к Антону Антоновичу Дельвигу (см. также комментарии к №№ 10, 18, 36, 61).

68.1, ст. 5–8. Ты помнишь-ли, в какой печальный срок // Впервые ты узнал мой уголок? 11 Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой // Боролся я, почти лишенный сил? Дельвиг познакомился с Боратынским в конце 1818 или в начале 1819 г., когда Боратынский, исключенный из Пажеского корпуса за кражу (1816), снимал квартиру в Семеновских ротах и ждал зачисления на военную службу (8 февраля 1819 г. он был определен рядовым в лейб-гвардейский Егерский полк). Подробнее об отношениях Боратынского и Дельвига см. комментарии к № 10.

68.1, ст. И. Ты ввел меня в семейство добрых Муз. Дельвиг был инициатором первых публикаций Боратынского (см. комментарии к № 1) и его первым «поверенным в поэзии и любви» (Дельвиг – Боратынскому, 8 января 1826 г.).

454

8 февраля 1826 г., вспоминая о былом, он писал Боратынскому: «На то ли я тебя свел к музам, чтоб ты променял их на беззубую хрычовку Москву» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 310, 313). В сонете «Н. М. Языкову», созданном примерно в то же время, что и комментируемое послание (сонет был зачитан на заседании ВОЛРС И декабря 1822 г., а затем опубликован в «Соревнователе Просвещения и Благотворения»), Дельвиг говорит об А. С. Пушкине и Боратынском:

Я Пушкина младенцем полюбил,  
С ним разделял и грусть и наслажденье,  
И первый я его услышал пенье  
И за себя богов благословил.

Певца Пиров я с музой подружил И славой их горжусь в вознагражденье.

(Дельвиг. Изд. 1986. С. 49)

Об этом сонете Пушкин писал Дельвигу из Одессы (16 ноября 1823 г.):

«Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной музе Баратынского» (Пушкин. Ак. Т. 13. С. 74).

68.1, ст. 13. <...> Я – ль чувствовал ея свинцовый груз <...> Типичная для Баратынского удаленная постановка местоимения (Винокур 1927. С. 78–79): притяжательное местоимение ея относится к существительному судьба, которое находится в ст. 7 (Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой <...>). Свинцовый груз <судьбы>. В. В. Виноградов (см.: Виноградов 1935. С. 305) сравнивает такое употребление с фразеологией французского fardeau ‘груз, ноша, бремя’ и приводит параллель из «Беседки Муз» К. Н. Батюшкова (1817), где к слову груз применен тот же самый эпитет: Пускай забот свинцовый груз / / В реке забвения потонет <...> (Батюшков. Изд. 1977. С. 334).

68.1, ст. 19. <...> Забытые фортуною слепой <...> Реминисценция из «Моих Пенатов» Батюшкова (1811–1812, ст. 135–136): <...> Богиню слепую // Забыт я от пелен (Батюшков. Изд. 1977. С. 264). См. комментарий к № 25.2, ст. 3–4.

68.1, ст. 32. <...> и в ведро и в ненастье <...> Об этих метафорах см. комментарий к № 30.1, ст. 28–29.

68.1, ст. 34. <...> Не полное без разделенья счастье. Существительное разделенье выражает действие по глаголу разделят в значении ‘принимать участие в чем-л.’ (см.: САР. Ч. V. Стб. 347). Ср. в послании В. К. Кюхельбекера «К моему Гению» (1818, ст. 17–18): <...> Но было время – разделенья // От братьев ждал я, от друзей <...> (Невский Зритель. 1820. Январь. С. 97). У самого Баратынского в стансах «Судьбой наложенныя цепи...»: Ко благу пылкое стремленье // От неба было мне дано; / / Но обрело-ли разделенье, / / Но принесло ли плод оно?... (№ 129.1, ст. 17–20).

И. А. Пильщиков

455

ПРОИЗВЕДЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО, ЧИТАННЫЕ В СОБРАНИЯХ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

в 1820–1822 гг.

1820

Журнал ученых упражнений Высочайше утвержденного С.-Петербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности. 1820 год (Пд. ф. 58. Оп. 1. № 97).

Дела цензурного комитета Высочайше утвержденного С.-Петербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности. 1820 год (Пд. ф. 58. Оп. 1. № 36).

19 января

ИЧ – «Послание к Д....гу. Соч. Г. Баратынского. Дост. Бароном А. А. Дельвигомъ» Резолюция: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 6 об.).

См. в настоящем издании № 18.2: Послание к Б... Дельвигу («Где ты, безпечный другъ? где ты, о Дельвиг мой...»).

[2] – «Послание к К....ву. Соч. его же. Дост. тем же»

Резолюции: «Исправить. Избрано» (Журнал. Л. 6 об.). 17 марта 1820 г. цензор поэзии ВОЛРС (и адресат послания) А. А. Крылов одобрил стихотворение к напечатанию в «Соревнователе» (Дела. Л. 227 об.).

См. в настоящем издании № 19: К-ву («Любви веселой проповедник...»).

23 февраля

[3] – «Послание к А... Соч. Е. А. Баратынского»

Резолюции: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. И). Вероятно, именно к этому стихотворению относится резолюция цензора поэзии ВОЛРС А. А. Крылова от 17 марта 1820 г. – одобрив к напечатанию в «Соревнователе» «Послание к К....ву»

Настоящий указатель составили Р. А. Евстифеева и А. Р. Зарецкий.

457

(см. выше: [2]), Крылов отметил: «Другое же его послание можно отложить до времени» (Дела. Л. 227 об.).

См. в настоящем издании № 22.2: Лиде («Твой детской вызов мне приятен...»). 22 марта

[4] – «Весна. Элегия. Соч. Е. А. Баратынского»

Резолюции: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 15).

См. в настоящем издании № 24: Весна (Элегия) («Мечты волшебныя, вы скрылись от очей!...»).

19 апреля

[5] – «Финляндия. Соч. Е. А. Баратынского»

Резолюции: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 18); «16 изб., 1 не изб. Одобрено» (Дела. Л. 253; запись от 28 апреля).

См. в настоящем издании № 25.2: Финляндия («Громады вечных скал, гранитныя пустыни...»).

[6] – «Мадригал финским красавицам. Соч. его же»

Резолюции: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 18); «16 изб., 1 не изб. Одобрено» (Дела. Л. 253; запись от 28 апреля).

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский. Варг  
См. в настоящем издании № 26: Финским красавицам (Мадригаль).  
10 мая  
[5а] – «Финляндия» зачитана секретарем общества А. А. Никитиным в собрании для  
посетителей ВОЛРС (Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. № IV. С.  
104).  
22 ноября  
[7] – «О заблуждениях и истине. Соч. Е. А. Баратынского»  
Резолюция: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 39 об.); «7 изб., 2 не изб.  
[Препровождается]» (Дела. Л. 527).  
См. в настоящем издании раздел «Проза».  
13 декабря  
[8] – «Пиры. Соч. Е. А. Баратынского»  
Резолюция: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 42 об.).  
См. в настоящем издании раздел «Поэмы».  
[9] – «Дельвигу. Соч. его же»  
Резолюция: «Одобрено. Избрано» (Журнал. Л. 42 об.).  
См. в настоящем издании № 36: «Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найд- ти...».  
458  
1821  
Дела цензурного комитета Высочайше утвержденного С.-Петербургского Вольного  
Общества Любителей Российской Словесности. 1821 год (ПД. Ф. 58. Оп. 1. № 31).  
28 февраля  
[8а] – Поэма «Пиры» зачитана Н. И. Гнедичем в собрании для посетителей ВОЛРС  
(Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821. № III. С. 420;  
Благонамеренный. 1821. Ч. 13. № IV. С. 252).  
7 марта  
[10] – «В Альбом. Соч. Е. А. Баратынского»  
Резолюция: «Все избр. Препровождается» (Л. 82).  
См. в настоящем издании № 42.2: В Альбом («Вы слишком многими любимы...»). ini-  
«Бдение. Его же»  
Резолюция: «Все избр. Препровождается» (Л. 82).  
См. в настоящем издании № 41.2: Бдение («Один с любимую мечтою...»).  
[12] – «К К...о. Соч. его же»  
Резолюция: «Все избр. У Г. Сочинителя» (Л. 82).  
См. в настоящем издании № 43: «Приманкой ласковых речей...».  
16 мая  
[13] – «Водопад. Соч. Е. А. Баратынского»  
Резолюция: «14 избр., 1 не избр. Препровождается» (Л. 139).  
См. в настоящем издании № 44.2: Водопад («Шуми, шуми с крутой вершины...»).  
[14] – «Элегия. Соч. его же»  
Резолюция: «14 избр., 1 не избр. Препровождается» (Л. 139).  
См. в настоящем издании № 30.2: <Элегия> (Н. М. К.) («Пора покинут, милый  
друг...»); № 35.2: <Элегия> («Прощай, отчизна непогоды...»).  
8 августа  
[15] – «Послание. Соч. Е. А. Баратынского»  
Резолюция: «19 избр., 2 не избр. У Г. Сочинителя» (Л. 188).  
О каком послании идет речь, неясно.  
[16] – «Элегия. Соч. Е. А. Баратынского»  
Резолюция: «Все избр. Препровождается» (Л. 188).  
См. в настоящем издании № 30.2: <Элегия> (Н. М. К.) («Пора покинуть, милый  
друг...»); № 35.2: <Элегия> («Прощай, отчизна непогоды...»).  
459  
[17] – «Цветок. Соч. его же»  
Резолюция: «Все избр. Препровождается» (Л. 188).  
См. в настоящем издании № 47.2: Цветок («Порою утренней Людмила...»).  
22 августа  
[18] – «К Риму. Соч. Е. А. Баратынского»  
Резолюция: «Все избр. У Г. Сочинителя» (Л. 193).  
См. в настоящем издании № 48: «Ты былъ-ли, гордый Рим, земли самовластител...».  
12 сентября  
[19] – «Послание I. Соч. Е. А. Баратынского»  
[20] – «Послание II. Соч. его же»  
Резолюции по обоим посланиям: «16 избр., 1 не избр. Препровождается» (Л. 198).  
См. в настоящем издании № 53: <Элегия> («Нет, не бывать тому, что было  
прежде!..»); № 54: Разуверение.  
[21] – «Прощание. Соч. его же»  
Резолюция: «Все избр. Препровождается» (Л. 198 об.).  
См. в настоящем издании № 12.2: Ш-му (в Альбомъ) («Пускай измаранный листок...»  
Страница 205

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский (вариант).

1822

Журнал ученых упражнений Высочайше утвержденного С.-Петербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности. 1822 год (Пд. ф. 58. Оп. 1. № 98).

Дела цензурного комитета Высочайше утвержденного С.-Петербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности. 1822 год (Пд. ф. 58. Оп. 1. № 38).

16 января

[22] – «К Другу. Соч. Е. А. Баратынского»

Резолюции: «Одобрено. Избр. больш. гол.» (Журнал. л. 6); «16 изб., 1 не изб. у Г. Сочинителя» (Дела. л. 25).

См. в настоящем издании № 61: «Я безразсуден – и не диво!..»; № 68.2: К Дельвигу («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»).

17 апреля

[23] – «Весна. Соч. Е. А. Баратынского»

Резолюции: «Одобрено. Избр. больш. гол.» (Журнал. л. 14); «25 избр., 2 не избр. Препровождается» (Дела. л. 103).

См. в настоящем издании № 66: «На звук цевницы голосистой...».

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ СТИХОТВОРЕНИЙ БОРАТЫНСКОГО ДЛЯ ИЗДАНИЙ 1827, 1835 И 1842 ГГ.

Впервые Боратынский собрался издать свои стихотворения отдельной книгой в 1823 году.

Летом 1823 г. К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев предложили ему выпустить сборник стихотворений и выплатили аванс – см. в письме Бестужева к П. А. Вяземскому от 23 сентября 1823 г.: «Здесь был Баратынский, у которого мы купили его сочинения за 1000 рублей» (Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 207).

Видимо, осенью – в начале зимы 1823 г. Боратынский, живя в Роченсальме, отредактировал стихотворения, предназначенные для публикации, и отправил рукопись в Петербург своим будущим издателям. Вскоре он написал им письмо, в котором просил их взять на себя труд распределения стихотворений внутри разделов (очевидно, что в рукописи было, по крайней мере, два раздела элегий): «В первой тетради они у меня переписаны без всякого порядка, особенно вторая книга элегий имеет нужду в пересмотре; я желал бы, чтобы мои пьесы по своему расположению представляли некоторую связь между собою, к чему они до известной степени способны. Второе: уведоьте, какие именно стихи не будет пропускать честная цензура: я, может быть, успею их переделать» (цит. по: Летопись. С. 127).

В январе 1824 г. в Петербурге начались усиленные хлопоты об освобождении Боратынского от принудительной солдатской службы. Во время хлопот сложилось убеждение в том, что публикация его стихотворений освобождению препятствует – см. в письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 24 марта 1824 г. из Петербурга в Москву: «<...> спешу пересказать о Боратынском. Закревский говорил и просил: обещано или почти обещано, но еще ничего не сделано, а велено доложить чрез Дибича. На этого третьего дня напустил я князя Голицына <...>. Страхусь отказа за Боратынского, ибо он устал страдать и терять надежду; но авось! <...> Повторяю просьбу: не объявлять нигде его имени под стихами» (цит. по: Летопись. С. 137). Судя по последним словам, требование не подписывать стихотворения Боратынского при их публикации Тургенев высказывал не впервые.

В тот же день, когда Тургенев писал Вяземскому это письмо, вышел очередной номер «Литературных Листков» Ф. В. Булгарина с объявлением: «Многие любите –

461  
ли Поэзии давно уже желают иметь собрание стихотворений Е. А. Баратынского, котораго прекрасныя Элегии, Послания, Воспоминания о Финляндии и Пыры, снискали всеобщее одобрение. К. Ф. Рылеев, с позволения Автора вознамерился издать его сочинения, и это будет истинный подарок для просвещенной публики» (Литературные листки. 1824. Ч. I. № 5. С. 194–195; ценз. разр. 15 марта; ценз. билет 24 марта – см.: Вацуро. СДП. С. 413).

В начале апреля 1824 г. Александр I, получив докладную записку начальника Главного штаба И. И. Дибича о представлении Боратынского к производству в офицеры, вопреки общим надеждам, постановил: «Не представлять впредь до повеления» (см.: Летопись. С. 137).

Такой ход событий принудил отложить издание стихотворений до лучшей поры. Летом 1824 г. Боратынский был в Петербурге и, попросив у Рылеева и Бестужева свою рукопись, увез ее с собой в Финляндию – «будто нечаянно», как жаловался Бестужев, подозревавший здесь козни А. Ф. Воейкова (см. его письмо к Вяземскому от 20 сентября 1824 г.: Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 223).

Перерабатывал ли Боратынский свои стихотворения в ближайшее время после того, как забрал рукопись у своих издателей, – неизвестно.

В начале мая 1825 г. он наконец был произведен в офицеры, и уже ничто не мешало ему печатать стихотворения с полной своей подписью. Но к этому времени его

Боратынский Евгений Александрович. Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский в литературные отношения с Рылевым и Бестужевым совсем разладились – см. в письме Бестужева к Пушкину от 9 марта 1825 г.: «Что же касается до Баратынского – я востал веровать в его талант. Он исфранцузился вовсе. Его Эдда есть отпечаток ничтожности, и по предмету и по исполнению, да и в самом Черепе я не вижу целого – одна мысль, хорошо выраженная, и только. Конец – мишура» (Пушкин. Ак. Т. 13. С. 149–150).

В начале октября 1825 г., при встрече с Рылевым в Москве, Боратынский вернул ему аванс (см.: Летопись. С. 163).

В эту пору А. А. Дельвиг готовил в Петербурге отдельное издание поэм Боратынского «Эда» и «Пиры» (вышло в середине февраля 1826 г. – см.: Летопись. С. 176), и, очевидно, уже тогда было решено, что издателем собрания стихотворений Боратынского станет он.

Издательство 1827 г.

Стихотворения Евгения Баратынского. М.: В типографии Августа Семена, при Имп. Медико-Хирургической Академии, 1827.

В издание вошли стихотворения, написанные в 1818–1826 гг.

В начале апреля 1826 г. Дельвиг писал Пушкину: «<...> я купил у Баратынского <...> его “Сочинения”» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 315).

462

Когда именно Боратынский отправил свои стихотворения из Москвы, где он теперь постоянно жил, в Петербург Дельвигу, – неясно.

В марте 1826 г. Дельвиг еще не получил рукопись – см. в его мартовском письме к Боратынскому: «<...> свадебные издержки посадили меня в долг около пяти тысяч. Скорая присылка твоих стихов в три месяца избавит меня от одного и доставит тебе столько же на прожиток» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 315).

К ноябрю 1826 г. рукопись стихотворений Боратынского, предназначенных для издания, несомненно, уже давно лежала у Дельвига – см. в ноябрьском письме Боратынского к Н. В. Путяте в Петербург: «Доставил ли ты письмо мое Дельвигу? я не получаю от него ни строчки. Сделай милость, попеняй ему и узнай, печатаются ли мои сочиненья или нет. Скажи Дельвигу, что я на него очень сердит. Три письма мои к нему остались без ответа» (цит. по: Летопись. С. 184).

В начале января 1827 г. Дельвиг утешал Боратынского: «Твои стихотворения в цензуре, в феврале выйдут в свет. Справься у ваших книгопродавцев, сколько экземпляров им надобно, не уступай им более двадцати процентов и напиши мне. Я их тебе и пришлю, и ты сейчас по получении будешь иметь деньги» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 322 – здесь письмо ошибочно датировано: 3 декабря 1826; передатировку: 3 января 1827 – см.: Летопись. С. 188).

Однако на самом деле Дельвиг отдал рукопись в цензуру только через две недели, 16 января 1827 г. – см. его прошение в Главный цензурный комитет: «По поручению отставного прапорщика Евгения Абрамовича Баратынского предполагая издать в свет при сем прилагаемую рукопись под заглавием «Стихотворения Е. Баратынского», имею честь представить оную на основании §§ 50 и 51-го высочайше утвержденного 10-го июня прошлого 1826 года устава о цензуре, прося покорнейше дать мне позволение к напечатанию оной» (Дельвиг. Изд. 1986. С. 323).

Как шло издание после этого – можно только предполагать.

По неизвестным причинам рукопись «Стихотворений Евгения Баратынского» была отправлена в Москву.

17 марта 1827 г. она была представлена в Московский цензурный комитет и к 21 марта – процензурована; было исключено одно стихотворение – «Леда» (см.: Оксман 1922. С. 339). Согласно указанию на обороте титульного листа книги, цензурное разрешение выдано 28 марта 1827 г. цензором И. М. Снегиревым.

В Москве изданием ведал Н. А. Полевой (условия и подробности перепродажи прав на издание неизвестны).

К 21 сентября 1827 г. книга была отпечатана – в этот день выдан цензорский билет на ее выход (см.: Летопись. С. 197), но до публики она дошла только через полтора месяца – см. объявления о выходе и продаже «Стихотворений Евгения Баратынского» в конторе «Московского Телеграфа»: Московские Ведомости. 1827. № 90. 9 ноября. Приложение; Московский телеграф. 1827. Ч. XVII. № 19. Отд. I. С. 225 (номер «Московского Телеграфа» вышел к 19 ноября – см.: Московские Ведомости. 1827. 19 ноября. № 93. С. 3789). К 25 ноября 1827 г. Боратынский,

находившийся в это время в Маре, получил экземпляры книги – см. его благодарственное письмо к Полевому (Летопись. С. 198).

Издательство 1835 г.

Стихотворения Евгения Баратынского.

Часть I < Стихотворения >; Часть II < Поэмы >.

Собрание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский. М.: В типографии Августа Семена, при Императорской Академии, 1835.

В издание вошли стихотворения, написанные в 1818–1832 гг. (Часть I), и поэмы (Часть II).

В 20-х числах сентября 1832 г. в Москву приезжал А. С. Пушкин. О его встречах с Баратынским в это время см. в письме к Н. Н. Пушкиной: «Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? <...> Мы всякой день видимся» (Пушкин. Ак. Т. 15. С. 37; письмо, датируемое 28–30 сентября 1832). Очевидно, именно тогда Пушкин обещал Баратынскому поговорить с петербургским книгопродавцем А. Ф. Смирдиным об издании его нового собрания сочинений.

2 декабря 1832 г. Пушкин писал П. В. Нащокину в Москву: «Скажи Баратынскому, что Смирдин в Москве и что я говорил с ним о издании полных Стихотворений Евг. Баратынского. Я говорил о 8, и о 10 тыс., а Смирдин боялся, что Баратынский не согласится; следственно Баратынский может с ним сделаться. Пускай он попробует» (Пушкин. Ак. Т. 15. С. 37).

Очевидно, что Баратынский быстро договорился со Смирдиным. В «Реестре книг, печатаемых на собственное иждивение книгопродавца Смирдина в 1833 году» значатся «Стихотворения Евгения Баратынского, 3 части, <число листов> 45, <число экземпляров> 2000, за право оригинала 7000 <руб.>, <издержки для печатания> 5000 <руб.>, <цена продажная> 12 <руб.>» (Светлов 1984. С. 123).

7 марта 1833 г. (согласно указанию на оборотах титульных листов книги) было подписано цензурное разрешение.

14 марта 1833 г., при рассмотрении рукописи на заседании Санктпетербургского цензурного комитета, по представлению цензора Н. И. Бутырского были запрещены к печати фрагменты из стихотворений «Завыла буря; хлябь морская...» (см. № 92 в настоящем издании); «Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...»); в итоге стихотворение в Изд. 1835 не вошло – см. № 10.1); «К чему невольнику мечтания свободы?..» (см. № 179); «Как много ты в немного дней...» (см. № 98); в стихотворении «Сердечным нежным языком...» (см. № 140) была запрещена 8-я строка (см.: Оксман 1922. С. 13–14). Вероятно, в марте 1833 г. в цензуру была представлена рукопись только стихотворений – характерно отсутствие цензурских претензий к поэмам.

После цензурирования рукопись была отправлена из Петербурга к московскому книгопродавцу и издателю А. С. Ширяеву (условия и подробности перепродажи Смирдиным прав на издание неизвестны).

30. Баратынский. Том 1  
465

Во второй половине мая 1833 г. Баратынский с семейством уехал в Мару и вернулся в Москву только в марте 1834 г. (см.: Летопись. С. 309, 322). В течение второй половины 1833 г. Ширяев порциями высылал Баратынскому корректурные листы для вычитки и правки – см. письмо Баратынского к И. В. Киреевскому из Мары в Москву от 4 августа 1833 г.: «Ежели увидишь Ширяева, сделай одолжение, скажи ему, что я весьма неисправно получаю корректуру. Лист должен оборотиться в три недели, а он оборачивается в пять. Ежели все так пойдет, то я не напечаюсь и к будущему году» (цит. по: Летопись. С. 314).

Несомненно, это была корректура только первой части книги – со стихотворениями, а до поэм дело еще не дошло. Так можно думать по двум причинам: во-первых, потому, что обе части «Стихотворений Евгения Баратынского» (Часть I: Стихотворения; Часть II: Поэмы) вышли в свет не «к будущему году», а почти через два года – только в апреле 1835 г.; во-вторых, потому, что единственное свидетельство о том, что Баратынский вычитывал корректуру поэм, датируется значительно более поздним временем – ноябрём следующего, 1834 года (см. ниже). Стихотворения были полностью набраны к концу 1833 г. и, очевидно, тогда же был получен цензурский билет. Сохранился экземпляр книги (ГЛМ, инв. № 92742) с дарственной надписью: «Александру Ивановичу Тургеневу Е. Баратынский». Видимо, именно этот экземпляр и был представлен в цензуру в конце 1833 г. – на нем сохранились следы от красных сургучных печатей, которыми, очевидно, был прикреплен к книге цензурский билет.

Особенности этого экземпляра в том, что первая часть книги – со стихотворениями – напечатана на бумаге, имеющей водяные знаки только 1833 года, а на титульном листе первой части стоит дата: 1833 (см.: Светлов 1984. С. 123–128). Титульный лист второй части, где напечатаны поэмы, утрачен.

Из истории подготовки к печати второй части известно лишь то, что в ноябре 1834 г. Баратынский завершал чтение корректуры последней из поэм, вошедших в эту часть, – см. его ноябрьское письмо к свояченице Соничке Энгельгардт из Мары или Казани в Москву: «Вот тебе, моя душечка, корректура. Похлопочи обо мне. <...> Вот тебе еще поручение. В 4-й главе Наложницы я было уничтожил последнюю тираду со стиха: Елецкой, проводив гостей. Я ее возобновляю и пишу об этом в



брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вара  
типографию, но боюсь, что меня не поймут. Прежде, нежели мне пошлешь корректуру,  
взгляни на нее и, ежели мое желание не исполнено, отошли назад и вели им  
растолковать, в чем дело» (цит. по: Летопись. С. 324).  
К 20-м числам января 1835 г. обе части книги получили цензорское разрешение на  
выход – см. дневниковую запись А. И. Тургенева от 22 января 1835 г.:  
«Баратынский привез ко мне экз<емпляр> нового издания своих сочинений» (цит. по:  
Гиллельсон 1964. С. 476; речь идет об экземпляре, хранящемся сейчас в ГЛМ).  
Тираж издания был отпечатан к 20-м числам апреля (см. объявление о продаже  
книги: Московские Ведомости. 1835. 20 апреля. № 32. С. 1580).  
А. Р. Зарецкий, А. М. Песков  
466

Издание 1842 г.

Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского.

М.: В типографии А. Семена, при Имп. Медико-Хирургической Академии,  
1842.

В издание вошли стихотворения, написанные во второй половине 1834 – 1841 г.  
Книгу «Сумерки» Боратынский издавал без посредников. Очевидно, в начале января  
1842 г. рукопись была отдана Августу Семену – содержанию той московской  
типографии, где в свое время печатались два предыдущих собрания стихотворений  
Боратынского.

14 января 1842 г. рукопись поступила в цензуру.

Цензурный экземпляр «Сумерек» (Пд. ф. 33. Оп. 1. № 43) представляет собой  
тетрадь в 4- долю листа, в синей обложке; стихотворения записаны неизвестной  
рукой, одним почерком; рукопись содержит правку Боратынского и вставки,  
сделанные рукой Н. Л. Боратынской.

На обложке рукописи – запись неизвестной рукой: «Из типографии А. Семена Г.  
Цензору Флорову».

На титульном листе (л. 1) рукой Боратынского написано:

Сумерки

[Сон зимней ночи]

Сочинение

Евгения Боратынского.

Москва 1842ш Года

Первоначальное заглавие – «Сон зимней ночи» – было зачеркнуто и над ним вписано  
новое – «Сумерки» – очевидно, после возвращения рукописи из цензуры.

Вверху титульного листа запись неизвестной рукой: «№ 14 генваря 14 1842 года» –  
день поступления рукописи в цензуру; внизу той же рукой, что на обложке: «Из  
Типографии Семена».

Рукопись содержит цензорские пометы на стихотворениях «Последний поэт»,  
«Недоносок», «Тщето, меж бурною жизнью и хладною смертью, философ...», «Бокал»,  
«Толпе тревожный день приветен, но страшна...», «Рифма»; стихотворения «Были  
бури, непогоды...» и «Еще, как патриарх, не древен я; моей...» отмечены к  
исключению целиком. Запретительные пометы цензора вызвали ответную реакцию  
Боратынского: у стихотворений «Бокал», «Были бури, непогоды...», «Еще, как  
патриарх, не древен я; моей...», «Толпе тревожный день приветен, но страшна...»,  
«Рифма» он указал журналы, где эти стихотворения были опубликованы. Кроме  
468

того, Боратынский внес требуемую цензурой поправку в заключительной строке  
стихотворения «Недоносок» и сделал в нескольких стихотворениях ряд поправок, не  
связанных с цензурными требованиями. Более подробное описание цензурного  
экземпляра «Сумерек» см. в комментариях к разделу «Сумерки» в третьем томе  
настоящего издания.

Цензурное разрешение, согласно указанию на обороте титульного листа книги, было  
выдано 10 марта 1842 г. И. М. Снегиревым – старым знакомым Боратынского,  
цензуравшим еще издание 1827 года.

К 20 мая 1842 г. «Сумерки» поступили в продажу (см. объявление о выходе книги:  
Московские Ведомости. 1842. 20 мая. № 40. Прибавление. С. 589).

Е. О. Ларионова, А. М. Песков

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://baratynsky.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,  
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет  
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

брание сочинений и писем. Том 1. Стихотворения 1818 – 1822 годов. Евгений Абрамович Баратынский вага  
сайтов. Интеграция, Хостинг.  
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография  
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>  
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!